

**1000 лет вместе:
ключевые моменты
истории
России и Греции**

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**1000 лет вместе:
ключевые моменты
истории
России и Греции**

Москва
2018

УДК 93/94
ББК 63.3(0)
Т93

Ответственный редактор:
О. В. Соколовская

Рецензенты:

д. и. н. С. В. Близнюк,
МГУ им. М.В. Ломоносова
к. и. н. А. С. Лубоцкая,
РАНХиГС
к. и. н. П. А. Искендеров,
ИСл РАН

1000 лет вместе: ключевые моменты истории России и Греции.

Т93 Сб. статей / Отв. редактор О. В. Соколовская. – М.: Институт славяноведения РАН, 2018. – 440 с.: ил.

ISBN 978-5-7576-0401-5

Сборник статей подготовлен по результатам Международной научной конференции под одноименным названием: «1000 лет вместе: ключевые моменты истории России и Греции», проведенной Институтом славяноведения РАН и Греческим культурным центром в Москве в сентябре 2016 г. и приуроченной к перекрестному году культур России и Греции.

В книге рассматриваются общие страницы прошлого, духовные и культурные контакты, политические, экономические и международные связи, роль россиян и греков в их установлении и развитии.

Статьи сборника, написанные ведущими учеными-эллинистами из России, Греции и Сербии, объединены темами конференции: «Россия и греческий мир сквозь века», «Греки в истории России XVI–XIX вв.», «Российско-греческие отношения в XIX–XXI вв.», «Греки в культуре России».

Книга предназначена для историков, аспирантов, студентов профильных вузов и широкого круга читателей, всех любящих и интересующихся греческой историей.

УДК 93/94
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-7576-0401-5

9 785757 604015

© Коллектив авторов, 2018
© Институт славяноведения РАН, 2018

Оглавление

Слово к читателю 5

Россия и греческий мир сквозь века

A. A. Улунян. 1000 лет: между «византино-славикой» и «эллино-rossиской»	8
M. B. Бибиков. Византийская традиция греко-русского православия: единство сквозь века	18
M. X. Тезиева. Еще раз к вопросу о языке тавров.....	35

Греки в истории, литературе и культуре России XVI–XXI вв.

T. A. Опарина. Царский переводчик Иван Дмитриев Селунский: аристократ в приказной системе Московского государства	44
A. П. Богданов. Политическая публицистика братьев Лихудов (вторая половина 1680-х – начало 1690-х годов)	68
T. M. Фадеева. Отношения Россия—Венеция в конце XVIII века, и маркиз Пано Маруцци (1730–1799), венецианский грек на службе России.....	82
Г. Л. Арш. Палладоклис — греко-русский писатель и дипломат	100
E. П. Высоцкая. Морская династия Алексиано-Сарандинаки	110
T. Малкидис. Семья Ипсиланти: Греция и Россия	122
I. M. Захарова. Антон Константинович Псаро: материалы к биографии	129
Феодора Янницы. Экспедиция Д.Н. Сенявина в Адриатике и Архипелаге (1805–1807)	155
O. E. Петрунина. Афон и Русский монастырь накануне и в период греческой революции 1821 г. ...	165
C. A. Пинчук-Галани. О трансформации одного исторического мифа. Что на самом деле отвели балаклавские греки царю	185
A. Ю. Донской. Балаклавский Греческий пехотный батальон в истории Российской империи ...	193
O. E. Петрунина. Российский дипломатический агент в Каире И.М. Лекс (1868–1883) и греки Египта	207

Н.М. Терещук. Участие греков в севастопольском городском управлении (конец XVIII – начало XX в.).....	226
Ю.Д. Пряхин. Греки в создании и развитии архитектурного облика Санкт-Петербурга	245
Российско-греческие отношения в XIX–XXI вв.	
В.А. Занина. Предпосылки открытия российского консульства на Крите: история и современность.....	258
О.В. Соколовская. Российский императорский флот и Греция во второй половине XIX – начале XX в.	270
А.Н. Журавская. Греческая королева Ольга Константиновна. Петербургские визиты.....	291
Е.С. Скворцова. Восстановление дипломатических отношений между СССР и Грецией	299
И.Л. Жалнина-Василькиоти. Роль греческого коллекционера А.Э. Бенаки в судьбе русского художника Н.В. Шперлинга.....	308
М.И. Розенко. Греки Севастополя и Балаклавы: проблемные вопросы образования, сохранения культурных особенностей и национальных традиций в период 1920–1950-х годов	321
Александр Животич. Советский союз и югославско-греческие отношения (1944–1949). Почему Югославия прекратила помогать греческим партизанам.....	337
А.Г. Зойтакис. Православная церковь в Греции и партизанское движение в 1941–1944 гг.	359
А.А. Калинин. Греция в политике Советского Союза в 1945–1949 гг.	377
Т.В. Никитина. Российско-греческие связи в 70-е годы XX в. (по материалам Архива внешней политики Российской Федерации)	396
Ю.Д. Квашнин. Проблемы и перспективы экономических отношений России и Греции	412
К.В. Власова. Греческая Республика перед вызовами современного миграционного кризиса в Европейском союзе	427

Слово к читателю

2016-й год был объявлен перекрестным годом культуры России и Греции. Ему была приурочена, в частности, российско-греческая научная конференция под характерным названием: «1000 лет вместе: ключевые моменты истории России и Греции». Она состоялась в Москве 19–20 сентября 2016 г. и была организована Институтом славяноведения РАН (традиционно изучающим все балканские народы) совместно с московским «Греческим культурным центром» (ГКЦ). В конференции приняли участие ведущие российские и греческие ученые-эллинисты из различных академических институтов Москвы и Санкт-Петербурга, Севастополя, научных центров Республики Северная Осетия (Алания), Дагестана, исторических факультетов МГУ им. М.В. Ломоносова, РГГУ, ВШЭ, МГИМО МИД РФ, МАРХИ, Вятского ГУ, из Украины, греческие ученые и преподаватели Афинского, Салоникского и Янинского университетов, ученые из Сербии, историки-архивисты, дипломаты и общественные деятели.

Открыли конференцию директор Института славяноведения РАН, д.и.н. К.В. Никифоров и директор ГКЦ в Москве, к.и.н. Теодора Янницы. С искренне теплыми приветствиями выступили чрезвычайный и полномочный посол Греческой Республики в РФ Андреас Фригanas, чрезвычайный и полномочный посол Республики Кипр в РФ Георгиос Касулидис, председатель правления Ассоциации культурного и делового сотрудничества и дружбы с народами Греции и Кипра «Филия» Г.Л. Муратов, а также послы — председатель Общества Дружбы «Россия–Греция» А.Н. Алексеев и А.В. Вдовин.

По единодушному мнению выступавших, изучение и распространение знаний о тысячелетних российско-греческих отношениях способствуют взаимному уважению и дальнейшему сближению русских и греков. Андреас Фри-

ганас отметил, в частности, многогранность российско-греческих связей и многочисленность людей, сыгравших значительную роль в их укреплении. Георгиос Касулидис подчеркнул, что «достоверное научное знание — прочный фундамент для строительства хороших отношений во всех сферах: политике, экономике, торговле, туризме». Рефреном звучали слова о том, что «общие страницы прошлого греческого и русского миров дают нам источник для лучшего понимания, доверия и взаимодействия наших народов, как бы трудно ни складывались обстоятельства в настоящем или в будущем».

Обширная программа конференции, а всего на ней с докладами выступило более 60 человек, охватила широкий спектр отношений между двумя народами. Рассматривались общие страницы прошлого, духовные и культурные контакты, политические, экономические и международные связи, роль россиян и греков в их установлении и развитии.

По результатам этой конференции Институт славяноведения РАН подготовил научный сборник под одноименным названием: «1000 лет вместе. Ключевые моменты истории России и Греции». Статьи сборника объединены темами конференции: «Россия и греческий мир сквозь века», «Греки в истории России XVI–XIX вв.», «Российско-греческие отношения в XIX–XXI вв.», «Греки в культуре России». Книга предназначена для историков, аспирантов, студентов профильных вузов и широкого круга читателей, всех любящих и интересующихся греческой историей.

Институт славяноведения РАН далеко не в первый раз обращается к теме российско-греческих отношений, в том числе публикую результаты научных конференций. Так, предыдущий сборник «Греки Балаклавы и Севастополя»* был издан по итогам международной конференции, прошедшей в Институте славяноведения РАН в ноябре 2012 г.

* Греки Балаклавы и Севастополя. М., 2013.

Россия и греческий мир сквозь века

Артём Акопович УЛУНЯН,
д.и.н., гл.н.с. ИВИ РАН

1000 лет: между «византино-славикой» и «эллино-rossикой»

Одним из значимых аспектов отмечаемого 1000-летнего юбилея является продолжающий сохраняться парадокс, суть которого можно было бы сформулировать в виде названия, предложенного для данной статьи.

Перенос в 330 г. столицы формально единой Римской империи ее императором Константином I в Константинополь, названный «Новым Римом», а затем фактическое разделение империи императором Феодосием I в 395 г. с последующим проведением между западной и восточной частями империи условной границы — линии, носящей до сих пор его имя¹, определило судьбу взаимоотношений двух ставших де-факто самостоятельными империями с внешним миром, включая его славянский компонент. После крушения в 476 г. западной части Римской империи произошла окончательная легитимация образа подлинной, «единственной Римской империи», представленной ее восточной частью. Продолжающиеся до сих пор дискуссии о характере Византийской империи, историческое самоназвание которой продолжало сохраняться в виде Ρωμαϊκή Αυτοκρατορία, при всем богатстве историографической традиции и существующих школ, тем не менее, концентрируются при обсуждении «византийской идентичности» и римско-имперском наследии на нескольких основных группах проблем.

Первый комплекс из них достаточно популярно излагался французской исследовательницей греческого происхождения Э. Гликадзи-Арвелер, которая выделяла особый византийский национализм, имперализм, патриотизм и эллино-православный патриотизм. В пер-

вую очередь она обращала внимание на то, что «многие стороны жизни, как и византийские институты, свидетельствуют о глубине явления, которое называют “милитаризация Византийской империи”». При этом она подчеркивала влияние этого фактора на мораль византийского общества². Особое значение придавалось исследовательницей в данном процессе роли византийской армии, которая характеризовалась как «национальное войско» (ο εθνικός στρατός). Более того, именно оно в построениях Гликадзи-Арвелер получало оценку «новой армии», которая «не служила экспансионистской политике, диктовавшейся универсалистской римской идеей, а вела уверенно и с гораздо большей решимостью борьбу за спасение родины. Византия, таким образом, отказывается от масштабной римской идеи с тем, чтобы принять идею защиты родной земли, родины тех самых воинов, на которую посягают противники, являющиеся врагами государства и религиозной веры византийцев»³. Таким образом, военная составляющая в данном концепте играла одну из решающих ролей в определении имперской идентичности Византии.

Близкой к затронутой проблематике (но имеющей свою специфику) является группа вопросов в контексте темы «византийской идентичности» и государственно-имперской традиции. Она была затронута одним из ведущих греческих византинистов Я. Кааяннопулосом (1922–2000). По его мнению, «византийцы чувствовали себя не иначе как граждане одного государства, римского, и везде и всегда неуклонно позиция византийских императоров заключалась в том, что они рассматривали свое царство как продолжение царства древних римских императоров»⁴. Закрепление за ним имперского статуса в новых условиях предусматривало сочетание нескольких элементов, в связи с чем греческий ученый отмечал: «Удивительным образом Божественное Проведение организовало мирскую жизнь, чтобы стать новым Imperium “избранным судом” (“οκεύος εκλογής”) для распространения христианского слова и спасения человеческого рода. Практически с самой эпохи Августа объединила мир, призвала к под-

чинению варваров, упразднила границы между народами и таким образом создала колыбель, где рождается Богочеловек и будет распространяться его учение. И даже сделал возможным существования одного языка, понятного всем, греческого, который облегчил бы быстрейшее распространение христианского учения. Эта многомудрая работа Божественного Провидения начала реализовываться с эпохи Константина Великого. Человечество видит с того времени, как становится реальностью порядок, который предполагало Божественное Провидение: новая Imperium Romanum, где существует христианская вера и христианский духовный закон, духовная традиция эллинизма, римское право и римская организация государства»⁵.

В этой связи для определения характера конструкта «византино-славики» важными являлись идентичность и традиция, а само явление определяется не только хронологическим периодом с VI по XV в. и появлением таких феноменов, как Византийская Склавиния или путь из варяг в греки (X–XIII вв.) (последнее лишь подчеркивало в восприятии Византии именно ее греческий характер), но и прежде всего «восточно-римским» влиянием на приграничное славянство в грекоязычной форме и с графическим инструментом в виде особой письменной системы. Постепенный переход на нее, как более близкую греческой по своему начертанию систему письма, стал еще одним важным фактором не просто эллинизации, а прежде всего конфессионализации конструкта «византино-славики». Появление «второго» Рима на крайнем юго-востоке Европы и сам факт позиционирования империи как Римской — Рωμαϊκή Αυτοκρατορία — обуславливали двойственность в восприятии славянством этого образования, с одной стороны, как наследника некогда большого римского государства и «настоящей Римской империи», а с другой — как «греческого царства».

Конфессионально-политический образ Византии в политическом и культурном пространстве приграничного славянства на этапе формирования крупных славянских государственных образований способствовал выдвиже-

нию в рамках процесса их легитимации особой, обусловленной самим ходом истории, концепции, получившей известность в общеевропейской традиции политогенеза название «переноса империи» (*translatio imperii*). Являясь основой вполне конкретного геомифа, призванного легитимировать власть конкретного суверена и обеспечить подтверждение главенствующей роли и места соответствующего государственного образования на международной арене и во взаимоотношениях с другими государствами, она базировалась на тезисе поступательного исторического развития, в результате которого якобы происходит географическое наследственное перемещение империи в конкретную страну, что наделяет ее правителя всеми атрибутами властителя-императора.

В какой-то степени «концепция “Рима” в большей степени [выступает] как гибкая идея, чем нечто установленное в конкретном пространстве и конкретном времени представляет собой суть империи как дискурса... Важным является тот факт, что византийцы сами себя не называли византийцами, они считали себя и рассматривались в остальном мире как ромеи⁶, римляне. Смущало то, что они обращались ко всем людям с Запада как к латинянам, отличным от римлян»⁷. Следует отметить, что уже намного позже, на начальном этапе греческого Пророчества, среди греческих идеологов национального Возрождения тема самоидентификации современных греков превращалась в предмет серьезного политического спора, а концепты этнонимов «ромеиос» и «эллинас» носили ярко выраженный характер противопоставления⁸.

Эта теория получила широкое развитие в средневековой Европе в XII–XIV вв.⁹, в частности, в виде сформулированного в германских землях Оттоном Фрейзингским (XII в.) концепта переноса империи из Рима в Византию, в землю франков, лангобардов и в конечном счете к германцам. Подобный концепт был призван легитимировать «новую» Великую Римскую империю как наследницу «древней» Римской империи. Во Франции подобная концепция (*translatio imperii*) была сформулирована также в XII в. Крестьеном де Труа. В соответствии с его построе-

ниями произошел перенос империи из древней Греции в пространство Римской (имеется в виду древней) империи, а затем во Францию. Автором британского аналога подобного конструкта являлся в XIV в. Ричард де Бьри, выстроивший схему *translatio imperii* от Афин к Риму, Парижу и затем уже к Англии. В европейской историософской традиции основой данной теории являлись как литературный компонент, сформулированный Вергилием в «Эниаде» о переносе Троянского царства в Италию, где была основана новая Троя — Рим, так и конфессиональный, в виде тезиса о четырех сменяющих друг друга царствах в Книге пророка Даниила. Появление этих европейских идеологических конструктов относится к периоду существования Византийской империи и в них не делается исключительный акцент именно на византийский опыт или наследие, что объяснялось отказом признавать ее предтечей этих государственных образований, претендовавших на имперский статус. Более того, сам Константинополь не выступал в форме «Второго Рима», т. е. центра, а в случаях, когда и говорилось о Византии, ссылка на нее, а не на «имперскую» столицу — город Константина.

Совершенно в ином виде предстает подобная теория в так называемой византино-славике. В славянской традиции она преследовала вполне конкретную конъюнктурную цель обеспечить соответствующим славянским государственным образованием прежде всего равную с Византией легитимность на международном уровне во взаимоотношениях именно с Византийской империей. Первые попытки формулирования концепта были предприняты ближе к середине XIV в. сербским царем Стефаном Душаном, объявившим себя в 1346 г., в силу имевшихся династических связей с Византией, царем сербов и греков. Аналогичные претензии были сделаны в этот же период болгарским царем Иваном Александром (или Иоанном-Александром), также обладавшим династическими связями с Византией. Однако, как в первом, так и втором случае, акцент делался именно на греческий характер процесса *translatio imperii*, т. е. фактически признание Византии греческим государством.

В российско-московской традиции конструкция геомифа «переноса империи» относится уже к поствизантийскому периоду (конец XV – начало XVI в.) и в отличие от конъюнктурного характера конструктов Стефана Душина и Иоанна-Александра, вынужденных противостоять Византийской империи и стремившихся легитимировать свои внешнеполитические планы с помощью этой концепции, идеологема «Москва – Третий Рим» использовалась для доказательства первенства Московского княжества и его наследников – римских и византийских императоров в их борьбе с главами других существующих соседних русских княжеств. Легитимация не столько имперского пространства, «перенесенного» из Византии, сколько наследия этого государства – таковым становилось отличие «московской» интерпретации концепта *translatio imperii* от западноевропейского.

Наряду с событиями на Ферраро-Флорентийском соборе 1438–1445 гг. и падением в 1453 г. Константинополя-Царьграда, признававшегося в российско-московской политической традиции того времени как конфессионально-политический центр, именно этим промежутком можно хронологически датировать окончание периода «византино-славики» как особого этапа в политическом и культурно-историческом пространстве взаимоотношений Византии с Московским государством. На каноническом уровне это начало выражаться в стремлении последнего выйти из-под традиционного политического влияния Константинополя, который ныне уже не являлся центром христианской империи. Замещение «византино-славики» в «московской» традиции происходит уже новым, который условно можно назвать «эллино-rossикой». В определенной степени этому способствовал имевший политическое значение брак Ивана III и Софьи Палеолог в 1472 г.

С одной стороны, новая идеино-политическая конструкция развивалась в условиях еще формировавшегося централизованного Московского государства, постепенно приобретавшего черты расширявшейся континентальной империи, а с другой – уже при отсутствии на карте мира как государства Византийской империи. Идеологи-

ческая основа конструкта «эллино-rossики» имела культурно-конфессиональный и политико-этатистский характер, что было продемонстрировано событиями, вокруг и после провозглашения в 1589 г. Московского патриархата. *Translatio imperii* в данном случае происходило не просто от Византии к Московскому государству с центром в Москве, а от греческой империи, какой рассматривалась Византия, к русскому государству. Особое значение приобретает образовательный характер обращения к греческому наследию, что нашло свое проявление в создании в 1687 г., практически спустя 100 лет после провозглашения Московского патриархата, Славяно-греко-латинской академии. В определенной степени ее появление, несмотря на конфессиональный характер данной институции, было отражением общего для средневековой Европы, хотя и намного раньше, чем в России, интереса к наследию античности, прежде всего Древней Греции и Древнему Риму. В силу объективных обстоятельств место «греческого Константинополя», ставшего столицей Османской империи, хотя и не отвергаемого как конфессиональный символ, начинает все более замещаться связями с балканской Грецией — Афоном. При всем конфессионализме этого процесса, тем не менее, можно отметить его значение для становящихся все более политическими интересов Москвы к собственно грекам. На формулирование внешнеполитической позиции зарождавшейся империи оказывал влияние комплекс конфессиональных и этнических факторов в целях оправдания своих действий на международной арене. Соперничество с Османской империей привело к появлению доктрины «защиты христианского православного» населения за пределами Российской империи. Внешнеполитические действия последней, направленные на расширение имперского пространства на юго-западном направлении в северо-причерноморской зоне, и включение в состав империи территорий на юге с греческим старожильческим населением, а также миграционные процессы с Балкан в новые южные области способствовали развитию идеологических концептов, призванных обеспечить реализацию им-

перских внешнеполитических устремлений. К их числу относились проекты князя Миниха относительно захвата Константинополя в конце 30-х гг. XVIII в. и проект возрождения греческого государства в 1762 г., а также так называемый «Греческий проект» Екатерины II, который относится к осени 1782 г., последовавший после очередной русско-турецкой войны, и автором которого являлся Г. Потёмкин. Он предусматривал не только воссоздание Византийской империи под названием Греческая, но, прежде всего, занятие ее престола представителем дома Романовых. Формулирование этих проектов соседствовало с особым покровительством грекам со стороны российской государственной власти, особенно в регионе Северного Причерноморья, где многие города получили даже греческие названия, что подчеркивало значение данного проекта для российской государственной власти.

События следующего, XIX столетия продемонстрировали определенные изменения конструкта «эллино-россики». Это нашло свое отражение в позиции правивших кругов Российской империи и общества к воссозданию греческой государственности. При этом следует отметить, что на первом этапе греческого восстания 1821 г. российская власть достаточно негативно воспринимала происходящее, руководствуясь небезызвестными принципами, заложенными в идеологическом конструкте, а по сути внешнеполитической программе «Священного охранительства», ставшей основой недолговечного и исключительно непрочного «Священного Союза». Формирование греческой государственности проходило в условиях национально-освободительной борьбы и активного участия великих держав, закрепивших за собой статус покровителей новогреческого государства. На уровне международной политики процесс определения своих внешнеполитических интересов как Грецией, так и Россией в силу объективных причин серьезно повлиял на существовавший уже несколько веков концепт «эллино-rossики», способствуя его постепенному ослаблению. Идеологические доктрины и научно-культурные теории, получившие распространение в политических и общественных кругах

обеих стран, являлись отныне различными формами ретроконцепта пространственного «неовизантизма». В первом, греческом, случае, это был «эллино-византизм», обусловленный необходимостью объединения населяемых греками территорий в границах единого государства. Во втором, российском, случае, «неовизантизм» идеологически обосновал вполне практическую внешнеполитическую задачу захвата Константинополя и Проливов. В ряде случаев конструирование «неовизантизма» в рамках этнонациональной парадигмы в среде зарубежных славян (в частности, сербов) преследовало в новейшее время вполне конкретные политические цели¹⁰.

Более того, провозглашение Санкт-Петербургом явно рассчитанного на «внешнюю» аудиторию принципа покровительства славянского и христианского населения в Османской империи (на фоне вполне конкретной, проводимой властями Российской империи политики в отношении и славян, и православных в ее западных губерниях политики) также находилось в явном противоречии с выдвигавшимися в Греции внешнеполитическими программами. Таким образом, конструкт «эллино-российский» прекращал свое существование в виде постулированной идеологической доктрины и сохранялся лишь на уровне общественной памяти в определенных общественных слоях двух стран как конкретный знаковый символ, выступающий уже элементом более общего концепта конфессиональной культурно-исторической солидарности, апелляция к которой носила нередко политический континентальный характер.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О роли и месте этого явления в политической и культурной жизни современных государств см.: Улунян А. А. «Линия Феодосия I»: Историческая география в современной албанской общественно-политической публицистике // Историческая география. Отв. ред. И. Г. Коновалова. М., 2016. Т. 3. С. 385–405.

² Γλύκατζη-Αρβελέρ Ε. Η Πολιτική Ιδεολογία της Βυζαντινής Αυτοκρατορίας, Μτφρ. Τούλα Δρακοπούλου. Ψυχογιός. Αθήνα, 2007. Σ. 42.

³ Στό ίδιο.

⁴ Καραγιαννοπούλος Ι.Ε. Η πολιτική θεωρία των Βυζαντινών. Θεσσαλονίκη. 1992. Σ. 7.

⁵ Στό ὄδιο. Σ. 8.

⁶ См.: *Kaldellis A. Hellenism in Byzantium: The Transformations of Greek Identity and the Reception of the Classical Tradition*. Cambridge University Press. New York, London, 2007.

⁷ *Foster R. Mapping European Empire: Tabulae Imperii Europaei*. Rutledge, Abington, 2015. P. 15.

⁸ *Данова Н. Националният въпрос в гръцките политически програми през XIX век*. София, 1980.

⁹ До сих пор классической и ставшей уже хрестоматийной является работа В. Гёца: *Goez W. Translatio Imperii: ein Beitrag zur Geschichte des Geschichtsdenkens und der politischen Theorien im Mittelalter und in der frühen Neuzeit*. Tübingen, 1958.

¹⁰ *Pantrlić B. The last Byzantines: perceptions of identity, culture, and heritage in Serbia // Nationalities Papers. The Journal of Nationalism and Ethnicity*. 2016. Vol. 44. Iss. 3. P. 430–455.

**Михаил Вадимович БИБИКОВ,
д.и.н. ИВИ РАН,
проф. МГУ им. М.В. Ломоносова**

Византийская традиция греко-русского православия: единство сквозь века*

Крещение Руси в 988 г., несомненно, придало мощный импульс тесному культурному взаимодействию Византии и Руси. Однако это событие имеет глубокую предысторию, относящуюся еще ко второй трети IX в. Тогда, судя по одному из посланий Константинопольского Патриарха Фотия, росы, оказавшись у Константинополя, приняли христианство, и к ним направили византийского иерарха. Таким образом, появление греческого клира в русской среде произошло более чем на сто лет раньше христианизации Руси князем Владимиром. Представление о Руси как христианской, дружественной Византии держалось с конца IX в. не только в греческих памятниках, но, отчасти, если судить по «Уставу князя Владимира» в составе «Софийской кормчей» XIII в. и по предисловию к «Киево-Печерскому патерику» и «Минеям-Четым», и в русской традиции, восходящей к греческим источникам.

Византийское «Жизнеописание императора Василия», составленное в середине X в. при непосредственном участии Константина Багрянородного, хорошо знавшего Русь, сохранило известие о направлении на Русь греческого архиепископа Патриархом Игнатием в 70-х годах IX в. Если обратиться к легенде анонимного греческого сказания (так называемого «Анонима Бандури») об изобретении

* Статья написана по программе гранта РФФИ (бывш. РГНФ) № 16-01-00089.

славянской азбуки «Кириллом и Афанасием», то, согласно ей, они были посланы на Русь по просьбе князя Владимира византийским императором Василием I Македонянином. Все это говорит о том, что представление о пребывании в Киеве греческих иерархов и просветителей относится ко времени до официального крещения Руси в 988 г. и имеет традицию более чем на столетие древнее, чем крещение Руси князем Владимиром.

О крещении росов вслед за событиями похода на Константинополь в 860 г. сообщает хроника Продолжателя Феофана. Анонимное сочинение было создано, вероятно, ок. 950 г. в кругах императора Константина Багрянородного и освещает период с 813 по 961 г. В книге, посвященной правлению Михаила III, сообщается о набеге росов в момент церковного противоборства в византийской столице сторонников Патриарха Фотия и будущего Патриарха Игнатия. В этой связи и сообщается о нападении росов на Константинополь 18 июня 860 г. и их последующем обращении.

Пятую книгу хроники Продолжателя Феофана составляет памятник, имеющий определенную самостоятельность, — «Жизнеописание императора Василия». «Жизнеописание» датируется временем после 943–950 гг., т.е. оно создавалось после других книг хроники. Героизированный образ Василия I наделяется чертами мудрого политика, философа, ревнителя православия. Именно ему отводится роль просветителя славян, распространителя христианства среди других племен и народов, в том числе болгар (крещение Болгарского Царя Бориса относится к 864–868 гг., а в 870 г. по назначению Константинопольского Патриарха Игнатия в Болгарии утверждается архиепископство) и росов.

Здесь повествуется об учреждении архиепископии на Руси, созданной заботами Императора Василия I и Патриарха Игнатия. Описывается своего рода ритуал «выбора веры», подкрепленного чудом с неопалимым Евангелием. Вслед за крещением (части) русской дружины ок. 860 г. при Императоре Михаиле III и Патриархе Фотии новый этап христианизации Руси, судя по данным

Продолжателя Феофана, относится к периоду правления Василия I и Патриарха Игнатия, возможно, ко времени ок. 874 г.

Вместе с тем именно в этого рода источниках можно обнаружить максимальные точные сведения хронологического и просопографического содержания. Так, в известном брюссельском кодексе Cod. Brux. gr. 11376, переписанном в Константинополе между 1280 и 1300 гг. и содержащем стихотворную хронику Константина Манасси (XII в.), статьи о Вселенских Соборах, каталог Патриархов, доведенный до середины XI в., и т.п., находится краткая императорская хроника (л. 165 об.–170) с заметкой о первом походе Руси на Константинополь¹. Заметка этой хроники важна тем, что является единственным источником, сообщающим точную дату похода. Хроника, охватывающая более чем тысячелетнюю эпоху — от Юлия Цезаря до Романа III (1028–1034 гг.), состоит из трех неодинаковых частей: если первая, компилятивная, и последняя, датируемая XI в., представляют собой лишь списки имен и годы правлений, то вторая, от Константина I Великого до царствования Михаила III и Василия (867 г.), пространна и содержательна. Именно в ней, в самом конце, находится интересующее нас сообщение:

«Михаил, сын Феофила, [правил] со своей матерью Феодорой четыре года и один — десять лет, и с Василием — один год четыре месяца. В его царствование 18 июня в 8-й индикт, в лето 6368, на 5-й год его правления пришли Росы на двухстах кораблях, которые представительством всеславнейшей Богородицы были повержены христианами, полностью побеждены и уничтожены»².

Итак, дата 18 июня 860 г., удостоверяемая полным соответствием всех хронологических указаний — дня, месяца, индикта, года от сотворения мира и года царствования, приводится с редкой для византийской историографии столь давнего времени точностью. Это позволяет предположить, что вторая часть рассматриваемой краткой хроники была создана именно в конце IX в. на основе местного анонтического источника³, скорее всего, если судить по последней фразе, церковного происхожде-

ния (в качестве места создания хроники предполагается столичный Студийский монастырь). На древность текста (по крайней мере, до середины X в.) указывает и несклоняемый вариант написания этнонима рос, аналогичный словоупотреблению памятников доконстантиновой поры.

В заметке ничего не говорится о крещении росов. Так же ничего не сообщает о ранней христианизации Руси и другая рукописная запись, из парижского кодекса Cod. Paris, gr. 2303, о походе Руси 941 г., после которого, как известно из «Повести временных лет», был заключен русско-византийский мир князя Игоря 944 г., причем часть посланников, представлявших Русь, как следует из текста договора, давала клятву в храме Св. Ильи, т.е. была христианизирована:

«В 14-й индикт, в июне 6449 [года] произошло нашествие на город (т.е. Константинополь. — Авт.) десяти тысяч кораблей росского флота, в царствование Романа Старого, который царствовал с Константином — сыном Льва, сына Василия Македонянина»⁴.

Вопреки распространенному мнению, византийская традиция сохранила и сведения о Крещении Руси при князе Владимире. Причем эти тексты дошли в рукописных списках того же века, что и рассмотренный выше парижский кодекс. Речь идет о повествовании, получившем в науке условное название «Аноним Бандури» — по имени его издателя (A. Banduri), представившего текст из парижского списка Cod. Paris.gr. 3025 середины XV в. Примерно к этому же времени относится, вероятно, и другой список аналогичного текста, однако более полный — патмосский (№ 634, л. 71–75)⁵. Событие датируется автором временем правления императора Василия, что выдает македонское происхождение текста (или его непосредственного источника). Уже известный по Продолжателю Феофана эпизод с неопалимым Евангелием здесь связывается с князем Владимиром, собирающим информацию о существующих в мире религиях и осуществляющим на этой основе свой выбор. Известное по «Повести временных лет» повествование о выборе веры, таким образом, находит аналог, а возможно, и свой источник.

Гипотетически восстанавливаемое «Повествование об обращении русских», по В. Регелю, было распространено в Византии и до XV в. Киевскому митрополиту кардиналу Исидору, участнику Ферраро-Флорентийского собора по поводу унии церквей, принадлежал кодекс, ныне хранящийся в Ватиканской библиотеке (Cod.Vatic.gr. 840). Среди заметок, в каких-то случаях более, в каких-то случаях менее лаконичных, находится следующее указание: «В году 6496 был крещен Володимер, который крестил Росию» (л. 244 об.).

Указанный год Крещения Руси — 988 г. — совпадает с датой, принятой в древнерусском летописании. Текстуальное же совпадение данного повествования в предшествующем этой фразе рассказе о христианизации болгар с «Повестью временных лет» (под 858 г.) заставляет думать, что ватиканская хроника представляет собой греческий сокращенный, но точный перевод древнерусского памятника. Дополнительным подтверждением такого мнения служит то, что сам ватиканский кодекс был создан в XIV в. на Руси.

Однако Крещение Руси в византийской рукописной традиции не ограничивается отнесением его ко времени правления то Михаила III, то Василия I Македонянина, то Василия II Болгаробойцы. Одна из кратких византийских хроник, продолжающая «Летописец вкратце» патриарха Никифора (IX в.), но доводящая список василевсов до года падения Византии — 1453, сохранилась в дрезденской рукописи (Dresd. gr. A 187) начала XVI в. Там интересующие нас события христианизации Руси отнесены к XII в.: в части о правлении императора Иоанна II Комнина (1118–1143 гг.) читаем: «Иоанникий, его сын, багрянородный, [правил] 24 года, 7 месяцев, 23 дня. При нем крестились Росы» (л. 9).

Позднее происхождение и рукописи, и текста, неточности хронологического и просопографического характера не позволяют, разумеется, согласиться с датировкой христианизации Руси временем правления династии Комнинов и заставляют задуматься о единственно возможном объяснении происхождения данного

свидетельства. Здесь, вероятно, произошла путаница с именами императоров: в источнике позднего анналиста, возможно, был упомянут василевс Иоанн, но Цимисхий (969–976 гг.), при котором шли знаменитые войны Святослава и который заключил последний из известных в древнерусской летописной версии мирный договор Византии с Русью в 971 г. Идентификация событий, хронологически близких к поражению Святослава, произошедших при Иоанне I Цимисхии, со временем другого императора Иоанна — II Комнина может объясняться как неосведомленностью поздневизантийского хрониста, так и порчей текста его более древнего источника, относившего Крещение Руси к последней трети X в. Текст в нем, согласно гипотезе П.Шрайнера, мог читаться как «Иоанн Цимисхий [правил] 7 лет, 1 месяц» и иметь характер записи на полях, столь типичных для византийских рукописных хроник. В отличие от всех выше рассмотренных хронологических записей, цифры дрезденской заметки переданы цифрами, а не словами, что также создает дополнительные возможности для ошибок переписчика. Позже, при составлении Малой хроники, эта запись с соответствующими изменениями была включена в текст, повествующий о событиях XII в.

За полутысячелетнюю историю контактов Византии и Руси несколько основных центров — перекрестков культур сыграли особую роль в осуществлении этих связей.

Древнерусская и византийская столицы, Киев и Константинополь, были главными центрами официальных церковно-политических и торговых контактов. Весь X век в истории русско-византийских отношений прошел под знаком обмена официальными посольствами. Греческие дипломаты приезжали в Киев для заключения русско-византийских договоров — с князем Игорем, затем в 955 г., наконец в 60-е годы посол Калокир прибыл на Русь с поручением от императора Никифора Фоки. После Крещения Руси в 988 г. особым центром стал, несомненно, митрополичий двор в Киеве: учреждение русской митрополии Константинопольского Патриархата в Киеве между 996–997 и 998–999 гг. сказалось на усиле-

нии русско-греческих связей. Двадцать два из двадцати четырех известных до начала XIV в. митрополитов Руси были греками. Греками были и большинство епископов в почти двух десятках древнерусских епархий, а также настоятели монастырей и прочие иерархи. Многие из них канонизированы Русской Православной Церковью и прославляются как святые благоверные угодники, мученики, святители и чудотворцы: Иоаким Корсунянин Новгородский, Леонтий Ростовский, митрополит Феогност, Максим Грек.

Из текстов сохранившихся договоров со всей очевидностью яствует, что в свою очередь и в Константинополе уже в X веке существовал русский купеческий квартал с довольно многочисленным населением, а значит, и храм для прихожан. Русские купцы регулярно приходили в Царьград по пути «из варяг в греки».

Важнейшим центром русско-византийских культурных связей был Херсонес, или средневековый Херсон, — греческий город в Крыму, располагавшийся на территории современного Севастополя, называемый в русских летописях Корсунем. Именно там, по рассказам о св. князе Владимире, произошли основные события, непосредственно связанные с официальным крещением великого князя киевского. Именно корсунянина Анастаса предание называет первым «княжеским протопопом» в Десятинной церкви в Киеве. А новгородским епископом во времена князя Владимира назван тоже корсунянин Иоанн. Под 991 г. «Летопись новгородских владык» называет первым новгородским епископом, присланым Патриархом Фотием, Иоакима (Якима) Корсунянина.

О том, что Херсон является также важнейшим центром в истории русско-греческих связей, свидетельствует уже в середине X в. византийский император Константин Багрянородный. Роль византийских колоний Крыма в становлении и развитии связей греческой культуры с Русью хорошо понятна и объяснима: ведь именно здесь пересекались пути встречи цивилизаций со времен эллинско-скифских контактов. Здесь же состоялось и первое знакомство византийцев с Русью.

С установлением русско-византийских контактов связано оживление центра русско-греческих связей в Нижнем Подунавье. Судя по «Повести временных лет», во второй половине X в. в Переяславце русско-греческое общение было явлением повседневной жизни.

Наконец, еще одним центром таких связей была Фесалоника, или Солунь в славянской традиции (совр. Салоники), куда на ярмарку Димитрия Солунского спешили, как рассказывается в византийской сатире XII в. «Тимарион», купцы с северных берегов Эвксинского Понта. Поддерживали в XII – начале XIII в. отношения с Солунью и русские великие князья⁶.

В ходе взаимных контактов формировались и развивались взаимные представления друг о друге – византийцев о Руси и русских о греках. Эти свидетельства, записанные историографами, летописцами, риторами и стихотворцами, составили тот фонд известий, который лег в основу как переводных, так и оригинальных памятников литературы и культуры вообще.

Непрекращающиеся до сих пор споры ведутся по поводу первого упоминания росов в византийских текстах. В источниках IX в. самое раннее зафиксированное в греческом памятнике сообщение о нашествии на византийский город в Малой Азии Амастриду «варваров-росов, народа, как все знают, жестокого и дикого», содержится в «Житии Георгия Амастридского»⁷. Там говорится, что этот народ «двинулся от озера Пропонтиды», под которым в данном случае нередко понимают Азовское море, хотя Пропонтида – обычное название Мраморного моря:

«Было нашествие варваров, росов – народа, как все знают, в высшей степени дикого и грубого, не носящего в себе никаких следов человеколюбия [...]» .

Автор жития сразу возбуждает литературные ассоциации, причем как библейские, так и классические античные. Имя *ros* (Ρως) ассоциируется им с князем Рош из «Книги пророка Иезекииля» (подробнее см. ниже), а тавророскифское «гостеприимство» стало нарицательным благодаря известному мифу, отраженному в трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде», о жителях Таврики (Крыма), убивающих иноземцев.

Далее агиограф повествует, как, пораженный чудесными знамениями у гробницы Георгия, предводитель росов прекращает насилие, чинимое его воинами, и склоняется к правой вере:

«Варвар, пораженный этим, обещал все сделать как можно скорее. Дав вольность и свободу христианам, он поручил им и ходатайство перед Богом и пред святым. И вот устраивается щедрое возжжение светильников, и всенощное стояние, и песнопение; варвары освобождаются от божественного гнева, устраивается некоторое примирение и сделка их с христианами, и они уже более не оскорбляли святыни, не попирали божественных жертвеников, уже не отнимали более нечестивыми руками божественных сокровищ, уже не оскверняли храмы кровью. Один гроб был достаточно силен для того, чтобы обличить безумие варваров, прекратить смертоубийство, остановить зверство, привести [людей], более свирепых, чем волки, к кротости овец и заставить тех, которые поклонялись рощам и лугам, уважать Божественные храмы. Видишь ли силу гроба, поборовшего силу целого народа?»⁸. Издатель текста «Жития Георгия Амастридского» В.Г. Васильевский пришел к выводу, что автором памятника был известный агиограф диакон Игнатий (770–780 — после 845).

По-настоящему известными в Византии народ *рос* и его название становятся после 860 г., когда войско росов осадило Константинополь. Описание осады сохранилось в нескольких произведениях, среди которых наиболее ценные принадлежат Патриарху Фотию (ок. 810 — после 886 гг.), свидетелю и участнику этого события. Выдающийся деятель византийской образованности, литератор, знаток античности, полемист и канонист, Фотий оставил две гомилии (речи-беседы), в заглавиях которых говорится о нашествии росов (правда, заглавия необязательно принадлежат автору). Семью годами позже, в 867 г., Фотий направляет «Окружное послание» «Восточным Патриархам», где снова говорится о нападении в 860 г. на Константинополь «народа, ставшего у многих предметом частых толков, превосходящего всех жестокостью

и склонностью к убийствам, — так называемого [народа] *рос...*⁹. Это первое актовое упоминание Руси. Однако теперь, в 867 г., народ *рос*, по Фотию, стал «подданным и дружественным» Византии¹⁰. В дальнейшем Фотий неоднократно упоминает имя *рос*: в сочинении, называемом «Амфилохии»¹¹, и в письме № 103 то же имя упоминается в качестве антропонима¹².

Константин Багрянородный терминами — несклоняемым *Роs* и склоняемым *Рωσία*¹³, а также *ρωσοτή*, т.е. «по-российски», — обозначает в трактате «Об управлении империей» народ *рос*, его территорию и его язык. Можно полагать, что во времена Константина этноним *рос* стал привычным в византийской традиции и постепенно «втягивался» в греческие грамматические и орфографические нормы. Дополнительным подтверждением этому является употребление Константином парадигматически корректного термина *Росия*, который употреблен им и в «Книге церемоний»¹⁴. Этот термин для обозначения Руси впервые встречается именно у Константина Багрянородного.

Сопоставимыми с терминами «Русская земля» и «страна русская» древнерусских летописей стали в византийских источниках выражения «страна Росии» у Константина¹⁵ и «Росийская земля» у Феодора Продрома¹⁶. Термин закрепился и в документах Константинопольского Патриархата. В южнославянских памятниках именование государства *Ros(c)ия* появляется с 1387 г., в самой России — со второй половины XV в.¹⁷. Ставшая регулярной в новое время форма с двумя *-cc-* (*Россия*) в греческих текстах встретится лишь в XIV в. — в «Исторических записках» византийского гуманиста Никифора Григоры¹⁸; в русских же источниках, согласно М.Н. Тихомирову¹⁹, — с XV в.

В византийской традиции в XIII в. после крестоносного завоевания Империи, в контексте поиска византийцами союзников, Никита Хониат впервые назвал русских «христианнейшим народом» в превосходной степени²⁰, а Константинопольский Патриарх Герман II, направляя в 1232 г. послание из никейского изгнания в папскую курию, в числе православных единоверцев среди эфиопов,

ближневосточных сирийцев, иверов, авасгов, алан, аластов, готов и хазар выделяет неисчислимую в тысячах племен Русь, а также победоносное (после войн Калояна) Болгарское царство²¹. Эти идеи уже далеки от первых исторических характеристик Руси в Византии.

«Неодолимый и безбожный», по словам Продолжателя Феофана (середина X в.), народ росов, лишь обратившись к христианству, смирился и стал, согласно тому же Фотию в его более поздней энциклопедии (867 г.), поданным и дружественным Византии²².

Решающими на пути становления образа «христианнейшей» Руси оказались события одного столетия: середина XIV в. — середина XV в. Правда, византийские тексты в начале и в конце рассматриваемого периода сходны в теме — при перечислении православных народов-союзников ромеев эти «кatalogи» отличаются, однако, друг от друга. Сильвестр Сиропул, описывая события Феррапо-Флорентийского Собора, передает речи Византийского императора и патриарха,apelлировавших в 1348 г. к своим единоверцам «на востоке и западе» — иверам, черкесам, росам, влахам и серbam. В другом случае Сильвестр Сиропул несколько расширяет этот список, называя трапезундцев, иверов, черкесов, мингрел, готов, росов, влахов и сербов. Это позволило, по-видимому, уже самому императору Иоанну Кантакузину назвать самого себя в цитируемом им в «Истории» акте того же 1348 г. «vasilevsem эллинов, а также vasilevsem болгар, асанидов, влахов, росов и алан» — Ангелом Комнином Палеологом Кантакузином, добавляя к своему имени для вящего величия и все династические патронимы последних столетий.

Тема содружества православных народов вновь возникает в Византии в последние десятилетия ее существования. Хиосский грек-италиец, магистр Иоанн Канавуца в Комментарии к Дионисию Галикарнасскому, составленном во второй трети XV в. (между 1431 и 1455 гг.), назидательно восклицает: «Мы все — христиане, имеем единую веру и единое крещение, — пусть с варварами, — как то, болгарами, влахами, албанцами, русскими!».

Наконец, в поствизантийской литературе, в поэмах, оплакивающих гибель Византии, вновь звучит тема христианского единства, причем не только православного содружества, но согласия всех христиан, как на востоке, так и на западе. В поэме Псевдо-Эммануила Георгилла, изданной Э. Леграном в серии народноязычной греческой литературы²³, автор восклицает, что настал час, когда христиане — латиняне и римляне, русские, влахи и угры, сербы и албанцы — все должны быть в согласии единомыслия, чтобы стать единым целым и чтобы все христиане были бы единогласны в своих мыслях. Защитники византийской столицы упирали на святейшего Папу Римского и на кардиналов, и на королей Франции, на всяческих дук, графов, князей и коммуны, на васильевсов Аламании, на сербов и русских, влахов и угров, пеонцев, на деньги Венеции и корабли Генуи, на триеры и ливверы из Каталонии и из всей Италии.

Тема возвышения Руси тесно переплетена в византийской дипломатической переписке с темой выдвижения Москвы, куда переводится с благословения Патриарха митрополичья кафедра «всех Руси». Об этом свидетельствует целая серия патриарших актов, в том числе 1326 и 1354 гг., связанных с митрополитами Петром и Алексеем, а великий князь Симеон (Гордый) и великие короли («рекс») Московии и всея Руси — Иоанн (Иван Калита), затем его сын Иоанн, далее Димитрий (Донской), а также Василий (Дмитриевич) I — представляют как оплот христианского благочестия.

Государственно-центристский традиционализм и ориентация на византийские административно-иерархические ценности, подразумевавшие *stabilitas loci* и в отношении понятия столицы, «стольного города», заставляют и в XIV в. средневековых греков поддерживать идею континуитета древней столицы Руси. Подобно тому, как в XIII в. столичная Византийская Церковь в лице Патриарха, находясь в никейской эмиграции, упорно продолжала именовать себя «Вселенской» и «Константинопольской», так и через столетие та же модель переносится в сознании цареградских иерархов на Россию. Это проявляется

наиболее отчетливо в патриарших документах, памятниках церковного законодательства Константинопольского Патриархата, связанных с изменениями в политической (и церковно-политической) ситуации в России — её митрополии.

Патриарший акт 1347 г. утверждает, что «народ Ростов... издавна — уже почти 400 лет — признает одного митрополита, того, кого выбрали митрополитом в соответствующее время в Киеве»²⁴. Но примерно в это же время византийский эрудит, церковный деятель, полемист и гуманист, историк Никифор Григора заявлял, что «существовавший издревле у этого народа (т.е. русских) святой храм в столичном граде (досл. «митрополии») Киеве... недавно, после набега северных скіфов (т.е. татаро-монголов), был превращен по поговорке в скіфскую пустыню»²⁵.

Именно митрополит Киева, подчеркивается в патриарших документах, именуется экзархом «всех Руси». Ему должны подчиняться и все епископии «Малой России» (в данном случае Западной Руси, современной Западной Украины). Епископ Владимира Алексей, ставший митрополитом «всех Руси», всё равно, как подчеркивает патриаршая грамота 1354 г.²⁶, именуется «святым митрополитом Киева и всех Руси», каковым он «остается» в многочисленных посланиях этого времени из Константинополя. Хотя чуткая к политико-административным переменам в далекой, но контролируемой Патриархатом митрополии патриаршая канцелярия в 1354 г. четко фиксирует, что «кастрон (характерно, что уже не «полис!»), называемый Киевом», находится в «Малой России», но центр «Великой России» все же перемещается на северо-восток.

Это вызывает незаметные на первый взгляд, но очень показательные изменения в официальной титулатуре русских митрополитов, которые зафиксированы в законодательных актах Патриархата. Так, в 1380 г. (наряду с традиционным «митрополитом Киева и всех Руси») Пимен именуется официально «досточтимейшим иеромонахом, любезным митрополитом Киева и Великой России»²⁷, а в

1389 г. патриарший акт утверждает хиротонию Киприана в качестве «митрополита Киева, России и Литвы»²⁸.

Акты Константинопольского Патриархата первыми среди греческих текстов XIV в. фиксируют изменение и официальной титулатуры русских правителей. На смену традиционного именования князей (и великих князей) Руси, будь то Владимир Святой, Ольга, Святослав или Ярослав Мудрый, Роман Галицкий или Рюрик на рубеже XII–XIII вв., общим титулом «архонты», в документах XIV в. появляется совершенно новый в отношении России титул римско-латинского происхождения, применявшийся в ранневизантийской средневековой греческой номенклатуре до XIII в. исключительно для именования царей Древнего Рима, а затем Императоров Священной Римской Империи и западноевропейских королей. Это транслитерированный титул «rex» (ρῆξ). Патриаршие документы 1347 г. содержат ссылки и выдержки из грамоты Киевского митрополита²⁹ и императорского акта василевса Иоанна VI Кантакузина, адресованных «благороднейшему королю («рекс») всея России, ... державному и святому самодержцу кир Симеону» — в первом случае, и упоминающих «благороднейшего великого короля России и любезнейшего зятя моей царственности кир Симеона», — во втором. Это — великий князь Московский Симеон Иванович Гордый (1340–1353). «Королевский» титул закрепляется за русскими государями, сидящими в «новом» центре страны — Москве. В 1380 г. в различных официальных актах Константинопольского Патриархата неоднократно и прямо называются «великий король («рекс») Московии и всея России покойный Иоанн», т.е. великий князь Московский (1353–1359) Иван II («Красный»), а также «нынешний великий король («рекс») всея России Димитрий», т.е. Дмитрий Донской (1362–1389). Затем, в 1389 г. Иоанн и Дмитрий именуются просто «великими королями («рекс») Московии»³⁰. Обращаясь в патриаршем послании 1393 г. уже к великому князю Василию I (1389–1425), Константинопольский Патриарх вновь указывает полный титул адресата — «благороднейший великий король («рекс») Московии и всея России»³¹.

Соответственно и русский митрополит благословляет теперь, как засвидетельствовано в патриарших актах 1354 г., «московиотов», т.е. жителей Москвы³². В других актах 1354 г.³³ говорится о «митрополите России во Владимире».

Двусмысленность титулования митрополита России в качестве «традиционного» митрополита Киева и одновременно «актуального» митрополита Московского наглядно проявляется не в официальных документах, но в источнике более показательном и тем самым весьма ценном. Это — собственноручные рукописные записи самих носителей этих титулов. Так, в Апостолической библиотеке в Ватикане хранится несколько греческих рукописных кодексов, в которых имеются пометы и записи русского митрополита Фотия (1408–1431). В Cod. Vatic. gr. 394, на л. 213 об., имеется греческая запись, датируемая временем около 1410 г., о том, что «настоящая книга принесена в дар всесвященнейшим митрополитом Киева и всей России кир Фотием в митрополию Московии». Служение Фотия в Киеве относится к периоду с 1 сентября 1409 г., с марта же 1410 г. он уже в Москве. Тем не менее традиционализм титулования заставляет изготовителей большого саккоса Фотия, датируемого 1414–1417 гг. (хранится в Оружейной палате Московского Кремля), вышить греческую надпись под изображением самого владельца саккоса: «Всесвященнейший митрополит Киева и всей Руси Фотий» (10. 38)³⁴.

Под непосредственным наблюдением митрополита Фотия, бывшего по происхождению моневасийским греком, в Москве начинается книгописание греческих рукописей, о чем свидетельствуют также записи в Ватиканских манускриптах — от 1411 г., в Cod. Vat. gr. 717, на л. 175 об.: «Завершена (книга) в Московии России в году 6919, индикта 4, месяца мая», и от 1423 г. — в Cod. Vat. gr. 1892, на л. 243 об.: «Писаны эти две тетради в Московии в 6931 году, инд. 1-ом, в марте месяце, в монастыре Спаса»³⁵.

Наконец, Московский правитель в XV в. начинает именоваться титулом, применение которого к кому-либо,

кроме византийского императора, на протяжении всего предыдущего тысячелетия могло считаться в Византии почти государственным преступлением — посягательством на величие.

В рукописной записи того же Никифора Григоры приводятся слова русского посла к императору Андронику Палеологу (неясно, II или III), о том, что он выполняет миссию «моего правителя императора («vasilevsa») Росов и стольника твоей Царственности»; в текстах Константина Ласкаря, относимых ко времени после 1472 г., правитель России уже назван только императорским титулом «vasilevс»³⁶.

Официальное же обращение, впервые зафиксированное в международных дипломатических актах, к Русскому Царю и великому князю Московскому мы находим опять-таки в грамотах константинопольской патриаршой канцелярии, адресованных Ивану III Васильевичу (1462–1505) — «vasilevсу» России.

Утверждая патриаршество в Москве в конце XVI в., Константинопольский Патриарх Иеремия II обусловливает данную привилегию Руси ее «святостью»³⁷.

Так завершился путь становления образа «христианинешего народа Рос».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Cumont F. Anecdota Bruxellensia. Gent. 1894. I. P. 15.

² Шрайнер П. Miscellanea Byzantino-Russiaca // Византийский временник. 1991. Т. 52. С. 153.

³ Там же. С. 152–153.

⁴ Там же. С. 154.

⁵ Regel W. Analecta Byzantino-Rossica. SPb, 1891–1898.

⁶ Каштанов Д.В. Русь и Фессалоника в XII–XIII вв.: люди, идеи, пути // Византийский временник. 2006. Т. 65. С. 105 и др.

⁷ Васильевский В.Г. Труды. СПб., 1915. Т. 3. С. 643–644.

⁸ Там же. С. 64.

⁹ Photii epistulae. Lipsiae, 1983. Vol. 1. P. 50. № 2. С. 293–296.

¹⁰ О значении этих терминов см.: Литаврин Г.Г. Болгария и Византия в XI–XII вв. М., 1960. С. 256–263.

¹¹ Patrologiae cursus completus. Series Graeca / Migne J.P. Paris, 1857–1864. Vol. 1–166. T. CL. Col. 285.

¹² Photii epistulae. Lipsiae. 1983. Vol. 1. Ep. 143, № 103, С. 125, 129.

- ¹³ Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий / Г.Г. Литаврин, А.П. Новосельцев. Сер.: Древнейшие источники по истории народов СССР. М., 1989; 1991. II. 4, 8; VI. 5; IX. 1, 3, 5, 67; XXXVII. 42, 43, 47; XLII. 4, 62.
- ¹⁴ Constantinus Porphyrogenitus. De ceremoniis aulae Byzantinae. Bonnae, 1829. 594. 18; 691. 1.
- ¹⁵ Константин Багрянородный. Указ. соч. XXXVII, 43.
- ¹⁶ Horand ner W. Theodoros Prodromos. Historische Gedichte. Wien, 1974. № 59. 191.
- ¹⁷ Соловьев А.В. Византийское имя России // Византийский временник. 1957. Т. 12. С. 134–155.
- ¹⁸ Nicephori Gregorae Historia Byzantina. Bonnae, 1829–1855. Vol. I–III. 199. 12; 511. 18.
- ¹⁹ Тихомиров М.Н. О происхождении названия «Россия» // Вопросы истории. 1953. № 11. С. 93–96.
- ²⁰ Nicetae Choniatae Historia. Berolini et Novi Eboraci, 1975. Р. 522. 28–29.
- ²¹ Текст Послания известен по рукописи: Cod. Vat. gr. 1409, fol. 360–361. Ср. Gill A. An unpublished letter of Germanos Patriarch of Constantinople // Byz. 1974. Т. 44. Р. 138–151.
- ²² Бибиков М.В., Глазырина Г.В., Джаксон Т.Н. и др. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Под ред. Е.А. Мельниковой. М., 2003. С. 90–94.
- ²³ Legrand E. Bibliothèque grecque vulgaire. Paris, 1880. N. 1. Р. 203–205.
- ²⁴ Miklosich F., Müller J. Acta et diplomata graeca Medii aevi sacra et profana. Vindobonae, 1860–1862. Vol. II. 490:170. 11–12.
- ²⁵ Nicephori Gregorae Historia... III. 513. 13–16.
- ²⁶ Miklosich F., Müller J. Op. cit. Vol. I. 336.
- ²⁷ Ibid. II. 17, 18.
- ²⁸ Ibid. II. 120.
- ²⁹ Grumel V. Les regestes des actes du Patriarcat de Constantinople. Vol. 1. Fasc. 2. 490:170. 24–28.
- ³⁰ Miklosich F., Müller J. Op. cit. II. 117; 122.
- ³¹ Ibid. II. 188; 192–193.
- ³² Ibid. I. 581; 584.
- ³³ Ibid. I. 353.
- ³⁴ Medieval Pictoral Embroidery. Byzantium, Balkans, Russia. М., 1991. Р. 38–51, 62.
- ³⁵ Фонкич Б.Л. Греческие рукописи и документы в России. М., 2003. С. 68 и сл.
- ³⁶ Cumont F. Anecdota Bruxellensia. Gent, 1894. I. Р. 15.
- ³⁷ Медведев И.П. Русские как Святой народ. Взгляд из Константинополя XIV в. // Verbum. СПб., 2000. Вып. 3. С. 87.

Мадина Хазбиевна ТЕЗИЕВА,
Республика Северная Осетия–Алания

Еще раз к вопросу о языке тавров

Сама постановка вопроса о языке тавров может показаться странной, экстравагантной, ведь принято считать, что тавры смешались с окружающими их народами еще в первом веке нашей эры, ассимилировались, утратили свой язык и не оставили после себя памятников письменности (возможно, и вовсе не имели ее). Однако труды академика Олега Трубачева совершили определенный лингвистический переворот в этой теме.

Цель данного дискурса — привлечь внимание широкого круга специалистов к осетинскому материалу, который, возможно, будет способствовать углублению наших знаний в этой тематике, ведь еще в первой половине XIX в. осетины-дигорцы сохраняли память о «таврском» корпусе осетинских фамилий. Этот факт зафиксировал в 1837 г. академик Андрей Шегрен. Сохранилась его дневниковая запись от 22 мая 1837 г.: «Визит старшины этой местности; это скромный и учтивый, но слепой старик из рода Чергессата. Он рассказал, что его предки прежде жили у Черного моря. Оттуда переселились три брата, из которых двое осели здесь, а один в Кабарде: род их прежде назывался Таврас и только позже принял нынешнее имя»¹.

В 1998 г. доктором исторических наук Ислам-Беком Марзоевым был введен в научный оборот документ (так называемое «Прощение Чергезетов») от 31 декабря 1859 г.: «Его Сиятельству Наместнику Кавказскому Господину Генералу от Инфanterии Генерал-адъютанту и Кавалеру Князю Барятинскому Дигорского ущелья дворян по фами-

лии Карабугаевых, Таймазовых и Кантемировых Прошении»². Это и есть те самые дигорские фамилии (Чергессата, род Царгасата), представитель которых поведал А. Шегрену, что «род их прежде назывался Таврас и только позже принял нынешнее имя».

Итак, что же сами Чергезеты говорят о своем происхождении?

«Прошло тому назад много веков, как племя Чергезетов населяло часть Кавказских гор, омываемых с юго-западной стороны Черным морем. Будучи теснимы Рымскими народами, Чергезеты, оставив родину, удалились в пределы Персии и здесь долго были покровительствуемы Персидскими Государями»³.

Вероятно, в этом отрывке речь идет о середине первого века нашей эры, когда римляне закрепились на южном побережье Крыма, и начался процесс романизации тавров. Однако Чергезеты утверждают, что они (часть их, во всяком случае) не подпали под римлян, а, напротив, удалились от них в пределы Персии. Персия, как известно, это страна в юго-западной части Малой Азии (в частности, нынешний Иран). То, что Чергезеты сообщают о себе, что Государи Персидские покровительствовали им, свидетельствует, на мой взгляд, о том, что задолго до этого между ними уже существовали определенного рода связи (возможно, и даже вероятнее всего, родственные). Но, как сообщается в документе, кровавые междуусобицы и в Персии не давали им покоя. «Они опять возвратились под защиту скал Кавказских гор. Время умножало Чергезетов, и они не только были опасны отважностью свою другим горским народам, но даже Цари заискивали дружбу их вождей [...]. Имена вождей их были грозой для

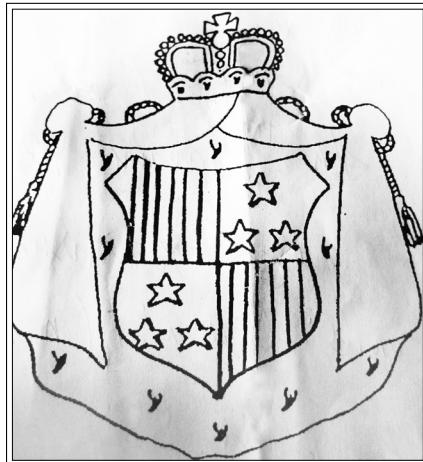

Рисунок герба рода Черкези
(из личного архива
Софии Черкезишвили)

других племен и потому часто приставали побеждаемые к ним; таким образом, из Чергезетов составилась целая масса народа. Последние из вождей их, предводительствовавших ими в кочевой их жизни, были два брата: Чергезия и Шавраш [...]. Чергезия и Шавраш, избрав лучшие для заселения ущелья и долины, лежащие по ту сторону гор, отделявших Абхазо-Карталинское царство от Кабардинских народов, начали поселяться, будучи прельщены дикостью природы не обитаемых до того никем мест. Но младший брат Шавраш оставил Чергезию и с частью пожелавших следовать за ним пошел к берегам Черного моря отыскивать родину своих предков. Найдя ее, он вместе с тем нашел там и народ. Покорив его силой оружия, он начал здесь поселяться и впоследствии сделался властелином не только приведенных с собою и покоренных, но и смежных с населяемой им землею племен. Этот Шавраш есть родоначальник ныне светлейшего князя Шервашидзе⁴.

История о том, как Шавраш пошел к Черному морю отыскивать родину своих предков, заставляет нас вспомнить нартовский эпос осетин: историю о том, как братья Ахсар и Ахсартаг пошли к морю отыскивать родину своих предков по линии матери Дзерассы, дочери морского владыки Донбетра. Интересно, что царгасата донесли память о кровном родстве с абхазской княжеской фамилией Шервашидзе-Чачба до наших дней⁵. Что касается Абхазии, то летописец времен Лаша-Георгия сообщает, что это и есть страна алан: «[...] Сам же царь предался отдыху, развлечениям и охоте. Иногда, в зимнее время, он переходил в Задихскую Имеретию и доходил до моря Понтийского, доходил и охотился в стране алан, которая суть Абхазия»⁶.

Далее составители Прошения повествуют о периоде дружбы с Имеретинскими и Карталинскими Царями: «Имя Чергезия было уже известно не как предводителя, а как великого вождя свободного племени. Он оказывал дружбу искавшим его у нее, наказывал тех, которые нападали на слабых. Такие правила Чергезия обратили внимание Царей Карталинских и Имеретинских, и они не прочь были оказывать ему милости свои; он пользовался ими для блага управляемого им народа и в преклонных

уже летах, прославляемый всеми, отошел в вечность, оставил после себя трех сыновей: Карабга, Таймаза и Кантемира, от коих происходя, мы носим настоящие фамилии (Карабугаевых, Таймазовых и Кантемировых)⁷.

Большой интерес вызывает та часть документа, где повествуется о взаимоотношениях с Баделидзе (баделята): «Мы сказали, что прославившийся Чергезия оказывал искавшим у него дружбу; те же правила перешли к детям его, отчего многие скитавшиеся племена были приняты со своими вождями в заселенные ими места Дигории. Обязанные почтением к Чергезии, как к основателям Дигории, они не лишились однако же права владеть приведенными ими народами, и потому в Дигории, кроме фамилии владетелей Чергезидзе, обосновались и другие, получившие впоследствии название Баделидзе»⁸.

Данные, приведенные в так называемом «Прощении Чергезетов», подтверждаются массой других источников. Например, Вахушти Багратиони в «Описании царства Грузинского» сообщает: «К западу от Касарского ущелья находится Дигория, которая делится на две части — Черкезидзе и Баделидзе. В длину она тянется от Рачинского Кавказа до Черкесии»⁹.

В Прощении подробно сообщается о принадлежности роду Чергезидзе верхнерачинских (имеретинских) деревень Геби, Чиори, Гловли (район Рача-Лечхума) с правом наследования: «Награды и милости Царские изобильносыпали как самих Владетелей, так и подвластный им народ, над которым самим Царем они были признаны Владетелями с правом наследия деревень в Имеретии: Геби, Чиора и Гловли, а вместе с тем и первостепенное дворянство. Этого же самого не были лишены и внуки, и правнуки Чергезидзевых и при царе Соломоне 1-м»¹⁰. Таким образом, указаны не только названия верхнерачинских (имеретинских) деревень Геби, Чиора и Гловли, но и временной отрезок, когда права на них устурдигорских феодалов Чергезидзе никем не оспаривались: это отрезок времени от Баграта IV до Соломона I.

«Рассмотрение вопросов взаимоотношений грузинского и осетинского народов в основном ограничивается отношениями осетин с Картли-Кахетией. Однако это вовсе

не означает, что политические отношения осетин с западным грузинским миром были исключены», — писал в свое время историк Г.Д. Тогошвили¹¹.

У В.И. Абаева нет специальных трудов, посвященных таврам и их языку. Однако в своих статьях он неоднократно возвращался к вопросу о соотнесенности осетинского (староосетинского), аланского и таврского языков, а также к проблеме расселения тавров. В статье «Культ «семи богов» у скифов» ученый констатирует: «Анонимный автор Перипла Понта Эвксинского (V в.н.э.) сообщает, что город Феодосия в Крыму “называется на аланском или таврском языке Ардавда”»¹². В переводе, считает Абаев, «Ардавда» означает «Семибожий». «Авд» по-осетински — «Семь». Однако есть и другое толкование названия этого города как «семистенний» — «Ардабда» (современная версия доктора исторических наук Алана Сланова).

Историю Феодосии историки рассказывают по одной и той же схеме: античный город — Феодосию — аланы до основания разрушили в начале нового времени, а из пепла античной Феодосии генуэзцы уже в Средние века воздвигли величественную Кафу. Но на этот сюжет можно посмотреть и с другой стороны. Почему аланы разрушили Феодосию? Не есть ли они потомки минойцев, вытесненных в свое время микенцами? Если часть ученых считает, что история тавров началась и закончилась в Крыму, то большинство придерживаются иной версии. В Приднепровье, например, обитало племя, для которого был характерен культ Скота, что дало в свое время возможность М.И. Ростовцеву по-новому подойти к разъяснению названия жителей Крыма по Геродоту — tauroi¹³. Ростовцев высказал догадку, что tauroi представляет греческую местную форму наименования народа, туземного произношения которого мы пока не знаем. Ученый имел в виду тот случай, который принято называть лексической адаптацией. Развивая его мысль, В.И. Абаев замечает: «Не исключено, однако, что tauroi — не адаптация, а перевод местного названия, которое означало «почитающие Быка» или просто «Быки» (хорошо известны случаи, когда племя называет себя по имени того животного, которое играет особую роль в его мифологических и религиозных

представлениях»¹⁴. Любопытно отметить, что в фамилии царгасат (Чергезидзе) Карабугаевых закреплен этот маркер — «бык» (Буг). Мой дед по матери, принадлежащий к этому роду, произносил название своего рода как «Кора-Бога» (Бога по-дигорски означает «бык»). Вообще, царгасата имели сложную и хорошо развитую систему маркировки. Не буду отвлекаться на подробное ее изложение, перечислю лишь основные маркеры:

1) они есть *tur/tura*, причем именно *us-tura*, в отличие от *as-tura*. Эту специфическую тонкость хорошо понимал осетинский историк Аким Джанаев, который в своей неопубликованной диссертации о царгасатах 1937 г. везде пишет «устурдигорские феодалы царгасата», а не стурдигорские, как пишут обычно. Интересно отметить, что «из» на осетинском означает «женщина»;

2) они есть быки. Об этом я немножко уже говорила выше;

3) их покровитель — орел. Не зря же они царгасата (царгас по-осетински — орел). Моя мать рассказывала мне, что после революции 1917 г. кто-то из представителей их рода — царгасат Карабугаевых — решил бросить вызов древним поверьям и убил орла, что считалось святотатством. В этот же день внезапно умер отрок этого рода, что всеми было сочтено как знак свыше;

4) они связаны с «особой» породой коней. У представителей этого рода встречается имя Тека и есть фамилия Текаевы. Факты говорят о том, что они были связаны с туркменским племенем теке.

Думаю, что зооморфные маркеры идут со времен звездного культа, который древнее солнечного, для которого характерны антропоморфные маркеры. Они также известны. Думаю, что зооморфным и антропоморфным маркерам этого рода следует посвятить отдельное исследование.

Итак, многие ученые обращали внимание на то, что этоним *tauroi* перекликается с известным топонимом *Tauros* в Малой Азии. По мнению В.И. Абаева, связь может быть этимологическая: «*Tauros* тоже может быть связано с индоевропейско-семитическим *tauru* «бык». Что касается возможных исторических связей (переселение крымских тавров из Малой Азии или обратно), то на этот счет не имеется никаких данных, и гадания на эту тему беспредметны»¹⁵.

Однако позволим себе не согласиться с этим мнением уважаемого В.И. Абаева. Текст рассматриваемого нами «Прощения Чергезетов» («Его Сиятельству Наместнику Кавказскому Господину Генералу от Инфanterии Генерал-адъютанту и Кавалеру Князю Барятинскому Дигорского ущелья дворян по фамилии Карабугаевых, Таймазовых и Кантемировых Прощение») свидетельствует об обратном. Чергезидзе рассказывают о большом временном отрезке, когда они жили в Персии (Малая Азия). Фактов о связи крымских и малоазийских тавров становится все больше и больше. Любопытной информацией, кстати, поделилась со мной Софья Черкезишвили (Тбилиси). В их домашнем архиве сохранилась запись со ссылкой на «Историю Иверии» 1884 г. издания: «Род Черкези прибыл из Черкасс в свите жены царя Георгия II Имеретинского Русланы в 1563 г. — дочери владетеля Кабарды. На родине они были дворянами. В России есть еще семья Черкасовых, — возможно, одного происхождения. В Кахетии род пользуется правами тхавадов 3 степени»¹⁶. Обратите внимание, что слепой старик из рода Чергессата, рассказавший А. Шегрену, что его предки прежде жили у Черного моря, упоминал о том, что один из братьев осел в Кабарде. Судя по проведенным мною разысканиям, речь идет о князьях Бековичах-Черкасских. Доказательств здесь я приводить не буду, так как это не статья по генеалогии.

Вернемся к языку тавров. Если верна гипотеза, что староосетинский язык есть аланская, аланская есть язык тавров, то есть смысл обратиться к осетинскому лексическому материалу. Для начала надо хотя бы изучить этимологический словарь, составленный Трубачевым и Шапошниковым. Например, много лет, как идут споры о происхождении слова Реком (название святилища в Северной Осетии, Цей). В словаре Трубачева это слово (rek-oma) трактуется как «жгучий лен»¹⁷. В этой связи интересен фольклорный текст под названием «Песня стурдигорских пастухов», записанный в свое время Вс. Миллером¹⁸. По мнению современного осетинского фольклориста Федара Таказова, все топонимы из этого текста (Растиком, Зурмиком, Радзиком) современному осетину известны только по фольклорным текстам. Указать географическое расположение этих ущелий мы не в состоя-

нии. «Зурмиком», по его мнению, переводится как «турбина» (наблюдение высказано в устном разговоре со мною). Любойтно, что данный фольклорный текст имеет отношение к представителям тех фамилий устурдигорских феодалов, о которых идет речь в нашей статье (царгасата, Чергезеты).

К сожалению, мне до сих пор так и не удалось получить доступ к 50 исаврийским надписям, найденным Рэмсли. Если между исаврами и таврами можно ставить знак равенства, как считают некоторые исследователи, то здесь можно рассчитывать на «ключ» к письменности тавров, которая, по мнению О. Трубачева, существовала в форме записи священных текстов. Палеорусисты, ставя проблему языка тавров, готов и алан, сделали массу интересных предположений. Мне особенно ценными кажутся наблюдения о «цифровых» привязках, о так называемом «внутреннем алфавите». Но это — тема математического форума, а не гуманитарного.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Основоположник российского академического кавказоведения академик Андрей Михайлович Шегрен. *Шегрен А.М. Исследование. Тексты.* М., 2010. С. 105.

² Центральный государственный архив Республики Северная Осетия–Алания. Ф. 262. Оп. 1. Д. 1. Л. 110–111.

³ Марзоев И.Б. Царгасата-Карабугаевы. Из истории осетинских фамилий. Дарьял. 1998. №4. С. 244.

⁴ Там же.

⁵ Информатор — Фуза Текон (Владикавказ).

⁶ Гаглоити Ю.С. Алано-Георгиа. Сведения грузинских источников об Осетии и осетинах. Владикавказ, 2007. С. 43.

⁷ Марзоев И.Б. Царгасата-Карабугаевы. Из истории осетинских фамилий. С. 245.

⁸ Там же. С. 245.

⁹ Гаглоити Ю.С. Алано-Георгиа. Сведения грузинских источников об Осетии и осетинах. С. 92.

¹⁰ Марзоев И.Б. Царгасата-Карабугаевы. Из истории осетинских фамилий. С. 246.

¹¹ Тогошвили Г.Д. Избранные труды по кавказоведению. Т. 1. Владикавказ, 2012. С. 260.

¹² Абаев В.И. Избранные труды. Религия. Фольклор. Литература. Владикавказ, 1990. С. 89.

¹³ Ростовцев М.И. Новая книга о Белом острове и Таврике // Известия Археологической Комиссии. Петроград, 1919. Вып. 65.

¹⁴ Абаев В.И. Избранные труды. С. 100.

¹⁵ Там же. С. 101.

¹⁶ Личный архив Софии Черкезишвили (Тбилиси).

¹⁷ Трубачев О.Н. Indoarica в Северном Причерноморье. Реконструкция реаликов языка. Этимологический словарь. М., 1999. С. 265.

¹⁸ Миллер В.Ф. Фольклор народов Северного Кавказа. Тексты. Исследования. М., 2008. С. 482.

**Греки
в
истории, литературе
и культуре России
XVI–XXI вв.**

*Татьяна Анатольевна ОПАРИНА,
к.и.н., РАЖВиЗ Ильи Глазунова*

Царский переводчик Иван Дмитриев Селунский: аристократ в приказной системе Московского государства*

Греческий язык входил в число обязательных в дипломатии Московского государства XVI–XVII вв.¹. Как результат, в Посольском приказе постоянно присутствовали греческие переводчики и толмачи². Состав специалистов пополнялся за счет пленников, вынужденно оказавшихся в Османском империи, а также за счет носителей языка — иностранцев, оставшихся жить в России. Руководство приказа признало необходимым наличие как минимум двух греческих переводчиков: один из них обязательно должен был быть русским человеком, другой — иммигрантом³.

Иностранцы не сразу достигали Посольского приказа. Путь будущих переводчиков и толмачей обычно пролегал через Иноземский приказ⁴, куда принимались неродовые выходцы. Языку новой родины они обучались в боевых условиях. Иностранцы, в достаточной мере освоившие русскую грамоту и устную речь, могли рассчитывать на повышение статуса и перейти в Посольский приказ. При зачислении в дипломатическое ведомство для властей важную роль имело наличие связей как в Москве, так и в Константинополе⁵.

Но существовали примеры, на первый взгляд, связанные с понижением статуса, когда представитель приви-

* Работа подготовлена при поддержке РГНФ, международный проект КЕРИЕ, 12-21-14001. Приношу благодарность А.П. Павлову и З.Е. Оборневой за помощь при написании работы.

легированного сословия соглашался совмещать придворную службу с переводческой. Наиболее показательной является судьба Ивана Селунского, иммигранта второго поколения, прибывшего в Россию при царе Федоре Иоанновиче. Родоначальником фамилии стал Дмитрий Аргилов, позже именовавшийся Селунским. Русские документы называли его воеводой Фессалоник. Неясно, что скрывалось под этим термином. В Османской империи правителем города являлся санджак-бей Селаник. Маловероятно, чтобы иммигрант обладал этим чином. На столь высокую административную должность назначались исключительно мусульмане. Скорее всего, знатный грек являлся главой православной общины Фессалоники, обладавшей правом ограниченного самоуправления и сбором ряда налогов.

В Россию Дмитрий Аргилов Селунский забрал трех (в других случаях — четырех) детей: «В прошлых годех при государе царе и великом князе Федоре Ивановиче всеа Русии выехали на его государево имя из Царягорода селунской воевода Дмитрей Аргилов з детьми», «Дмитрей Селунской воевода з детьми: с Аврамом, с Иваном, с Павлом (Палеологом)⁶. По мнению Б.Н. Флори, иммигрант мог принадлежать к греческой аристократической фамилии Аргиропулосов, связанной с Фессалониками⁷. При этом имя одного из сыновей — Палеолог — дает основание говорить о причислении рода к потомкам византийской императорской династии. В любом случае положение на родине определило высокое место в русском обществе и размеры поместно-денежного оклада: «Селунской воеводич Дмитреи Аргилов з детьми. Дмитреи: дано 1000 чети, денег ис чети 100 рублей»⁸. При царском дворе Дмитрий Селунский получил чин московского дворянина, вошел в Боярскую думу в 1589⁹—1605¹⁰ гг. Он стал равноправным членом русского привилегированного сословия. В боярских списках имя Дмитрия Аргилова Селунского никак не отделялось от русских дворян¹¹.

Три сына Дмитрия: Аврам, Иван и Палеолог, продолжили боярский род Селунских. Двоих старших из них вместе с отцом сразу были включены в состав Государе-

ва двора¹² (1598–1599 гг., 1606–1607 гг.). Поместно-демежный оклад им назначили чуть ниже главы семьи: «Детем его (Дмитрея Аргилова. — Т.О.) Ивану да Абраму по 700 чети, денег ис чети по 70 рублей»¹³. Младший — Палеолог (впоследствии именовавшийся Павлом) — был причислен московскому дворянству позже, видимо после достижения совершеннолетия.

Среди представителей рода выделился один, наиболее других вовлеченный в политическую деятельность. Второй сын «воеводы» — *Иван Дмитриевич Селунский*, участвовал в определении нового монарха. Он присутствовал на Земском соборе 1598 г., собранного для избрания на царство Бориса Годунова¹⁴. На грамоте Иван Селунский поставил свою подпись.

Периоды правления Федора Иоанновича и Бориса Годунова стали для иммигрантов наиболее благополучными. Монархи щедро наделяли землей выезжих аристократов. К 1604 г. за треня сыновьями Дмитрия Аргилова числилось около 900 четвертей земли¹⁵, при этом не учитывались поместья в Дорогобужском уезде¹⁶, принадлежавшие Ивану Селунскому. Кроме того, в конце XVI в. у него появились наделы в Угличском уезде¹⁷, а также в Торжковском уезде. Последние годы царствования Бориса Годунова сопровождались страшными неурожаями 1601–1603 гг., породившими массовое обнищание населения. Видимо, Иван Селунский даже тогда не испытывал финансовых трудностей. В голодные годы правления Бориса Годунова 7 января 1603 г. Иван Селунский занял Василию Иванову Моисееву деньги. Не сумев вернуть долг, Василий попал в зависимость от московского дворянина и стал его холопом¹⁸.

Время Бориса Годунова оказалось прологом кровавой драмы Смуты. Власть выборного царя продлилась недолго. Его права на трон оспорил Самозванец, против которого Борис Годунов выставил огромную армию. Для этого он провел мобилизацию всего служилого населения России. В рядах дворянских сотен в поход под Новгород-Северский, где расположился «спасенный царевич», выступила вся семья Дмитрия Аргилова¹⁹. Недолгое противоборство

законного правителя с Самозванцем прекратила внезапная смерть Бориса Годунова. Москва целовала крест Лжедмитрию I, который не стремился к кардинальным изменениям привилегированного сословия. Представители рода Селунских остались в составе Государева двора, но имя основателя рода — Дмитрия Аргилова — исчезает из источников. Можно предположить, что он погиб в одной из схваток с армией Самозванца. Трем его сыновьям предстояло перенести все тяготы Смуты.

Переворот 1606 г., свержение Лжедмитрия I и приход к власти Василия Шуйского не поколебали положения греческой фамилии в русском обществе. Братья Иван, Аврам и Палеолог продолжали нести царскую службу. Период правления Василия Шуйского был омрачен появлением новых претендентов на престол. Столице пришлось неоднократно выдерживать осаду. Ее последовательно окружали армии Ивана Болотникова и Лжедмитрия II. Селунские преданно защищали законную власть от новых самозванцев, они остались верны правительству Василия Шуйского. Палеолог Дмитриев Селунский, упоминавшийся также под именем Павел как московский дворянин в 1599 и 1606 гг., вероятно, погиб в сражениях с тушиными. Сведений о нем более в источниках не встречается. (Его детям, оставшимся без отца, помогали выжившие родственники.) Но два выживших брата были награждены Василием Шуйским «за осадное сиденье» вотчинами. Иван Селунский получил вотчину в Ростовском уезде²⁰.

После низложения Василия Шуйского и приглашения на русский престол польского принца Владислава родовитые греки удержались у пустующего трона. Имена Ивана и Аврама Селунских присутствуют в боярском списке 1611 г.²¹.

Следующий виток политических изменений — приход к власти Романовых — отразился на судьбе иммигрантов. Иван Селунский вновь участвовал в работе Земского собора, избравшего царя. Он подписался на утвержденной грамоте Михаила Федоровича²². Братья продолжили службу в московских дворнянах. Их имена указаны в боярской книге 1615 г.²³.

Свою преданность новому монарху греки доказали в сражениях. Когда в 1617–1618 гг. над Москвой нависла опасность захвата города бывшим номинальным правителем — польским принцем Владиславом, боевые качества греков были востребованы. Иван и Аврам Селунские в составе дворянского ополчения были призваны защитить столицу. Ратники участвовали в боях на территории Белого города у Сретинских ворот в составе полка Г.Г. Пушкина²⁴. Отвага при обороне Москвы была вознаграждена. Иван Селунский «был челом о пожаловании вотчины за московское осадное сидение «в королевичев приход»²⁵. Он смог расширить вотчины за счет поместий в Углечском²⁶: в Кацкой волости половину села Юрьевского и часть деревни Марьино. Грамота датируется 31 августа 1619 г.

Активно поддержав царя Михаила Федоровича, Селунские сохранили и приумножили свои богатства. Братья стали активными участниками дворцовового церемониала. Московские дворяне Аврам и Иван Селунские присутствовали на различных торжествах. Они неоднократно упомянуты в «Дворцовых разрядах» в 7133–7142 гг.²⁷. В 1621 г. Иван и Аврам находились среди московских дворян, допущенных видеть «государские очи» «в комнате»²⁸. Но если Аврам Селунский ограничился придворной службой, то его брат расширил круг своих обязанностей.

Иван Дмитриев Селунский оказался единственным представителем своего рода, совместившим звание московского дворянина с приказной деятельностью. Несмотря на знатное происхождение, греческий аристократ стал переводчиком Посольского приказа. Вероятно, существовало несколько мотивов такого выбора. В отличие от разовых выплат московским дворянам, служащие Посольского приказа получали регулярное денежное вознаграждение. Кроме того, им выдавалось жалованье в натуральном выражении, что было важным в тяжелые годы Смуты. Ивану Селунскому назначили оклад в 15 чети ржи и 15 чети овса²⁹. Свою роль могла сыграть и возможность контактов с соотечественниками, приезжающими из-за рубежа. Но главными мотивами были приближенность к монарху и представления о престижности этой должности в Ос-

манской империи. Переводчики пользовались многочисленными привилегиями и обладали высоким статусом. Звание драгомана считалось одним из самых почетных среди православных подданных султана.

В штате дипломатического ведомства Иван Дмитриев Селунский находился с 10-х по 30-е гг. XVII в. Он начал исполнять поручения с декабря 1615 г.³⁰. Первоначально в Посольском приказе на московского дворянина были возложены курьерские функции. В период русско-польских и русско-шведских переговоров ему поручали доставку правительственные посланий. 30 декабря 1615 г. Иван Селунский отвозил под Смоленск грамоту русским послам — А.Ю. Сицкому и А.В. Измайлова, 7 января 1616 г. он вернулся с ответным посланием³¹. Вскоре Иван Селунский был задействован на шведском направлении. 31 января 1616 с ним посыпали в Дедерино грамоты к русским послам И.С. Урусову и В. Панову; ответ он привез 13 февраля 1616 г.³² Перевозка дипломатической документации относилась к прерогативам московских дворянин. Но входила она и в компетенции толмачей, каким на тот момент являлся Иван Селунский³³.

В этом качестве Ивана Селунского впервые включили в состав посольства. В 1616 г. его направили в Грузию³⁴. Однако миссия, возглавляемая гонцом Григорием Веревкином, была срочно отзвана после получения сведений о подавления антииранского восстания и бегства кахетинского царя Теймураза I³⁵.

Последующие службы грека продолжали соответствовать толмаческим назначениям и соотносились с придворной службой московского дворянина. В соответствии со статусом и дворянина, и переводчика Иван Селунский должен был вести ко двору лошадей греческого духовенства, вводить высоких гостей в палаты царя и патриарха и следовать с ними на всем протяжении торжественной встречи или прошания с пастырями Христианского Востока и церквей, находящихся в их юрисдикции. Ивана Селунского регулярно назначали приставом у грузинского и турецкого посольств, а также духовных миссий. В 1621 г. он охранял турецкого посла Фому Кантакузина

на³⁶. В его обязанности входило сопровождать высоких гостей на царских и патриарших церемониях, связанных с приездом и отъездом иностранцев. В январе 1622 г. Иван Селунский следовал с угорским Пелагонским митрополитом Иеремием на приеме у патриарха Филарета Никитича³⁷, в январе 1623 г. — с сербским вершацким епископом Антонием³⁸, Селистрийским митрополитом архангельского монастыря Иоакимом³⁹ и Синайским митрополитом Иеремием⁴⁰. К последнему возник особый интерес русских властей, Иван Селунский по их просьбе подробно распрашивал пастыря о монастыре Св. Екатерины⁴¹. Когда возникли сомнения в благочестивости митрополита и выяснились факты посещения им Рима и католического первосвященника, Иван Селунский участовал в разбирательствах. Наряду с другим приставом он информировал правительство о внутренних распрях в свите митрополита и содержании диалогов греческого духовенства⁴². Кроме того, от лица правительства Иван Селунский вел переговоры с митрополитом⁴³. В 1624 г. Иван Селунский участовал в церемонии царской и патриаршой аудиенции архимандрита Феодосия, представлявшего правительство царя Теймураза I⁴⁴. Грек доставлял высоких гостей на торжественные приемы патриарха Филарета Никитича⁴⁵ и Михаила Федоровича⁴⁶. В 1625 г. Иван Селунский вел с греческого подворья во дворец для встречи с царем и патриархом иерусалимского архиепископа Кирилла и иерусалимского архангельского монастыря архимандрита Григория^{47,48}, в 1626 г. сопровождал на царской аудиенции селунского епископа Макария⁴⁹, в 1627 г. — митрополита города Ахиала михайловского монастыря Христофора и вифлиемского митрополита Афанасия⁵⁰, в 1628 г. — Янинского митрополита Неофита⁵¹. Таким образом, едва ли не все греческое духовенство, побывавшее во дворце Михаила Федоровича и крестовой палате Филарета Никитича, встречалось с Иваном Селунским.

Иммигрант быстро продвигался по службе и к 1622 г. занял должность переводчика⁵². Но еще длительное время в документации Посольского приказа он продолжал фигурировать и как переводчик, и как толмач.

Деятельность грека была многообразной. За годы пребывания в Посольском приказе Иван Селунский достиг положения ведущего греческого переводчика. В дипломатическом ведомстве понадобились профессиональные качества грека, в семье которого бережно хранили языки⁵³. Иван Селунский выступал в качестве эксперта в греческом языке, принимая экзамены у своих земляков при поступлении в Посольский приказ. В 1627 г. вместе с Борисом Богомольцевым он проверял знания греческого и русского языков у Анастаса Селунского⁵⁴: «И дьяки думной Ефим Телепнев да Максим Матюшкин велели греченину Анастасу написати писмо греческим писмом, а Посолского приказу перевотчиком Ивану Селунскому то его писмо перевесть и свое писмо греческим писмом написав, дати перевести Анастасу. И переводчики Иван Селунской да Борис Богомольцев писма греческие и руския меж себя списывали, и друг у друга писма греческие переводили»⁵⁵. Отзыв экзаменаторов с их «рукоприкладством» (подписью) занесен в дело о приеме нового служащего. Через несколько месяцев уже вместе с Анастасом Иван Селунский и Борис Богомольцев выносили решения об уровне владения языками «греченина» Николая Дмитриева: «греческие переводчики Иван Селунской, Борис Богомольцов, Анастас Селунской про греченина Николая сказали, что он греческому и русскому языку достаточно умеет и в Посолском приказе у греческого дела в толмачех быти пригодитца»⁵⁶.

Иван Селунский усердно трудился над переводами⁵⁷. Работа была столь напряженной, что иностранец неоднократно удостаивался награждений. В 1629 г. вместе с другими переводчиками он «сидел в Посольском приказе за греческими переводы и за грамотами, не выходя из приказа»⁵⁸.

Должность переводчика предполагала дипломатические посылки. Во второй раз и уже в должности переводчика Ивана Селунского отправили в Османскую империю. В мае 1630 г. он выехал в Константинополь в составе посольства Андрея Совина и дьяка Михаила Алфимова⁵⁹. Вероятно, перед отъездом он подготовил завещание. Дей-

ствительно, поездка в Константинополь стала последним путешествием переводчика. Путь в Османскую империю, пролегавший через Крымское ханство, оказался слишком тяжелым для немолодого грека. На обратном пути в Россию в 1630 г. Иван Дмитриев Селунский скончался. Сын Григорий писал в своей челобитной: «Послан был отец мой на государеву службу во Царь-город и, идучи на дороге из Царя-града, отца моево не стало»⁶⁰.

Иван Селунский оставил после себя немало богатств. Пятнадцатилетнее пребывание в Посольском приказе, а также принадлежность к Государеву двору открывали перед греком широкие перспективы увеличения земельных владений. В 1616–1617 гг. Иван Селунский предпринял попытку расширения владений за счет поместий других иноземцев. Царский переводчик узнал о проблемах поляка Михаила Мишевского. Его отец — Юрий Мишевский — выехал при Иване Грозном. Поляк верно служил монархам и за 30 лет добился высокого поместного оклада в 500 чети. Из этого расчета его наделили поместьем в 250 чети в Обнорской волости Вологодского уезда (где существовал большой иноземческий земельный фонд). Защищая власть Василия Шуйского, Юрий Мишевский погиб в сражении под Козельском. Вдове с тремя сыновьями выделили поместье на «прожиток»⁶¹. В 1614–1615 гг. Вологодский уезд охватили казацкие восстания⁶². Михаила Мишевского в 1616 г. обвиняли в переходе на сторону мятежников.

Иван Селунский воспользовался следствием. Земли изменников конфисковывались. Иван Селунский обратился к властям с просьбой переписать на него «выморочное поместье», не упомянув наличие других владельцев: матери и братьев Михаила. Грек добился временного успеха. Прощение переводчика было удовлетворено. Иван Селунский получил поместье осужденного «поляка» в Обнорской волости Вологодского уезда: «деревнею Молаховою, да пустошью Оносовою, да третью пустошью Куниковской, да пустошью Починком»⁶³.

Царский переводчик обладал и другими возможностями увеличения земель, рассчитывая на царскую милость.

17 апреля 1625 г. он повторял просьбу о награждении его за «осадное сиденье в королевич приход» и был услышан. За оборону Москвы в 1618 г. его вновь пожаловали. Иван Селунский перевел часть поместий в Вологодском уезде в вотчину⁶⁴.

Но в 1628 г. переводчику пришлось лишиться части своих владений. Через десятилетие, Ульяна Мишевская оспорила его права на поместье, изъятое у ее семьи. К этому времени ее младший сын уже служил в Иноземском приказе. Вдова решила оправдать старшего сына и вернуть земли семьи: «поместейцо мужа моего старинное, родственное»⁶⁵. Ульяна Мишевская инициировала расследование, изложив свою версию случившегося: «И в прошлом, государь, во 126-м году [125 году?] был челом Иван Селунской на мое прожиточное поместейцо тебе государю ложно, а сказал в своем челобитье, что будто сынишко мой Михалко на пытках, и в роспросах, и языки будто на него говорили в розбойных делах», «и будто сынишко мои, роспустя тюрьму, ходил на розбой»⁶⁶. Ульяна Мишевская доказывала незаконность передачи поместья Ивану Селунскому: «И сказал на сынишка моего тот Иван Селунской воровство и, поверя Иванову ложному челобитью и дружа ему дьяки Никулай Новокшеной да Гарасим Мартемьяннов, отняли у меня, горькои вдовы, то помесейцо без сыску без очной ставки, и отдали то поместейцо ему Ивану Селунскому все»⁶⁷.

Начатое по челобитной Ульяны Мишевской расследование оказалось не в пользу Ивана Селунского. Семья поляка к этому времени была оправдана, а вдова, доказав нарушения хода расследования 1616 г., настояла на возвращении ее «прожиточных» земель. Грек проиграл спор. По решению суда ему оставили лишь 47 четей, вдове и ее сыновьям возвратили 133 чети⁶⁸. Все оставшиеся земли в Вологодском уезде Иван Селунский передал брату Авраму⁶⁹.

Царский переводчик сконцентрировал свои интересы на Угличском уезде. Здесь он готов был как оказать помощь близким, так и жестко защитить свои имущественные интересы. Иван Селунский откликнулся на просьбу

священника Филиппа Иванова, заняв ему денег. Но долг оказался неоплачен, и в 1618 г. Грек начал тяжбу в Судном Владимирском приказе⁷⁰.

В Угличском уезде Иван Селунский совершаet многочисленные сделки, устойчиво расширяя владения, причем как за счет русского, так и иноземческого земельного фондов. Так, он становился обладателем земель русских московских дворян, выкупив выслуженную вотчину у Андрея Ежова⁷¹. Кроме того, православный иностранец совершил обмен с князем Алексеем Юрьевичем Сицким. Переводчик отдал князю часть села Юрьевского в Кацком стане, взамен получив пустоши Турбаиво и Алферково на 39 чети с полуосминою⁷². Иван Селунский вновь стремился получить земли и иноземцев. На этот раз от действий грека пострадал сосед и соотечественник. Не позднее 1626 г. Иван Селунский предпринял попытку завладеть частью поместья служилого иноземца «грека» Ильи Хазеева (Хазева)⁷³.

Но собственные владения Иван Селунский умел оберегать. Перед поездкой в Константинополь в 1630 г., для исполнения правительственного поручения, переводчик обговорил особые условия своих земель. Он обратился в Посольский приказ с просьбой на время своего отсутствия в России не взимать налоги с его владений в Угличском уезде: «Велите государи с тово поместьица подати и оброку, покаместа я холоп ваш буду с вашеи государевы службы, и велите государи дати о том свою государеву грамоту»⁷⁴. Власти пошли ему на встречу и выдали необходимый документ на право временного освобождения от налогообложения: «А по государеве грамоте греческого переводчика с Іванова поместья и с вотчины Селунского податеи Большого Приходу имать не велети, опричь ямских и стрелецких кормов, до тех мест покаместа он з государвы службы ис Царя-города, сходит»⁷⁵. Кроме того, опекая жену и детей, Иван Селунский настоял на необходимости временного отказа от всех судебных процессов над его родными, а также зависимыми людьми: «Женишко и детишки и людишки и крестьянишка остаются в вашем государском жалованье, а в моем Углецком

поместьице. И им, государь, от сторонних людем прода-
жа животов великая. [...] Пожалуй государь [...] для сво-
еи государевы службы, вели, государь, мне дать в том
свою государеву несудимую грамоту, покаместа я холоп
ваш буду на вашей государеве службе, чтоб людышка мои
и крестьянишка без меня от сторонних людей напрас-
но проданы не были»⁷⁶. Переводчик получил несудную
грамоту: «А по государеве грамоте Посольского приказу
переводчика Ивана Селунского поместья иво и вотчины
Углецкого уезда на людей и на крестьян его для царегор-
одкие службы суда и управы ни в каких исках никому
давать не велеть, опричь татьбы и розбою с поличным, до
тех ест покамест он з гдры службы из Царя-города сход-
ит. Да и с Москвы по них приставов и грамот в ыскех не
давать, опричь татьбы и розбою с поличным, до тех мест
покамест он ис Царя-города будет»⁷⁷.

Как отмечалось, Ивану Селунскому не удалось более увидеть семью, о которой он так заботился. В 1630 г. царский переводчик умер по дороге домой. После него остались супруга и три сына. Иван Селунский был женат как минимум дважды. От первого брака у него был сын Григорий, от второго — Иван и Матвей. (Очевидно, о младших детях, находящихся в углечской вотчине, он говорил в своей последней celibitной.)

Поместья Ивана Селунского достались в качестве «прожиточного» жене и младшему сыну — Матвею. Последняя жена Ивана Селунского — Аграфена⁷⁸, вместе с младшим сыном Матвеем, осталась в прожиточном по-местье в Углечком уезде в деревне Булышево. Осталь-
ные земли, нажитые царским переводчиком за годы службы, разделили между собой все наследники. Очевидно, согласно завещанию, вотчины в Углечском уезде отошли жене и трем сыновьям. Помимо прожиточного поместья Матвею Иванову Селунскому с матерью доста-
лась вотчина. В 1648 г. за ним в Углечском уезде в Го-
родецком стане числились село Березье с деревнями и
деревня Булышево⁷⁹. Иван Иванов Селунский на 1648 г.
располагал вотчиной в Углечском уезде в «Ироцком ста-
не жеребei села Чюдякова»⁸⁰. Долю выделили старше-

му сыну Григорию, в 1648 г. владевшем «в Городецком стане третью сельца Аннинского з жеребьем да у Савицце Ермакова сельцо»⁸¹. К моменту раздела Григорий Селунский уже был испомещен, его именье располагалось в Романовском уезде.

Иван Селунский одарил и своих племянников — сыновей погибшего в Смуту брата Павла (Палеолога). Григорию и Ивану Павловым Селунским перешла выслуженная вотчина Ивана Селунского в Ростовском уезде⁸².

Судьбы детей царского переводчика сложились иначе, чем отца. Сын от первого брака — Григорий, первонациально продолжил занятия Ивана Селунского. Придя в Посольский приказ около 1615 г., московский дворянин уже на следующий год помог устроиться и наследнику. В 1616 г. Григория Селунского приняли на должность толмача греческого языка⁸³. В этот период круг обязанностей отца и сына был схож. 31 декабря 1616 г. в Ярославль руководство приказа направило грамоту «с Івановым сыном Селунского с Гришею»⁸⁴, ответ он доставил 13 марта 1618 г. Григорий Селунский отвозил дипломатические документы русским послам, ведущим переговоры с польским правительством⁸⁵. В июнь 1618 г. Григорий доставлял в Ростов и Ярославль⁸⁶.

В 1622 г. Иван Селунский хлопотал о выделении руководством Посольского приказа средств на проведение свадьбы сына (имя не названо, наиболее вероятно, Григорий). Он собирался его женить: «Зговорил [...] я сынишка своиво женитца, а для свадьбы поднятца нечем»⁸⁷. Царский переводчик просил финансовой поддержки.

К помощи государственных структур Иван Селунский обращался и при наведении порядка в собственном доме. У богатого переводчика возникали самые разные бытовые и имущественные конфликты. Холоп Максим Иванов в пьяном виде отказался повиноваться хозяину и набросился на него с ножем, угрожая убийством. Трудно сказать, почему в столь щекотливой ситуации Иван Селунский обратился за помощью к верейкому митрополиту Аверкию. При посредничестве греческого пастыря переводчик 1629–1630 г. пожаловался в

Посольский приказ на недостойное поведение холопа. Митрополит направил нерадивого слугу в дипломатическое ведомство: «И в прошлом во 138-м году прислал в Посольской приказ верейской митрополит Аверкеи Посольского приказу греческого переводчика Иванова человека Селунского Максимка Иванова. А сказал, что был ему челом того человека боярин ево Иван Селунский, что он иво не слушает и хотел ево зарезать ножем. И он того человека велел взять и прислать в Посольской приказ»⁸⁸. Возможно, еще одна челобитная исходила «непосредственно от переводчика»⁸⁹. Управа на холопа была быстро найдена.

Глава Посольского приказа провел следствие, слуга сознался в содеянном и покаялся: «И думнои дьяк Ефим Телепнев того Иванова человекароспрашивал. И тот человек сказал, что он перед государем своим виноват невежеством с хмелю»⁹⁰. Последовало заслуженное наказание Максима Иванова. Холопа били батогами и по требованию митрополита Аверкия посадили в тюрьму дипломатического ведомства. «И тот человек в Посольском приказе бит батоги и вкинут в тюрьму до указу»⁹¹.

Собираясь в 1629 г. в долгую дорогу в Константинополь и молясь об отпущении грехов, Иван Селунский составлял духовную грамоту. Он был готов простить слугу. Перед отъездом переводчик письменно просил выпустить нерадивого холопа: «А как де [...] сказана была служба и он де о том своем человеке бил челом, чтоб иво ис тюрьмы велели выкинуть»⁹². Челобитная осталась без ответа, руководство Посольского приказа не сочло возможным быстро прекратить наказание. Иван Селунский заручился обещанием сына Григория добиться освобождения холопа: «по челобитью отца моего посажен человекъ ...Максимко в тюрьму в не в послушанье и в невежстве. И как отец мои пошол на твою государеву службу в Царь-город, и мне о том своем человеке приказывал и велел тебе, государю, бить челом, чтоб ево выпустить»⁹³. Но Григорий отложил разбирательство до возвращения отца.

Но отец не вернулся. Пожилой дворянин не выдержал тяжелой дипломатической поездки. Сын обязался исполн-

нить волю отца и разрешить ставшую теперь важной проблему с холопом: «Вели, государь, тово нашего человека выкинуть вон ис тюрьмы по отца моево смерти»⁹⁴, «И ныне Иванов сын Селунского Григореи Селунской бьет челом о том же, что человек отца его посажен в тюрьму за невежество, что он перед отцом его был невежлив по пьяне и ножем ево хотел зарезать. А как де отцу его сказана была служба, и он де о том своем человеке бил челом, чтоб иво ис тюрьмы велели выкинуть. И тот де человек их по ся места сидит в тюрьме. И государь бы его пожаловал, вел ево человека Максимка Иванова ис тюрьмы выкинуть, чтоб отца душе в том утесненья не было»⁹⁵.

Во имя спасения души отца и исполняя свое обещание, Григорий Селунский добился освобождения провинившегося, но прощенного холопа. Руководство Посольского приказа согласилось передать непослушного слугу сыну, но требовало гарантии: «Дать на поручную запись, что ему (холопу. — Т.О.) впредь никаким воровством не воровать и без ведома не збежать, будет до нево дела нет»⁹⁶. Поручителями за холопа переводчика выступили члены греческой общины Москвы. Среди них были переводчики и толмачи Посольского приказа: Анастас Иванов Селунский, Иван Дмитриев, Мануил Филадельский, а также военные Иноземского приказа: Юрий Трапезундский, Иван Савельев, Василий, Александр Иванов сын Бахчиков. Кроме того, подписался и только что приехавший в Россию Дементий Ченцов, вскоре ставший толмачом⁹⁷.

Подготовив поручную запись, Григорий Селунский смог забрать холопа домой из-под стражи: «И апреля в 16 день (1631 г.) тот Ивановской человек Максимко Иванов ис тюрьмы взят и отдан Григорию Иванову сыну Селунскому, и по нему запись взята»⁹⁸.

Участие в деле холопа греческих сотрудников двух приказов вполне оправданно. На момент ведения следствия старший сын Григорий Селунский покинул Посольский приказ и перешел в Иноземский⁹⁹. Окружение Григория составляли сослуживцы как по дипломатическому ведомству, так и по военному. Знание русской письменности, необходимые в Посольском приказе, пригодились

бывшему толмачу и в Иноземском приказе. Григорий Селунский оказался в числе немногих грамотных греческих военных, способных расписаться за своих сослуживцев¹⁰⁰.

К 1625 г. поместно-денежный оклад Григория Селунского в Иноземском приказе составлял 350 чети 20 рублей¹⁰¹. На тот момент грек обладал поместьями в Романовском уезде¹⁰². В каком из приказов его испоместили, сказать сложно. О.А. Шватченко включает Григория Иванова Селунского в число иноземцев, имевших земли в Романовском уезде с 1595 по 1628 г.^{103, 104}. Но имя Григория Селунского в документах Романовского уезда этого периода отсутствует¹⁰⁵. Наиболее вероятно, наделение поместьями произошло в начале 20-х гг. XVII в. Не исключено, что земли были получены иностранцем в результате брака.

В Иноземском приказе Григория Селунского включили в смешанную польско-греческую роту «старых поместных иноземцев» Матвея Халаима¹⁰⁶, которую в том же году возглавил Михаил Желиборский¹⁰⁷. Зимой 1630 г. Григорий Селунский вместе со всеми служащими Иноземского приказа был вызван из своего поместья в Москву для участия в «разборе». Иноземцы обратились к властям о предоставлении жилья на время пребывания в столице¹⁰⁸. Происходило переформирование подразделений военного ведомства. Его структура теперь строилась по этническому принципу, в результате чего была выделена особая, «греческая рота». Ее вскоре возглавил бывший пурпурник роты Матвея Халаима — Николай Мустофин¹⁰⁹. Сохранивая свою принадлежность к греческой общине, старший сын переводчика примкнул к соотечественникам и вошел в «греческую роту».

Целью всей реформы была подготовка к Смоленской войне. Военным Иноземского приказа назначались¹¹⁰ деньги для изготовления снаряжения. Размер дач соответствовал денежному годовому окладу. Григорий Селунский получил по 20 рублей в 1631¹¹¹ и 1632 гг.¹¹².

В составе «греческой» роты Григорий Селунский принял участие в Смоленской войне. В боях под Дорогобужем, не выдержав тягот сражений, от него сбежал холоп

Иван Терентьев. Слуга, видимо, принадлежавший еще его отцу, укрылся в угличской вотчине мачехи Аграфены¹¹³. Григорий Селунский начал судебное разбирательство¹¹⁴. Но, главное, он вернулся с войны¹¹⁵. Воин получил вознаграждение в размере денежного оклада за сражения: «А которые были на государеве службе под Смоленском да отходу, и тем дано для их бедности оклады сполна»¹¹⁶.

Сын переводчика продолжил службу в «греческой роте», которую последовательно возглавляли Николай Шабанов, Юрий Трапезундский и Николай Кралев. Под командование последнего Григорий Селунский упомянут в 1648¹¹⁷ и 1651 гг.¹¹⁸. Причем к 1651 г. его оклад уже значительно возрос до 500 чети — 28 рублей. Вероятно, увеличение связано с награждениями, наиболее вероятно, за Смоленскую войну и «Калмыцкий поход».

Второй сын переводчика — Иван Иванов Селунский, последовал за братом. Не позднее 1625 г. он поступил в Иноземский приказ¹¹⁹. Первоначально он не имел поместий и вотчин, поэтому в военном ведомстве его записали в роту старых кормовых иноземцев, бывшую роту Григория Врославского¹²⁰. Его оклад составлял 300 чети — 17 рублей¹²¹. В 1628 г. Иван Селунский получал причитающееся денежное жалованье в 5 рублей¹²². После смерти отца в 1630 г. и получения наследства Иван Иванов Селунский перешел в категорию «поместных иноземцев». В этом качестве он вошел в «греческую роту», где оставался до 1651 г. Оклад его, в отличие от брата, остался неизменным¹²³.

Третий, младший, сын переводчика — Матвей Иванов Селунский — начал службу в Иноземском приказе после достижения совершеннолетия. Он был зачислен уже «поместным иноземцем», но вместе с братьями, в «греческую роту». В 1648 г.¹²⁴, в 1651 г.¹²⁵ он служил под началом ротмистра Николая Кралева. К 1651 г. оклад грека составлял 400 чети — 16 рублей. На Матвея Селунского, выросшего в наследственном поместье, выпала обязанность освободить еще одного холопа своего отца — Василия Иванова Моисеева, работавшего в угличских владениях семьи. Заемная

кабала Василия датируется 1603 г., и лишь в 1669 г. сын Ивана Селунского дал ему отпускную грамоту¹²⁶.

Судьба Ивана Селунского и его потомков в России дает возможность проследить механизмы ассимиляции выезжей греческой аристократии в конце XVI — первой половине XVII в. Представители знатного рода сразу вошли в Государев двор и активно участвовали в политической жизни новой родины. Иван Селунский дважды становился участником Земских соборов, выбиравших монархов. Как московской дворянин, он неоднократно воевал на стороне правительенной армии в эпоху Смуты. Но на завершающем этапе Смуты он предпочел войти в штат Посольского приказа. В дипломатическом ведомстве должность толмача, а затем и переводчика стала одной из служб московского дворянина. Имя Ивана Селунского упоминалось в боярских списках 1624–1629/30 гг.¹²⁷, которые отметили и его смерть¹²⁸. Таким образом, параллельно придворной Иван Селунский выполнял дипломатические обязанности. Он одновременно фиксировался как в Разрядном, так и в Посольском приказах. Причем поместно денежный оклад Ивана Селунского в двух ведомствах оказался различным. Если в боярских списках с момента своего выезда и до кончины за ним были записаны 700 чети — 75 рублей, то в Посольском приказе — 500 чети — 36 рублей. Вероятно, столь существенная разница была вызвана расхождениями в практике выплат. Если годовой денежный оклад Разрядного приказа был номинальной суммой, свидетельствующей лишь о статусе человека, то дежный оклад в Посольском приказе регулярно выдавался всем служащим каждые полгода. Вероятно, это стало основанием для перехода в дипломатическое ведомство. Кроме того, приближенность ко двору создавала возможность устойчивого пополнения земель. Пятнадцатилетняя служба в Посольском приказе была крайне плодотворной, он постоянно участвовал в церемониях по приему греческого духовенства царем и патриархом, переводил дипломатическую документацию, ездил с посольствами. Он достиг почетной должности драгомона. Но обратной стороной его выбора стала

невозможность для его детей попасть в московское дворянство. По неизвестным причинам все дети Ивана Селунского не последовали ему в переводческой деятельности. Вслед за старшим Григорием сыновья Ивана Селунского от второго брака — Иван Иванов Селунский и Матвей Иванов Селунский — попали в Иноземский приказ. Но приказанная деятельность закрыла потомкам Ивана Селунского путь в привилегированное сословие. Никто из его сыновей не был записан в боярские списки. Дворянский род Дмитрия Аргилова Селунского продолжили дети Павла (Палеолога) Селунского — Иван Павлов Селунский и Григорий Павлов Селунский, ставшие стольниками и воеводами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лисейцев Д.В. Греческие переводчики и толмачи в Посольском приказе конца XVI — начала XVII в. // Россия и Христианский Восток. Вып. IV—V. М., 2015. С. 214–215.

² Там же; Лисейцев Д.В. Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003; Куненков Б.А. Посольский приказ в 1613–1645 гг.: структура, служащие, делопроизводство. Рукопись диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Брянск, 2007; Беляков А.В. Служащие Посольского приказа во второй трети 17 в. Рукопись диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2002; Степанова Е.С. «У руки государя». Переводчик с греческого языка в Посольском приказе 1620–1670 гг. Борис Богомольцов // Россия и Христианский Восток. Вып. IV—V. М., 2015. С. 220–225.

³ Оборнева З.Е. Дементий Чернцов в Посольском приказе (в печ.).

⁴ Куненков Б.А. Посольский приказ в 1613–1645 гг.: структура, служащие, делопроизводство. Рукопись диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Брянск, 2007; Он же. Переводчики и толмачи Посольского приказа во второй четверти XVII в.: функции, численность, порядок приема (<http://mkonf.iriran.ru/papers.php?id=50>).

⁵ Опарина Т.А. Переводчик Посольского приказа Анастас Селунский // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. Вых. Данные???

⁶ ПСРЛ. Т. 14. М., 1965. С. 32.

⁷ Флоря Б.Н. Молдавская, валашская и греческая феодальная эмиграция в Русском государстве второй половины XVI — начала XVII вв. // Проблемы источниковедения Молдавии периода феодализма и капитализма. Кишинев, 1983. С. 79–81.

⁸ РГАДА. Ф. 52. 1629 г. Д. 1. Л. 34–39.

⁹ Дмитрий Селунский с пометой «Дети его Иван, Аврам, Палеолог» значится как московский дворянин в боярском списке 1598–1599 г. (Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Ч. 1. С. 183.)

- ¹⁰ В росписи государева похода под Серпухов против крымских татар 7 мая 1598 г. «с государем в походе» находились «Дмитрий Селунский воеводич з детми с Аврамом, с ываном, с Павлом (очевидно, Палеологом. — А. П.)» (Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. IV. Ч. I. М., 1994. С. 25).
- ¹¹ Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992. С. 16, 18.
- ¹² Павлов А.П. Государев двор... С. 115; Народное движение в эпоху Смуты начала XVII в. 1601–1608 гг. Сборник документов. М., 2003. С. 137.
- ¹³ РГАДА. Ф. 52. 1629 г. № 1. Л. 34–39.
- ¹⁴ Мордовина С.П. К истории утвержденной грамоты 1598 г. //АЕ за 1968 год. М., 1970. С. 141
- ¹⁵ Согласно росписи русского войска 1604 г. с земельных владений Ивана, Аврама и Палеолога Дмитриевых Селунского было взято 9 человек конных («оприч Дорогобужской земли»), т.е. за ними числилось около 900 четв. земли (Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Ч. 2. С. 90.).
- ¹⁶ Сташевский Е.Д. Землевладение Московского дворянства в первой половине XVII в. М., 1911. С. 192.
- ¹⁷ Ивина Л.И. Эволюция состава уездного дворянства во второй половине XV — первой трети XVI в. (на примере Углецкой земли) // Средневековая и новая Россия. 1996. С. 354–367.
- ¹⁸ Заёмная кабала Василия Иванова сына Моисеева у углечского помещика у греченина Ивана Дмитриева сына Селунского. 1603 г. Список. (Государственный архив Ярославской области. Ф. 582 (Ярославская губернская ученая архивная комиссия). Оп. 6. № 1028. Л. 2).
- ¹⁹ Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Ч. 1. С. 183.
- ²⁰ Осадный список 1618 г. / Подг. Ю.В. Анхимюк, А.П. Павлов, И. Граля / Памятники истории Восточной Европы. Т. VIII // М.-Варшава: Древлехранители, 2009. С. 479.
- ²¹ ЧОИДР. 1909. Кн. III. Отд. I. С. 87.
- ²² Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова / С предисл. С.А. Белокурова. М., 1906. С. 83 (упоминается без отчества).
- ²³ Акты московского государства. СПб., 1890. Т. I. С. 143.
- ²⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. Л. 12, 171.
- ²⁵ Осадный список 1618 г.... С. 109.
- ²⁶ Там же. С. 179.
- ²⁷ Дворцовые разряды. Т. 1. 645. 1016. Т. 2. 845. 856. 863. 867; Разрядной книге. Т. 4. Ч. 2. Стб. 1051 об.
- ²⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 10. Столпик 6. Л. 291, 325. Сведения предоставлены А.П. Павловым, за что приношу глубокую благодарность.
- ²⁹ Там же. Ф. 138. Оп. 1. 1622. Д. 2. Л. 16.; Там же. Ф. 141. Оп. 1. 1622. Д. 12. Л. 2. Д. 25. 1623. Л. 15; Лисейцев Д.В. Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003. Т. 2. С. 368; Он же. Греческие переводчики и толмачи в Посольском приказе конца XVI — начала XVII в. // Россия и Христианский Восток. Вып. IV–V. М., 2015. С. 214–215; Куненков Б.А. Посольский приказ в 1613–1645 гг.: структура, служащие, делопроизводство. Рукопись диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

Брянск, 2007; *Он же*. Переводчики и толмачи Посольского приказа во второй четверти XVII в.: функции, численность, порядок приема (<http://mkonf.iriran.ru/papers.php?id=50>).

³⁰ *Лисейцев Д.В.* Греческие переводчики и толмачи в Посольском приказе конца XVI — начала XVII в. // Россия и Христианский Восток. Вып. IV—V. М., 2015. С. 214.

³¹ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1615. Д. 6. Л. 7, 12. Кн. 30. Л. 837 об., 914 об.

³² Там же. Ф. 96. Оп. 1. 1616. Д. 1. Л. 369, 377. Д. 3. 1616. Л. 38 об.

³³ Там же. Ф. 79. Оп. 1. 1615. Д. 6. Л. 7, 12. Кн. 30. Л. 837 об., 914 об. Именно так характеризовал его А.И. Сицкий. Лисейцев. Греческие... С. 214.

³⁴ Там же. Ф. 110. Оп. 1. 1611. Д. 1. Л. 1.

³⁵ Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений. Т. 1. 1615–1640 гг. № 2. Отправление в Грузию к царю Теймуразу I кахетинскому гонца Григория Васильевича Веревкина.

³⁶ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 4. Л. 39.

³⁷ Там же. Ф. 52. Оп. 1. 1622. № 1. Л. 62, 70. Сведения предоставлены З.Е. Оборневой, за что приношу благодарность.

³⁸ Там же. № 2. Л. 43. Сведения предоставлены З.Е. Оборневой, за что приношу благодарность.

³⁹ Там же. Оп. 1. 1623 г. № 1. Л. 30, 52, 56. Сведения предоставлены З.Е. Оборневой, за что приношу благодарность.

⁴⁰ Там же. № 5. Л. 16. Сведения предоставлены З.Е. Оборневой, за что приношу благодарность.

⁴¹ Там же. № 1. Л. 30, 52, 56. Сведения предоставлены З.Е. Оборневой, за что приношу благодарность.

⁴² Там же. Л. 56, 57. Сведения предоставлены З.Е. Оборневой, за что приношу благодарность.

⁴³ Там же. Л. 71. Сведения предоставлены З.Е. Оборневой, за что приношу благодарность.

⁴⁴ Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений. Т. 1. 1615–1640 г. ... № 4.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1625 г. № 5. Л. 101. Сведения предоставлены З.Е. Оборневой, за что приношу благодарность.

⁴⁸ Там же. № 2. Сведения предоставлены З.Е. Оборневой, за что приношу благодарность.

⁴⁹ Там же. № 22. Сведения предоставлены З.Е. Оборневой, за что приношу благодарность.

⁵⁰ Там же. Ф. 51. Оп. 1. 1627. № 11. Л. 64. Сведения предоставлены З.Е. Оборневой, за что приношу благодарность.

⁵¹ Там же. Ф. 52. Оп. 1. 1628. № 1. Л. 19. Сведения предоставлены З.Е. Оборневой, за что приношу благодарность.

⁵² *Лисейцев Д.В.* Греческие переводчики и толмачи в Посольском приказе конца XVI — начала XVII в. // Россия и Христианский Восток. Вып. IV—V. М., 2015. С. 214.

⁵³ Его брат Аврам Селунский подписывал купчие о продаже вотчины, имитируя греческую письменность (ОР РГБ. Ф. 178. 10987/ 27 (М. 10987/27). Л. 1 об.).

⁵⁴ Опарина Т.А. Переводчик Посольского приказа Анастас Селунский.

- ⁵⁵ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1627. Д. 6. Л. 8.
- ⁵⁶ Там же. Ф. 52. Оп. 1. 1628 (7136). № 3. Л. 8а.
- ⁵⁷ Лисейцев Д.В. Посольский приказ... С. 384.
- ⁵⁸ Награжден 2 алтынами 29 октября 1629 г. (РГАДА. Ф. 137. Боярские и городовые книги. 1-а. Посольский приказ. Оп. 1. Л. 9), 17 ноября 1629 г. (там же. Л. 14), 11 декабря 1629 г. (там же. Л. 17.).
- ⁵⁹ РГАДА. Ф. 138. Оп. 3. Д. 3. Л. 288 об.; Ф. 89. Оп. 1. 1630. Д. 4. Л. 6, 7, 11, 18, 26, 28, 42, 47, 134, 159, 205, 240, 243, 325; Ф. 138. Оп. 1. 1631. Д. 4. Л. 5.
- ⁶⁰ Там же. 1628 г. № 1. Л. 52. Сведения указаны З.Е. Оборневой, за что приношу благодарность.
- ⁶¹ Сторожев В.Н. Материалы для истории делопроизводства поместного приказа по Вологодскому уезду в XVII веке. СПб., 1906. Вып. 1. № 10.
- ⁶² К казакам примкнул и беглый холоп Ивана Селунского (*Станиславский* А.А. Гражданная война в России XVII в. М., 1990. С. 168).
- ⁶³ Сторожев В.Н. Материалы для истории делопроизводства поместного приказа по Вологодскому уезду в XVII веке. СПб., 1906. Вып. 1. № 10.
- ⁶⁴ Осадный список 1618 г. ... С. 179.
- ⁶⁵ Сторожев В.Н. Материалы для истории делопроизводства поместного приказа по Вологодскому уезду в XVII веке. СПб., 1906. Вып. 1. № 10.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ Осадный список... С. 109, 179.
- ⁷⁰ Грамота из Владимирского судного приказа углечскому воеводе П.Г. Дашкову о расследовании дела по челобитной переводчика Ивана Дмитриева сына Селунского на священника Филиппа Иванова в неуплате долга. 1618 г. (Государственный архив Ярославской области. Ф. 582. Оп. 5. Д. 76. Л. 1.).
- ⁷¹ Осадный список 1618 г. ... С. 418.
- ⁷² РГАДА. Ф. 1209. Оп. Стб. 33115. № 27. Ч. 1. Л. 171.
- ⁷³ Там же. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 893. Л. 148.
- ⁷⁴ Там же. Ф. 159. Оп. 2. № 617. Л. 153–153 об.
- ⁷⁵ Там же.
- ⁷⁶ Там же. Л. 154–154 об.
- ⁷⁷ Там же.
- ⁷⁸ Для Григория Аграфена была мачехой. Сын Григорий называл Аграфену мачехой (Государственный архив Ярославской области. Ф. 582. Оп. 5. Д. 198. Л. 1).
- ⁷⁹ РГАДА. Ф. 137. № 1а. 1648. Л. 59 об.
- ⁸⁰ Там же. Л. 60.
- ⁸¹ Там же. № 1а. Л. 59.
- ⁸² Осадный список 1618 г. ... С. 479.
- ⁸³ Лисейцев Д.В. Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003. Т. 2. С. 384; Он же. Греческие переводчики... С. 215.
- ⁸⁴ РГАДА. Ф. 96. Оп..1. 1616. Д. 10. Л. 190.
- ⁸⁵ Там же. Ф. 79. Оп. 1. 1618. Д. 2. Л. 166, 167 (подъячий первоначально перепутал сына с отцом).
- ⁸⁶ Там же. Ф. 96. Оп. 1. 1618. Д. 2. Л. 461; 1618. Д. 6. Л. 69.

- ⁸⁷ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1622. № 4. Л. 1.
- ⁸⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 450 (Барсков). № 83. Л. 19.
- ⁸⁹ РГАДА. Ф. 138. 1628 г. № 1. Л. 52. Сведения предоставлены З.Е. Оборневой, за что приношу благодарность.
- ⁹⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 450 (Барсков). № 83. Л. 20.
- ⁹¹ Там же. Л. 19–22.
- ⁹² Там же.
- ⁹³ РГАДА. Ф. 138. 1628 г. № 1. Л. 52.
- ⁹⁴ Там же.
- ⁹⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 450 (Барсков). № 83. Л. 21–22.
- ⁹⁶ Там же. Л. 22.
- ⁹⁷ РГАДА. Ф. 138. 1628 г. № 1. Л. 22.
- ⁹⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 450 (Барсков). № 83. Л. 22.
- ⁹⁹ Последнее упоминание имени Григория Селунского относится к 1618 г.; первое в Иноземском — 1625 г. Наиболее вероятно, в период между 1618 и 1625 г. он находился в военном ведомстве. Документы Иноземского приказа погибли в пожаре 1626 г., и проследить точное время его перехода невозможно.
- ¹⁰⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 43. Л. 128–130, 136, 141, 145, 149, 162. Стб. 855. Л. 214 об.
- ¹⁰¹ Там же. Оп. 9. Стб. 19. Л. 34; Ф. 210. Оп. 9. Стб. 899. Л. 176.
- ¹⁰² Там же. Стб. 19. Л. 34. В 1648 г. за Григорием Селунским было поместье «на Романове в Колохощком стане деревня Юшкино да треть деревни Антоновка» (РГАДА. Ф. 137. № 1а. 1648. Л. 59).
- ¹⁰³ Шватченко О.А. Историко-географические и демографические аспекты истории землевладения служилых иноземцев в России конца XVI — первой половины XVII в. // Труды Института российской истории. Вып. 7 / Отв. ред. А.Н. Сахаров / М., 2008. С. 273–301.
- ¹⁰⁴ О.А. Шватченко называет Григория Иванова Селунского в числе иноземцев, обладавших землями в Романовском уезде с 1595 по 1628 г.
- ¹⁰⁵ Антонов А.В. Землевладельцы Романовского уезда по материалам писцовой книги 1593–1594 г. // Архив Русской истории. Вып. 8. М., 2007. С. 574–601.
- ¹⁰⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 19. Л. 34.
- ¹⁰⁷ Там же. Л. 166.
- ¹⁰⁸ Там же. Стб. 855. Л. 150.
- ¹⁰⁹ Скобелкин О.В. Служба иноземцев в Украинном разряде в 20-х гг. XVII века // Иноземцы в России в XV–XVII веках. М., 2006. С. 292–302.
- ¹¹⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 50. Л. 7.
- ¹¹¹ Там же. Кн. 43. 1631. Л. 135.
- ¹¹² Там же. Кн. 45. 1632. Л. 363 об.
- ¹¹³ Челобитная «греченина» Григория Иванова сына Селунского о суде над его человеком Иваном Терентьевым, бежавшим со службы в Дорогобуже и жившим в поместье его мачехи Аграфены в деревне Булышеве Углечского уезда (Государственный архив Ярославской области. Ф. 582. Оп. 5. Д. 198. Л. 1).
- ¹¹⁴ Там же.
- ¹¹⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 47. 1634. Л. 63 об.
- ¹¹⁶ Там же. Кн. 50. Л. 7.

¹¹⁷ РГАДА. Ф. 137. № 1а.

¹¹⁸ Там же. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 53. 1651. Л. 11 об. 500 чети 28 рублей. Романовской помещик григореи иванов сын селунской.

¹¹⁹ Там же. Оп. 9. Стб. 19. Л. 58. 300 чети 17 рублей иван иванов селунской греченин. Л. 179.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ Там же.

¹²² Там же. Оп. 6. Кн. 40. Л. 93–93 об. Ивану Иванову сыну Селунскому дано. Иван деньги взял и в Ивана Селунского место сын ево руку приложил.

¹²³ Там же. Кн. 53. Л. 15 об. 300 чети 17 рублей. Углецкои помещик Иван Иванов сын Селунской.

¹²⁴ Там же. Ф. 137. № 1а. Л. ???

¹²⁵ Там же. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 53. Л. 13. 400 чети 16 рублей. Углецкои помещик Матфеи Иванов сын Селунской.

¹²⁶ Заемная кабала Василия Иванова сына Моисеева у углечского помещика у греченина Ивана Дмитриева сына Селунского 1603 г. Список; Отпускная память Матвея Иванова сына Селунского Ивану Васильеву Моисееву. 30 мая 1669 г. (Ф. 582 (Ярославская губернская ученая архивная комиссия). Оп. 6. № 1028. Л. 2–3).

¹²⁷ Акты московского государства. СПб., 1890. Т. I. С. 143; Осадный список 1618 г. С. 40; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 142. Столпик 4. Л. 28; Там же. Столбцы Разных столов. № 64. Л. 12; Там же. Столбцы Московского стола. № 22. Столпик 1. Л. 36; Там же. № 33. Л. 49; Там же. № 32. Столпик 2. Л. 50; Там же. № 25. Столпик 2. Л. 63; Там же. № 51. Столпик 3. Л. 82. Сведения предоставлены А.П. Павловым, за что приношу глубокую благодарность.

¹²⁸ В боярском списке 1629–1630 г. упоминается с пометой «Умре» (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 51. Столпик 3. Л. 82).

*Андрей Петрович БОГДАНОВ,
д.и.н., ИРИ РАН (Москва)*

Политическая публицистика братьев Лихудов (вторая половина 1680-х – начало 1690-х годов)

Греческие братья Иоанникий и Софроний Лихуды широко известны в научной литературе своей просветительской деятельностью и богословской публицистикой. Уроженцы острова Кефалония, получившие образование в Венеции и Падуе, прибыли в Москву в 1685 г. Более 30 лет они посвятили преподаванию в славяно-греко-латинских училищах в Москве и Великом Новгороде. Им принадлежат яркие публицистические книги в споре о Пресуществлении Святых даров («Акос», «Диалоги», «Показание истины» и «Мечец духовный»). В документах Посольского приказа освещена политическая деятельность ученых греков. Как показал в конце XIX в. М.Н. Сменцовский, они внесли важный вклад в укрепление отношений России с Республикой Венеция и др. странами¹. Наименьшее внимание историков привлекли публицистические выступления Лихудов в Москве, связанные с непростой ситуацией регентства царевны Софьи Алексеевны (1682–1689). Из созданных братьями блестящих политических речей (ораций) этого времени лишь одна была обнаружена в черновом автографе и опубликована Е.Д. Лермонтовой в 1910 г.².

Еще одна важная рукопись, содержащая речи ученых греков, была обнаружена мной при исследовании коллекции рукописных книг Владимира-Сузdalского музея-заповедника³. Знаменитый археограф XIX в. А.Е. Викторов

описал этот кодекс в библиотеке Флорищевой пустыни как «Сборник похвальных слов неизвестного русского проповедника»⁴. После поступления рукописного собрания пустыни в библиотеку музея кодекс был дважды отмечен в литературе как исчезнувший⁵. К счастью, последовательный просмотр примерно тысячи манускриптов Фонда рукописной книги музея выявил его наличие — так же как и наличие другого «исчезнувшего» сборника, содержащего, как выяснилось, списки сочинений блестящего поэта и панегириста Кариона Истомина, сделанные монахами Феофаном Чудовским и Исаией Толским с авторских рукописей⁶.

Найденный сборник сочинений братьев Лихудов, написанный непрофессиональным книжным письмом в начале XVIII в.⁷, содержит 24 неизвестных ранее текста. Это праздничные поздравительные «слова», адресованные царевне Софье, канцлеру В.В. Голицыну, царям Ивану и Петру, патриархам Иоакиму и Адриану за период с конца 80-х до конца 90-х гг. XVII в.⁸. Авторство сочинений не указано. Я атрибутировал эти замечательные тексты ученым братьям по следующим соображениям.

Помимо отмеченной Викторовым витиеватости стиля и пристрастия автора к греческим философам, историческим и мифологическим персонажам (присущим и русским авторам того времени, например Игнатию Римскому-Корсакову и Евфимию Чудовскому), следует обратить внимание на трудности, которые испытывал сочинитель с языком своих произведений, особенно самых ранних. Очевидно, что это был иностранец, осваивавший русский литературный язык по книгам разного времени. В «слово похвальном на преславное рождество тишайшего ... царя ... Петра Алексеевича» автор прямо пишет об этих трудностях: «но беседуя странным диалектом, а не своим, и не яко подобает, бояся, дабы сицевым произношением гласа не принести кое-либо досаждение тишайшеству сердца твоего, сего ради принуждаю себя умолчати»⁹.

Говоря в Воскресной «Похвале царям Иоанну и Петру и царевне Софье» (27 марта 1687) о законности притязаний российских государей на цареградский престол,

автор отмечает, что цари московские в скором времени окажутся преемниками «тогдашних наших царей светлейших», что выдает его греческое происхождение¹⁰. На то же указывает и наблюдение, что в одном из ранних произведений сборника — панегирике канцлеру Голицыну 1689 г. — греческие патриархи ставятся в «святой христианской церкви» перед московским первосвященником¹¹. Формально это было так. Однако, по меньшей мере, со временем «Прений с греками» Арсения Суханова 1650 г., несмотря на видимую грекофилию начала реформ Никона, в русских сочинениях писали в первую очередь о Московском патриархе, который во вселенском масштабе мог действовать самостоятельно, в лучшем случае вместе с Восточными патриархами. В последующих по хронологии сочинениях сборника московские патриархи выдвигаются на первое место.

Далее, хотя язык, литературная форма и повторяющиеся толкования излюбленных аллегорий не позволяют приписать сочинения сборника разным авторам, часть текстов написана от первого лица единственного числа, а другая — множественного. Причем в одном случае авторы говорят о своих общих учениках¹². Все это уже при первом чтении вновь обретенной рукописи заставило меня вспомнить о братьях Лихудах, преподававших в Москве с 1685 до 1694 г. и с 1697 г. до конца века¹³.

Большая часть литературных панегириков, вышедших из-под пера братьев, считалась утраченной. «Известно одно только надгробное слово царице Наталии Кирилловне, произнесенное в январе 1694 г., — писал знаменитый знаток творчества Лихудов М.Н. Сменцовский. — Но самый факт, что Лихудам весьма часто приходилось выступать в роли придворных ораторов во дни тех или иных придворных торжеств и, в особенности, во время празднования имянин многочисленных членов царской семьи, не подлежит никакому сомнению. Он находит себе официальное подтверждение — разумеем дачу, которую получил Софроний Лихуд в декабре 1688 года: «за его многие в божественном писании труды и за орации на государские ангелы»¹⁴.

Отмеченные в литературе речи братьев Лихудов не заполняли выявленный Сменцовским пробел в их литературном наследии. Ко времени до получения награды «за орацы» относился только панегирик царевне Софье 1687 г., опубликованный Лермонтовой. Десятилетием позже датируются известные по заглавиям похвальные слова 1696 и 1698 гг. (на память царя Ивана и возвращение Петра из Голландии), сохранившиеся Триумф царя Петра Алексеевича под Азовом 1697 г.¹⁵ и похвальное слово Софрона ко дню ангела Петра (между 1704 и 1711)¹⁶. В новом веке братьями было создано «Сказание радостного и торжественного триумфа» Полтавской победы 1709 г.¹⁷. Наконец, Софроний, переживший брата на 13 лет (он умер в 1730), написал «Триумф о благополучнейшем и преславном вечном мире ... со свейской короною» 1721 г.¹⁸ и «Слово похвалительное» на царское венчание императрицы Екатерины Алексеевны в 1724 г.¹⁹.

Между тем политическая публицистика братьев Лихудов, тесно сотрудничавших с канцлером Голицыным, который усиленно развивал средства формирования общественного мнения в России и за рубежом²⁰, оказывала заметное влияние на русское общество 1680-х гг. Знаменитый оратор Игнатий Римский-Корсаков в замечательном «Слове благочестивому и христолюбивому российскому воинству» 1687 г. дал прямую ссылку на первую орацию, произнесенную Иоанницием и Софронием вскоре после их приезда в Москву, 9 марта 1685 г.²¹. 21 февраля 1687 г. Игнатий процитировал основные положения этой речи Лихудов, выступая перед командирами войск, отправляющихся в Крымский поход, на Соборной (Ивановской) площади в Кремле, а 14 марта вручил свою оформленную в роскошную книгу проповедь царям и Софье²². Текст первой оrationи Лихудов не сохранился, однако в одном из панегириков обнаруженного сборника братья повторяют их использованные Игнатием высказывания, отмечая, что они «так и тогда прежде предрекали, когда вашего тишайшества (так Лихуды титулуют царей и Софью) пречестнейших лиц насладились»²³.

Таким образом, атрибуцию сборника Флорищевой пустыни Иоанникую и Софронию следует считать доказанной. В него вошло большинство сочиненных братьями за 15 лет праздничных оракий: 16 рождественских и 4 пасхальных, а также часть сочинений на «ангелы» членов царской семьи, число которых, вместе с двумя известными панегириками Софье и Петру, возрастает теперь до пяти. Одно похвальное слово «на случай» — Второй Крымский поход — наиболее раннее по отношению к четырем известным. Самое главное, что в сборнике хорошо представлены сочинения 1680-х гг., раскрывающие позицию авторов вскоре после их приезда в Россию. Лакуна в творчестве греков, на которую справедливо сетовал Сменцовский, сегодня заполнена.

Но насколько авторитетна передача текста найденных нами сочинений? Отклоняющиеся от литературной нормы конца XVII в. особенности авторской орфографии, синтаксиса и пунктуации, которые были бы хоть частично изменены посторонним писцом (особенно в знаках препинания), позволяют предположить, что текст кодекса, написанный в основном одним почерком (варьирующимся от полууставной до беглой книжной скорописи), является автографом одного из братьев, вероятно — Софрония. Более уверенная атрибуция затрудняется из-за недостатка достоверных образцов кириллического книжного письма Лихудов. В любом случае сборник из сочинений обоих братьев и одного Софрония, которые были написаны на протяжении почти 15 лет, не мог быть составлен кем-либо иным, кроме самих Лихудов. Они в XVII в. не следовали московской традиции своеевременной переписки, поднесения и распространения авторами своих литературных панегириков.

Основную мысль политических выступлений братьев правильно понял Игнатий Римский-Корсаков. Весной 1685 г., едва приехав в Москву и уже энергично сотрудничая с Посольским приказом, они высказали идею, что в войне против Османской империи, в которую как раз вступала Россия, греки «вскоре прибегнут под державу богохранимых великих царей всея России; и вместе, как

люди христоименитые, греки и россы ... будут побеждать скверного турка»²⁴. По словам Игнатия, «премудрые христианских учений учителя, православные иеромонахи Иоанникий и Софроний, греки и братья, жители града Кефалония, монастыря Пресвятой Богородицы Панагии, когда предстали поклониться пресветлым и великим государям нашим самодержавнейшим царям и непобедимым в Божьей помощи кесарям, в приветствии своем говорили: «Что имеете, — сказали, — ныне начало и власть, в золотом яблоке вашем (т.е. державе), Востока и Запада. И потом, уповаем, благоволением Отца, и Сына, и Святого Духа, вместе с престолом Цареградским, который по законам ваш есть, — и самодержавие всей Вселенной»²⁵.

Расширение Российской державы до концов Вселенной было в 1680-х гг. общим местом государственной концепции в целом и утвержденной в 1676 г. официальной идеологии Российского православного самодержавного царства в частности²⁶. Но Лихуды на этом не остановились и добавили два отмеченных Игнatiем нюанса, важных для развития политической мысли в Москве. Одна мысль братьев гарантировала царям победу, «потому что вы боретесь ради Христа, и Христос, ради державнейшего, благочестивейшего и святейшего вашего царства, святое ваше царство умножает, ради православия и веры христовой, и Христос напротив того взаимно умножает славу вашу». Российское царство с Божьей помощью неуклонно разрастается в мире благодаря высшей избранности своей идеи, а его экспансия ведет охваченные державой народы не к смерти и порабощению — но к свободе и просвещению. Последняя мысль Лихудов прекрасно формулировала не выраженное до того так отчетливо ощущение особости русской мировой миссии. «О чудо предивное, — воскликнули они, — и образ воевать так, никогда не слыханный! Воюете не для того, чтобы смерти предать побежденного, но к жизни, то есть привести его к благочестию истинного света, просвещдающего всякого человека, грядущего в мире. Не чтобы его в узилище предать, но чтобы освободить его от страшных вериг адовых». Мысль, что все царства воюют, чтобы убивать и

разорять, а Российское царство — чтобы спасать и просвещать, была развита Игнatiем и закрепилась в качестве фундаментальной идеи, согласно генералиссимусу Суворову, гарантировавшей русским воинам победу в веках²⁷.

Заключая изложение мыслей братьев Лихудов, Игнтий повторил для воинов самый общий смысл обращения греков к царям: «Да видит мужество ваше, какое греки намерение имеют, раз Семихолмный, то есть Царьград, по законам называют пресветлых наших и самодержавнейших царей отчинным их престолом. И как не постаться, чтобы пресветлые цари всея России царствовали и в нем, по древнему греческому православному закону!»

Предложения отвоевать у турок Константинополь, занять «превысочайший престол великого царя Константина, прадеда вашего», «освободить народ благочестивых и православных христиан от нечестивых рук», настойчиво звучали в речах греческого духовенства в Москве с середины XVII в.²⁸ Эта не новая мысль о «возвращении» православным русским царям Константинополя и в целом наследия Восточной Римской империи повторялась в публицистике братьев Лихудов и далее. Но непременно с интересными добавлениями и поворотами.

На Пасху 27 марта 1687 г. Иоанникий и Софроний выразили уверенность, что цари, благодаря их благочестию, просияют «образом солнца». Аллегория эта была развита для царя Алексея Михайловича еще Симеоном Полоцким — раньше, чем французский король Людовик XIV избрал Солнце своей эмблемой²⁹. Но Лихуды тонко обратили образ Солнца к излиянию царской милости, «ради правды и православия», «ко всем». Именно эта милость, утверждали братья, светлее и крепче всего на земле, именно она покоряет царям всякого врага и супостата, именно это свойство царей «погрузит престол Константинопольский под закон ваш», вернет преемникам «наших царей» ромейское наследие и сделает их по достоинству самодержцами «всей вселенной»³⁰.

Единственная известная ранее оrationь Лихудов периода регентства, обращенная в том же 1687 г. к царевне Софье, не содержала подобных высказываний. Зато

братья ко дню святой Софии 17 сентября смело говорили о «царской троице», открыто признавая право Софьи на престол, и уподобляли царевну Богородице-Оранте — Нерушимой стене, обороныющей Россию и все-все православие. Разумеется, и в произнесенном перед царским двором 27 марта 1687 г. воскресном «Слове на восстание Господа нашего Иисуса Христа» ученые греки особо апеллировали к правительнице, которая скипетры отеческие ... в премудрости и мужестве утвердила». Сравнения здесь чуть скромнее — с Юдифью (спасшей народ Израиля, как Софья спасла царство во время Московского восстания 1682 г.), боговдохновенной предводительницей и «матерью» избранного народа Деворой, а также «святейшей Сусанной» (Римской, основательницей церкви, отличавшейся образованностью, красотой, целомудрием и твердостью веры). При этом царевна — «истиннейший и известнейший царям скипетр», повторяли ораторы. «Мудрейшая София тишайшим и сладчайшим братьям известнейшим скипетром оказалась, не только как сестра, но как чадолюбивая мать тех уча и поучаемых руководствуя на такого царства строение». Именно ей, как надеялись Лихуды, предстояло добиться, чтобы российские цари «всей Вселенной самодержцами по достоянию оказались»³¹.

29 августа следующего, 1688 г., в день Усекновения головы Иоанна Крестителя, Софроний Лихуд вспомнил древний обычай насаждать в день рождения царя дерево, которое именовалось «царским деревом и столпом непоколебимым». Именно пышно цветущим и плодоносящим деревом и прочным столпом добродетели и правды является царь Иоанн и для своего младшего брата Петра, и для всех подданных. У греков, говорил Софроний, царь понимается как «народа основание». Таким основанием и столпом является в Московском государстве старший из царей³².

На Рождество 25 декабря 1688 г. или 1689 г. Софроний пышно поздравил своего покровителя патриарха Иоакима, сравнив его со звездой, которая вела волхвов и младенцу Иисусу, назвав земным ангелом и истолковав имя

патриарха как «господне утверждение» Русской церкви. Увлеченный модными тогда сильными уподоблениями, Софроний без ложной скромности говорил, что немеет в восхищении перед святейшим, как «Аристотель философ … который хотел в похвалу слово изречь перед лицом Александра Македонского, безгласен был и без языка»³³.

Летом 1689 г. Александром Македонским для Софрония стал его изначальный покровитель канцлер и генералиссимус В.В. Голицын. Ученый грек верно оценил в похвальном слове на возвращение князя из Крымского похода реальные трудности войны в степях, которые не смогла бы в то время преодолеть ни одна европейская армия. Но преодолела, с несомненной Божьей помощью и мужеством, реформированная Голицыным армия русская. В этой связи уподобление канцлера Давиду, а Крымского хана — Голиафу, на первый взгляд странное при сравнении мощи России и Крымского ханства, было вполне уместным³⁴.

А что же брат Софрония, Иоанникий? В это время он не участвовал в составлении рацей, поскольку с февраля 1688 по март 1691 г. выполнял миссию Посольского приказа за границей. Он и оттуда пытался влиять на политические мнения в Москве, по заказу своего благодетеля канцлера В.В. Голицына (и не только его). Расположение главы Посольского приказа простипалось так далеко, что он помог братьям легализоваться в Москве, несмотря на отсутствие необходимой рекомендательной грамоты Константинопольского патриарха³⁵. А затем содействовал Иоаннику в поездке по личным делам в Венецию: дал дипломатические поручения, снабдил документами и жалованьем посланника, помогал ученыму и его детям улаживать дела в Вене и ласково называл его в переписке «зело мне приятным благодетелем»³⁶. 22 ноября 1688 г. Иоанникий сообщил Голицыну, что «многие» руководители Венецианской республики «расспрашивали меня так: желают ли великие и державнейшие государи Московские венчаться на престоле Константинопольском? Я, Богом свидетельствуя, отвечал им такими словами: Истинно что желают. И они мне говорили, что лучше и

пристойнее времени не найти, как ныне. Поэтому (цари) и город строили (Новобогородскую крепость. — А. Б.), как слышали, чтоб могли обладать Крымом ... Уповаем, что иной препоны достигнуть Константинополя не будет». Сходное сообщение Иоанникий послал 23 мая 1689 г. после посещения Вены. В ходе личных переговоров и переписки с князем Валахии он получил настойчивое предложение «объединиться с войсками царского величества после победы над Крымом», то есть уничтожения последнего препятствия в наступлении русских на Константинополь. Просили Россию «об избавлении» — уверял Лихуд — и правители Сербии. Австрийский император даже выразил желание уступить Валахию победоносному союзнику³⁷. Переданные Иоанниkiem неофициальные обещания союзников России по Священной лиге, понятные в момент, когда те собирались оставить русских одних защищать «христианский мир», отвечали не столько реальной политике Голицына, сколько пропагандистским планам второго человека в правительстве регентства, фаворита царевны Софьи Ф.Л. Шакловитого³⁸. Но это уже другая история.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сменцовский М.Н. Братья Лихуды. Опыт исследования из истории церковного просвещения и церковной жизни конца XVII и начала XVIII веков. СПб., 1899.

² Российский государственный архив древних актов. Ф. 375. № 22. 18 л. Опубл.: Лермонтова Е.Д. Похвальное слово Лихудов царевне Софье Алексеевне. М., 1910.

³ Владимиро-Сузdalский музей-заповедник. В-5636/112. 4°. 129 л.

⁴ Викторов А.Е. Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России. СПб., 1890. № 83. С. 245–246. Описание повторено: Георгиевский В. Флорищева пустыни. Вязники, 1896. № 101. С. 220–221.

⁵ Рогов А.И. Сведения о небольших собраниях славяно-русских рукописей в СССР. М., 1962; Бельчиков Н.Ф., Бегунов Ю.К., Рождественский Н.П. Справочник-указатель печатных описаний славяно-русских рукописей. М.; Л., 1963.

⁶ Владимиро-Сузdalский музей-заповедник. В-5715. 4°. 49 л.

⁷ Текст написан двумя почерками: неустойчивой прямой книжной скорописью (П-1) и размашистой белой деловой скорописью (П-2, см. л. 3, 118–119 об., 121–126). Рукопись датируется по бумаге. Филигрины: 1) л. 1, 3–14, Герб г. Амстердам с литерами CPPDC (в две линии), типа Клепиков С.А. Бумага с филигранью «Герб города Амстердама» // Записки Отдела

Рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. М., 1958. Вып. 20 (далее — Клепиков), № 42 — 1702—1703 гг.; 2) л. 2, 127—128, то же, без литер; 3) л. 15—21, 125—126, то же, с литерами RG (в две линии), типа Клепиков № 252 — с 1699 по 1740 г.; 4) л. 22—24, то же, без литер, контрамарка плохо просматривается; 5) л. 25—46, то же, без литер и контрамарки; 6) л. 47—58, то же, с литерами gg, типа Клепикова № 82 — 1698, 1711 гг., отмечена мной в рукописи Российского государственного архива древних актов. Ф. 181. № 366/816 (Ф-2) — конец 1690-х гг.; 7) л. 59—70, то же, с контрамаркой WHC (в две линии), типа Клепикова № 277 — [1680—1690 гг.]; 8) л. 71—101, то же, без литер; 9) л. 102—117, то же, с контрамаркой VD (в две линии), близка типу *Churchill W.A. Watermarks in Paper in Holland, England, France etc. in the 17th and 18th Centuries and their interconnections*. Amsterdam, 1935, № 61 — 1706 г.; 10) л. 118—124, то же, с литерами CVH (лигатура, в два линии) и контрамаркой I UILLEDARY (в две линии), сходна с бумагой в рукописи Российской государственной библиотеки. Ф. 299. № 634 (Ф-2) — 1697 г., тождественна бумаге Российской государственной библиотеки. Ф. 98. № 1289, л. 129 об. — [1700 г.].

⁸ Из-за отсутствия сколько-нибудь удовлетворительного описания сборника приведу его целиком. 1) л. 2. Эпитафия «дивному оному в мусикии Мелентию иеродиакону от Хии града», 1680 г.; 2) л. 3—14 об. «Слово на Рождество», 1690-е гг. Нач.: «Со удивлением всего круга земнаго немалым оный истинный философ, земных благ и маловременных величеств зиратель (,), Диоген глаголю». Кон.: «и веселитеся в небесном Иеросалиме со Отцем и Сыном и Святым духом(,) аминь»; 3) л. 15—21 об. «Слово на Рождество». Нач.: «Тако; у философов древле, Бога бытии единаго, восприято бысть, [титло] тако глаголю, у философов древних Бога единаго бытии восприяти, яко же: у Афиней, зело Протагор, наказан бысть». Кон.: «ему приносите благодарение честь поклонение со Отцем и Духом его Святым, ныне и в бесконечные веки, аминь»; 4) л. 22—26 об. «Слово на светоносный день восстания Господа нашего Иисуса Христа». Нач.: «Со удивлением немалым внутренних моих чувств [благочестивейший и православнейший христианин] со удивлением». Кон.: «день покоя нашего, не к тому печали, не к тому воздыхание, не к тому слезы(,) но радость, но веселье: и покой(.) Возрадуемся убо и возвеселимся в он»; 5) л. 27—28. «Похвала ко архиерею на Рождество Христово от всякого лица». Нач.: «Величайший сего света монах, и премудрейший скриптор держатель Александр Македонский, противу персов ополчашеся со множеством воинства своего». Кон.: «мирное пребывание во всяком благоденствии на многия градущыя лета(,) аминь»; 6) л. 29. Без заглавия. Образец похвальной рождественской оrationи к архиерею (подготовлено к печати); 7) л. 30—32 об. «Похвальное слово» на Рождество к патриарху Адриану, 1690-е гг. Нач.: «Страшное видение и неудобопонятное человеческому естеству виде древле, иногда оной божественный муж, Моисей глаголю» (панегирическая часть подготовлена к печати); 8) л. 33—36. «Слов(о) на Рождество», 1690-е гг. Нач.: «Мнози от древних философов о взоре солнечного дискоса удивляшеся, яко и сего поятие познати не могущи». Кон.: «и яко да ходатайством ея даст блаженнейшему, нашему отцу патриарху кир Адриану Московскому(,) всея России и всех северных стран(.) здравие и благоденствие, и лета мирна(,) яко да им прославляется и величается святая наша Восточная церковь(,) аминь»; 9) л. 36 об.—37 об. «Слово на Рождество», 1690-е гг. Нач.: «Звезда пресветлейшая явися на востоце и весь мир удивися, о ней же мудри ум свой обу-

чают» (панегирическое обращение к патриарху Адриану подготовлено к печати); 10) л. 38–39 об. «На Рождество Христово похвала» к патриарху Адриану, первая половина 1690-х гг. Нач.: «Обычай имеют царие всея вселенныя [титло] яко егда имеют помышление пойти в кий: град разоренный, и великими злополучми облеченный(,) во еже его посетити, и устроити, изрядною честию, и чином высочайшим, посылают прежде в него проповедатели возрубити трубу» (панегирическая часть подготовлена к печати); 11) л. 40–41. «На Рождество христово похвала» к патриарху Адриану, 1690-е гг. Нач. «Трепещет ум мой и вся моя чювства страхом содержатся, откуду же начну глаголати, или камо окончти, не вем» (панегирическая часть подготовлена к печати); 12) л. 42–43. «На Рождество Христово похвала» к патриарху Адриану, 1690-е гг. Нач.: «Да станет солнце и луна в чине своем» (панегирическая часть подготовлена к печати); 13) л. 43–44. «Похвала на Рождество Христово» к патриарху Иоакиму, конец 1680-х гг. Нач.: «Конечно бо днесъ оное велегласнейшим от пророк, радостное Исаием пророченное исполнися, еже се дева во чреве возъимать, и родит сына и наречет имя ему Иммануил, исполнися»; панегирическая часть опубл.: Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII века: Литературные панегирики / Подготовка текста, предисловие и комментарии А.П. Богданова (далее - Памятники). № 19. С. 187–188; 14) л. 45–46. «Похвала на Рождество Христово» к патриарху Адриану, 1690-е гг. Нач.: «Возрадовашася конец всех радостию велию волсви(,) обретши во Вифлееме иудейстем, рождшагося царя иудейска с Мариюю материю его» (панегирическая часть подготовлена к печати); 15) л. 47–52. «Слово на Рождество по плоти Господа нашего Иисуса Христа» к царям Ивану и Петру, первая половина 1690-х гг. Нач.: «Дивное иногда и многоискания немалого достойно действие везнепящева оставити, всем по себе сущим, оный астрономского многоистова учитель премудры(й), премудры(й) [реку] Зороастр [титло]» (панегирическое обращение к царям подготовлено к печати); 16) л. 53–54 об. «Епилог; к великим государем» Ивану и Петру, похвальная раця первой половины 1690-х гг. (подготовлена к печати); 17) л. 55–58 об. «Слово похвальное на преславное рождество тишайшаго и Богом венчаннаго нашего великаго государя царя и великаго князя Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и Белыя России и иных многих царств и земель северных(,) восточных и западных; самодержца державнейшаго» (подготовлено к печати); 18) л. 59–61 об. Похвальное слово В.В. Голицыну на возвращение из II Крымского похода, июнь 1689 г. (опубл.: Памятники. № 27. С. 215–219); 19) л. 63–75 об. «На Рождество Господа нашего Иисуса Христа слово похвальное, и показательное диалектическим образом о вочеловечении его(,) купно же и ко самодержавному великаго нашего царя Петра Алексеевича богоустроенну и богохранимому орлу», конец 1690-х гг. (подготовлено к печати); 20) л. 77–81 об. «Слово на Рождество по плоти Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа» у царю Иоанну Алексеевичу, конец 1680-х — первая половина 1690-х гг. Нач.: «С великим вниманием стояша(,) благочестивейший и Богом венчанный наш в. г. ц. и в. кн. Иоанн Алексеевич всея В. и М. и Б. Р. и многих царств и земель северных восточных и западных самодержце державнейший(,) с великим вниманием глаголю стояша пред страшным и непостижимым присутствием блаженныя Троицы ... шестикирлатии серафимы». Кон.: «да прославится имя Твое во всем четвероконечном мире купно со Отцем и Святым его Духом, ныне и присно и во веки веков(,) аминь»;

21) л. 82–88. «Слово на Рождество Господа бого и Спаса нашего Иисуса Христя». Нач.: «Древнейшее дело есть желание, еже праматерь нашу Еву, внутрь Раю сладостию поем же и на змия победу усрете много искания обоя бяше ведати восхотевши(,) что убо вне райских оград бывает». Кон.: «и ходатайство твое прохождение есть хотящым обрести Иисуса и благодати его! Ныне и присно и во веки веков(,) аминь»; 22) л. 88 об.–96. «Слово на светоносный день (Востания — А.Б.) Господа и Спаса нашего Иисуса Христа» к патриарху Адриану, 1690-е гг. Нач.: «Многоискательное зело и прекрасное [титло] любве от писания высокоумному нашему лику(,) древних мудрецов живописаша бо онаго виде некоего вселенаго и прекраснаго юноша» (панегирическая часть подготовлена к печати); 23) л. 96–107. «Слово на Востание Господа нашего Иисуса Христа» с похвалой царям Ивану и Петру и царевне Софье, 27 марта 1687 г. (похвала опубликована: Памятники. № 17. С. 183–184); 24) л. 107 об.–116. «Слово на светоносный день Востания господа нашего Иисуса Христа» с похвалой царям Ивану и Петру Алексеевичам, первая половина 1690-х гг. Нач.: «Аристотель оный стагиритянин в философех первый о рождении животных упряжняся глаголет» (панегирическая часть подготовлена к печати); 25) л. 116 об.–126. «Слово торжественное на усекновение честныя главы, честнаго и славнаго пророка Предтечи и Крестителя Иоанна» с похвалой царю Ивану Алексеевичу, 29 августа 1689 г. (похвала опубл.: Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII века: Литературные панегирики / Подготовка текста, предисловие и комментарии А.П. Богданов. № 18. С. 185–186); 26) чистые листы: 1–1 об., 2 об., 28 об., 29 об., 41 об., 44 об., 46 об., 62–62 об., 76–76 об., 126 об.–128 об.

⁹ Владимиро-Сузdalский музей-заповедник. В-5636/112. Л. 58.

¹⁰ Там же. Л. 106.

¹¹ Там же. Л. 58.

¹² Там же. Л. 106.

¹³ Чеснокова Н.П. Документы по истории итальянской школы в Москве (1697–1700 гг.): опыт сравнительного анализа // Каптеревские чтения. Вып. 9. М., 2011. С. 281–321.

¹⁴ Сменцовский М.Н. Братья Лихуды. С. 252.

¹⁵ Библиотека Российской Академии Наук. Петровская галерея. № 66 (из Эрмитажного собрания. № 94).

¹⁶ Там же. № 62 (из Эрмитажного собрания. № 90).

¹⁷ Там же. № 65 (из Эрмитажного собрания. № 93).

¹⁸ Там же. № 56 (из Эрмитажного собрания. № 84).

¹⁹ «Слово похвальтельное на преславное венчание благочестивейшия великия государыни нашей Императрицы Екатерины Алексеевны» / Публ. и comment. В.М. Ундорльского // Русский архив. 1863. Вып. 10/11. Стлб. 761–776.

²⁰ Богданов А.П. Внешняя политика России и европейская печать (1676–1689 гг.) // Вопросы истории. 2003. № 4. С. 26–46; Он же. Общественное мнение и внешняя политика России при царе Фёдоре и канцлере Голицыне // Проблемы российской истории. Вып. VIII. М.: Магнитогорск, 2007. С. 221–248.

²¹ Об оrationи: Смирнов С.К. История Московской славяно-греко-латинской академии. М., 1855. С. 23.

²² Российская государственная библиотека. Собрание Общества истории и древностей российских. Ф. 205. № 241. (подносная книга). 65 л., л. 59–60; Библиотека Российской Академии Наук. Архангельское собрание. С–201, л. 1–68 об. (авторский список). Опубл.: Памятники. № 15. С. 135–173, 284–287.

²³ Владимира-Сузdalский музей-заповедник. В-5636/112. Л. 106. Тексты цитируются в адаптации, т.к. оригиналы изданы: Памятники. № 15. С. 169–170; № 17. С. 183–184; № 18. С. 185–186; № 19. С. 187–188; № 27. С. 215–219. Обоснование атрибуции текстов № 17–19 и 27 в комментариях: с. 284–288, 297–299.

²⁴ Владимира-Сузdalский музей-заповедник. В-5636/112. Л. 59.

²⁵ Сравнение текстов братьев Лихудов и Игнтия Римского-Корсакова: Богданов А.П. Московская публицистика последней четверти XVII века. М., 2001. С. 53.

²⁶ Богданов А.П. Московская публицистика. Гл. 1. С. 13–107.

²⁷ Подробно: Богданов А.П. Стих и образ изменяющейся России: Последняя четверть XVII — начало XVIII в. М., 2004; Он же. Стих торжества: Рождение русской оды, последняя четверть XVII — начало XVIII века: [в 2 ч.]. М., 2012; Он же. Суворов. М., 2014.

²⁸ Подробно: Каптерев Н.Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Изд. 2-е. Сергиев Посад, 1914 (и др. его соч.).

²⁹ Богданов А.П. Стих и образ изменяющейся России. С. 5.

³⁰ Владимира-Сузdalский музей-заповедник. В-5636/112. Л. 105.

³¹ Там же. Л. 106–106 об.

³² Там же. Л. 124 об.

³³ Там же. Л. 43 об.

³⁴ Там же. Л. 59–61 об.

³⁵ Сменцовский М.Н. Братья Лихуды. С. 54–65. Ср.: Фонкич Б.Л. Новые материалы для биографии Лихудов // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник за 1987 г. М., 1988. С. 61–70; Богданов А.П. Московская публицистика. С. 338–341.

³⁶ Сменцовский М.Н. Братья Лихуды. С. 255–262. Переписку Голицына и Лихуда см.: Памятники дипломатических сношений России с державами иностранными. Т. Х. СПб., 1871. Стлб. 1310–1311, 1331–1337, 1359–1370.

³⁷ Памятники дипломатических сношений России с державами иностранными. Т. Х. Стлб. 1334–1336, 1368–1370. Ср.: Российский государственный архив древних актов. Ф. 52. Греческие дела. Св. 7196 г. № 16; 7197 г. № 2; 7199 г. № 27; кн. 11; Каптерев Н.Ф. Приезд в Москву Павловского афонского монастыря архимандрита Исаии в 1688 г. с грамотами от преждебывшего Константинопольского патриарха Дионисия, Сербского патриарха Арсения и валахского господаря Щербана с просьбою, чтобы государи освободили их от турецкого ига // Прибавления к Творениям св. отцев в русском переводе за 1889 г. Ч. 44. М., 1889. О подобных обращениях и греческой разведке в пользу России в Турции см.: Он же. Характер отношений...; Он же. Сношения Иерусалимского патриарха Досифея с русским правительством (1669–1707). М., 1891.

³⁸ Богданов А.П. Московская публицистика. С. 188–191.

**Татьяна Михайловна ФАДЕЕВА,
к.и.н., ИНИОН РАН**

Отношения Россия—Венеция в конце XVIII века, и маркиз Пано Маруцци (1730–1799), венецианский грек на службе России

Важным направлением политики императрицы Екатерины II по вступлению на престол было восстановление начатых еще в петровские времена взаимоотношений с Венецианской республикой. Поначалу эта работа была поручена послу в Лондоне Александру Романовичу Воронцову. Однако Венеция, опасаясь гнева Османской империи, с которой была связана договором, не спешила. Тем временем в Петербурге ждали этой войны и обсуждали ее различные сценарии. Серьезно рассматривалось предложение открыть «второй фронт» в Средиземноморье и Архипелаге — Эгейском море с его островами, используя военно-морскую флотилию. Появление российских сил должно было способствовать восстанию порабощенных Османской империей народов. Объединение с православными народами Юго-Восточной Европы — Валахией и Молдавией — в борьбе против турок предпринималось еще Петром I, хотя не очень успешно. Идея разгрома противника с моря русским флотом, не имевшим прочной военно-морской репутации, при всей ее рискованности, нашла поддержку при русском дворе.

Русско-турецкая война назревала, и императрица, не дожидаясь обмена послами, отправила в Венецию в качестве поверенного маркиза Маруцци, ставшего одним из ключевых действующих лиц в подготовке российской

военно-морской, так называемой Архипелагской, экспедиции братьев Орловых. Пано (Панайотис, Павел) Маруцци, принадлежал к старинной семье: его предки-греки обосновались в Венецианской республике еще в XVI в.; семья разбогатела и стала весьма влиятельной благодаря тем финансовым услугам, которые она оказывала многим владетельным домам, причем не только Италии. Переход на русскую службу сделал Пано — Павла Христофоровича Маруцци — участником поворотных событий эпохи русско-турецких войн, кроме того, он внес значительный вклад в культурные русско-итальянские связи, а его потомство оставило заметный след в генеалогии русской аристократии.

1. Важно обратить внимание на глубинные мотивы поведения Павла Маруцци, отвечающие никогда не исчезавшему у греков стремлению к освобождению и восстановлению былой славы своей родины.

Семейство Маруцци происходило из Эпира — области на севере Греции со столицей Яннина. Через эту область проходили торговые связи Венеции с областями, входившими в Османскую империю, — Румынией, Валахией, Молдавией, Левантом. Ведущую роль в этой торговле играли греческие семейные кланы. Необходимо подчеркнуть, что характерной чертой их сознания было не просто стремление к накоплению богатств, но сохранение и утверждение греческой идентичности диаспоры, для чего отчислялись немалые средства на поддержку греческой (православной) церкви, благотворительность (помощь бедным грекам) и образование греческого юношества. Опорой служили воспоминания о славе и величии Византии, а перспективой — надежда на освобождение Греции от османского владычества. Эта надежда традиционно связывалась в сознании греческого населения с Россией — растущей и крепнущей единоверческой державой.

Сказанное находит свое отражение в следующих строках завещания Ламбро Маруцци, основателя в конце XVII в. торгового дома с отделениями в Венеции и в Яннине. В завещании от 1734 г. Ламбро, помимо распределения наследства между членами семьи, оставляя-

Палаццо Маруцци и греческая церковь Св. Георгия

ет значительные капиталы «школе Св. Николая и церкви Св. Георгия» в Венеции, где располагался греческий квартал, с тем, чтобы использовать проценты с этих капиталов «для просвещения греческого юношества в Венеции и также в Яннине, по предметам логика, физика, метафизики, теология, а желающим и математика, на греческом и латинском, считая необходимым изучение латыни для успеха студентов нашей национальности, к которым относятся с предубеждением после рокового падения Греческой империи, и гибели основных научных документов»¹.

Семейство Маруцци хранило память о былой знатности, но подтверждение этого, как и у большинства греческих семейств, переживших падение Византии, встречало определенные трудности. Вехи признания его знатного происхождения отмечены в генеалогическом справочнике, изданном в Венеции в 1830 г.: «Маруцци — знатное

семейство (*nobili*) и маркизы, поселившиеся в Венеции. Ведут свое происхождение от древней благородной греческой семьи, в которой уже в конце 1589 г. были лица, удостоенные звания командора ордена Св. Иоанна Иерусалимского. Титул маркиза пожалован императрицей Марией Терезией, диплом от 21 июня 1764 г., братьям Пано, Константину и Ламбру Маруцци, с правом наследования их потомкам по мужской линии и имеет высочайшее подтверждение от 30 марта 1819 г. Константин, сын кавалер-камергера Пано Маруцци на русской службе и княжны Зои Гика, фрейлины е. и. в. при дворе в Петербурге, родился в Москве 16 сент. 1784 г., камергер и командор ордена Иоанна Иерусалимского»².

2. П. Маруцци и канцлер М.И. Воронцов. Появление Маруцци как представителя банкирского дома братьев Маруцци, уже удостоенного титула маркиза в 1764 году, в Петербурге было подготовлено его встречами с русским канцлером Михаилом Илларионовичем Воронцовым, который в 1763–1764 гг. совершал вторичное путешествие по Европе (в ходе первого, состоявшегося в 1745–1746 гг., предметом интереса были возможность налаживания торговых отношений со странами Средиземноморья, а также контакты с собирателями произведений искусства и художниками). В письме из Пизы от 10 (21) января 1764 г. к своему племяннику Александру Романовичу Воронцову канцлер пишет о своем знакомстве с Маруцци, его услугах и о своей поддержке его стремления служить русскому двору: «В бытность нашу в Венеции и по отъезде оттуда господин Маруци оказывает нам многие услуги; он желает быть консулом или агентом нашего двора. Я сильно рекомендовал его Ея Императорскому Величеству; только не знаю, буду ли счастлив в успехе»³. Последнее замечание объясняется тем, что Воронцов сознавал свой скорый уход в отставку с поста канцлера. В письме от 13 (24) апреля 1764 г. он подчеркивает стремление маркиза представиться при основных европейских дворах: «Г-н Маруци для свидания со мною приехал сюды (в Милан) и желает при мне ехать в Вену»⁴, и далее: «Он хочет в Дрезден, Берлин, и потом через Гагу в Лондон и

оттуда в Париж ехать; вы будете иметь удовольствие его видеть, и я в вашу дружбу его рекомендую⁵. Позднее, уже из Петербурга, Михаил Илларионович снова писал племяннику о Маруцци: «Я докладывал Ея Императорскому Величеству о желании его к нашему двору приехать: Ея Величество изволила милостиво отозваться, что приезд его будет угоден⁶. Далее он дает племяннику полезные советы о приеме гостя: «извольте и вы ему со своей стороны присоветывать, чтоб он сюда к карнавалу приехал и что я ему в моем доме квартеру приготовлю и экипаж для выезда давать буду» (там же). Наконец, из письма Александра Воронцова дяде от 23 мая (3 июня) 1766 г. узнаем о приезде Маруцци в Петербург: «Вчерась ввечеру г. Маруцци сюда приехал и у меня в доме квартиру имеет⁷. О благодарности самого Маруцци канцлеру и членам семьи Воронцовых свидетельствует упоминание Е.Р.Дашковой, совершившей в 1781–1782 гг. путешествие по Европе с сыном Павлом Михайловичем (1763–1807) — выпускником Эдинбургского университета. «В Венеции наш представитель, маркиз Маруцци, подготовил для нас свой дом, окружив нас роскошью и великолепием. Он был очень многим обязан покойному моему дяде, государственному канцлеру графу Воронцову, и я приписывала великолепие оказанного нам приема его благодарности и тщеславию. Он только что получил орден св. Анны, и поэтому повсюду в его доме, на дверях, на воротах, на экипажах красовались либо лента, либо звезда этого ордена». Таким образом, Пано Маруцци с самого начала имел четкую цель — стать консулом или агентом петербургского двора, способствовать союзовым отношениям России и Венецианской республики, но за всем этим, как увидим в дальнейшем, стояла сверхзадача — поиск союзников, прежде всего России, в борьбе за освобождение Греции от османов.

3. Поставщик картин Эрмитажа. По приезде в Петербург маркиз произвел на императрицу хорошее впечатление, но поначалу она, увлеченная собиранием картин для своего Эрмитажа, решила использовать его связи с художественным миром Италии.

Недавно сведения о семействе Маруцци и его представителе в Петербурге — Пано, которому довелось сыграть важную роль в отношениях Венеции и ее греческой общине с Россией времен Екатерины II, пополнились интересной находкой в Гос. Архиве Венеции. Это частный архив Константина Маруцци, последнего мужского потомка семьи, содержащий множество сведений о деятельности братьев Маруцци и их участии в политических событиях того времени. Этому посвящена статья Хриссы Мальтезу, директора Греческого института византийских и поствизантийских исследований, Венеция⁸.

Судя по письмам, которые посыпал Пано Маруцци в 1766–1767 гг. из Петербурга и Москвы братьям в Венецию, он прилагал все усилия, стараясь у служить императрице. Императрица, со своей стороны, оценила познания Маруцци в изящных искусствах и решила воспользоваться его помощью в пополнении своих собраний живописи и скульптуры.

Подтверждая в письме от 6 (11) ноября 1767 г. прибытие картин, Пано отмечает, что императрица была им довольна и выразила братьям Маруцци свое удовлетворение. Названия некоторых картин из числа восьми, деньги за которые были уплачены в октябре 1767 г., были опубликованы в Сборнике русского исторического общества (СПб., 1872. Т. 10. С. 255–258): Паоло Веронезе. Христос Спаситель, от Пилада пред народ изведенный; Паоло Веронезе. Младенец Моисей, на струях реки Нила несомый; Андреа Скьявони. Царица Сабатская (Савская), приносящая дары Соломону; Тинторетто. Христос, представленный пред народ Пиладом; Якопо Бассано. Сон Навуходоносора; Падуанино. Абигайль, украшающая Давида дарами, и гнев его против Набала, ее мужа; Бернардо Строцци. Чудо Иисуса о хлебах и рыбах⁹. Лука Джордано. Торжество Галатеи на море¹⁰. Имена художников впечатляют — это имена самых известных мастеров Возрождения.

В Российском историческом архиве сохранились документы, подтверждающие приобретение картин и эстампов через посредство Пано Маруцци и оплаченные из

«комнатных денег» канцелярии ее императорского величества Екатерины II¹¹.

«Неизвестно, сколько предметов искусства было послано при посредничестве Маруцци из Италии в Россию, — пишет Хрисса Мальтезу. — Как бы ни обстояли дела, ясно, что многие сокровища, украшающие сегодня музеи С.-Петербурга, были переправлены из Италии заботами греков Венеции»¹². Полагают, что приобретенные маркизом картины растворились в императорских собраниях, и лишь небольшая часть их сегодня может быть убедительно отождествлена. Работа эта, несомненно, может быть продолжена¹³. Во всяком случае, за Маруцци уже тогда установилось звание «поставщика картин ЕИВ для Эрмитажа».

4. Маркиз П. Маруцци — российский поверенный при Венецианской республике.

С приближением первой русско-турецкой войны (1768–1774) и подготовкой Архипелагской экспедиции братьев Орловых императрица принимает решение ускорить установление дипломатических связей с Венецией. И хотя назначение в Петербург венецианского представителя задерживалось, решено было отправить в Венецию представителя Маруцци в одностороннем порядке. Для придания ему большего веса в дипломатических кругах императрица наградила Маруцци орденом Св. Анны, прежде чем он приступил к исполнению своих обязанностей в Италии. 10 марта 1768 г. было официально объявлено о назначении П. Маруцци российским поверенным в делах при Венецианской республике и «других торговых городах Италии [...] для остережения и предохранения случающихся тамо наших дел и коммерции»¹⁴. При этом у венецианского сената потребовали предоставления ее представителю всех дипломатических прав и привилегий. Как представитель России и как грек Маруцци видел свою задачу в том, чтобы всячески способствовать союзу Венецианской республики с Россией, направленному против Османской империи. При этом он указывал на возможность для Венеции вернуть острова и территории в Греции, опираясь на русский флот и армию. Имен-

но такому развитию событий пытались способствовать на практике братья Орловы в ходе своей Архипелагской экспедиции. Информация об этом в виде сообщений приставленного к Маруцци «конфидента» сохранилась в Государственном архиве Венеции¹⁵. Вместе с тем российский поверенный с сожалением признал, что венецианскоe правительство в связи с начавшейся русско-турецкой войной «остерегается от всякого поступка, могущего привести его у Оттоманской Порты в подозрение»¹⁶. И хотя переговоры о направлении венецианского представителя в Петербург прекратились, «поверенный в делах продолжал оставаться в Венеции и весьма успешно служить русскому двору в его средиземноморской политике»¹⁷.

5. Неофициальная роль российского поверенного в Венеции и греческое восстание в Морее 1770 г. Слишком заметная активность братьев Орловых в Венеции вызвали опасения, что они занимаются наймом людей на русскую службу и формированием полка, в связи с чем им было рекомендовано покинуть Венецию. После их отъезда в Тоскану в апреле 1769 г. функции главного агента русской императрицы окончательно перешли к П. Маруцци и его доверенным лицам. Его деятельность успешно продолжалась, о чём можно судить по косвенным признакам. Так, в мае 1769 г. ему был присвоен в России чин действительного статского советника. Кроме того, было замечено регулярное получение им из Петербурга векселей, обналичиваемых в Амстердаме, и обмениваемых в Венеции на местные цехины¹⁸. Деньги явно предназначались для оплаты желающих принимать участие в русско-турецкой войне. Это беспокоило Венецию, поскольку позиция нейтралитета, занятая республикой, запрещала ее подданным участвовать в русско-турецкой войне на стороне России. Был даже принят эдикт, приравнивающий такое участие к государственному преступлению. Между тем тайная цель Маруцци состояла в том, чтобы втянуть Венецию в конфликт с Турцией. Этой цели способствовали тайная вербовка лиц, желающих служить России, и финансовая поддержка российскому флоту.

Однако усилия Маруцци встретили серьезное дипломатическое противодействие со стороны Австрии в лице ее канцлера Кауница, который рекомендовал Сенату строго придерживаться статей мирного договора с Османской Портой. К концу августа 1770 г. стало окончательно понятно, что главная цель миссии Маруцци — привлечь Венецию к союзу с Россией, придав ему антиосманскую направленность, — не удалась и что Венеция приняла решение держаться австрийской внешней политики.

Гораздо более эффективным оказалось другое, неофициальное направление его деятельности — привлечение греческих и славянских подданных Венеции на службу России. По-прежнему российский поверенный являлся центром притяжения для русских, греческих и балканских офицеров, желавших «неофициальным» образом помогать русской эскадре в Архипелаге. К концу первой русско-турецкой войны Маруцци сознавал, что его миссия исчерпана, война закончилась, и просил у Н.И. Панина и А.М. Голицына поспособствовать получению им нового места службы. Маруцци добавил, что в течение войны жертвовал всем ради службы Орловым, тогда как те своих обещаний в отношении него не выполнили. Характерно, что сертификат о потраченных на нужды русских эскадр деньгах Маруцци получил от А.Г. Орлова лишь 18 декабря 1787 г.

Маруцци оказал важные услуги русским в ходе антитурецкого восстания 1770 г. в Пелопоннесе, получившего в Греции название «Орлофика». Новое, извлеченное из архива свидетельство этого приводится в статье Хриссы Мальтезу. «Богатые греки Венеции не только участвовали в подготовке восстания в Пелопоннесе, но также финансировали его. В меморандуме Константина, сына Паноса (Павла Христофоровича Маруцци. — Т.Ф.), от 1826 г., весьма возможно написанного целью истребовать от русских компенсацию, отмечается, что проект нападения русского флота на турок в Эгейском море был предложен русским властям Пано Маруцци, который пожертвовал немалые средства для помощи в организации революционного движения в Пелопоннесе. К меморан-

думу, написанному на франц. языке, приложен список сумм в динарах, потраченных Пано на нужды восстания, а также копия сертификата 1787 г. за подписью Алексея Орлова, удостоверяющего, что Пано оказал важные услуги в деле борьбы с турками».

Далее приводится текст сертификата на французском языке.

«Мы, граф Орлов, свидетельствуем, что г-н маркиз Маруцци оказал в последней войне с турками флоту Е. В. в Архипелаге, коем мы командуем, самые значительные услуги, выполняя все наши важные поручения с величайшим усердием и старательностью, подвергая себя опасностям, которых требовала служба; и что мы, в силу наших полномочий, не только обещали ему жалованье, соответствующее его посту, но и вознаграждение, пропорциональное его услугам. Мы свидетельствуем сверх того, что за все суммы денег, которые прошли через его руки, он не получал никаких комиссионных, которые представлялись всем остальным в подобных случаях. В силу чего мы выдаем ему настоящий сертификат, за нашей собственноручной подписью и печатью. Санкт Петербург, 18 декабря 1787 г. граф Алексей Орлов».

Приведенные свидетельства отношений греков Венеции с Россией в конце XVIII в. проливают новый свет на изменения в греческом сознании в эпоху, когда южное направление внешней политики России и обе русско-турецкие войны встретились с надеждами греков на освобождение своей родины.

6. Графы Северные в Венеции и роль Маруцци. Маруцци, как показано выше, разбирался в изобразительном искусстве и хорошо ориентировался в художественной среде, а потому мог с успехом удовлетворять взыскательный вкус аристократических заказчиков, которых было немало. Ему поручали делать заказы и приобретать редкие полотна для пополнения Эрмитажа и частных коллекций. Этим обязанности Маруцци не ограничивались. Выпускники Академии Художеств, удостоившиеся чести быть отправленными в Италию за счет Академии, так называемую пенсию, также были у него под присмотром.

Пенсионеры должны были отправлять «рипорты» — отчеты о своем пребывании и занятиях, а отзыв Маруцци являлся существенным подтверждением их усердия в занятиях искусством. Вершиной дипломатической деятельности российского поверенного, которая потребовала неизменно вкуса в поиске организаторов и исполнителей великолепных празднеств, был недельный визит в январе 1782 г. великого князя Павла Петровича и его супруги Марии Федоровны (под именем “графов Северных”).

Первое официальное сообщение о будущем посещении города графами Северными было получено маркизом Маруцци в ноябре 1781 г. «Праздники в честь русского наследника стали одним из самых ярких событий последних лет существования Венецианской республики и произвели, по-видимому, неизгладимое впечатление не только на знатных гостей, но и вообще на европейское общество последней четверти XVIII века»¹⁹. Об этом свидетельствует множество сохранившихся описаний. В знак признательности велиокняжеская чета подарила Маруцци табакерку, усыпанную бриллиантами.

Грандиозная встреча в Венеции, куда путешественники прибыли 18 января 1782 г., была отмечена едва ли не ежедневными праздниками, на которых, казалось, веселилась «вся Венеция»: регатой на Канале Гранде, костюмированным карнавалом и торжественной процессией из пяти колесниц-аллегорий, украшенных разнообразными символами, на площади Сан Марко, грандиозной иллюминацией и фейерверками. Заботами русского поверенного Маруцци пребывание велиокняжеской четы день за днем, событие за событием, запечатлели в рисунках, акварелях, картинах и гравюрах знаменитые венецианцы Д. Гварди, М.С. Джампикколи, А. Баратти. Памятью о Венеции стал хранящийся в Павловске альбом в переплете синего сафьяна с золотом, где на листах наклеены 19 гуашей с видами Венеции, с подписью Джакомо Гварди, скорее всего, поднесенного от семейства Гварди велиокняжеской чете.

Этому посвящена серия картин Франческо Гварди (1712–1793), создателя видов Венеции, последнего великого живописца XVIII века в Италии. Эта серия, а так-

же ряд подготовительных рисунков к ней, отражающая день за днем пребывание графов Северных в Венеции, оказалась, к сожалению, рассеянной по разным собраниям. Предполагается, что ее заказчиком мог быть маркиз Пано Маруцци.

Роскошь приема знатных путешественников свидетельствовала об интересе венецианского правительства, и, в частности, он подготовил почву для того, чтобы между обоими государствами были наконец установлены дипломатические отношения на уровне послов — полномочных министров. Однако это означало окончание миссии Маруцци. В сентябре 1782 г. республика Венеция направила в С.-Петербург в качестве посла нобиля Фериго Фоскари, а с середины 1783 г. интересы России в Венеции представлял в ранге полномочного министра граф Семен Романович Воронцов.

7. Память о братьях Маруцци в Венеции. Репутация братьев Маруцци как ценителей и знатоков изящных искусств покоялась на солидных основаниях. Венеция и сегодня хранит память о них в названиях улиц и палаццо. Назовем, прежде всего, прекрасный палаццо, который с 1740 года принадлежал семейству Маруцци и возвышается в квартале Кастелло, на берегу так называемого Греческого канала; то же имя носит соседний переулок (*calle Maruzzi*). Имя Маруцци встречаем поблизости от площади Сан Марко, где им принадлежали часть здания Старых прокураций²⁰ и двор с портиком (*Sottoportego e corte de Ca, Maruzzi*). «Богатейшее семейство, хранившее гордые воспоминания об эпохе Екатерины II, императрице всея Руси, угасло 20 февраля 1846 г. в лице маркиза Константина, сына Пано и княжны Зои Гика. Назначенный с юности кавалер-камергером императора, он отказался от всех амбиций и посвятил себя жизни простой, филантропической и спокойной, в кругу многочисленных друзей. Он владел одним из Палаццо, входившим в состав Старой Прокурации, и по этой причине портик и двор носят его имя»²¹.

Кроме того, в нескольких километрах от Венеции, в районе Левада (Пьомбино Дезе), сохранилась изящная вилла, носящая двойное имя Марчелло-Маруцци. В своем

нынешнем виде постройка восходит к сер. XVIII века, когда ею владели братья Маруцци, Ламбро, Пано и Константин. В 1725 г. они приобрели виллу, которая тогда представляла собой простое строение XVI века, перестроили и декорировали ее, превратив в архитектурный шедевр. Работы были поручены крупному архитектору Франческо Прети, а исполнение фресок и лепных украшений всей виллы — знаменитым художникам и декораторам своего времени. Особенно известны фрески бальной залы со сценами из жизни Александра Македонского, кисти известного художника XVII столетия Джамбатиста Крозато. По стилю художник близок к Джованни Батиста Тьеполо, которому нередко приписывают его работы. Многие картины Крозато являются прекрасными образцами стиля рококо²².

Виллу посещали гости из России. Летом 1784 г. здесь провела последние месяцы жизни Екатерина Алексеевна, супруга графа С.Р. Воронцова, скончавшаяся от чахотки 25 августа. Полномочный посланник в Венеции граф Семен Романович получил указ о переводе на службу в Англию, и в письме брату Александру Романовичу от 24 апреля (5 мая) 1784 г. пишет, что «г-н Маруцци здесь, и при всяком случае оказывает мне всяческие услуги, а недавно избавил меня от затруднения, предложив мне свой загородный дом, куда я перееду через три недели (срок, когда я должен покинуть мой дом)»²³.

В середине XIX в. вилла перешла по наследству дочери Пано, маркизе Александре Маруцци, ставшей женой русского графа Сумарокова, генерала от артиллерии, члена Государственного Совета. Впоследствии, после многих перипетий, вилла и земли вернулись в руки ее прежних владельцев — семьи Марчелло, и с тех пор носит двойное название — вилла Маруцци-Марчелло.

8. По возвращении в Россию. По возвращении в Петербург в 1783 г. действительный статский советник маркиз Маруцци был пожалован в тайные советники²⁴. Кроме того, он получил звание воспитателя сыновей Павла — Александра и Константина. Это явно было связано с «греческим проектом», согласно которому на трон

освобожденной Греции простили именно великого князя Константина (род. в 1799 г.). Среди титулов и почетных званий Маруцци упомянут его брак с Зоей Гика, дочерью молдавского господаря Григория Гика III, благодаря которому семья представляла своего рода «греческий проект в лицах». Этот брак, устроенный императрицей, знаменовал содружество двух знатных семей, представлявших страны, где под османским гнетом хранилось православное вероисповедание и остатки византийских традиций. Григорий III Гика, господарь княжества Молдавии и Валахии, проявил себя врагом Австрии и союзником Российской империи, за что в 1777 г. был задушен по приказанию великого визиря Османской империи.

Воцарение на троне Павла I принесло Маруцци новые монаршии милости, на этот раз связанные не с «греческим проектом», а со званием командора ордена Св. Иоанна Иерусалимского, которым глава семьи Маруцци обладал наследственно с XVII в. Ему наконец были «пожалованы в вечное потомственное владение старство²⁵ Езерское и фольварк в Белорусской губернии²⁶. Павел, предоставивший Ордену убежище в России и установивший порядок «учреждения родовых командорств в российском приорстве Ордена Св. Иоанна Иерусалимского», одним из первых конфирмовал маркиза Маруцци. В Акте об учреждении родового командорства д. т. с. маркизом Маруцци в Российском великом Приорстве ордена

Зоя Гика,
дочь молдавского господаря
(портрет работы А. Рослина)

Св. Иоанна Иерусалимского содержались, в частности, статьи, проливающие свет на права наследования командорства.

Ст. 6. «[...] если не будет потомков муж. пола, то муж дочери учредителя сего командорства маркизы Александры Маруцци, а в случае его смерти один из потомков муж. полу наследовать имеет [...], или брат учредителя Ламбро Маруцци [...].

Ст. 7. «[...] долженствует навсегда в ордене Св. Иоанна Иерусалимского именоваться командорством Маруцциным и под сим наименованием вноситься во все списки.

Апреля 5-го дня, 1799 г. — Балль граф Салтыков, вел. канцлер граф Ростопчин²⁷.

Наследственные распоряжения оказались весьма актуальными: в 1799 г. Павел Маруцци скончался, и титул командора перешел к его сыну Константину. Последней монаршей милостью был указ о выплате пожизненной пенсии вдове²⁸.

9. Брак маркиза Маруцци и княжны Зои Гика, и их потомки. Павел и Зоя Маруцци имели дочь и сына. Дочь, Александра Павловна (1790–1857), ставшая женой Сергея Павловича Сумарокова, кавалерственная дама ордена Св. Екатерины 2-й степени, имела брата Константина, который скончался 20 февраля 1846 г. — ровно за 11 лет до ее кончины. Это был последний мужской представитель семьи, о чем мы узнаем из надгробной надписи на памятнике, установленном сестрой на кладбище в Венеции. «Константину, маркизу Маруцци, сыну Пано (Павла), с умом быстрым и образованным, кавалер-камергеру Е. В. Императора России, командору ордена Св. Иоанна Иерусалимского, последнему представителю своей фамилии, — от любящей и скорбящей сестры маркизы Александры Сумароковой»; № 3 склеп с плитой с надписью и гербом в стене на мраморном пьедестале с колоннами и фризом; далее примечание: грек-эпирот на российской службе. Греческий участок кладбища Сан-Микеле.

Таким образом, род Маруцци пресекся. В этой семье, обласканной самой императрицей, и многими нитями связанной со средиземноморской политикой Екатерины,

представлявшей эту политику, так сказать, в лицах, имелись только дочери. Но память о том, что Александра Павловна, урожденная маркиза Маруцци, супруга генерала от артиллерии Сергея Павловича Сумарокова, была наследницей знатного семейства, известного со времен Византии, вероятно, сыграла свою роль, когда в департаменте герольдии принималось решение возвести генерала от артиллерии С.П. Сумарокова в графское достоинство. Это решение было приурочено к семейному событию: заключению брака между младшей дочерью Сумароковых Еленой и генералом Эльстоном²⁹. Происхождение последнего было окутано тайной, о которой в свете сложилось свое мнение. «Говорят, — пишет его внук Феликс Юсупов, — отец его был прусский король Фридрих Вильгельм IV, а мать — фрейлина сестры его, императрицы Александры Федоровны [...]. До 16 лет дед мой жил в Германии, потом уехал в Россию и командовал донскими казаками»³⁰. В пользу этой версии происхождения Эльстона говорило и то обстоятельство, что крестным отцом Эльстона оказался сам император Николай I. Таким образом, и род Маруцци, и род Сумароковых не имели мужского потомства, но имели важные заслуги перед отечеством. В день коронации Александра II, 26 августа 1856 г., генерал-лейтенант Сумароков С.П. именным Высочайшим указом в награду «долговременной, отлично-усердной службы престолу и отечеству» возведен в графское достоинство. Спустя две недели в связи с бракосочетанием 8 сентября 1856 г. их дочери Елены Сергеевны (внучки маркиза Маруцци и княжны Гика) с генерал-адъютантом Ф.Н. Эльстоном последнему было разрешено принять фамилию и титул жены. Так было положено начало фамилии графов Сумароковых-Эльстон, князей Юсуповых.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Merthios C.N. Testamento Lambro Maruzzi // Chronica Epirotica*, 1936. Vol. II. P. 158–159. Текст на греческом, с переводом на итальянский.

² *Francesco Schroder: Reperto Genealogico delle famiglie confermate nobili delle provincial del Veneto*. Venezia, 1831. Vol. 1. P. 504–505.

³ Архив князя Воронцова. Т. 31. М., 1885. С. 261.

⁴ Там же. С. 276.

⁵ Там же. С. 278.

⁶ Там же. С. 369.

⁷ Там же. С. 395.

⁸ *Maltezou Ch. Greci di Venezia al servizio della Russia nel Settecento // Thesaurismata* 30, 2000. Р. 167–173.

⁹ Так, в 1980 г. произошла повторная атрибуция картины Строцци «Насыщение хлебами и рыбами», принадлежащая ныне собранию Государственного музея изобразительных искусств, как одна из числа тридцати семи произведений, привезенных в Россию в 1767 году банкиром Паоло Маруцци и приобретенных у него Екатериной II.

¹⁰ Сборник Российского исторического общества (СБРИО). Т. 10. С. 255–256.

¹¹ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 468. О. 1. Ч. 2. Д. 3880. Л. 267. «Маркизу Маруцци за выписанные через последнего из Венеции картины — семь тысяч семьсот девяносто пять рублей. Из комнатных денег в октябре 1767 г.»; РГИА. Ф. 468. О. 1. Ч. 2. Д. 3882. Л. 76. 10 апреля 1768 г.; [...] да маркизу Маруцци за привезенные из Италии картины провозных 494 руб. Кабинет Ее Императорского Величества. 1768 г.»; РГИА. Ф. 468. О. 1. Ч. 2. Д. 3887 Л. 177. «О переводе денег в Венецию маркизу Маруцци для приобретения эстампов. Кабинет Ее Императорского Величества. 1772 г.»

¹² *Maltezou Ch.* Op. cit. Р. 171.

¹³ Correspondance du marquis Lambro Maruzzi, ambassadeur de Russie à Venise, avec quelques hommes d'Etat. 1771–1781. Лист 431. «Императорская Академия изящных искусств поручает мне благодарить вас в особенности за присылку, которую вам угодно было сделать, ящика, ранее известив о нем письмом от 12 июля (1771), кое имели честь написать нам, и каковой получен нами в хорошем состоянии. Академия также была весьма польщена, сударь, получением в другой раз небольшой статуи, о которой вы упоминаете в этом же письме. Весьма чувствителен к вниманию и усердию, которое вы благоволите ей оказывать во всем том, что может способствовать ее благу. Она просит вас продолжать проявлять вашу благосклонность в будущем, как это было и в прошлом; она тронута и выражает вам живейшую признательность за все ваши услуги, которые вы ей оказываете, взаимно предлагая вам свои. Примите чувства почтения и уважения, с которыми имею честь пребывать, сударь, вашим покорным слугой. А.Салтыков, постоянный секретарь. В С.-Петербурге 2 (13) февраля 1771».

¹⁴ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 41/3. Сношения России с Венецией. Оп. 41/3. Д. 34. Л. 1, 32–34 об.; СБРИО. Т. 87. С. 43–48. Официально дипломатические отношения между Венецианской республикой и Российской империей были установлены только в мае 1782 г., хотя отправка венецианского представителя в Петербург задержалась до 1783 г. В летописи Библиотеки Академии наук от 5 ноября 1885 г. отмечено: «На заседании Общего собрания академик Я.К. Грот доложил, что директор «Музея Коррер» командор Бароцци (Венеция) передал ему для Академии переписку маркиза П. Маруцци (посол Екатерины II в Венеции) с различными государственными лицами той эпохи».

¹⁵ *Cessi R. Confidenze di un ministro russo a Venezia nel 1770 // Atti del R. Istituto Veneto di scienze, lettere ed arti. Tomo LXXIV. Parte II. 1914–15. P. 1575.*

¹⁶ АВПРИ. Ф. 41/3. Сношения России с Венецией. Д. 34. Л. 54.

- ¹⁷ Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б. Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М.: Индрисик, 2013. С. 59.
- ¹⁸ Там же. С. 253.
- ¹⁹ Андросов С.О. Русские заказчики и итальянские художники. СПб., 2003. С. 202.
- ²⁰ Старые Прокурации (Procuratie Vecchia), построенные в 1480–1517 гг. архитектором Мауро Кодуччи, представляют собой трехэтажное длинное здание с двумя рядами лоджий. Пятьдесят ажурных арок первого этажа отведены под разнообразные магазины. Строительство Новых Прокураций (Procuratie Nuove) началось в 1586 году и было завершено в XVII в. (архитектор Скамоцци).
- ²¹ Tassini. Curiosita Veneziane. Venezia, 1954. Р. 447.
- ²² О вилле, называемой Маруцци-Марчелло, см.: *Ca Marcello, una nobile architectura*. Bassano del Grappa, 1998; *Tiozzo Cl. Alcune note sugli affreschi del Crosato a Ca Marcello di Levada*.
- ²³ Архив князя Воронцова. Т. 9. М., 1876. С. 7.
- ²⁴ РГИА. Ф. 1329. О. 1. Д. 154. Л. 95.
- ²⁵ Староство — в прошлом административная единица, крупное феодальное владение.
- ²⁶ РГИА. Ф. 1374. О. 1. Д. 394.
- ²⁷ Там же. О. 2. Д. 1354.
- ²⁸ Там же. Ф. 468. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3915. Л. 188.
- ²⁹ Сумароковы имели трех дочерей, и все они вышли замуж за видных представителей русской аристократии. Зоя (1828–1897) стала женой генерал-лейтенанта, сенатора, князя А.В. Оболенского, во втором браке — Мрачковская; Мария (1830–1902) вышла замуж за князя Голицына Николая Михайловича (1820–1885); Елена (1829/30–1901), замужем за генерал-адъютантом Ф.Н. Эльстоном (с 1856 г. — граф Сумароков-Эльстон).
- ³⁰ Князь Феликс Юсупов. Мемуары. М., 1998. С. 29.

Григорий Львович АРШ,
д.и.н., гл.н.с. ИСл РАН

А. Палладоклис — греко-русский писатель и дипломат

В данном очерке пойдет речь о греко-русском писателе и дипломате. Антон Палладоклис мало известен в Греции, несмотря на то, что из восьми опубликованных его произведений пять написаны параллельно на русском и греческом языках. Небольшой очерк об этом греко-русском писателе второй половины XVIII в. имеется в словаре русских писателей XVIII в., выпущенном Институтом русской литературы в 1999 г. Однако биографические сведения о А. Палладоклисе здесь неполны и не всегда точны. Более или менее точную картину его жизненного пути позволяют дать не использовавшиеся до сих пор исследователями материалы Коллегии иностранных дел, где этот образованный грек прослужил 30 лет (материалы эти хранятся в Архиве внешней политики Российской империи).

Андонис, или, как он себя называл в России, — Антоний, родился около 1747 г. на острове Митилини (Лесбос). В 1762 г. он приехал в Россию и получил образование в Киевской могилянской академии, одном из лучших учебных заведений той эпохи. В 1768 г. он получил место учителя греческого языка в Троицкой духовной семинарии.

Дальнейшая судьба митилинского грека в России неразрывно связана с его одой, посвященной Екатерине II, которую он завершил в январе 1768 г. Ода до сих пор не была известна. Автор статьи обнаружил ее в Эрмитажном собрании отдела рукописей Российской национальной библиотеки в Петербурге¹. Полное название этого

произведения — «Ода всепресвятлейшей, всеблагочестивейшей, всемилостивейшей матери отечества, великой государыне Екатерине Алексеевне». Текст оды параллельно написан на новогреческом и русском языках. Ей предшествует краткое авторское резюме на русском языке содержания оды, которое автор данной статьи использует в сообщении. Для восхваления российской императрицы Палладоклис привлекает образы и символы античной мифологии и литературы.

Ода открывается описанием собрания античных богов и муз, в котором участвуют также Аристотель, Платон и Гомер. Собрание созвано Афиной Палладой по воле ее отца Юпитера (царь богов, отождествлявшийся с греческим Зевсом), который «радуется, смотря волю свою на Землю совершающую». Кто же исполняет волю Зевса на земле? Этот же вопрос задают Меркурию (римский аналог древнегреческого бога Гермеса) участвующие в собрании великие философы и писатели Древней Греции. Вестник богов отвечает, что причиной этого собрания являются благотворительные перемены, произшедшие на земле благодаря Екатерине II. И он рассказывает участникам небесной встречи о некоторых добродетелях российской самодержицы. Другая тема оды — величие и мощь России, которая намного в этих отношениях превосходит великие монархии древности. Монархии эти метафорически представлены крупными реками, которые своими качествами отражают наиболее важные качества и достоинства этих монархий. Так, Тигр представляет «монархию ассирийскую разлитием, то есть богатством», Евфрат — «Персидскую шумом, сиречь славою», Аксис (Вардар) и Эврос (Марица) — «глубиною, сиречь мудростью», Тибр «быстриною, сиречь сильною державою, и птицами огнедышащими, то есть кораблями и военными орудиями, всю Европу превзошедшими».

Однако Россия по всем этим показателям превосходит указанные монархии. По словам автора оды, «Россия тут представляется под именем четырех рек: Днепра, Дона, Волги и Невы, которые превзошли четыре реки, четыре сиречь монархии». Заключение оды, в изложении авто-

ра, было следующим: «Благодарную песнь согласно все поют российской Монархине и в рассуждении ея добродетели не говорят «будет Бог помощник ей, но есть». Итак, Палладоклис переходит от общения с античными богами к реальной духовной опоре российской монархии — православию.

Каковы мотивы написания этого дифирамба российской императрице? Известно, что среди греков и других балканских народов в эпоху османского господства были широко распространены надежды, что Россия, единоверная с ними держава, поможет им освободиться от чужеземных поработителей. Надежды эти, несомненно, разделял и Палладоклис. В личном плане этот образованный грек рассчитывал, что он сможет найти применение своим способностям на государственной службе в России, престижной и хорошо оплачиваемой. Надежды эти оправдались. Императрица, отнюдь не равнодушная к лести, обратила внимание на грека, прибывшего в Россию с далекого эгейского острова. В 1770 г. он исполнял роль переводчика при допросе Екатериной II турецкого пленника. Знание турецкого языка было только частью языковой оснастки Палладоклиса. В 1771 г. он был принят в Коллегию иностранных дел переводчиком «по знанию его греческого, латинского и итальянского языков», как говорилось в формулярном списке новоиспеченного российского чиновника². Началась дипломатическая карьера в России грека-эмигранта, продолжавшаяся около тридцати лет. Первые четыре года она протекала в Петербурге, а затем шесть лет своей новой карьеры (1775–1780 гг.) Палладоклис находился при российском посольстве в Константинополе.

Эти десять лет пребывания Палладоклиса на дипломатической службе России были периодом его весьма активной литературной деятельности. Первые публикации произведений митилинского грека появились в 1771 г. Это были стихотворные оды, посвященные екатерининским вельможам: Н.И. Панину, С.К. Нарышкину, братьям Григорию Григорьевичу и Алексею Григорьевичу Орловым. Несомненно, что важной целью этих хвалебных

посланий было заручиться покровительством влиятельных лиц в окружении Екатерины II. В то же время в этих произведениях, написанных в разгар русско-турецкой войны 1768–1774 гг., нашли отражение надежды и чаяния греков, вызванные ею. В этом отношении особенно выделяется ода, посвященная А.Г. Орлову³. Здесь действующим лицом, помимо руководителя Архипелагской экспедиции русского флота, выступает и порабощенная Греция — «мать Эллада».

События тех лет описываются с привлечением образов древнегреческой мифологии. Так, Геракл, увидев русский флот, проходящий через «Геракловы столбы» (Гибралтарский пролив), обращается к Элладе, чтобы она перестала горевать и обрела надежду на свое избавление от рабства:

*Престань! Любезна мать, слезами обливаться
За похищенную свободу сокрушаться:
Се Агамемнон к нам от Севера летит
Се Росс летит герой любимый нам Орлов,
Орлов, кому Нептун плетет венец Лавров.*

Гибель турецкого флота в Чесменском сражении также описана с привлечением мифологических образов:

*Стоглавна гидра тут Орлом поражена;
От визгу Греция ея свобождена
Горит турецкий флот, горит как град Троянский,
А пламя злящись и Понт зрит Океанский.*

Поэт заключает свою оду хвалой Екатерине II, награждающей А.Г. Орлова и вселяющей надежду Греции:

*Самодержавная Всероссская Паллада,
Венчает уже тебя венцом побед твоих,
Явившая тобой плод мудростей своих
На кою наша Мать надеется Эллада.*

Русско-турецкой войне 1768–1774 гг. и последующим событиям Палладоклис посвятил эпические поэмы «Каллиопа» и «Клия», пронизанные древнегреческими реминисценциями и аналогиями. Так, в обращении к Екатерине II, предпосланном поэме «Каллиопа», посвященной русско-турецкой войне, поэт сравнивает подвиги ее героев с подвигами героев Гомера: «Счастлив Ахиллей, по

изречению великого Александра, что описателя своей храбости имел Омира. В сей войне, между мстителями за похищенную у многих народов свободу и между ея похитителями продолжившейся, по справедливости, был бы назван счастливым Омир, если б он ныне воскрес: ибо нашел бы он тут существенно у тех много Агамемнонов, Ахилеев, Еснотов и Одисеев, геройски при предводительстве Паллады (т.е. Екатерины II. — Г.А.) отличающихся, и одного пред другими вящшую ревность и доблесть окказать подвзывающихся, а у других много Паридов величающихся и Екторов на подобие тигра на кровопролитие стремящихся⁴.

Для изложения хода войны и ее последствий автор прибегает к форме диалога между Оттоманом (Осман), основателем Турецкой империи, и музой истории Клио. Упадок своей империи Оттоман объясняет сокрушительными поражениями, которые турки потерпели в войне с Россией:

*Я вовсе побежден, исчезли исполины
Мои от храбрых войск Второй Екатерины
Вострепетав от гроз Ея, упал я ниц,
Кой именем одним сто колебал столиц.*

В свою очередь Клио подчеркивает коренное отличие последствий для народов побед султанов и императрицы Екатерины II:

*Но сколь ты сильнее и страшнее был всем,
Столь ныне славнее Екатерина тем,
Что победителя стран многих победила,
Народы наглостей твоих освободила.*

Полное название второй эпической поэмы Палладоклиса: «Клия, или повесть черноморского оттоманов на Крым похода и бывших тогда между Кайнарджийским миром и Айналиказакским его утверждением происшествий» (СПб., 1781). «Клия» была посвящена Г.А. Потемкину, и автор обращается к нему с таким призывом:

*Потемкин! Увенчай приемом, слог сотканный
Не омирическим искусством, даром муз,
Но ревностью их стран, спасаемых от уз.*

В этом призывае к могущественному вельможе, признанному покровителю греков, звучало скрытое обращение содействовать освобождению Греции от чужеземного ига. Речь в поэме «Клия» шла, употребляя выражение А.С. Грибоедова, «о временах очаковских и покоренья Крыма». Известно, что Порта, признав по Кючук-Кайнарджийскому миру независимость Крыма, стремилась после подписания мирного договора восстановить свое господство над полуостровом. Как видно из содержания этого произведения, она направляла к берегам Крыма свои военные силы. Эти нападения успешно отбивал А.В. Суворов, который командовал тогда войсками в Крыму и которого Палладоклис называет «российским Аристидом».

Изданная в 1781 г. поэма «Клия» стала последним литературным произведением Палладоклиса. Она представляет собой как бы мостик между литературной и служебной деятельностью Палладоклиса.

Как уже говорилось, шесть лет своей карьеры (1775–1780 гг.) он находился при российском посольстве в Константинополе. Это был бурный период в русско-турецких отношениях. Шла упорная борьба на дипломатическом фронте между российским посольством в Константинополе и Портой, стремившейся ревизовать положения Кючук-Кайнарджийского договора, касавшиеся независимости Крымского ханства и обеспечивающие последующее присоединение его к России.

В сложных и напряженных переговорах, которые более трех лет шли по этому поводу между русским посланником А.С. Стахиевым и Портой, завершившихся подписанием 10 (21) марта 1779 г. Айналы-Кавакской конвенции, Палладоклис, по его утверждению, действовал весьма активно, хотя и негласно. Согласно его записке от февраля 1783 г., представленной Екатерине II, действия его шли по двум направлениям. Во-первых, он вступил в тесные контакты с греками-фанариотами, занимавшими тогда важное место в дипломатическом ведомстве Порты. Во-вторых, он установил также связи с влиятельными турецкими вельможами посредством подарков, «мною же со стороны министра... носимых». Бо-

лее того, ему удалось убедить, без всяких подношений, в необходимости подписания конвенции самого муфтия Молла-бея.

По утверждению Палладоклиса, посредством негласных контактов с греками-фанариотами и турецкими вельможами он внес свой вклад в успех этих переговоров. «Я успел по ревности своей к здешней службе, — говорилось в формулярном списке Палладоклиса, — преклонить статского секретаря Порты Отоманской под названием драгомана ее Караджу к негоциации с помянутым посланником о прекращении тогдашних крымских несогласий, равно как и турецкого бывшего муфтия Мулла-бея».

Итак, если верить формулярному списку Палладоклиса (а не верить этому официальному документу нет каких-либо оснований), он во время службы в российском посольстве в Константинополе сыграл значительную роль в подготовке Айналы-Кавакской конвенции⁵, которая привела к определенной нормализации русско-турецких отношений и в каком-то отношении подготовила присоединение Крыма к России.

В 1781 г. Палладоклис вернулся в Петербург и прошел в столице два года до своего нового назначения, которое он, можно сказать, сам для себя подготовил. Во время пребывания в Константинополе Палладоклис подробно ознакомился с внутриполитической обстановкой в Османской империи. Важной характеристикой её было нарастание сепаратистских выступлений местных правителей, подрывавших центральную власть империи. Это было характерно, в частности, для Албании, где в это время набирал силу правитель Северной Албании Махмуд-паша Бушати. Палладоклис сообщил о нарастании самостоятельности северо-албанского правителя и тех выгодах, которые могла из этого извлечь Россия в случае новой войны с Портой. В записке, представленной в феврале 1783 г. Екатерине II, он писал о стремлении вождей албанцев-мусульман к независимости, «о чем уже и некие слухи носятся, а паче о скутарском паше (здесь имеется в виду Махмуд-паша, паша Шкодры (Скутари. — Г.А.) или уже от Порты отложившемся, или о том помышлящем, что

чрез приличные к тому попытки произведено в действо быть может, то довольно явствует, в каком смятении во время военное должна находиться Порта [...].»

Для установления контактов с албанскими правителями дипломат предлагал учредить в пограничных с Албанией районах российское консульство. В качестве одного из таких мест Палладоклис называл Далмацию, являвшуюся тогда венецианским владением⁶. Эти соображения были сочтены руководителями Коллегии иностранных дел заслуживающими внимания. По следам этой записки в 1783 г. было принято решение учредить российское консульство в Далмации, в Бокка ди Катаро (Бока Которская). Тогда же был подобран человек на должность российского консула в этом городе на побережье Далмации: выбор пал на самого Палладоклиса. Таким образом, митилинский грек получил первую самостоятельную должность на русской дипломатической службе. Должность эта была весьма ответственной.

Следует сказать, что предположения Палладоклиса о росте самостоятельности и сепаратистских стремлений албанских правителей вполне оправдались. Махмуд-паша Шкодринский поднял знамя открытого мятежа против султана. Две турецкие военные экспедиции против него (1787 и 1793 гг.) окончились провалом. Но и попытки России установить политические связи с Махмуд-пашой оказались безуспешными. Однако Палладоклис принимал участие в этих попытках.

Другим важным делом, которым занимался Палладоклис во время своего пребывания в Далмации, была судьба греческих добровольцев, сражавшихся на флотилии Л. Кацониса в Архипелаге во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг. и попавших в руки венецианцев. Он получил инструкцию помешать их выдаче туркам, «которое препоручение, — по его словам, — он и исполнил с желаемым успехом».

Консульская карьера Палладоклиса кончилась после уничтожения Венеции в 1797 г. и передачи Далмации Австрии. Однако он продолжал оставаться на русской дипломатической службе и продвигаться по служебной

лестнице. В 1800 г. он получил новое важное назначение — должность генерального консула России в Рагузе (Дубровник). К этому времени безродный грек с о. Митилини имел уже чин статского советника и стал, таким образом, потомственным российским дворянином. Он был также владельцем 261 души крепостных в Минской и Волынской губерниях. Но Палладоклис не доехал до своего нового места службы: 12 (24) апреля 1801 г. он скончался в своем имении Леонковичи в Минской губернии⁷.

В заключение несколько слов о характере литературной деятельности этого писателя и успешного российского дипломата. Можно говорить о месте Палладоклиса в истории литературы в двух ипостасях: несомненно, его произведения принадлежат истории русской литературы допушкинского периода. В то же время эти сочинения, дублированные на греческий язык, являются частью новогреческого Просвещения и отражают некоторые идеинные характеристики этого явления.

Речь идет, в частности, о культе античности, особенно Древней Греции, характерном тогда для образованной верхушки греческого общества. Впрочем, к началу XIX в. культ охватил и более широкие слои греческого общества: купцов, моряков, предпринимателей — греческое «третье сословие». Широкое распространение получил тогда обычай давать детям имена древнегреческих героев, использовать эти имена в названиях торговых кораблей. Свободолюбивый дух предков воодушевлял борцов за освобождение Греции от османского господства. В известном воззвании Александра Ипсиланти «В бой за веру и отчество», первом документе греческой национально-освободительной революции 1820-х годов, говорилось: «Призовем снова мужественные и великодушные еллины, свободу на классическую землю Греции! Сразимся между Марафоном и Термопилами [...]»⁸. Восприятие греками преемственности новой Греции с Древней помогло им подняться в 1821 г. на тяжелую и неравную борьбу и победить в ней...

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. Эрмитажное собрание. Д. 203.
- ² Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Внутренние коллежские дела. Оп. 216. Д. 143. Л. 1–2.
- ³ Ода его сиятельству графу Алексею Григорьевичу Орлову. СПб., 1771.
- ⁴ Каллиопа. СПб., 1775. С. 2.
- ⁵ АВПРИ. Ф. Внутренние коллежские дела. Оп. 216. Д. 143. Л. 1–2.
- ⁶ АВПРИ. Ф. Письма и прошения лиц на высочайшее имя. Оп. 13/2. 1783 г. Д. 771. Л. 1–6.
- ⁷ АВПРИ. Ф. Административные дела. IV–15; 1801. Д. 3. Л. 15.
- ⁸ Современный русский перевод воззвания А. Ипсиланти: См.: Русский архив. М., 1868. С. 294–297.

Елена Петровна ВЫСОЦКАЯ,
исторический публицист (Москва)

Морская династия Алексиано-Сарандинаки

Состоящие в близком родстве семьи Алексиано и Сарандинаки обосновались в России после окончания русско-турецкой войны 1769–1774 гг. Дорога из Греции на новую родину у Сарандинаки была прямой. Алексиано прежде, чем попасть в Россию, прожили несколько десятилетий на Балеарских островах.

В ноябре 1769 г. эскадра адмирала Г.А. Спиридова, проделав за четыре месяца путь от Балтийского до Средиземного моря, достигла острова Менорки. В Порт-Магоне (Маон) корабли встречал русский консул грек Теодор Алексиано (Theodoros Alexiano). Готовясь к Архипелагской экспедиции, главнокомандующий А.Г. Орлов озабочился созданием в опорных пунктах Средиземноморья русских дипломатических представительств. Министерство иностранных дел Британии (Foreign Office) дало согласие на то, чтобы интересы России в регионе представляли английские консулы — Дж. Дик в Ливорно и Т. Алексиано на Менорке. В дальнейшем, благодаря «дружескому вниманию» английского вице-губернатора острова Джеймса Джонстона (James Johnstone) и практической помощи семьи Алексиано, Менорка на время кампании сделалась опорной базой российского флота¹. После длительного перехода из Англии в удобной гавани Ла Мола, земля по берегам которой находились во владении Алексиано, останавливались на отдых и ремонт российские военные корабли; чинились побывавшие в сражениях суда. На складах, принадлежавших Алексиано, хранилось оружие и такелаж для экспедиции; предоставленные Алексиано помещения были оборудованы под госпиталь для русских моряков. Одновременно на

Менорке проходили лечение до 300 больных и раненых. Чтобы присоединиться к русскому флоту в войне с турками, в Порт-Магон стекались моряки и лоцманы с Балкан и из Архипелага.

Выходцы с острова Монемвасия (Мальвазия), Алексиано покинули Грецию вскоре после окончательного утверждения турецкого господства. Около 1733 г. семья обосновалась на Майорке, но из-за преследований инквизиции была вынуждена перебраться на соседнюю Менорку². Английское правительство предоставляло переселенцам-грекам большие льготы. Первым прибыл в Порт-Магон Николас (Nikolaos) Алексиано с племянником Теодором³. В 1749 г. он приобрел участок под строительство дома напротив церкви Св. Хосе, через год вместе с другим греком — К. Маноли выкупил землю для греческой православной церкви. Следом за Николасом на Менорку приехала его сестра Анна вместе с мужем Павлом Мальвазия (Pavlos Malvasia) и восемью детьми. Для упрощения имущественных взаимоотношений дети Анны при переезде на Менорку были записаны как Алексиано.

В 1753 г. лейтенант-губернатор Менорки Уильям Блейкни (William Blakeney) утвердил Николаса Алексиано в праве аренды сроком на 31 год соляными шахтами Форнеллс (Fornells), землями у входа в гавань на полуострове Ла Мола (La Mola), фруктовыми садами в Коларсега (Colarsega). Предприимчивые греки за короткий срок превратили соляной промысел в важную отрасль на острове. После смерти Н. Алексиано в 1754 г. принадлежавшие ему земли и недвижимость унаследовали сестра Анна и старший племянник Теодор Алексиано.

Среди 40 греческих семей Менорки Алексиано являлись самыми зажиточными. До наших дней сохранился их дом в Порт-Магоне. В построенной, по большей части на их пожертвования, Успенской греческой церкви (теперь католический храм) в 1770 г. пышно отмечалось тезоименитство императрицы Екатерины II.

Свой капитал Алексиано заработали не только на соляных промыслах и морской торговле. Братья Александр (Alexandris), Панайот (Panagiotis) и Антон (Antonios), по-

лучив от британской короны каперские патенты, крейси-ровали в Средиземноморье. Во время Семилетней войны 1756–1763 гг. корсар Панайот Алексиано держал в стра-хе французские суда⁴. Добытые каперские призы Теодор Алексиано доставлял тунисскому бею. Пятый брат Нико-лас исполнял обязанности капитана порта на Менорке и был женат на дочери итальянского художника Джузеппе Кьеза (Giuseppe Ciesa). Благодаря его живописным по-лотнам, хранящимся в Национальном военном музее в Лондоне, известно, как выглядели Порт-Магон в период Архипелагской экспедиции и его жители. Одна из сестер Калица (Kalitza Alexianis) вышла замуж за греческого купца из Ливорно Николаса Георгиу (Nikolaos Georgiou). Муж другой сестры, Елены, Панайот Сарандинаки (в русских документах Павел Сарандинаки) являлся архон-том острова Монемвасия.

Первые сведения о семье Сарандинаки относятся к XIV в. По свидетельствам Монемвасийского митрополи-та Анфима, сделанным в 1770 г. на острове Цериго и в 1804 г. в Севастополе, император Андроник III Палеолог во время визита в Монемвасийскую епархию, «найдя фа-милию Сарандинаки в имуществе, благочестии и добро-здравии, определил к употреблению состоящего тогда на-роду и пожаловал имуществом»⁵.

Деловые контакты прочно связывали семью Алексиа-но с Ливорно. Только в 1767 г. Панайот привел в Ливорно 17 судов⁶. В 1760 г. Александр, Николас, Павел, Анна и Калица Алексиано внесли значительные пожертвования греческой церкви Св. Троицы в Ливорно⁷. В метрической книге этой церкви сохранилась запись о кончине в январе 1761 г. «Павлоса Алексиано из Мальвазии»⁸. Хорошо на-ложенные связи Алексиано в Ливорно пригодились для снабжения русского флота. Панайот Алексиано вызвался приобретать для эскадры боевые припасы, такелаж и пе-реправлять снаряжение на греческих судах в Архипелаг. Он же поставлял лоцманов из жителей Балкан.

С приходом эскадры Спиридова к берегам Мореи ар-хонт Павел Сарандинаки возглавил в Монемвасии со-противление. Оружие его отряду доставил Н. Кумани на «Касатке» с корабля «Святой Евстафий».

Александр Алексиано стал вторым по счету греком-волонтером, присоединившимся к русской эскадре сразу по приходу ее в Архипелаг в 1769 г.⁹. Капитан С.К. Грейт сделал запись в своем журнале о том, что 25 февраля 1770 г. в Виттуло прибыла под командованием А. Алексиано 12-пушечная полякра «Гейнрих». Следом за Александром решение поступить на русскую службу принял Панайот. Третий брат, Антон, вступил под Андреевский флаг 25 марта. Летом 1773 г. обеспокоенная судьбой младших детей и внуков Анна Алексиано направила адмиралу Г.А. Спиридову письмо с просьбой взять их под свою опеку¹⁰.

«Когда узнано было турками, что во флоте служат на собственных своих судах Панайот Павлов и Александр Павлов Алексианы, то турки употребили возможные средства, дабы Павла Саарандинаки яко родственника вышеупомянутых поймать и казнить, посему он свою семью с острова вывез»¹¹.

Павел Саарандинаки во главе отряда из двухсот человек участвовал совместно с русским десантом в осаде крепости Корунн и Наваринском сражении. После Наварина он вызвался снабдить эскадру хлебом, рассчитывая внезапно напасть на расположившийся в крепости Монемвасии турецкий гарнизон. Однако захватить турок врасплох не удалось. Получивший смертельное ранение в бою П. Саарандинаки скончался в 1770 г. на острове Цериго. В Монемвасии турки сожгли все имущество семьи Саарандинаки, не пощадив даже сады.

В начале новой службы Антон Алексиано на пинке «Сатурн» плавал из Порт-Магона в Морею, участвовал в сражении при Наварине.

Опытным в морском деле Алексиано командование доверило купленные казнью фрегаты. Панайот получил «Св. Павла», Александр — «Рафаила», Антон — «Констанцию». Старший сын Павла Саарандинаки Стамати по примеру братьев матери вступил волонтером в эскадру Спиридова и был зачислен подпрапорщиком от солдат на «Св. Павла» П. Алексиано. На русской службе Стамати выбрал имя Евстафий.

Братья Алексиано участвовали в Чесменском сражении: Антон — на поляке «Св. Екатерина», Панайот — на линейном корабле «Ростислав». По приказу капитан-командора С. Грейга вывести из боя неповрежденные суда он пленил турецкую полугалеру. За проявленную храбрость П. Алексиано был произведен в лейтенанты. Вскоре после Чесмы, с 27 августа по 29 сентября 1770 г., на его фрегате «Св. Павел» держал флаг граф Алексей Орлов.

Смелый и решительный Панайот Алексиано часто в одиночку выполнял боевые задачи. За штурм турецкой крепости на острове Станчио (Кос) он был представлен к Георгию IV степени, а артиллерист Евстафий Сарандина-ки получил чин констапеля. Особую известность Панайот Алексиано приобрел после сражения у Дамиетты. Осенью 1772 г. он был послан Орловым к берегам Египта с разведывательной целью в сопровождении только одной фелюги. У крепости Дамиетта Алексиано заметил турецкие корабли. Приблизившись, поднял русский флаг и ввязался в неравный бой. Разгром турок был полный. Алексиано предотвратил доставку из Египта к берегам Греции пехоты, захватил множество ценных трофеев и пленил командующего Тунисской эскадрой Селим-бея. После победы П.П. Алексиано у Дамиетты и последовавшей виктории капитана М.Ф. Коняева у Патраса вплоть до конца войны османы не осмеливались тревожить русский флот в Архипелаге.

В течение всей экспедиции Александр Алексиано удачно крейсировал в Архипелаге. Добытые призы он приводил в Аузу, на Мальту и в Ливорно. Есть сведения о том, что 8 января 1772 г. Александр Алексиано пришел на Мальту из Пароса на 30-пушечном фрегате «Прекрасная Рашель» с командой в 120 человек¹². 10 июля из Мальты в Ливорно он прибыл с грузом добытых товаров на 20-пушечном «Ruffa» («Рафаил». — E.B.)¹³. За кампанию 1772–1773 гг. лейтенант флота Александр Алексиано получил Георгия IV степени.

Летом 1773 г. Панайот и Антон Алексиано в составе отряда капитана М. Г. Кожухова крейсировали у берегов Сирии и участвовали в осаде и штурме Бейрута.

В 1776 г. Панайот Алексиано в Ливорно передал «Св. Павла» капитан-лейтенанту Ф. Ф. Ушакову и берегом отправился в Петербург. В столице герой Дамиетты был принят самой императрицей и удостоен ордена Св. Георгия III степени.

После окончания Архипелагской экспедиции и ухода русских кораблей жизнь семьи Алексиано на Менорке изменилась. Скончавшегося в 1775 г. Теодора Алексиано сменил в должности русского консула сначала брат Николас, потом Александр¹⁴. Собственность по наследству перешла ко всем братьям. Обязанности капитана порта взялся исполнять зять Николас Георгиу. В 1781 г. в ходе боевых действий Менорку заняли франко-испанские войска. Державший оборону вместе с британским гарнизоном в форте Сан-Фелипе (San-Felipe) Николас Алексиано после сдачи крепости был эвакуирован с британскими войсками в Англию; Теодор Алексиано и Николас Георгиу, как участники предыдущей Семилетней войны, выданы союзникам. Арестованных заточили в тюрьму замка Можук в Барселоне.

С просьбой об освобождении узников и возврате оставшейся на Менорке собственности к испанскому королю Карлосу III обратилась жена Георгиу Калица. Панайот Алексиано в свою очередь попросил заступничества у Екатерины II. По ее указанию о судьбе заключенных ходатайствовал русский посол в Мадриде С.С. Зиновьев. Потери Алексиано были оценены в 260 350 реалов. Арестованные вышли на свободу, но имущество вернуть не удалось. Вопросы реституции собственности на перешедшей к Испании Менорке рассматривались при подписании мирного договора в 1783 г. в Версале, однако решение возместить имущественные потери беженцам принято не было. Эра благоденствия на Менорке для Алексиано закончилась. Антон и Панайот перевезли всю большую семью в Ливорно.

В 1795 г. в письме к Таврическому генерал-губернатору князю П.А. Зубову капитан 1 ранга Антон Алексиано и капитан 2 ранга Евстафий Саарандинаки обратились с просьбой оказать содействие в переезде женщин и детей

из Ливорно в Россию¹⁵. На последней странице послания приведены имена всех членов семьи с указанием возраста и родственных связей.

Своих младших братьев Евстафий Саардинаки в 1775 г. на корабле «Европа» капитан-бригадира Ф.А. Клочачева перевез из Аузы в Ливорно, а оттуда отправил в Кронштадт. Пятнадцатилетний Константин Саардинаки по рекомендации вице-президента Адмиралтейств-коллегии И.Г. Чернышева был принят в Морской шляхетский корпус, Федор Саардинаки в 12 лет поступил в Гимназию для чужестранных единоверцев и после ее окончания также определен в Морской корпус.

Состоявший при береговой службе в Кронштадте артиллерийский унтер-офицер Евстафий Саардинаки с эскадрой контр-адмирала И.А. Борисова совершил переход из Кронштадта в Ливорно и обратно, в эскадре контр-адмирала А.И. фон Круза плавал от Кронштадта до Английского канала, получил первый морской чин лейтенанта и в 1783 г. был переведен с Балтийского флота в Азовскую флотилию. Через 4 года он был произведен в капитан-лейтенанты.

1783 год вошел в историю как год основания Севастополя. В этом же году Панайот Алексиано был произведен в капитаны 1 ранга и переведен в Черноморский флот. Он стал первым греком — жителем строящегося города-порта. Следом за ним на Черном море продолжили службу Антон Алексиано и Евстафий Саардинаки.

Капитан 2 ранга Александр Алексиано скончался от простуды в Петербурге в 1783 г.

Во время памятного визита императрицы в Крым в мае 1787 г. кайзер-флаг князя Г. А. Потемкина был поднят на 66-пушечной «Славе Екатерины» капитан-бригадира Панайота Алексиано. (Бригадирский чин П.П. Алексиано получил одновременно с Ф.Ф. Ушаковым.) На следующий после морского смотра день в Бахчисарайском дворце императрица подписала указы, по которым капитану бригадирского чина, кавалеру Панайоту Алексиано, капитан-лейтенантам Антону Алексиано и Евстафию Саардинаки отводились в Крыму под поселе-

ние земли «из казенных порожних дач». А.П. Алексиано сделался владельцем дачи Аннинской при деревне Бельбек и, совместно с Е.П. Саарандинаки, дачи Садовая при деревне Орта-Кисек. Имение П.П. Алексиано находилось по соседству в Бельбеке.

В 1788 г. «по морскому узаконению» за 18 морских шестимесячных кампаний капитан 2 ранга А.П. Алексиано был высочайше жалован Георгием IV степени.

Новое русско-турецкое противостояние началось в августе 1787 г. В сентябре противники примерились силами у Кинбурна. «Григорий Богослов» Евстафия Саарандинаки находился в составе Лиманской флотилии контр-адмирала Н.С. Мордвинова.

В следующем году главная баталия разыгралась под Очаковым. Гребную часть Лиманской флотилии возглавил принц К.Г. Нассау-Зиген. Командиром корабельной эскадры из четырнадцати парусных судов был назначен американец шотландского происхождения Джон Поль-Джонс. За то, что в прошлом занимался работорговлей, прославившийся в войне за независимость Соединенных Штатов Америки адмирал носил прозвище Черный корсар.

До Поль-Джонса парусную часть флотилии фактически возглавлял капитан бригадирского ранга Панайот Алексиано. Назначение американца Алексиано воспринял как личное оскорбление. Вместе с ним выразили намерение покинуть флотилию все служившие в ней греки. О своем нежелании быть под командованием «врага нации» доложили наемные англичане.

Уговорить Алексиано остаться удалось только А.В. Суворову. В письме к нему генерал-аншеф заклинал Панайота Павловича не оставлять службы и быть с Поль-Джонсом похожими на римских консулов, «которые издревле их честь жертвовали чести Рима». В итоге Алексиано согласился и взял на себя руководство боевыми действиями в Лимане.

По окончании сражения острый на язык Суворов оценил всех действующих лиц: принца Нассау он назвал очаровательным, Поль-Джонса — храбрым моряком, при-

бывшим на пир и думавшим найти за столом англичан, Алексиано — отважным и умелым.

«Алексиано, в обоих сражениях, не будучи командиром, всем командовал, по его совету во всем поступали, где он, там и Бог нам помогает, и вся наша надежда была на него», — написал командующий сухопутными войсками при Черноморском флоте полковник Н. И. Корсаков¹⁶.

Потемкин был безмерно доволен Алексиано и за отвагу и ревностную службу исходатайствовал для него награды. Панайот Павлович получил контр-адмирала и 600 крепостных в Велижском уезде в потомственное владение. Спустя месяц после сражения в возрасте 42 лет П.П. Алексиано скончался от малярии на борту вверенного ему «Владимира».

Антон Алексиано и Евстафий Сарандинаки участвовали в трех известных морских баталиях второй русско-турецкой войны 1787–1791 гг. В чине капитана 2 ранга А.П. Алексиано командовал фрегатом «Таганрог» в эскадре контр-адмирала М.И. Войновича у Фидониси; на том же фрегате был в составе эскадры контр-адмирала Ф. Ф. Ушакова у Керчинского пролива и Тендры. За отличия в боях получил «Св. Владимира» и был произведен в капитаны 1 ранга.

Капитан 2 ранга Евстафий Сарандинаки на фрегате «Св. Кирилл Белозерский» отличился у Керченского пролива и Гаджибея и за проявленную храбрость был также награжден орденом Св. Владимира. В сражении у Калиакрии Сарандинаки командовал линейным 50-пушечным фрегатом «Апостол Андрей» и удостоился ордена Георгия IV степени.

Служившие на Балтийском флоте младшие братья Константин и Федор Сарандинаки приняли участие в русско-шведской войне 1788–1790 гг. В сражении у Гогланда лейтенант К.П. Сарандинаки получил боевое крещение на фрегате «Брячислав», мичман Ф.П. Сарандинаки — на транспортном судне «Турухтан». В следующем году Федор крейсировал на «Надежде Благополучия» у входа в Финский залив. В августе 1789 г. Константин в составе отряда капитана И.П. Балле командовал шебе-

кой «Быстрой» и в сражении у Роченсальми был тяжело ранен. По случаю лишения ноги К.П. Саардинаки был уволен со службы с чином капитан-лейтенанта, полной пенсии и пожизненной арендой двухсот душ крепостных из казенных деревень в Белоруссии.

Фёдор Саардинаки до 1793 г. служил при береговой команде в Ревельском порту, затем был переведен на Черноморский флот, командовал брандвахтенным судном «Св. Николай» и был уволен со службы в чине капитана 2 ранга. С 1805 г. местом жительства Ф.П. Саардинаки стал Таганрог.

В известном походе адмирала Ф.Ф. Ушакова к Ионическим островам флагманский линейный корабль 84-пушечный «Св. Павел» вел капитан 1 ранга Е.П. Саардинаки. Он отличился в сражениях, плавал из Корфу в Мессину и Палермо. В 1799 г. был произведен в капитан-командоры. Евстафий Павлович являлся одним из самых близких Ушакову людей. Саардинаки представлял адмирала на сложных дипломатических переговорах. Ему доверил Федор Федорович быть наставником своего племянника Ивана.

Капитан 1 ранга А.П. Алексиано командовал кораблем «Богоявление Господне»: при взятии Цериго пленил 18-пушечную французскую шебеку, участвовал в штурме Занте и Корфу, в отсутствии Ушакова на острове исполнял обязанности старшего морского начальника. В 1799 г. он был произведён за заслуги в капитан-командоры, через два года — в контр-адмиралы, в 1805 г. стал вице-адмиралом Синего флага Черноморского флота.

Потомки Панайота Павловича Алексиано владели поместьем Велищи в Велижском уезде Витебской губернии. Сын надворный советник, кавалер Константин Алексиано избирался в уезде поветовым маршалом.

Антон Павлович Алексиано (умер в 1810 г.) был женат на Феодоре Дмитриевне Алфераки. Их сын Николай служил в морской пехоте и в отставку вышел подполковником с правом ношения мундира. Внук Николай Алексиано пошел по стопам деда и в чине капитан-лейтенанта состоял в Главном морском штабе в Петербурге.

После возвращения из похода к Ионическим островам Евстафий Павлович Сарандинаки плавал недолго и в 1803 г. вышел в отставку. Женат был на Марии Манто, дочери майора Балаклавского греческого полка. Умер в 1825 г. и, не имея прямых наследников, большую часть своего состояния завещал на благотворительные цели в Греции.

Константин Павлович Сарандинаки (умер после 1821 г.) жительствовал в городе Черикове Могилевской губернии. Его сын Василий в чине полковника состоял начальником отделения Артиллерийского департамента Военного министерства в Петербурге. Внуки занимали высокие должности: Н.В. Сарандинаки — статский советник, судья Ковенского окружного суда; В.В. Сарандинаки — статский советник, архитектор Петербургской городской управы; И.В. Сарандинаки — генерал-майор, начальник Брянского арсенала; А.В. Сарандинаки — полковник, командир 2-го конного Сибирского казачьего полка.

Федор Павлович Сарандинаки (умер в 1834 г.) удачно женился на богатой наследнице. Отец Марии премьер-майор Маргарит Блазо переселился в Россию после окончания войны 1769–1774 гг. и за короткое время сделался одним из богатейших землевладельцев Приазовья. Среди потомков Ф.П. Сарандинаки — военные, ученые, общественные деятели¹⁷. Усадебный дом в селе Маргаритово под Таганрогом в наши дни выглядит почти также, как при прежних владельцах.

В Крыму на кладбище села Фруктовое (бывшее Анненское) сохранились надгробия жены и детей вице-адмирала А.П. Алексиано. О капитан-командоре Е.П. Сарандинаки и контр-адмирале П.П. Алексиано напоминают топонимы Севастополя — Сарандинакина и Панайотова балки.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б. Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М., 2011. С. 104.

² Terrón Ponce J.L. Los Alexianos una familia greiga en la Menorca del siglo XVIII. Baleares, 1981. P. 3–4.

³ Archivo Histórico Nacional. Madrid. Estado 4205. Inquisicion. 1716. Exp. 27. Relaciòn de procesados el Tribunal de la Inquisicion de Mallorca que se despa-

charon el año 1756: procesado por proposiciones heréticas: Nicolas Alexiano de Malvasia.

⁴ *Svormonos N.G. Le commerce de Salonique au XVIIIe siècle.* Paris, 1956. P. 158–159.

⁵ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1343. Оп. 29. Д. 1092. Л. 13–13 об.

⁶ *Vlami D. The Gold Coin, the Wheat and the Garden Street: Greek merchants in Livorno 1750–1868.* Athenes, 2000. P. 82–86.

⁷ Archivio di Stato di Livorno. Chiesa greca non unita della Santissima Trinitá 1753–1924. Serie III. Pezzo 11/6. Nomi dei Fratelli, e Cassa di detta chiesa. 1760–1801. F. 4 v–7 v. Elenco dei fondatori della comunità. 8 Gennaio 1760.

⁸ *Sideri A. Students at the University of Pisa: 1806–1861.* Athens, 1989–1994. P. 689.

⁹ Высоцкая Е.П. Три капитана // Донской временник. 2011. Выпуск 19. С. 66–91.

¹⁰ Российский государственный архив Военно-морского флота. Ф. 188. Оп. 1. Д. 66. Л. 98.

¹¹ РГИА. Ф. 1343. Оп. 29. Д. 1092. Л. 20 об.

¹² *Vlassopoulos N. Greek boats chartered by Russian in the Mediterranean 1770–1775 // Periplus Naval History.* 2010. Vol. 71. P. 45.

¹³ *Gazzetta Toscana.* 1772. № 25. Р. 4.

¹⁴ *Terron Ponce J.L. Los Alexianos Una familia greiga en la Menorca del siglo XVIII.* Baleares, 1981. P. 8.

¹⁵ Российский государственный архив древних актов. Ф. 193. Оп. 1. Д. 1022. Л. 1–2.

¹⁶ Цит. по: *Мосхури И.В. Греки в истории Севастополя.* Ч. 1. Севастополь, 2006. С. 67.

¹⁷ Высоцкая Е.П. Дети магистра // Донской временник. 2011. Выпуск 19. С. 65–80; Высоцкая Е.П. Павловичи и Маргаритовичи // Донской временник. 2011. Выпуск 19. С. 176–194.

Теофанис МАЛКИДИС,
доктор общественных наук
(Фракия, Греция)

Семья Ипсиланти: Греция и Россия

Александр Ипсиланти родился в Константинополе в 1792 г. и был сыном Константина Ипсиланти и Елизаветы из рода Вакареску, одного из самых крупных семейств Румынии. Александр Ипсиланти был потомком богатой и влиятельной византийской семьи из района Ипсала в Трапезунде. Семейство Ипсиланти бывает представлено и с фамилией Ксифилин, которая позже перестала упоминаться, однако использовалась одним членом семьи, который стал Вселенским патриархом (Иоанн VIII Ксифилин, 1065–1075).

Историк Греческого восстания Иоанн Филимон¹ представляет важный источник об эмиграции семьи Ипсиланти из Константинополя. Филимон утверждает, что семья Ипсиланти после падения Константинополя бежала во двор Комнинов в Трапезунд вместе с другими влиятельными семьями Империи (семья Мурузи и т.д.). Они вернулись в Константинополь после завоевания Трапезунда, и первый известный Ипсиланти — Иоанн написал греческую историю, начиная с распада Византийской империи и до 1700 г. Иоанн был обезглавлен по обвинению в заговоре против Османской Империи. Его брат Афанасий не смог стать в 1758 г. правителем Молдавии, хотя старался это сделать. Его сын Иоанн Ипсиланти стал драгоманом Османской Империи и укреплял Вселенскую Патриархию.

Александр Ипсиланти-старший, дед генерального комиссара общества «Филики Этерия» Александра Ипсиланти-младшего, был правителем Валахии и Молдавии. Участвовал в подписании Кючук-Кайнарджийского мир-

ного договора (1774), благодаря которому признавалась автономия Дунайских княжеств и право России вмешиваться в их внутреннее управление и защиту православных. Александр Ипсиланти-старший был обезглавлен в 1808 г.

Константин Ипсиланти, отец Александра, был драгоманом и переводчиком военных справочников. Правитель Молдавии, он вступил в контакт с русскими, чтобы служить греческим интересам, и когда в 1806 г. стало известно, что османы собираются его обезглавить, он бежал в Россию. У Константина Ипсиланти от первого брака с Раллу Калимахи (дочь правителя Молдавии Иоанна Калимахи, который был обезглавлен в 1761 г.) родилась дочь Елена. От второго брака с Елизаветой Вакареску — дочери Екатерина и Мария, а также сыновья — Николай, Дмитрий, Йоргос, Григорий и Александр.

Самые известны члены семьи Ипсиланти: Антиохос Ипсиланти, торговец мехом, Иоанн Ипсиланти, сын Антиоха, обезглавлен османами, Афанасий Ипсиланти, сын Антиоха, врач, Иоанн Ипсиланти, сын Афанасия, драгоман Порты, Александр I Ипсиланти, драгоман Порты, правитель Молдавии и Валахии, муж Екатерины Мурузи и Елизаветы Вакареску и сын Иоанна, Константин Ипсиланти, правитель Валахии, драгоман Порты, муж Раллу Калимахи и сын Александра. Елена Ипсиланти, жена Александра Негри и дочь Константина. Константин Негри, профессор математики в Афинском университете и сын Елены. Теодор Негри, профессор математики в Военном училище эвелпидов и сын Константина. Фокион Негри, металлург, член Афинской академии, депутат, министр и сын Константина. Лукия Негри, жена Асимакиса Заимиса и дочь Фокиона. Фрасивулос Заимис, лейтенант, сын Лукии. Лукия Заими, историк, жена Андреаса Друлиа и дочь Фрасивулоса. Фокион Заимис, член парламента, министр, сын Лукии. Андреас Заимис, член парламента, министр, муж Анны Балли и сын Фокиона. Константин Заимис, политик, экономист и сын Андреаса. Николаос Заимис, деятель Европейского союза и сын Андреаса. Александр К. Ипсиланти, офицер Российской армии, представитель «Филики Этерии» в Греции и сын Константина. Йоргос Ипсиланти,

военный, муж Марии Мурузи и сын Константина. Григорий Г. Ипсиланти, посол Греции, муж Елены Симонос Сина, сын Григория. Иммануил Ипсиланти, сын Григория. Александр Ипсиланти (1907–1994), владелец замка в Раполденкирхене и сын Иммануила. Томас Е. Ипсиланти, дипломат, член парламента и сын Иммануила. Теодор Ипсиланти, старший конюх Георгия II, муж Марии Левиди и сын Григория. Екатерина Ипсиланти, жена Константина Катакази и дочь Константина. Мария Ипсиланти, жена Александра Схина и дочь Константина².

Александр Ипсиланти родился в Константинополе в 1792 г. В 1810 г. стал младшим лейтенантом кавалерии конных телохранителей царя Александра I в России. Он отличился в войнах против Наполеона: в битве при Дрездене (27 августа 1813 г.) он потерял правую руку. В 1814–1815 гг. в составе Российской делегации принимал участие в Венском конгрессе в звании генерал-майора. Там он выразил мнение, что греческий вопрос — это дело христианства и гуманизма, которое должно решаться всеми королевскими дворами Европы. Вместе с этим он был связан с кругами Русской интеллигенции и особенно с великим поэтом А.С. Пушкиным. Создатели общества «Филики Этерия» и его первые члены считали Ипсиланти необходимой фигурой для успеха тайной организации, целью которой было освобождение порабощенного греческого народа. При посредничестве Константина Кантиотиса, который был подчиненным Каподистрия, после отказа главного дипломата и политика России занять должность предводителя «Филики Этерии», Иммануил Ксантос связался с двоюродным братом Ипсиланти, Иоанисом Маносом, чтобы тот связался с Александром Ипсиланти. Эта встреча стала одним из важных моментов в жизни Ксантоса, как он описал в своих воспоминаниях, в отличие от разочарования, которое ему принес Каподистрия. На встрече в Санкт-Петербурге 11 апреля 1820 г. Ипсиланти, после некоторых вопросов о своем происхождении и некоторых других предположений, спросил Ксантоса, как живут греки. Ксантос ему ответил, что их везде притесняют турки, и эта ситуация стала невыносимой. За-

тем последовал следующий диалог. Ипсиланти: «Почему греки не пытаются действовать, будто вы не в состоянии освободиться от ига?» Ксантос: «Князь, какими средствами и какими путями активизировать несчастных греков для улучшения государственной политики? Все хорошие греки уехали на чужбину. Вот граф Каподистрия служит России, ваш отец бежал сюда, вы сам служите России, так и другие хорошие христиане, которые уехали и живут там, не заботятся о своих несчастных братьях». Ипсиланти: «Если бы я знал, что мои сограждане надеются на меня, говорю честно, я принес бы любые жертвы для них. Ксантос (встает взволнованный): «Дай мне, князь, свою руку в подтверждение того, что было сказано»³. Глядя на Ксантоса, восхищенный Ипсиланти протянул ему руку. На следующий день Ксантос снова встретился с Александром Ипсиланти и раскрыл секреты «Филики Этерии». После этого он поклялся в верности и совершил обряд общества и стал генеральным комиссаром. Ему дали прозвище Калос (Хороший) и буквы греческого алфавита «α.ρ.», чтобы подписывать письма.

Став руководителем общества, Ипсиланти направил письма в разные страны и отметил вклад греков в укрепление борьбы. Ряд государств признал его назначение генеральным комиссаром. После начала революции он продал большую часть своего семейного состояния и выделил огромную для того времени сумму в 5 млн пиастров на военные расходы. То же самое было во время революции: жена Константина, Елизавета Ипсиланти, мать восьми детей, отдавшая войне 1821 г. пять мальчиков (Александр, Николай, Дмитрий, Йоргос, Григорий, из них Александр и Дмитрий убежали в подростковом возрасте), проводила значимую национальную деятельность. Вместе с дочерью Марией они отдали все свои деньги и имущество для национальной борьбы, после чего они жили бедно.

В 1820 г. брат Александра Ипсиланти Николай подготовил и представил на утверждение военный проект для добровольной армии. По его словам, греческая революционная армия будет состоять из капитанов и майоров. Греческий флаг будет иметь три цвета: белый, черный и

красный. Революция начнется с Пелопоннеса, также будут восстания в Дунайских княжествах. В письме к императору России Александру I Ипсиланти объявил о своем уходе из российской армии и попросил помочь в деле греческой революции. Ипсиланти перешел реку Прут 22 февраля 1821 г. и поднял флаг революции в городе Яссы Молдавского княжества, 24 февраля провозгласив революцию девизом: «Борьба за Веру и Отечество».

26 февраля 1821 г. в церкви Пресвятой Троицы состоялся благодарственный молебен, на котором епископ Вениамин благословил флаг и, согласно византийскому обряду, вручил меч Александру Ипсиланти. Затем был объявлен сбор средств с целью получить миллион пиастров; со всей Европы приезжали добровольцы для участия в созданной военной организации, образовав первую часть артиллерии с двумя пушками под командованием французского полковника Оливье Бутье.

Ипсиланти создал Священный отряд, состоящий из 500 студентов. Ипсиланти считал, что эти молодые люди могли бы быть душой армии, принимая решение дать имя Священному отряду «Фив». Мужчины Священного отряда носили форму из черной ткани с трехцветным шевроном. На головных уборах была фраза «Свобода или смерть» и череп с двумя крест-накрест лежащими костями как символ победы над смертью. Командиром Священного отряда был назначен Йоргос Кантакузинос и адъютант Афанасий Цакалов, соучредитель общества «Филики Этерия». Сотниками Священного отряда были Спиридон Дракулис из Итаки, Димитрис Суцос из Константинополя, брат поэта Александра Суцоса, Лука Валсамакис из Кефалонии, Андроник из Пелопоннеса, Ризос из Янини и Иоаннис Крокиас с острова Хиос. 17 марта 1821 г. Ипсиланти, разработав генеральный план революции, состоящий из 23 частей (включая проект уничтожения турецкого флота в Константинополе)⁴, поднимает флаг революции в Бухаресте, обращаясь к армии трех пашей в таких городах, как Галатси, Дрэгэшани, Слатина, Скулень, а также у монастыря Секку (Георгакис Олимпиос и Иоаннис Фармакис)⁵.

Действия Ипсиланти — вместе с правителем Молдавии Михаилом Суцосом — привели к отречению от Патриарха Григория V, а затем подтолкнули Порту к массовому убийству христиан. Константинопольский Патриархат был вынужден через месяц после начала революции издать и отправить «отлучение», в котором «утверждались» духовные епитетии повстанцев. Текстов отлучения было три, но по сути были два патриархально-синодальных текста, которые имели дословное сходство, и письмо патриарху, вместе с которым Григорий V направил получателю второй документ.

Существует мнение по этому вопросу, что, пренебрегая давлением и угрозами турок, авторы отлучения избежали не только общего отлучения, которое задержало бы повстанцев, но и выиграли четыре ценных для революции дня. Об этом писал Ипсиланти в письме к Теодоросу Колокотронису⁶ (29 января 1821 г.). «[...] Патриарх, принуждаемый Портой, предал Вас анафемой [...], но Вы сочтите, что это его действие не имеет силы; оно было сделано силой и без его согласия [...]. Через несколько дней Григорий V был повешен.

Священный отряд был уничтожен после предательства в сражении при Драгашанах 7 июня 1821 г., и Ипсиланти вместе с остатками отряда двинулся к австрийским границам. Соратники Ипсиланти, Георгакис Олимпиос и Иоаннис Фармакис, погибли в бою у монастыря Секку, сражаясь до конца. Ипсиланти сдался австрийцам⁷, был заключен в тюрьму на шесть лет⁸, выпущен 24 ноября 1827 г., а два месяца спустя, 19 января 1828 г., умер в Вене. Ипсиланти, как пишет историк революции С. Трикупис «является примером патриотизма. Он принес в жертву свою блестящую должность правителя, продал большую часть своего имущества, но пал жертвой корыстного склочника, недоброжелателя и предателя, борясь до конца для спасения своей жизни [...]. Память об Ипсиланти будет вечно удостоена награды за все, что он преодолел с мужеством и риском, за все, что сделал как для страны, так и для окончательного благоприятного исхода восстания, которому он положил начало»⁹.

Освободительную борьбу греков закончил его брат, Дмитрий Ипсиланти, 12 сентября 1829 г. в селе Петра округа Беотия. Дмитрий Ипсиланти уже с началом революции взял на себя обязательство представлять своего брата Александра Ипсиланти в качестве представителя генерального комиссара администрации на Пелопоннессе. 20 июня 1821 г. он стал главой повстанцев и попытался организовать регулярную армию. Попытка, однако, привела к его изгнанию. Народ требовал его восстановления, и после усилий Колокотрониса он вернулся. Во время восстания он принимал участие в осаде Нафплиона и Аргоса, в кампании против Афин, в битве при Дервенакии, в Лернейской битве вместе с Макрияничем и в битве при Петре, которая была последней в ходе революции. Когда умер Дмитрий Ипсиланти, временное правительство Греции объявило в письме Елизавете о его смерти, которая случилась в Великой Коснице в Хорватии. Ответ Елизаветы был очень трогательным. Она написала, что два сына услышали голос страдающего отечества и по зову долга откликнулись на призыв.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Φιλήμονα I. Δοκίμιον ιστορικόν περί της Ελληνικής Επαναστάσεως τ. Β' Αθήνα 1859. Σ. 2. Иоанн Филимон был кипрского происхождения и родился в Константинополе в 1798 г. Его настоящее имя — Иоанн Василиу. Филимон было его прозвищем в качестве члена общества «Филики Этерия», а также с появлением Дмитрия Ипсиланти на Пелопоннессе стал его секретарем.

² Φιλήμονα I. Οπ. π. Τ. 1^{ος}. Σ. 45.

³ Φιλήμονα I. Οπ. π. Τ. 1^{ος}. Σ. 31–33. См. также: Ξάνθος, Εμμανουήλ. Απομνημονεύματα για την Φιλική Εταιρεία Αθήνα : Βεργίνα, 3η έκδοση 2003.

⁴ Φιλήμονα I. Οπ. π. Τ. 1^{ος}. σ. 47–57 και σ. 59–68.

⁵ Ροδάκης Π. Ο Αλέξανδρος Υψηλάντης και η Φιλική. Αθήνα: Γόρδιος 1996. Σ. 315.

⁶ Ροδάκης Π. Οπ. π. Σ. 145.

⁷ Broucek P. Alexander Ypsilantis Gefangenschaft in Österreich, in: Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchivs 17/18, 1964/65. Р. 550–559.

⁸ Ενεπεκίδης Π. Αλέξανδρος Υψηλάντης Η αιχμαλωσία του εις την Αυστρίαν 1821–1828: Επί τη βάσει ανεκδότων εγγράφων εκ των μυστικών αρχείων της Βιέννης. Αθήνα: Παπαζήσης, 1969. Ενεπεκίδης, Π. Ρήγας – Υψηλάντης-Καποδίστριας. Ερευναι εις τα αρχεία της Αυστρίας, Γερμανίας, Ιταλίας, Γαλλίας και Ελλάδος. Αθήνα: Βιβλιοπωλείον της Εστίας, 1965.

⁹ Τρικούπης Σ. Ιστορία της Ελληνικής Επανάστασης. Τ. 1^{ος}. Αθήνα: Λιβάνης 1993. Σ. 147–148.

*Ирина Михайловна ЗАХАРОВА,
к.и.н., в.н.с. Отдела истории русской культуры
Государственного Эрмитажа*

Антон Константинович Псаро: материалы к биографии

Антон (Георгий Антоний) Константинович Псаро родился на острове Миконос¹. С началом русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Псаро вынужден был покинуть Грецию, лишившись всего своего имущества. Имея намерение поступить на службу в российскую армию, он приехал в Санкт-Петербург в 1768 г., где ему посчастливилось познакомиться с графом А.Г. Орловым², назначенным главою русских военных сил на море во время русско-турецкой войны. А. Псаро удалось установить дружеские отношения с А.Г. Орловым, который, вероятно, рекомендовал его Екатерине II³, проявлявшей большой интерес к христианским народам Балканского полуострова и Средиземноморья. Именным указом Правительствующему Сенату 29 апреля 1769 г. Екатерина II пожаловала А.К. Псаро чином титулярного советника «по усердию его ко службе Нашей и по отменным его знаниям»⁴. Однако уже на следующий день, 30 апреля 1769 г., в секретном письме адмиралу Г.А. Спиридову Екатерина II рекомендовала «титулярного советника Антона Псара, в разсуждении искусства и способностей его к морской службе, [...] переименовать тогда, когда вы благо разсудите, в морские флоты Наших офицеры»⁵.

В том же году А. Псаро был переведен из статской службы на военную и получил чин лейтенанта российского флота⁶. Необходимо отметить, что Псаро сразу был присвоен офицерский чин, что говорит о его незаурядных

дарованиях. С началом первой Архипелагской экспедиции в 1769 г. А.К. Псаро оказался на борту корабля «Святой Евстафий» под командованием адмирала Г.А. Спиридова⁷. Так началась почти тридцатилетняя служба Псаро на благо России. Вскоре последовали и подвиги, обратившие внимание руководства и приведшие к награждению орденом Св. Георгия. Так, после прибытия в феврале 1770 г. в порт Витулло первой русской эскадры под командованием адмирала Г.А. Спиридова в разные города Мореи с целью их освобождения от турецкого владычества были отправлены два наемных греческих десанта под командованием русских офицеров⁸. Первый десант, именуемый Восточным легионом, численностью 1200 человек под руководством пехотного капитана Г.М. Баркова в конце февраля 1770 г., отправился на завоевание крепости Мицтры (Мизистры), которую охранял трехтысячный турецкий гарнизон. В ходе военной операции Барков разделил свое войско на две части. С одной из этих частей под своим руководством он намеревался напасть с фронта, а второй частью Восточного легиона руководил лейтенант А.К. Псаро, имевший приказ атаковать турок с тыла⁹. Псаро, первоначально взятый Г.М. Барковым в качестве переводчика с греческого языка¹⁰, проявил себя в ходе этой операции прекрасным стратегом и провел свой полутора тысячный отряд греков столь быстро и искусно, что турки ничего не заметили, несмотря на то, что Псаро двигался практически у них на виду. Демарш и нападение Псаро в турецкий тыл привели к очень скорой сдаче крепости Мицтры. Возможно, что и другие укрепления в Морее были бы отвоеваны у турок без больших военных и временных потерь, если бы не резня при капитуляции турок из Мицтры¹¹, которая привела к военным неудачам русских в Морее. Так, при попытке освобождения от турок города Трополицы (Триполицы) Восточный легион бросил оружие и бежал¹². Лишь капитан Барков и поручик Псаро с небольшим отрядом русских солдат, демонстрируя верность присяге и личную храбрость, остались на поле боя, откуда они под сильным огнем турок вынуждены были прорываться из окружения. Огонь был столь

сильным, что спастись удалось только капитану Баркову, лейтенанту Псаро, одному сержанту и двум солдатам¹³. Чудом выживший Псаро был отправлен в Миству для того, чтобы сохранить единственный взятый Восточным легионом морейский город. Благодаря его организаторским способностям Миству удалось удерживать до ухода российских войск из Мореи¹⁴.

В мае 1770 г. к берегам Мореи подошла вторая эскадра под командованием контр-адмирала Джона Эльфинстона, намеревавшегося сразу же по прибытию атаковать турецкий флот. О нахождении турецкой эскадры в бухте Наполи-ди-Романья Эльфинстону сообщил А.К. Псаро, что свидетельствует об его знании расстановки сил в Архипелаге¹⁵. 9 июля 1771 г., по представлению сподвижника Екатерины II графа А.Г. Орлова-Чесменского¹⁶, Псаро был награжден орденом Св. Георгия IV степени¹⁷.

В 1771–1772 гг. А.К. Псаро командовал шебекой «Греция»¹⁸, осуществляя плавание в Архипелаге. В апреле 1772 г. у острова Санторино Псаро присоединился к отряду флигель-адъютанта при генерал-аншефе А.Г. Орлове майора и кавалера Георгия Ризо¹⁹, совместно с которым вел чрезвычайно успешные военные действия на море у берегов Сирии. Так, был освобожден от турецкого владычества Сидон²⁰, а в июне 1772 г. после недолгой осады с применением артиллерийского огня и высадкой десанта был захвачен город Бейрут²¹. Стоявшие у стен Бейрута десять судов были захвачены и сожжены, город должен был выплатить контрибуцию в размере годовой подати, уплачиваемой турецкому султану²². Необходимо отметить, что численность турецкого гарнизона в Бейруте и количество кораблей существенно превосходили силы отряда Ризо и Псаро.

На завоеванных у турок землях, а также греческих островах, добровольно перешедших в российское подданство, необходимо было наладить эффективное управление. Главной базой российского флота стал порт Ауза на остров Паросе. В образованном по инициативе адмирала Г.А. Спиридова Великом княжестве Архипелагском было организовано самоуправление. От каждого-

го острова избиралось по три депутата, занимавшихся вопросами управления, суда, финансов. Возглавлял всю островную администрацию генеральный депутат от островов. На эту должность 15 января 1771 г. Г.А. Спиридовым был назначен А.К. Псаро и занимал ее до конца пребывания русских в Архипелаге²³. Так началась его административная деятельность, в ходе которой он приобрел и дипломатические навыки, которые пригодятся ему в будущем. Круг обязанностей генерального депутата был чрезвычайно широк: Псаро должен был заботиться о поступлении налога, которым обложили греческие острова, занимался покупкой провианта для российского флота в Архипелаге, заседал в суде, состоял в переписке с островными администрациями, периодически посещал острова²⁴. Для осуществления своей деятельности Псаро организовал в порте Ауза на о. Парос канцелярию, где также работал его брат, подпоручик Петр Псаро²⁵, который поступил на российскую службу в 1770 г.²⁶. За свою службу А.К. Псаро и его сотрудники получали жалованье и «на канцелярский расходы» с доходов о. Миконос²⁷. Таким образом, А.К. Псаро принимал деятельное участие в управлении Великим княжеством Архипелагским.

Исполнение важных административных функций в Архипелаге А.К. Псаро совмещал с плаванием в Архипелаге. В 1772 г. он был назначен командующим бывшим линейным кораблем «Не тронь меня»²⁸, переделанным во фрегат, и произведен в капитан-лейтенанты. Продолжалось его успешное сотрудничество с флигель-адъютантом Г. Ризо, совместно с которым Псаро занимался каперством.

Содержание находящегося в Архипелаге российского флота и российской администрации Архипелагского княжества требовало огромных расходов, а получаемая с греческих островов подать финансовая брешь заткнуть не могла. Также необходимые продовольствие, оружие, обмундирование не всегда можно было приобрести на месте. Некоторые товары везли морем из России и Англии, часть покупалась у дружественных России Мальты и Ливорно. Однако, несмотря на дружбу, цены были весь-

ма высоки, поэтому одним из источников снабжения стало корсарство. Корсарство играло важную роль не только в экономическом, но и военном отношении. Корабли, крейсирующие в водах греческого Архипелага, должны были пресекать доставку продовольствия и боеприпасов в Константинополь и на острова, находившиеся под турецким владычеством²⁹.

А.К. Псаро не ударил лицом в грязь и на этом поприще. Так, весной и летом 1772 г. он и Ризо, находясь в крейсерстве, захватили следовавшую к берегам Смирны венецианскую бригантину, груженную кофе, тканями, пряностями³⁰. Тогда же, в 1772 г., была взята «галерка французской бригантиной», груженная товарами, жемчугом и деньгами³¹. Крейсируя близ города Кайфы лейтенант и кавалер А.К. Псаро захватил две турецкие шахтуры, груженные дровами, греческую шембеку, груженную кофе и мылом³². В апреле 1772 г. Псаро около острова Делоса захватил два французских судна, поляку «Святой Гавриил» и пинк «Святой Батуан (Виктор)», груженные пшеницей, ячменем, досками и рогожами³³. Захваченные товары комиссия адмиралтейского воинского суда, учрежденная при порте Ауза, признала за «добрый приз», они были оценены и поступили в казну Ее Императорского Величества.

В сентябре 1773 г. у о. Цериго капитан-лейтенантом А.К. Псаро, уже командующим фрегатом «Не тронь меня», была взята венецианская бригантина «Лапровинденца Дивина», которая, по снятию с нее груза, в октябре 1773 г. была отпущена³⁴. Находившиеся на ней товары: табакерки, писчая бумага, гвозди, книги, зрительные трубки, разнообразная стеклянная посуда, золотая парча проданы Псаро за пиастры³⁵. В октябре 1773 г., крейсируя у о. Миконос, Псаро захватил еще одну венецианскую бригантину под названием «Конкордия», которая, «по снятии принадлежащих в приз товаров», была отпущена. Груз, включающий перец, сукна, сусальное золото, железные щипцы, перочинные ножи, табакерки, бараньи шкуры, шелковую материю, парусину и многое другое, был принят в комиссариате порта Ауза³⁶.

Поскольку в процессе крейсирования не всегда существовала возможность определить принадлежность судна той или иной державе, то иногда случались и неудачи. Так, в августе 1773 г. Псаро захватил «галанское» судно «Святой Димитрий» и прислал под конвоем в Аузу³⁷. «А как на том судне груз по свидетельству коносаментов оказался состоящим нащет християнских купцов не в числе контрабанда [...] комиссия [...] определяет выше-писанное галанское судно для соблюдения нейтрала со всем на нем грузом з данным капитану онага Ян Шенбранту [...] пропуске отпустить в его путь без задержания...»³⁸. Интересно, что капитан Ян Шенбрант перед отъездом дал расписку в том, что «во всю ж мою бытность при российском флоте обходились со мной ласково и дружелюбно и никаких обид ни от кого как мне, так и моему экипажу неучинено, и тем всем я доволен в чем подписьуюсь»³⁹. Это свидетельствует о том, что А.К. Псаро, занимаясь крейсированием, соблюдал нормы действовавшего тогда российского и международного права. Также необходимо отметить, что у комиссии адмиралтейского воинского суда не было к нему претензий как к корсару и своей активной каперской деятельностью Псаро способствовал усилению финансирования Великого княжества Архипелагского, а также, мешая подвозу продовольствия и боеприпасов в турецкие города и крепости, вносил свой вклад в борьбу с Османской империей. Можно предположить, что тогда же начало складываться личное состояние А.К. Псаро.

После Архипелагской экспедиции А.К. Псаро продолжил службу на флоте до отставки в марте 1777 г. в чине капитана 2 ранга. В 1780 г. Псаро вернулся на службу на флот, а в 1783 г. был назначен поверенным в делах на Мальту⁴⁰. К моменту прибытия ко Двору магистра Высочайшим указом Адмиралтейств-коллегии он был пожалован чином капитана 1 ранга⁴¹.

В царствование Екатерины II Россия стала уделять большое внимание отношениям с Мальтой. Готовясь в середине 60-х гг. XVIII в. к войне с Османской империей Екатерина II понимала важность наличия союзников в

Средиземноморье. Мальтийские порты могли служить местами для снабжения и починки российских кораблей, воюющих против турок. И хотя правитель Мальты, магистр ордена Св. Иоанна Мануэль Пинто де Фонсека отверг предложение Екатерины II о проведении совместной военной кампании против Османской империи, российским кораблям было предоставлено право вхождения в Большую гавань Мальты⁴². В 1770 г. на Мальту для оказания помощи российскому флоту прибыл русский поверенный в делах маркиз Георгий Кавалькабо, который должен был склонять Мальтийский орден к оказанию содействия России в войне с Османской империей. Дружественное отношение магистра ордена Мануэля Пинто к России во многом является заслугой Кавалькабо. После заключения в 1774 г. Кючук-Кайнарджийского мира маркиз Кавалькабо был отозван с Мальты, но интерес России к острову не угас. Мальта фигурировала в составленном Коллегией иностранных дел списке мест, где по экономическим и политическим причинам необходимы были российские дипломатические представительства⁴³.

Новый магистр ордена — Эммануил де Роган-Полдю — придерживался во внешнеполитических вопросах профранцузской ориентации, поэтому старался не допустить назначения на Мальту нового русского поверенного в делах. Однако назначение состоялось⁴⁴. В 1783 г. на Мальту был отправлен поверенный в делах, капитан 2 ранга А.К. Псаро, куда он прибыл 4 мая 1784 г.⁴⁵. Причиной назначения «консуля» на Мальту послужило присоединение в 1783 г. Крыма, что настолько обострило отношения с Османской империей, что впору было готовиться к войне. Наличие российских консулов служило гарантам возможности заходов российского флота в порты Средиземного моря, что, с учетом опыта русско-турецкой войны 1769–1774 гг., являлось совершенно необходимым. А причинами выбора на этот пост А.К. Псаро был его разнообразный опыт морского офицера,corsара, администратора и дипломата, прекрасно ориентировавшегося во внешнеполитической обстановке.

По прибытии на Мальту А.К. Псаро ожидал холодный прием со стороны вице-канцлера Мальты Альмейды, предлагавшего Псаро не требовать аккредитации. Препятствием к ней якобы являлось то, что Псаро не являлся кавалером ордена Св. Иоанна Иерусалимского. Но Псаро не смутила эта неучтивость: он показал Альмейде свой Георгиевский крест, заметив (намекая на вялость Мальты в борьбе с турками), что этот военный орден в борьбе с врагами христианства затмевает славу Мальтийского креста. С магистром Эммануилом де Роган-Поллю Псаро сумел наладить хорошие отношения. Магистра подкупил поступок А.К. Псаро, свидетельствовавший о его дипломатической ловкости: он дал Рогану прочесть составленную для отправки в Петербург депешу с описанием радушного приема, оказанного ему по прибытии на Мальту. Депеша была запечатана и отправлена. Но магистр не знал, что Псаро отправил и другую депешу, в которой сообщал о реально оказанном ему не очень теплом приеме⁴⁶.

Основной задачей А.К. Псаро, как и у его предшественника маркиза Кавалькабо, была подготовка почвы для совместной борьбы с Османской империей. Помимо военных и дипломатических вопросов Псаро занимался обеспечением интересов российского торгового мореплавания, сумел договориться о предоставлении русским купцам на Мальте банковского кредита, заботился о защите русских торговых судов от североафриканских пиратов и многим другим.

Положение Псаро при дворе магистра ордена было довольно сложным. Желая соблюсти интересы России, он в начале пребывания в должности поверенного в делах России на Мальте иногда выходил за рамки своих служебных полномочий. Так, в 1784 г. императрица Екатерина II выразила ему через вице-канцлера графа А.И. Остермана свое неодобрение по поводу его поведения в разговоре с вице-канцлером Мальтийского ордена Альмейдой⁴⁷. Однако в целом Екатерина II была довольна деятельностью Псаро на Мальте. Двадцать второго мая 1787 г. в Севастополе, во время своей поездки в

Крым, гофмейстером графом А.А. Безбородко ей был представлен поверенный в делах на Мальте флота капитан 1 ранга Псаро, который преподнес её величеству «с весьма ласкательным письмом»⁴⁸ подарок магистра ордена Эммануила де Роган-Полью — «пальмовую ветвь, с кустом цветов трофеями украшенным, в знак победоносного приобретения Тавриды»⁴⁹. Пальмовую ветвь преподносили как «символ бессмертной славы и побед»⁵⁰. Екатерина II в письме к магистру ордена выразила надежду, что этот дар станет «хорошим предзнаменованием для ее оружия»⁵¹. На следующий день, 23 мая 1787 г., на открытом воздухе около дворца состоялся торжественный обед на 50 кувертов, куда был приглашен и капитан 1 ранга Псаро. И наконец, 24 мая 1787 г. Екатерина II «благоволила жаловать к руке» А.К. Псаро, которому также была пожалована золотая табакерка⁵². Из Крыма Псаро вместе с императорской свитой, видимо для получения инструкций, отправился в Санкт-Петербург. Вскоре последовало и производство А.К. Псаро в капитаны бригадирского ранга⁵³.

В качестве ответного подарка магистру ордена от Российской императрицы Псаро привез письмо и большой деревянный ящик. По свидетельству исследователя российско-мальтийских связей П.В. Перминова, подробно изучившего этот вопрос, в ящике находилась копия парадного портрета Екатерины II кисти Д.Г. Левицкого, которая и сейчас украшает Посольский зал дворца Великого магистра⁵⁴.

По возвращении на Мальту Псаро продолжил заниматься вопросами дипломатического сотрудничества и торгового мореплавания. Новым заданием стала заготовка провианта на случай захода российских кораблей в порты Мальты. Однако, в связи с изменением внешнеполитической обстановки, изменились и усложнились и его задачи как поверенного в делах на Мальте. Вступая в новую войну с Османской империей Екатерина II рассчитывала применить в водах Архипелага ту же военную стратегию, заключающуюся в отправке в Средиземноморье нескольких эскадр Балтийского флота. Псаро, пре-

красно ориентировавшийся в обстановке, этот план поддерживал и докладывал вице-канцлеру А.А. Безбородко о необходимости нахождения в Средиземном море трех фрегатов, которые бы блокировали доставку продовольствия и боеприпасов из Египта в Константинополь. Однако, во-первых, Англия отказалась предоставить свои порты для российского флота⁵⁵, что серьезно осложнило и без того трудный морской переход из Кронштадта в Средиземное море. Во-вторых, Швеция в 1788 г. развязала войну против России, вбив последний гвоздь в крышку гроба планировавшейся масштабной средиземноморской экспедиции. Поэтому Екатерина II меняет стратегию: вместо морской атаки война на истощение ресурсов. Крейсирующие в Средиземноморье легкие суда могли нанести существенный урон снабжению Османской империи и мелкими, но чувствительными ударами отвлечь часть турецкого флота от главного театра военных действий в Черном море. В новых условиях перед А.К. Псаро была поставлена новая задача, которая перевела российско-мальтийское сотрудничество в новую стадию: нанять на российскую службу мальтийских корсаров. Псаро, и сам бывший корсар, прекрасно знал о высоком уровне мастерства мальтийских приватиров. Двоих из них, капитанов Гульельмо Лоренци и Анджело Франчески, ему удалось привлечь к участию на российской стороне в войне против османов⁵⁶.

3 февраля 1788 г. высочайшим указом адмиралу С.К. Грейгу А.К. Псаро назначался ответственным за «разные приуготовления для сухопутных и морских наших сил, в Средиземное море отправляемых». По прибытии российского флота в Италию Грейгу дозволялось употреблять Псаро и для других комиссий по службе, благо он имел большие деловые связи и прекрасно знал тамошние места⁵⁷. В помощь ему был назначен грек А. Манзо, которого в будущем предполагалось назначить российским консулом в Сицилию⁵⁸.

А.К. Псаро с присущей ему добросовестностью принял ся за исполнение возложенных на него важных задач⁵⁹. В начале июля 1788 г. он купил в Триесте два фрегата,

предназначенных для плавания в Средиземном море, «Ла Перфет Аллианс» и «Лаббонданс». Эти фрегаты должны были отвезти на Сицилию купленные для российского флота провиант и оборудование (сорочинское шено и бочечные доски)⁶⁰, затем предполагалось набрать на них офицеров и матросов⁶¹. Таким образом, став интендантом и качественно выполняя свои обязанности, Псаро оставался в душе corsаром и понимал важность крейсирования российских судов в Средиземном море. Тем более что его взгляды совпадали с принятой Екатериной II стратегией ведения войны с Турцией в Архипелаге.

В апреле 1789 г. А.К. Псаро был произведен в капитаны генерал-майорского ранга⁶², что можно расценивать как доказательство признания его заслуг, так и как задел на будущее. Боевой опыт морского офицера, прекрасное знание водного пространства Архипелага, умение находить общий язык с народами Средиземноморья, административный опыт, дипломатическая ловкость, длительная и бесспорочная служба интересам России делали кандидатуру А.К. Псаро подходящей для занятия должности командующего русскими морскими силами в Средиземном море и в Архипелаге.

В июне 1789 г. высочайшим указом Адмиралтейств-коллегии дальнейшая закупка провизии была прекращена, так как уже стало окончательно ясным, что отправка эскадры в Средиземное море не состоится⁶³. Видимо, поэтому А.К. Псаро, отойдя от интендантской службы, сосредоточивает свою деятельность в учрежденной в июле 1788 г. в Сиракузах комиссии «об арматерах» под руководством генерал-майора С.С. Гиббса⁶⁴. Гиббс должен был следить за действиями корсаров, предотвращать притеснения греческого населения Архипелага и нейтральных держав, разбирать жалобы на действия арматоров в Средиземном море. Учреждение подобной призовой комиссии является свидетельством желания Екатерины II вести войну против турок цивилизованными способами⁶⁵. Гиббс передоверил многие дела по казенной флотилии и по борьбе с злоупотреблениями корсаров Псаро. А весной 1790 г. Екатерина II назначила его командующим обеих

флотилий, как арматорской под командованием Л. Кацониса⁶⁶, так и казенной⁶⁷. Таким образом, Псаро в течение года (1790-й и начало 1791-го) являлся фактическим руководителем русских военно-морских сил на Средиземном море.

Существует корпус донесений Псаро Гиббсу, на основании которых возможна оценка происходивших в императорской флотилии и призовой комиссии событий⁶⁸. Деятельность Псаро в этот период велась по следующим основным направлениям: нанесение урона снабжению Османской империи и отвлечение части турецкого флота и армии от главного театра военных действий в Черном море; руководство казенной флотилией, включая обеспечение офицеров и матросов жалованьем, провиантом, ремонт и починка судов; рассмотрение жалоб греков на действия корсаров; крейсерство.

Летом 1790 г. А.К. Псаро с вверенной ему флотилией отправился из Триеста в Рагузу, где соединился с шестью австрийскими судами, что привело «неприятелей, живущих в Албании, в очень немалый страх и замешательство; а чрез то и последовал желанный диверсив, ибо скутарский паша, бывший уже в готовности отправиться с довольноенным количеством войска в армию, — был принужден оставить таковое предприятие»⁶⁹. Осенью, уже по окончании кампании 1790 г., Псаро «для воспрепятствования оному (неприятелю. — И.З.) в зимнее время проводить в Константинополь жизненные припасы» остался зимовать в Архипелаге⁷⁰. Капудан-паша архипелагский и албанцы собирались на зимние квартиры в Константинополь и турецкая эскадра уже находилась у Дарданелл, но, когда стало известно, что Псаро с флотилией остается зимовать, то капудан-паша с эскадрой вынужден был также остаться в Архипелаге. А турецкая эскадра в Средиземном и Эгейских морях включала в себя значительные силы: два линейных корабля, одиннадцать фрегатов, четыре канонерские лодки и шесть кирлангичей⁷¹. «Что капитан Паша с Ескадрою остался в Архипелаге, о том чрезвычайно я рад: ибо диверсив и в нынешнее зимнее время точно таков, каков зделан и

в летнее; и что сия турецкая предосторожность ни мало не воспрепятствует мне отправить свои суда, когда будут готовы в крейсерство все те мне известные места, где удобно можно сделать неприятелю вред, а нашей стороне ползу. Кроме вышепомянутого диверсива продолжается таковой же и по всем местам албанским, пирским, ибо начальники тех провинций неоднократные имели ферманы отправиться в армию великого везира; но сумневаясь, чтоб я во время отлучки не сделал нападения на их жилища, остаются в чем и перед Порто извиняются. Постараюсь я чтоб и впредь помянутых турецких начальников утверждать в таковом же сумнении и страхе, сие сделаю посредством некоторых, в тамошних местах находящихся, мне довольно известных персон, с которыми и не промину иметь о том корреспонденцию»⁷². В феврале 1791 г. Псаро докладывал С. Гиббсу, что благодаря его деятельности, капудан-паша с эскадрой до сих пор находится в Архипелаге, а также Порта потеряла каравеллу с экипажем в 400 человек. Еще одна каравелла, направлявшаяся к Капудан-паше из Константинополя, разбилась в Калиполи, что нанесло урон турецкому флоту. Также Псаро удалось и на суще совершить «диверсив, который по справедливости сказать не меньше важен и полезен». Османская порта особым фирмансом предписывала находившемуся в Албании Али-паше Янинскому с двадцатью тысячами албанцев срочно следовать в армию великого визиря. Об этом, благодаря наличию в тех местах информаторов, равно как и о нежелании Али-паши отправляться в главную армию, Псаро стало известно очень скоро. Действуя с надлежащей быстротой, по предварительной договоренности с Али-пашой, Псаро отправил ему письмо, писанное, якобы, от него ко всем приматам турецких и греческих албанских селений, находящихся по берегам моря, в котором требовал к 1 марта оказания помощи как флотилии, так и тем силам, которые вскоре сюда прибудут. В противном случае Псаро угрожал разорить и сжечь жилища приматов. Али-паша по получении этого письма, якобы, от приматов, которые просят у него помощи и защиты, персылает его в Константинополь с извинени-

ями в том, что не может выполнить фирманс и оставить свои провинции. Этим способом, свидетельствовавшим об изобретательности и стратегическом мышлении, знании ситуации в Восточном Средиземноморье, высоком уровне дипломатического мастерства, Псаро нанес чувствительный удар Порте, которая лишилась двадцати тысяч албанских воинов, считавшихся лучшими воинами среди ее подданных⁷³. Таким образом, А.К. Псаро своими усилиями способствовал решению важной внешнеполитической задачи, поставленной Екатериной II — отвлечение внимания султана от главного театра военных действий в Черном море и нанесение урона снабжению Константинополя.

Легкая императорская флотилия состояла из девяти судов в составе трех фрегатов, пакетбота, трех шамбек, поляки, кирлангича, которыми управляли капитаны Г. Лоренци, Г. Войнович и С. Дешаплет, крейсировавшие в Средиземном море. В начале октября 1790 г. А.К. Псаро докладывал С.С. Гиббсу, что «отправил господина Гульелма в [...] вояж»⁷⁴. Результаты вояжа долго ждать себя не заставили. 31 октября 1790 г. Г. Лоренци у о. Родоса была захвачена турецкая шебека, следовавшая из Александрии в Салоники. Лоренци оценил само судно как «очень изрядное, большое», а находящиеся на нем товары в 40 тысяч пиастров⁷⁵. Потеря шебеки с грузом нанесла турецкому флоту немалый урон⁷⁶.

Псаро предполагал починить и вооружить шамбеку и отправить в крейсерство под командой капитана А. Франчески, «яко человека надежного и к таковым делам способного». Фрегат «Аббонданцу» Псаро планировал не отправлять в крейсерство, а оставить для транспорта и магазина, так как в силу установленных Венецией запретов магазин для призных вещей на земле иметь было невозможно. А. Франчески должен был прибыть с запасом канатов, веревок, парусины для судна, величиною более «Аббонданцы», и с вооружением, снятым с пакетбота⁷⁷.

Сам Псаро в это время находился на о. Корфу, куда прибыл для покупки продовольствия для всех судов и ко-

рабельных снастей на шамбеку. При этом он издержал все средства и «остался вновь без денег». На Корфу ему пришлось задержаться более двух недель из-за противного ветра и сильной лихорадки. Во время пребывания там он очень беспокоился о своевременной выдаче жалованья служителям флотилии и обещал выплатить его за шесть месяцев, «уважая при том холодное время, и что люди всегда в движении и в работе». В надежде на скопрое поступление средств от Гиббса, Псаро не хотел продавать пока приз, зная, что купцы, как правило, предлагают половину реальной стоимости призных товаров. Далее он предупреждал, что если вынужден все-таки будет это сделать, то, во-первых, устроит для продажи комиссию, а во-вторых, «выручит очень малые деньги»⁷⁸.

Поскольку финансовых поступлений из Сиракуз не последовало, Псаро в январе 1791 г. все-таки решился на продажу приза. О цене договорился Г. Лоренци. Осторожный и щепетильный в денежных вопросах, Псаро, как и сообщал ранее Гиббсу, создал комиссию из офицеров флотилии, которые «[...] наблюдали справедливость в весе и мере вещей» и каждый вел отдельные записи о ходе торгов. Проданные товары, за исключением кофе стоимостью приблизительно в 20 тыс. пиастров, дали выручку в размере 30 тыс. пиастров, которые были употреблены на выплату жалованья служителям. Таким образом, весь приз оказался стоимостью в 50 тыс. пиастров, а не 40 тыс., как прикидывал первоначально Лоренци, что позволило обеспечить всех служащих на флотилии жалованьем. Что же касается пленных турок, то через посредство французского вице-консула в Превезе они были доставлены в Албанию Али-паше с тем, чтобы он отправил их в Константинополь к французскому послу с письмом Псаро, в котором он просил послана разъяснить Порте «таковой человеколюбивый поступок, от победоносного Ея Императорского Величества происходящий». Конечно, Псаро рассчитывал не только поразить султана великодушием императрицы, он надеялся, что взамен отпущеных им пленников Порта освободит капитана Палатино и стольких людей, сколько будет возможно. Пленных

арапов и арапок, которые были куплены турками и которые были у них «склавами», Псаро решил не отправлять в Константинополь, а оставил «единственно из единого человечества, чтобы освободить из вечного рабства»⁷⁹.

Деятельность Псаро простиралась и на вопросы эффективности службы офицеров и чести российского флага. Так, в письме С.С. Гиббсу от 9 (20) октября 1790 г. Псаро сообщил, что лейтенант С. Телесницкий, командающий фрегатом «Аббонданца», «продал с фрегата некоторое количество пороху и многия новые веревки, на место которых поправляет старыя»⁸⁰. Во избежание поозора российскому флоту и ущерба казне А.К. Псаро удалось замять эту историю, но, не доверяя более Телесницкому, он перевел на «Аббонданцу» капитан-лейтенанта А. Франчески⁸¹. А драгомана с фрегата «Перфет Алианс» и прапорщика К. Отто Псаро вообще исключил из числа служащих. Первого за то, «что напрасно только занимал офицерское место», а второго «за негодные и несносные качества, о которых стыдно сказать»⁸². Таким образом, следует отметить, что А.К. Псаро постоянно заботился об императорской флотилии, ее служащих, чести российского флага, состоянии кораблей, обеспечении флотилии необходимыми снастями и продовольствием.

Поскольку, как уже отмечалось, Псаро в душе продолжал оставаться корсаром, то и сам выходил в крейсерство, когда ему позволяло время. Так, выйдя из Занта, он прошел мимо Цефалонии и Корфу, прибыл в Адриатический залив, где, лавируя близ турецкой Албании, около Химары 8 августа 1790 г. захватил французское купеческое судно, шедшее из Константиноополя с военными припасами к пашам Скутарскому и Авлонскому, припасы забрал, уплатив капитану за их провоз 2300 пиастров, взяв в том расписку. Псаро собирался и далее кательствовать вдоль турецких албанских берегов, надеясь обнаружить там торговые суда дульциниотов⁸³. Таким образом, Псаро не только «удерживал неприятеля в желанном диверсиве», но и старался при этом делать призы, «но призы законные», чтобы возместить казне хотя бы некоторую часть истраченных на флотилию средств⁸⁴.

В феврале 1791 г. А.К. Псаро готовил флотилию для отправки в Архипелаг, так как имел известия о готовящейся в нескольких местах погрузке пшеницы для Константинополя⁸⁵. Но сделать это он не успел. В декабре 1790 г. Г.А. Потемкин специальным ордером генерал-майору В.С. Тамаре предписал следовать в Триест и принять дела от контр-адмирала С.С. Гиббса. А.К. Псаро же должен был оставаться «при своем посте, не мешаясь в дела флотилии»⁸⁶. Потемкин, назначенный Екатериной II руководить морскими силами на Средиземном море, летом 1790 г. всеподданнейше доносил: «Поручены дела тамошние мне, но я сообразить не могу и по истине самую правду доношу. Гипс пьян, Псаро никуды не годится, грабитель греков и не терпим ими. Гвилиелми стар, католик, разоряет греков, и они его не терпят»⁸⁷.

Рассмотрим, насколько справедливы обвинения в адрес С.С. Гиббса, А.К. Псаро и Г. Лоренци.

С.С. Гиббс, профессиональный моряк, кавалер ордена Св. Георгия IV степени, прошел все ступени службы от гардемарина до вице-адмирала, принимал участие в трех войнах — Семилетней и двух русско-турецких екатерининского царствования, командовал несколькими фрегатами и эскадрами (фрегатами Балтийского флота и императорской казенной флотилией в Средиземном море)⁸⁸. В 1788 г. адмирал С.К. Грейг в письме А.А. Безбородко назвал Гиббса самым достойным из всех контр-адмиралов и предлагал перевести его на службу в Адмиралтейство⁸⁹. В свете вышеизложенного обвинения в нетрезвости Гиббса, посвятившего службе российскому флоту всю жизнь, не могут не вызывать удивления.

Оправдатель обвинения Псаро в профнепригодности является, на наш взгляд, излишним, учитывая его боевой, дипломатический и административный опыт, который подтверждается многочисленными источниками. За свою службу в Архипелаге А.К. Псаро получил высокую оценку от своего непосредственного начальника С.С. Гиббса, который отмечал высокий профессионализм Псаро в управлении флотилией, усердие в службе, соблюдение всегда и во всем государственных интересов, поддержание чести

российского флага»⁹⁰. То, что Псаро «грабитель греков и не терпим ими» тоже вызывает большие сомнения. Достаточно обратиться к временам первой русско-турецкой войны и Великого княжества Архипелагского, когда А.К. Псаро занимал должность генерального депутата от островов. Хотя он был назначен генеральным депутатом Г.А. Спиридовым, но утвердили Псаро на эту должность греки. Жалованье он получал от своего родного о. Миконос, с которым в течение всей жизни сохранял связи. Что же касается корсарства, в ходе которого Псаро захватывал призы, это были «добрые призы». В архивных документах сведения о грабеже греков Псаро на данный момент не обнаружены.

И, наконец, Г. Лоренци, которого Г.А. Потемкин обвинял в «старости»⁹¹. Г. Лоренци поступил на русскую службу, будучи успешным мальтийским корсаром, без ведома и разрешения мальтийского адмиралтейства, рискуя навлечь на себя гнев магистра и ордена⁹². Факт, что его удалось нанять на русскую службу, с прекрасным фрегатом, идеально подходящим для каперства, сам по себе уже является немалой удачей. А ведь Лоренци, как свидетельствуют документы, еще и успешно служил.

Таким образом, характеристики Г.А. Потемкина офицеров, флагманов российского флота, малыми силами ведших большую, тяжелую, но успешную войну на Средиземноморском театре военных действий, на наш взгляд, от истины весьма далеки. Впрочем, как отмечал боевой генерал, автор записок о политических и военных деятелях Л.Н. Энгельгардт, «светлейший князь по странностям его, почитал его (А.В. Суворова. — И.З.) человеком ничтожным»⁹³. Такое мнение о А.В. Суворове ставит под сомнение отзывы Г.А. Потемкина и о других деятелях российской истории.

Однако, несмотря на очевидное несоответствие характеристик реальным качествам Гиббса, Псаро и Лоренци, они были отстранены от управления морскими силами и продолжения деятельности в Архипелаге.

А.К. Псаро передал все дела по флотилии сменившему С.С. Гиббса В.С. Тамаре, успешно отчитавшись за все четырнадцать месяцев работы. Видимо, в 1792–1793 гг.

он перестал служить во флоте, и, сосредоточившись целиком на дипломатической службе, отбыл на Мальту. В 1794 г. он посещал Санкт-Петербург. Возможно, это было связано с работой Комиссии по делам архипелагской флотилии в войну с Османской империей. Комиссия занималась удовлетворением убытков, нанесенных арматорами и освидетельствованием счетов лиц, начальствовавших над флотилией. По поводу употребления казенных сумм у комиссии к Псаро вообще не было никаких вопросов, так как переданная им финансовая документация находилась в порядке. Вопросы были только те, что содержались в рапортах Л. Кацониса: об отобранных у Кацониса судах, «похищении знатной суммы денег», нанесении Псаро ему вреда в компании с консулами в Занте, Корфу и Превезе⁹⁴ и т.п. Псаро ответил письменным объяснением, которое комиссию удовлетворило⁹⁵.

В 1795–1797 гг. А.К. Псаро оставался поверенным в делах на Мальте. Пятого апреля 1797 г. в ознаменование заслуг Псаро, Павел I наградил его чином тайного советника⁹⁶. Летом 1797 г. А.К. Псаро выехал из Мальты. Далее следует двадцатилетний период его жизни, который пока что не исследован. Сведения о нем в российских архивах исчезают. В начале XX в. считалось, что в 1806 г. он был жив⁹⁷. Е.Б. Смилянская, ссылаясь на французского исследователя А. Blondy, утверждает, что Псаро умер в Таганроге в 1811 г., проживая на дарованных ему землях⁹⁸. На сегодняшний момент известно, что умер он в 1822 г. в Триесте, где жил, вероятно, после отъезда с Мальты до самой смерти. В первые годы после отставки Псаро не утратил связей с Россией, в частности, состоял в переписке с канцлером А.А. Безбородко, которому, вероятно, помогал пополнять его знаменитую коллекцию живописи. В частности, в письме из Триеста, датированном 28 февраля 1799 г., Псаро сообщал Безбородко о том, что картина кисти Андреа дель Сарто вскоре может быть доставлена в Санкт-Петербург. К письму прилагался и аттестат на итальянском языке, содержащий сведения об истории бытования картины «Святое семейство», копия с которой была приобретена А. Псаро 10 октября 1795 г.⁹⁹.

Необходимо отметить, что А.К. Псаро и сам занимался коллекционированием живописи. Впервые его имя применительно к предметам искусства упоминается в начале 1780-х гг., когда Екатерина II приобрела у Псаро несколько живописных работ. Картины, количество и наименование которых неизвестны, были куплены у Псаро на сумму в 8700 руб., по рекомендации А.А. Безбородко. 17 декабря 1782 г. по «изустному повелению» Екатерины II из комнатной суммы флота капитан-лейтенанту Псаро было уплачено 3000 руб.¹⁰⁰. 20 января 1783 г. Псаро были уплачены «достальные 5700 рублей»¹⁰¹. Учитывая величину уплаченной Псаро суммы и тот факт, что Екатерина II не приобретала для Эрмитажа второсортную живопись, можно предположить, что и картины, купленные у Псаро, обладали художественными достоинствами. В 1787 г. Екатерина II снова купила для Эрмитажа «несколько картин у капитан-лейтенанта Псаро»¹⁰². Можно предположить, что картины им были проданы во время пребывания Псаро в Санкт-Петербурге, куда он прибыл из Крыма для получения дальнейших инструкций по службе.

В последние годы жизни А.К. Псаро также уделял большое внимание своей коллекции, которая составляла более двухсот пятидесяти произведений живописи. Часть коллекции он намеревался подарить Эрмитажу. Так, в 1818 г. Псаро преподнес в дар Эрмитажу четыре картины¹⁰³. Несмотря на невысокую оценку хранителя картинной галереи Эрмитажа Ф.И. Лабенского, картины были включены в каталог и приняты на хранение в Эрмитаж¹⁰⁴.

В 1821 г. А.К. Псаро прислал из Триеста на имя Александра I два ящика с тридцатью одной картиной, изъявляя «надежду в благосклонном приеме оных»¹⁰⁵. Картины, преимущественно на религиозную тему, также предназначались для картинной галереи Эрмитажа, но так туда и не попали. По распоряжению императора картины следовало возвратить дарителю. Вопросами возврата картин занимался министр иностранных дел граф И.А. Каподистрия¹⁰⁶. Однако, поскольку А.К. Псаро уже не было в жи-

вых, то картины некоторое время хранились в кладовой Эрмитажа, в то время как велись поиски наследников. Других родственников, кроме проживавших в Триесте племянника Алексиса и племянницы Деспины Псаро, вероятно детей брата Петра Псаро, которым А.К. Псаро завещал свое состояние, обнаружено не было. Поскольку Алексис Псаро в результате неудачных торговых операций лишился не только капитала, оставленного покойным дядей, но и задолжал 15 000 гульденов серебром, то Деспина Псаро решила разделиться с братом, взяв в счет причитающейся ей доли коллекции картин А.К. Псаро. Всего насчитывалось три живописных коллекции, преимущественно «древних классических художников», хранившиеся в Москве у купца Ломбро Пали, Одессе у коммерции советника Василия Ксениса и в Императорском Эрмитаже¹⁰⁷. В 1826 г. картины, пролежавшие в Гардмебле Эрмитажа пять лет, были возвращены племяннице А.К. Псаро Деспине¹⁰⁸, которая, вероятно, была обижена тем, что «Его Величество не благоволил принять [...]»¹⁰⁹ картины ее покойного дяди, несмотря на то, что, по ее мнению, «одна изображает Божию Матерь, подлинное произведение знаменитого Андрея дель Сарто»¹¹⁰.

Таким образом, А.К. Псаро прошел долгий путь службы от лейтенанта до контр-адмирала¹¹¹, посвятив служению России около тридцати лет. По свидетельству французского консула в Триесте, «Псаро был человеком неприметным и небольшого росту, но рассудительным и благоразумным, прямым и порядочным»¹¹². Как уже отмечалось, на российской службе состоял и брат Антона Константиновича, Петр Псаро, прослуживший на флоте тринадцать лет, начиная с рядового морского батальона до подпоручика. Петр Псаро принимал участие в главных морских сражениях русско-турецкой войны 1768–1774 гг., в частности под Чесмой, Лемносом, Митиленой. В 1773 г. он находился под командованием своего брата Антона Псаро и участвовал в битве при Салониках. За время службы П. Псаро претерпел немалые лишения и страдания. Так, по окончании русско-турецкой войны П. Псаро следовал с женой и шурином в Россию из Конс-

тантинополя, где был задержан турками, которые, счи-
тая его шпионом, вынудили под страхом лишения жиз-
ни «принять магометанский закон, что он и исполнил с
намерением от толь бежать». П. Псаро удалось бежать
из плена, но имущество, доставшееся от родителей, и
собственные 3000 руб. были им потеряны. Вернувшись
в Россию, П. Псаро 10 апреля 1780 г. снова перешел в
православие¹¹³. В 1785 г. в прошении, поданном на имя
Екатерины II, П. Псаро ходатайствовал о повышении
его в чине. К прошению был приложен аттестат о службе
П. Псаро, подписанный генерал-аншефом А.Г. Орловым-
Чесменским, из которого следовало, что Псаро «во время
бытности его в службе оказывал усердие и вел себя доб-
ропорядочно, так, как достойному офицеру надлежит и
в повышении чина достоин»¹¹⁴. Однако на это прошение
Высочайшей резолюции не последовало, в связи с чем
П. Псаро в марте 1786 г. обратился с просьбой к графу
Орлову исходатайствовать «от щедрот Великой Монархи-
и для пропитания себя и фамилии пенсии» и причисле-
ние его детей к российскому дворянству с правом прожи-
вания в Таганрогском уезде Азовской губернии¹¹⁵.

В заключение следует отметить, что Петр Псаро не
достиг таких высот, как его брат Антон, однако оба бра-
та посвятили себя служению России, внесли вклад в раз-
витие российско-греческих отношений, оставили яркий
след в российской военно-морской, дипломатической и
культурной истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Harlaftis G., Heritatos M., Beneki H. *Ploto. Greek shipowners from the late 18th century to the eve of World War II*. Athens. 2003. P. 167.

² Архив внешней политики Российской Империи (далее — АВПРИ). Ф. 66. Оп. 66/6. Д. 182. Л. 1–1 об.

³ Chevalier A. Claude-Carloman de Rulhiire, premier historien de la Pologne: sa vie et son oeuvre historique. Paris. 1939. Р. 348.

⁴ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 10. Оп. 1. Д. 596. Л. 24.

⁵ РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 596. Л. 25.

⁶ Лурье В.М. Морской биографический словарь. Деятели Российского флота XVIII века. СПб., 2005. С. 218.

⁷ АВПРИ. Ф. 66. Оп. 66/6. Д. 182. Л. 1–1 об.

- ⁸ Боевая летопись русского флота: Хроника важнейших событий военной истории русского флота с IX в. по 1917 г. М., 1948. С. 92.
- ⁹ Первый поход российского флота в Архипелаг, описанный Адмиралом Грейгом. Из собственной его рукописи // Отечественные записки. СПб., 1823. Ч. XIV. № 37. Май 1823. С. 189.
- ¹⁰ Подвиги капитана Баркова в Морее и взятие древнего Лакедемона, или Спарты, что ныне Мизистра, в 1770 г. // Северный архив. СПб., 1823. № 22. С. 249.
- ¹¹ Первый поход российского флота в Архипелаг, описанный Адмиралом Грейгом. Из собственной его рукописи // Отечественные записки. СПб., 1823. Ч. XIV. № 37. Май 1823. С. 190–195.
- ¹² Подвиги капитана Баркова в Морее и взятие древнего Лакедемона, или Спарты, что ныне Мизистра, в 1770 г. // Северный архив. СПб., 1823. № 22. С. 256.
- ¹³ Первый поход российского флота в Архипелаг, описанный Адмиралом Грейгом. Из собственной его рукописи // Отечественные записки. СПб., 1823. Ч. XV. № 39. Июль 1823. С. 75–78.
- ¹⁴ Там же. С. 78–79.
- ¹⁵ Общий морской список. Часть IV. Царствование Екатерины II. К-С. СПб., 1890. С. 619.
- ¹⁶ Степанов В.С., Григорович Н.И. В память столетнего юбилея императорского Военного ордена Святого великомученика и Победоносца Георгия (1769–1869). СПб., 1869. С. 26. № 139.
- ¹⁷ Высочайший указ Адмиралтейств-коллегии последовал 22 февраля 1773 года, но кавалером ордена Псаро считается с 1771 года. См.: Материалы для истории русского флота. Ч. XII. СПб., 1888. С. 125.
- ¹⁸ Российский государственный архив Военно-морского флота (далее — РГА ВМФ). Ф. 870. Оп. 1. Д. 1149.
- ¹⁹ Материалы для истории русского флота. Ч. XII. СПб., 1888. С. 58.
- ²⁰ Веселаго Ф.Ф. Краткая история российского флота. М.;Л., 1939. С. 150.
- ²¹ Санкт-Петербургские ведомости. СПб., 1772. 30 октября.
- ²² Боевая летопись русского флота: Хроника важнейших событий военной истории русского флота с IX в. по 1917 г. М., 1948. С. 100.
- ²³ Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б. Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М., 2011. С. 152–154.
- ²⁴ Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б. Россия в Средиземноморье. С. 152–154.
- ²⁵ РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 5. Л. 427.
- ²⁶ РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 645. Л. 61.
- ²⁷ Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б. Ук. соч. С. 509.
- ²⁸ Материалы для истории русского флота. Ч. XII. СПб., 1888. С. 41.
- ²⁹ Гребенщикова Г.А. Российские военно-морские силы в Эгейском море в 1770–1774 гг. //Вопросы истории. М., 2007. № 2. С. 122.
- ³⁰ РГА ВМФ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 27. Л. 33, 51, 56.
- ³¹ Там же. Л. 110–110 об.
- ³² Там же. Д. 39. Л. 3.
- ³³ Там же. Д. 82. Л. 1–1 об.
- ³⁴ Там же. Д. 134. Л. 93 об.–94.

- ³⁵ Там же. Л. 94 об.–106.
- ³⁶ Там же. Л. 107 об.–121.
- ³⁷ Там же. Д. 106. Л. 1.
- ³⁸ Там же. Л. 6–6 об.
- ³⁹ Там же. Л. 7–7 об.
- ⁴⁰ Общий морской список. Часть IV. Царствование Екатерины II. К-С. СПб., 1890. С. 620.
- ⁴¹ Материалы для истории русского флота. Ч. XIII. СПб., 1890. С. 7.
- ⁴² Гаучи Л. Российско-мальтийские морские связи в 1768–1798 годах // Сокровища Мальтийского ордена. Девять веков служения вере и милосердию. М., 2012. С. 83.
- ⁴³ Андреев А.Р., Захаров В.А., Настенко И.А. История Мальтийского ордена. М., 1999. С. 88.
- ⁴⁴ Вилинбахов Г.В. Знак ордена Святого Иоанна Иерусалимского, Родосского, Мальтийского в российской геральдике // Сокровища Мальтийского ордена. Девять веков служения вере и милосердию. М., 2012. С. 261.
- ⁴⁵ Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Ч. II (Германия и Италия). М., 1896. С. 266.
- ⁴⁶ Перминов П.В. Под сенью восьмиконечного креста. М., 1991. С. 89.
- ⁴⁷ АВПРИ. Ф. 66. Оп. 66/6. Д. 47. Л. 1–3.
- ⁴⁸ Львов Н.А. Избранные сочинения. СПб., 1994. С. 335.
- ⁴⁹ Камер-фурьерский церемониальный журнал 1787 года. СПб., 1886. С. 475.
- ⁵⁰ Вилинбахов Г.В. Ук. соч. С. 262.
- ⁵¹ Алябьев А. Сношения России с Мальтийским Орденом. Ч. 1 (до 1789 г.). По документам Московского Главного Архива Министерства Иностранных дел // Сборник Московского главного архива МИД. Вып. V. М., 1892. С. 213.
- ⁵² Камер-фурьерский церемониальный журнал 1787 года. СПб., 1886. С. 477, 480–481.
- ⁵³ Материалы для истории русского флота. Ч. XIII. СПб., 1890. С. 194.
- ⁵⁴ Перминов П.В. Ук. соч. С. 91.
- ⁵⁵ Anderson M.S. Russian in the Mediterranean, 1788–1791: A little-Known chapter in the history of naval warfare and privateering // The Mariner's Mirror. XLV. 1959. Р. 26.
- ⁵⁶ Гаучи Л. Ук. соч. С. 90.
- ⁵⁷ Материалы для истории русского флота. Ч. XIII. СПб., 1890. С. 247.
- ⁵⁸ Там же. С. 249.
- ⁵⁹ Архив Государственного Совета. Т. 1. Совет в царствование императрицы Екатерины II (1768–1796 гг.). СПб., 1869. С. 183–185.
- ⁶⁰ РГА ВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 34. Л. 150.
- ⁶¹ Материалы для истории русского флота. Ч. XIII. СПб., 1890. С. 282.
- ⁶² Там же. С. 508–509.
- ⁶³ Там же. С. 529.
- ⁶⁴ Там же. С. 282.
- ⁶⁵ Гребенщикова Г.А. Черноморский флот в период правления Екатерины II. Документы, факты, исследования. Т. II. СПб., 2012. С. 104.
- ⁶⁶ В Средиземном море в период русско-турецкой войны действовали две флотилии: императорская казенная, о которой идет речь в статье, и

основанная на арматорском праве под командованием майора Лаброса Кацониса. Об этой флотилии см.: *Пряхин Ю.Д. Полковник и кавалер Ламбros Кацонис (Качони) в боевой летописи флота России. СПб., 1999; Он же. Ламбros Кацонис: личность, жизнь и деятельность, документы архивов. СПб., 2011.*

⁶⁷ Гребенщикова Г.А. Черноморский флот в период правления Екатерины II. Документы, факты, исследования. С. 310.

⁶⁸ РГА ВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 122 (Уведомления о флотилии от генерал-майора Псаро к вице-адмиралу Гиббсу).

⁶⁹ Там же. Л. 4.

⁷⁰ Там же. Л. 33 об.

⁷¹ Гребенщикова Г.А. Черноморский флот в период правления Екатерины II. Документы, факты, исследования. С 317.

⁷² РГА ВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 122. Л. 22 об.–23.

⁷³ Там же. Л. 13–13 об.

⁷⁴ Там же. Л. 33.

⁷⁵ Там же. Л. 35–35 об.

⁷⁶ Гребенщикова Г.А. Черноморский флот в период правления Екатерины II. Документы, факты, исследования. С 323.

⁷⁷ РГА ВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 122. Л. 36 об.–37 об.

⁷⁸ Там же. Л. 20–22.

⁷⁹ Там же. Л. 12–12 об.

⁸⁰ Там же. Л. 1 об.

⁸¹ Там же. Л. 1 об.–2.

⁸² Там же. Л. 3.

⁸³ Жители г. Улциня (совр. Черногория), расположенного на побережье Адриатического моря. Венецианцы называли Улцинь Дульчинью, жителей которого стали именовать дульциниотами (дульчиниотами). Дульциниоты в Средние века и Новое время известны морскими грабежами.

⁸⁴ Там же. Л. 29–30 об.

⁸⁵ Там же. Л. 12 об.

⁸⁶ Бумаги князя Г.А. Потемкина, 1790–1793 // Сборник военно-исторических материалов. Вып. VIII. СПб., 1895. С. 202–203.

⁸⁷ Там же. С. 122.

⁸⁸ Русский биографический словарь. М., 1916. Герберский-Гогенлоэ. С. 170–171.

⁸⁹ Материалы для истории русского флота. Ч. XIII. СПб., 1890. С. 364.

⁹⁰ РГА ВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 34. Л. 161–161 об.

⁹¹ Потемкин Г.А., Лоренци Г., Псаро А.К., Гиббс С.С. практически являлись ровесниками. Так, Г.А. Потемкин родился в 1739 г., Г. Лоренци — в 1734 г., А.К. Псаро поступил на русскую службу в 1769 г., С.С. Гиббс поступил в Морской кадетский корпус в 1754 г.

⁹² Гаучи Л. Ук. соч. С. 90–91.

⁹³ Энгельгардт Л.Н. Записки Льва Николаевича Энгельгардта. М., 1859. С. 53.

⁹⁴ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 994. Оп. 2. Д. 25. Ч. 1. Л. 43 об.–44.

⁹⁵ РГА ВМФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 34. Л. 163 об.

-
- ⁹⁶ Сенатский архив. Т. 1. Именные указы Павла I. СПб., 1888. С. 144.
- ⁹⁷ Русский биографический словарь. СПб., 1910. Притвиц-Рейс. С. 111.
- ⁹⁸ Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б. Ук. соч. С. 87 (полные выходные данные в сноске 23).
- ⁹⁹ АВПРИ. Ф. 66. Оп. 66/6. Д. 162. Л. 1–2.
- ¹⁰⁰ РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3897. Л. 255 об.
- ¹⁰¹ Там же. Д. 3898. Л. 82 об.
- ¹⁰² Левинсон-Лессинг В.Ф. История картинной галереи Эрмитажа. Л., 1986. С. 106.
- ¹⁰³ Там же. Ф. 519. Оп. 1. Д. 626. Л. 1–2.
- ¹⁰⁴ Архив Государственного Эрмитажа (далее — АГЭ). Ф. 1. Оп. II. 1818. Д. 10. Л. 33.
- ¹⁰⁵ РГИА. Ф. 519. Оп. 4. Д. 493. Л. 5.
- ¹⁰⁶ Там же. Л. 5–9.
- ¹⁰⁷ Там же. Л. 10–11.
- ¹⁰⁸ АГЭ. Ф. 1. Оп. II. 1821. Д. 17. Л. 8–9.
- ¹⁰⁹ РГИА. Ф. 519. Оп. 4. Д. 493. Л. 19.
- ¹¹⁰ Там же. Л. 12.
- ¹¹¹ Гребенщикова Г.А. Черноморский флот в период правления Екатерины II. Документы, факты, исследования. С. 310.
- ¹¹² Blondy A. L'Ordre de Malte au XVIII-e siècle. Des derniers splendeurs à la ruine. Paris, 2002. Р. 256–257. Цит. по: Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б. Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. С. 152–154.
- ¹¹³ РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 645. Л. 65–66 (полное наименование архива в сноске 4).
- ¹¹⁴ Там же. Л. 61–61 об., 65 об.
- ¹¹⁵ Там же. Л. 62.

Феодора ЯННИЦЫ,
директор ГКЦ (Москва)

Экспедиция Д.Н. Сенявина в Адриатике и Архипелаге (1805–1807)

Даже краткое знакомство с биографией выдающегося русского флотоводца Дмитрия Николаевича Сенявина указывает на богатство прошедшего им жизненного пути, который включал и классическое восхождение по служебной лестнице талантливого молодого офицера, и минуты триумфа и славы опытного адмирала, и немилость власти предержащих по отношению к человеку твердых принципов и убеждений.

Сенявин родился в дворянской семье 6 августа 1763 г. в семье вице-адмирала Н. И. Сенявина, который в 1773–1775 гг. занимал должность военного губернатора Кронштадтского порта. Такое происхождение во многом предопределило его жизненный путь. В 1773–1777 гг. Дмитрий Николаевич учился в Морском корпусе в Санкт-Петербурге, по окончании которого в чине гардемарина служил на кораблях Балтийского флота.

В 1780–1781 гг. он участвовал в экспедиции русской эскадры к берегам Португалии для поддержания вооруженного нейтралитета во время Войны за независимость США, а в 1782 г. был переведен на Азовскую флотилию. В 1783 г. Сенявин был произведен в лейтенанты и назначен флаг-офицером контр-адмирала Томаса Мекензи, ведавшего вопросами строительства Севастопольского порта. В этой должности (с перерывами) Сенявин остается до 1786 г., после чего переходит в плавающий состав в качестве командира пакетбота «Карабут», поддерживавшего сношения с русским послом в Турции.

Во время русско-турецкой войны Сенявин командовал различными боевыми кораблями и принимал участие в

крейсерских действиях. В ходе этой кампании Сенявин, пожалуй, впервые проявил свои незаурядные флотоводческие способности во главе вверенных в его командование кораблей.

Во время Ионической кампании русского флота 1798–1800 гг. Сенявин в чине капитана 1 ранга командовал кораблем «Св. Петр» с придаными ему тремя другими кораблями и овладел в 1798 г. мощной французской крепостью Св. Мавры (Лефкада). Ушаков в своем личном донесении о взятии крепости дал самую положительную оценку действиям Сенявина. По окончании похода в 1800 г. Сенявин был назначен командиром Херсонского порта, а в 1803 г. — произведен в контр-адмиралы и стал командром Севастопольского порта. В 1804–1805 гг. служил флотским начальником в Ревеле.

Пиком военной карьеры стал третий победоносный поход российского флота в Средиземное море под командованием Д.Н. Сенявина в 1805–1807 гг. В 1805 г. Сенявин был произведен в вице-адмиралы и в сентябре возглавил русскую эскадру из шести кораблей, посланную в Средиземное море для борьбы с французами. По прибытии на о. Корфу в январе вступил в командование всеми русскими морскими и сухопутными силами в Средиземноморье. Стремясь предотвратить захват Наполеоном I Греции и сохранить Ионические острова в качестве главной базы русского флота, Сенявин осуществил ряд наступательных операций в Далмации и Черногории. После разрыва отношений между Россией и Османской империей (Русско-турецкая война 1806–1812 гг.) и начала военных действий в феврале 1807 г. Сенявин повел эскадру в Эгейское море. В марте 1807 года блокировал Дарданеллы, а затем нанес поражение турецкому флоту в Дарданельском и Афонском сражениях. Попытки турок прорвать блокаду Стамбула оказались безуспешными, а русский флот установил контроль над Эгейским морем. Это заставило Порту в августе 1807 г. пойти на заключение Слободзейского перемирия с Россией.

После заключения Тильзитского мира 1807 г. Д.Н. Сенявин отправился на родину. Из-за начавшегося проти-

востояния с Великобританией его эскадра сильно задержалась. В августе 1808 г. английские войска вошли в Лиссабон. Англичане понимали, что русская эскадра на сдачу не пойдет и что предстоит кровавый бой. Поэтому английский адмирал Коттон вынужден был пойти на переговоры и 23 августа подписать с Сенявиным особую конвенцию. Согласно этой конвенции русская эскадра должна была отправиться в Англию и находиться там до заключения мира между Англией и Россией, после чего возвратиться в Россию. 31 августа 1808 г. эскадра Сенявина под русским флагом вышла из Лиссабона и 27 сентября 1808 г. прибыла на портсмутский рейд. 5 августа 1809 г. русские команды вышли из Портсмута и 9 сентября прибыли в Ригу. По возвращении на родину в сентябре 1809 г. он попал в немилость к российскому императору Александру I и в 1811 г. был переведен на должность командира Ревельского порта. Во время Отечественной войны 1812 г. он получил отказ на свою просьбу о зачислении в действующую армию, а в апреле 1813 г. был уволен со службы, в отставку с половиной пенсии.

Продолжительное присутствие российского флота в Средиземном море предполагало активные контакты с местным населением, в том числе с греческим. Естественно, русская эскадра и русские войска воспринимались как потенциальные освободители православного населения от многолетнего османского ига. Однако, как показывает опыт совсем недавних «освободительных» войн, далеко не всегда местное население радо приходу своих «освободителей», действия которых зачастую попирают все принципы человеческой нравственности и морали. В таких случаях взаимоотношения с местным населением носят очень многогранный характер, однако многое зависит и от конкретных личностей и их человеческих качеств. В этом смысле, на наш взгляд, выбор России, а может быть, самой судьбы в лице Сенявина, оказался, на наш взгляд, на редкость удачным.

В связи с этим в рамках данного короткого сообщения хотелось бы остановиться именно на проблеме того, как

личные качества Д.Н. Сенявина стали залогом успешной народной дипломатии, способствовавшей укреплению образа России в странах Балканского региона, в основном среди православного населения, в первую очередь среди греков.

Наиболее красноречивые описания личных качеств Сенявина, пожалуй, можно найти у его подчиненных. В частности, воспоминания военных офицеров содержат немало указаний на поистине отеческую заботу адмирала о своей команде. Так, например, в «Записках морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Дмитрия Сенявина» Владимир Броневский описывает, что Сенявин всегда с огромным вниманием относился к раненым, причем «все раненые по мере нужд и заслуг не остались без равного внимания»¹. В частности, когда сам Броневский получил ранение, адмирал не только проявил интерес к состоянию его здоровья, но и помог в разрешении материальных затруднений, лично оплатив услуги врача.

Не менее красочно о человеческих качествах российского адмирала свидетельствует и другое описание Броневского, которое отчетливо указывает на то, что даже в пылу ожесточенных баталий человек всегда оставался для Сенявина на первом месте. Так, после победоносного Афонского сражения в июне 1807 г. Сенявин оказался перед выбором: либо гнаться за остатками турецкого флота и окончательно разгромить его, либо возвратиться на о. Тенедос и спасти оставшийся там гарнизон от неминуемого плена и жестокого обращения со стороны собравшегося к этому времени 6-тысячного турецкого войска. Для Сенявина вопрос выбора не стоял: «В сем случае Сенявин не усомнился пожертвовать славою и честолюбием личным спасению братии своих, оставленных и осажденных силою чрезмеру превосходною, о участи которых, болезнuya, доброе его сердце не могло чувствовать сладких ощущений победителя. Таковой выбор удивил всех тех, которые не могли быть, подобно Сенявину, в торжестве умеренными, в славе скромными, к истинной пользе отечества ревнительными»².

В результате эскадра Сенявина представляла собой по-настоящему морское братство, где все были объединены единой целью, радовались успехам друг друга и вместе переживали неудачи. Вот как, например, Павел Иванович Панафидин, морской офицер и участник экспедиции, описывает военный праздник в день Крещения 6 января 1807 г.: «Пили здоровье сначала адмирала, как виновника всех успехов, потом отличившихся офицеров и солдат [...] Вот тебе описание военного праздника, в котором видна цель, чем адмирал Сенявин приобретал любовь своих подчиненных, желавших с такой ревностью отличия, что кроме монаршей награды они принимают, как дань справедливую, заслугу своих товарищей и их достойного начальника»³. Причем все участники экспедиции с трудом могли себе представить продолжение похода без адмирала. Так, по воспоминаниям молодого российского дипломата Павла Свиньина, сопровождавшего эскадру, как-то раз, потеряв флагманский корабль из виду, остальные участники экспедиции стали сильно беспокоиться, а вновь увидев адмирала, едва ли могли скрыть свой восторг: «Когда мы скрыли огни, то, потеряв нас из виду, корабли не знали, куда Адмирал девался, встречая, спрашивали друг друга, были в смущении, в страхе, как вдруг опознавательный сигнал обрадовал всех несказанно»⁴.

Вот как описывает В. Броневский тот же эпизод, когда, после Дарданелльского сражения в мае 1807 г., российские матросы не сразу увидели на палубе адмиралтейского судна «Твердый» Д.Н. Сенявина и вице-адмиральский флаг: «[...] Не могу описать общего при сем смущения. Я, будучи при повторении сигналов, первый заметил сие и смотря в зрительную палубу, не видя флага, воображал, или лучше мне казалось, что онъ развевает[ся]. Капитан, вахтенный лейтенант и другие офицеры, бывшие на палубе, также смотрели, и, ничего не видя, бледнели и не смели спросить друг друга, жив или убит адмирал. Матросы один за одним выходили на шканцы, смотрели, также боялись сообщить друг другу свои мысли, искали предлога сойти в палубу и там

в печальном молчании клали земные поклоны у образа. В таком расположении духа подошли мы под корму «Твердого». Капитан наш, вместо обыкновенного рапорта, спросил: “Здоров ли адмирал? Нам отвечали: “Слава Богу!” Мы еще сомневались; но когда Дмитрий Николаевич показался, в одно слово раздалось у нас на фрегате громкое радостное “Ура!” Адмирал сделал знак, что хочет говорить, но матросы не скоро могли умолкнуть, и он, поклонившись, ушел»⁵.

Присутствие российского флота в Средиземноморье, по вполне естественным причинам, всколыхнуло греческое население на борьбу с османским игом. Сенявин проявлял большое дипломатическое чутье и незаурядную политическую дальновидность, стремясь не подвергать греческое население слишком большим рискам, поскольку он прекрасно осознавал, что для освобождения греческого народа могут потребоваться еще многие годы. При этом в отношении турецкого населения Греческого Архипелага Д.И. Сенявин проявлял также человечность и исключительную терпимость. Вот как В. Броневский описывает пребывание русской эскадры на островах Идра и Спецес: «Прибытие российского флота в Архипелаг скоро сделалось известным. Начальники островов Идра, Спецес и других ближайших с восторгом и редкою готовностью предложили свои услуги. (От островов Идро и Специи, на третий день прибытия нашего, 5 судов, вооруженных от 18 до 26 пушек, присоединились ко флоту.) По взятии Тенедоса, со всех прочих островов, независимые майноты, сулиоты, а потом жители Мореи и древней Аттики, предложили собрать корпус войска; словом, вся Греция воспрянула и готова была при помощи нашей освободиться от ига неволи; но адмирал, действуя осторожно, отклонил сие усердие до времени, и даже турок, поселившихся в Архипелаге, которые малым числом своим не могли вредить грекам, оставил покойными и сим избавил христиан от ужасного мщения их жестоких властителей»⁶.

Своими действиями российские военные всячески старались выказать желание помочь греческому населению, даже когда мало что могли сделать. Броневский описы-.

ет, как на о. Самотраки российские военные, например, участвовали в строительстве храма, а российские врачи оказывали помощь представителям местного населения, раненым турками, которых местные врачи не могли вылечить из-за недостаточной квалификации⁷. Российское военное командование в регионе во главе с Сенявиным способствовало также развитию местной торговли, одного из основных источников доходов для греческого населения. Так, Свиньин вспоминает, что незадолго до своего отправления с о. Корфу «Сенявин получил благодарственное письмо от старшин греческого общества из Триеста, которым он, от лица всех купцов сей нации, приносили ему благодарность за мудрые его распоряжения, справедливость в покровительстве их торговли»⁸.

Действия российских военных по отношению к греческому населению зачастую представляли разительный контраст с поведением матросов и офицеров эскадр других стран. Так, по словам того же Броневского, на Корфу французские солдаты и офицеры в театрах, лавках и трактирах «безчинничали и били греков без пощады»⁹, поэтому вступление на остров французов и убытие российской армии в 1807 г. вызывало у местного населения самые грустные чувства; во время прибытия первого отряда французов им не было оказано жителями никакой почести, а все лавки и магазины были закрыты.

Народная дипломатия российского войска принесла свои плоды. Практически во всех местах, куда прибывала российская эскадра, ее радостно встречало греческое население. По воспоминаниям Броневского, в апреле 1807 г. на о. «Имбро» (т. е. Имброс) греки «с радостью предложили, хотя не многое, но все, что они имели, не требуя платы...»¹⁰, а на острове Самосе, вскоре после Дарданельского сражения, «толпа народа или лучше весь город шел за нами. На площади у фонтана девицы [...], оставляя свои кувшины, подносили нам букеты цветов»¹¹.

В результате греки стали во многом отождествлять себя с Россией, а свою борьбу за независимость тесно связывать с походом Сенявина и присутствием российской эскадры в Средиземноморье. Свиньин так описывает

реакцию жителей Идра на прибытие российского флота: «Тотчас же присланы из города депутаты поздравить адмирала с благополучным прибытием; между прочим, они сказали: «Все греки, в коих еще тлеет искра чести — готовы умереть за свободу и любовь к России»¹². Немало сходных описаний можно найти и у Броневского: «В пылком усердии преданности своей к России, греки снова и торжественно поклялись пролить за русских последнюю каплю крови»¹³. Часть греков даже начала воспринимать Россию, как свою вторую родину. Так, по воспоминаниям Броневского, по завершении Афонского сражения (май 1807 года), во время переговоров о мире с турками и подготовки возвращения российской эскадры на Корфу, греческое население Тенедоса разъехалось по островам, где нет турок (поскольку после осады турки порубили фруктовые деревья и истребили большую часть виноградников, следовательно, местное население было лишено средств к существованию). Многие греки, при этом, «вступили в верноподданство и отправились в Корфу в ожидании удобного случая для переезда в Россию»¹⁴.

Однако наиболее ярким описанием итогов экспедиции в плане установления межличностных контактов между греческим и русским народами в ходе российской военной экспедиции Сенявина, а также роли самого адмирала в укреплении этих связей могут служить сцены прощания с русской эскадрой на о. Корфу. Вот как описывает происходившее Свинин: «Нельзя было без умиления взирать на трогательное зрелище, поразившее нас, когда [...] адмирал пошел поклониться в последний раз благодетельствовавшим нам мощам Св. Спиридона. Не только улицы, но все окна, крыши домов покрыты были народом, кланяющимся и всеми образами приветствующим Сенявина. Толпа шла по следам нашим и дожидалась во все время прощального обеда нашего [...]. Она провожала нас до самой пристани, которую нашли мы также покрытою народом. Все хотели проститься с Сенявином, обнять его. Добрые, признательные греки на сию минуту забыли грозящую им опасность и в излиянии сердец своих показали, сколь они почитают обязанными

адмиралу за счастье и свободу, коими они наслаждались во все время его начальствования. Сенявин не мог быть равнодушен, слезы покрыли гордые ланиты его — я плакал, как ребенок. В первый раз полюбил я всею душою корфиотов; в первый раз почувствовал, что мне жаль расстаться с ними, как с близкими родственниками. С немалым также удовольствием видел я печаль жителей при расставании с солдатами нашими. Они прощались, как друзья, плакали, уверяли друг друга в дружбе, в признательности и, несмотря на то, что объяснялись на едва понятном диалекте, наши — на худом итальянском и греческом, а корфиоты — на плохом русском, но разговоры их, право, были красноречивы. Не делает ли сие большой чести нашим воинам? Покорять сердца важнее и славнее, чем покорять государства»¹⁵.

Весьма сходное описание, полное самых теплых чувств и эмоций, мы находим и у Броневского: «Прощанье жителей с нашими солдатами, искреннее свидетельствовало о народной к нам любви; никакое перо описать не может. Когда войска остановились у церкви Св. Спиридония для принятия благословения в путь, духовенство от всех церквей в черном облачении вышло с крестами и святою водою. Протопоп, подав хлеб и соль генералу Низимову начал речь, но зарыдал, залился слезами и не мог продолжать. Удалили в барабаны, войска тронулись и пошли к пристани. Не только улицы, площадь, но все окна, крыши домов покрыты были народом, который в излиянии признательности своей забыл на сию минуту, что он такою откровенностью раздражает новых своих властителей (т. е. французов). С балконов ссыпались на солдат цветы, иногда печальное молчание прерывалось гласом признательности и благодарности. У пристани, когда солдаты садились на гребные суда, каждый прощался со своим знакомым, просили не забывать друг друга, обнимались и плакали [...] Я в первый раз увидел и поверили, что корфиоты имели причину любить русских, они подлинно без нас остались сиротами. Можно сказать, что корфиоты были любимыми чадами России, которых мы покоили, берегли и ласкали, ни требуя от них никакого пожертвования»¹⁶.

Именно в этих словах, в этих эмоциях и заключается квинтэссенция российской экспедиции в Архипелаге и Адриатике. Освобождая местных жителей от тягот и по-винности, способствуя их возрождению, российские военные, дипломаты, а вернее, сочувствовавшие и сопереживавшие делу греков единоверцы, оказывали посильную помощь и покровительство греческому населению. Это стало логическим звеном в цепи многовековых тесных культурных и духовных связей двух народов и послужило залогом их дальнейшего сближения и взаимодействия в последующие десятилетия, когда встал вопрос об обретении греками независимости.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Броневский В.Б. Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством Вице-Адмирала Дмитрия Сенявина от 1805 по 1810 год. Ч. 3. СПб., 1819. С. 131.

² Там же. С. 111–112.

³ Панафидин П.И. Письма морского офицера. Морские сражения русского флота: Воспоминания, дневники, письма. М., 1994. С. 225.

⁴ Свильин П.П. Воспоминания на флоте. Ч. 2. СПб., 1819. С. 128.

⁵ Броневский В.Б. Записки морского офицера... С. 62–63.

⁶ Там же. С. 10–11.

⁷ Там же. С. 72.

⁸ Свильин П.П. Воспоминания на флоте. С. 241.

⁹ Броневский В.Б. Записки морского офицера... С. 182.

¹⁰ Там же. С. 35.

¹¹ Там же. С. 72.

¹² Свильин П.П. Воспоминания на флоте. С. 8.

¹³ Броневский В.Б. Записки морского офицера... С. 124.

¹⁴ Там же. С. 168–169.

¹⁵ Свильин П.П. Воспоминания на флоте. С. 233–235.

¹⁶ Броневский В.Б. Записки морского офицера... С. 185–186.

**Ольга Евгеньевна ПЕТРУНИНА,
д.и.н., профессор МГУ им. М.В. Ломоносова**

Афон и Русский монастырь накануне и в период греческой революции 1821 года*

Начало XIX столетия принесло на весь Православный Восток важные перемены. Стремительно меняющаяся ситуация на международной арене, распространение европейской образованности и социально-политических идей, экономический рост греческой общины в Османской империи и кризис самой империи — все это оказывало значительное влияние на состояние умов в православном мире, прямо или косвенно воздействовало на жизнь Афона. Некоторые изменения стали ощущаться уже в конце предыдущего века.

В XVIII в. Османская империя вступила в период тяжелого системного кризиса¹. Он проявился в упадке старой социально-экономической системы, что обернулось финансовым кризисом, ослаблением центральной власти и внешнеполитическими поражениями. К концу столетия на окраинах империи набирают силу сепаратистские движения, использующие в своих интересах растущее национальное самосознание народов империи.

В то же время менялось положение Османской империи на международной арене. В XVIII в. начался фактический распад империи: в результате войн с Австрией, Россией и Ираном Турция потеряла часть Боснии, Тебриз, Азов, Запорожье, а также утратила контроль над Грузией, Крымом, частично Дунайскими княжествами и местными династиями стран Магриба, Египта, Аравии и Ирака. Кроме того, с середины XVIII в. договоры, заключаемые

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ (проект № 13-01-00289).

Османской империей с европейскими державами, принимали неравноправный характер. В первую очередь это касается т. н. капитуляций — торговых соглашений, предоставлявших иностранным купцам односторонние привилегии во владениях султана. В результате цепи военных поражений империя постепенно стала терять самостоятельность во внешней политике. Особенно явственно это обозначилось по окончании русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Кючук-Кайнарджийский договор 1774 г. допускал вмешательство иностранной державы во внутренние дела империи: Россия получила право покровительства ее христианскому населению. Важной статьей договора было открытие проливов (Босфора и Дарданелл), таким образом Черное море перестало быть внутренним морем османов. Это событие повлекло за собой негативные последствия и для турецкой экономики, особенно когда в первые десятилетия XIX в. Россия начала экспорт пшеницы. Таким образом, если, по словам известного французского историка Ф. Броделя, османскую экономику «еще в XVIII в. нельзя было считать ни покоренной, ни совершенно маргинализованной», то с началом XIX столетия наступил откровенный упадок, который ускорялся политическими осложнениями². Египетская экспедиция Наполеона 1798–1801 гг., последовавшие затем восстания ваххабитов в Аравии и, наконец, начало восстаний на Балканах (1804 г. — Первое сербское восстание) — все эти события были показателями тяжелого кризиса, углублению которого способствовала русско-турецкая война 1806–1812 гг. Предпринятые в конце XVIII — начале XIX в. попытки реформ в Османской империи натолкнулись на мощное сопротивление традиционных элит и нового слоя сепаратистов (аянов). В результате они были свернуты, а кризис продолжал углубляться³.

Кризис империи имел скорее позитивные следствия для Афона. Ослабление центральной власти способствовало сохранению традиционной автономии монашеской общины, укреплению ее связей с Дунайскими княжествами — Молдавией и Валахией, а также Россией. Негатив-

ным явлением было набиравшее силу средиземноморское пиратство. Но этому злу афонские обители противопоставили крепкие стены и огнестрельное оружие.

Парадоксальным, на первый взгляд, образом на фоне общего структурного кризиса империи наметился экономический, социальный, а затем и культурный подъем греков. Их положение в империи не всегда было одинаково тяжелым. Если первые два столетия османского владычества для греков были борьбой за выживание, то с середины XVII в. в греческих землях начался постепенный экономический подъем, наибольшую роль в котором играло именно греческое население. Этот экономический подъем, в свою очередь, создал необходимые материальные предпосылки для возрождения греческой системы образования и культуры вообще, а также подготовил почву для развития национально-освободительного движения.

Начиная с середины XVIII столетия в среду православных народов Востока, прежде всего греков, начинают проникать идеи европейского Просвещения. Восприятие человеческого разума как важнейшего инструмента познания, отрицательное отношение к традиции, культ образования, идея нации — все эти идеи и ценности шли вразрез с православной традицией.

Кроме того, Просвещение резко усилило секуляризацию во всех областях духовной жизни греков и благоприятствовало формированию их исторического сознания, обусловившего появление у них чувства кровного родства с древними эллинами, следствием чего стало восприятие исторической традиции как национально-идентифицирующего признака. Важным показателем секуляризации стал рост количества печатных книг светского содержания: если в первой четверти XVIII в. светских книг было издано в три раза меньше, чем церковных, то в последней четверти столетия их число практически сравнялось⁴. В этот же период, и в еще большей степени в первой четверти XIX в., значительно возросло число исторических сочинений, среди которых особой популярностью стали пользоваться местные хроники, произведения о Древней Греции и Византии, мемуары⁵.

Важным фактором, во многом определившим политическое, экономическое и духовное развитие европейской ойкумены в конце XVIII — первой четверти XIX в., стала Французская революция, в результате которой «наступило духовное пробуждение мира и греческое племя стало в достаточной мере просвещенным»⁶. Так считал участник греческой революции 1821 г. Фотакос. Революция во Франции также создала благоприятные условия для быстрого развития греческой торговли, ибо французская левантанская торговля была подорвана. Греческие купцы, нарушая блокаду французских портов англичанами, доставляли в революционную Францию продовольствие и боеприпасы, увозя назад не только деньги, но и революционные идеалы.

Идейное воздействие Французской революции на умы народов Османской империи было не так велико, как в Европе, но все же весьма ощутимо. После начала практической реализации идей Просвещения во время революции во Франции они стали проникать на Православный Восток еще быстрее. Один из крупнейших греческих просветителей — А. Кораис, лично переживший революционные события в Париже, был так глубоко потрясен, что именно тогда принял решение посвятить все свои силы просвещению собственной нации. Его собственные сочинения и изданные им произведения древнегреческих авторов формировали у греков новый образ мира, новый менталитет, распространяли новые идеи. Традиционные идеи и ценности при этом отходили на задний план.

Представители православной традиции, прежде всего на Афоне, пытались противостоять этой тенденции. Их усилиями появилось Анти-Просвещение — общественное движение, основанное на православном учении о человеке и обществе⁷. Его сторонники, Никодим Святогорец, Макарий Нотарас, Афанасий Паросский и др., не просто хранили традиционные ценности: они приспосабливали их к изменившимся историческим условиям и организовали свое собственное просветительское движение, противопоставив его западному Просвещению, которое, кстати, тоже не создало крупных теоретических систем.

Для распространения собственных мнений они использовали учительскую кафедру и церковный авмон, уточнению взглядов служила активная переписка, полемике с обмирщенным мировоззрением и иными конфессиями посвящались обстоятельные сочинения. В этом противостоянии приверженцы Анти-Просвещения использовали методы и достижения своих идеальных противников: по аналогии с западноевропейскими академиями, подпавшими в XVIII в. под влияние просветителей, они создали Афонскую академию, ответом на французскую «Энциклопедию» стало издание «Добротолюбия», многотомной энциклопедии христианской жизни. И все же этих усилий оказалось недостаточно, чтобы остановить распространение идей Просвещения.

«Французская революция и Наполеон, по моему мнению, — писал греческий полководец Ф. Колокotronис, — заставили мир открыть глаза. Раньше народы были невежественными, короли считали земными богами и обо всем, что бы ни делалось, говорили, что делается хорошо»⁸. Французская революция знаменовала наступление нового этапа в греческом Просвещении: когда во Франции идеи просветителей были реализованы в коллективном социальном действии, греческие книжники получили толчок к новому творческому осмыслению этих идей, проекции их на национальную почву и созданию на этой основе собственных политических программ. Не без французского влияния у греков возникла идея создания тайных обществ.

Французская революция, точнее Египетская экспедиция Наполеона (1798–1801), а также все более частые русско-турецкие войны негативно повлияли на отношение османских властей к христианским подданным султана. Пока владения султана и его вассалов были театром военных действий, христиансское население подвергалось различным притеснениям со стороны властей: христиан брали в заложники, сгоняли на принудительные работы, обременяли новыми налогами. Как полагают исследователи, в конце XVIII — начале XIX в. османо-православные отношения начали радикальным образом меняться⁹. На смену прежнему, в целом мирному, сосуществованию

пришла конфронтация. Мусульмане стали относиться к христианам подозрительно, видя в них агентов европейских держав. Позиции Православия на Востоке ослаблялись шедшей в этих условиях постоянной борьбой за обладание Святыми Местами. Ее новые, неблагоприятные для православных витки были непосредственно связаны с действиями французской армии на Ближнем Востоке (1799), нападением Наполеона на Россию (1812)¹⁰.

Внутренний кризис в Османской империи, идеи Французской революции, растущее национальное самосознание подвластных султану народов привели к серьезным внутренним потрясениям в империи и ее дальнейшему распаду. Важным событием на Балканах стало Первое сербское восстание, начавшееся в 1804 г. Длительная и тяжелая борьба сербов за государственную независимость завершилась возрождением сербской государственности. В 1812 г. султан признал автономию Сербии. Положительный итог борьбы сербов во многом определялся военной и дипломатической поддержкой со стороны России. Бухарестский мирный договор, завершивший русско-турецкую войну 1806–1812 гг., содержал статью о сербской автономии. Воспользовавшись войной России с Наполеоном, султан ее нарушил. Победа России над наполеоновской Францией и Второе сербское восстание (1815–1817) вынудили Порту признать, а затем расширить автономию сербов. За ходом борьбы сербов напряженно следили другие православные народы империи, их представители принимали в ней участие на стороне сербских повстанцев. Некоторые участники боевых действий впоследствии стали афонскими монахами.

Победа России над Наполеоном и поддержка, оказанная ею сербам, произвели огромное впечатление на Православный Восток. Христианские подданные османского султана с надеждой обращали взоры в сторону русского царя, ставшего, по словам Пушкина, «главой царей». Одни, например готовившие войну за независимость члены греческих тайных обществ, ожидали от него военной и политической поддержки. Другие, как восточные патриархи и афонские монахи, — поддержки материальной.

В таких условиях основанное в 1814 г. тайное революционное общество «Филики Этерия» вело подготовку вооруженного восстания греков, нацеленного на свержение власти султана и воссоздание греческого государства. Эмиссары «Филики Этерии» действовали повсюду в Османской империи, где компактно проживали греки. Они не обошли стороной и Афон. Восстание, затянувшееся почти на десятилетие и переросшее в национально-освободительную войну, называют революцией 1821 г. Оно началось выступлением в Дунайских княжествах небольшого отряда под командованием генерала русской службы Александра Ипсиланти. 22 февраля (6 марта) 1821 г. А. Ипсиланти со своим отрядом форсировал Прут и поднял антитурецкое восстание в Молдавии и Валахии. Это самонадеянное предприятие вскоре потерпело неудачу, но оно стало искрой, зажегшей пламя революции в самой Греции. В марте началось восстание на Пелопоннесе, в апреле—мае оно распространилось на большинство областей. Св. Гора также оказалась вовлечена в повстанческое движение.

Но за исключением Пелопоннеса, где повстанцам удалось нанести несколько серьезных поражений турецким войскам, восстание в других областях Греции османские власти сумели подавить. Затянувшееся восстание греков побудило европейские державы вмешаться в конфликт. В 1823 г. российские дипломаты предложили создать на территории Греции несколько автономных княжеств. В 1827 г. Англией, Францией и Россией в Лондоне была подписана конвенция, в соответствии с которой державы выступали посредниками в мирном урегулировании в Греции, на территории которой предполагалось создание единого автономного государственного образования. Статья 10-я Адрианопольского мирного договора, завершившего русско-турецкую войну 1828–1829 гг., обязывала Порту исполнить положения Лондонской конвенции и дополнившего ее соглашения между европейскими державами от 10 (22) марта 1829 г. Несколько южных областей Греции и некоторые острова стали полностью независимыми, в 1830 г. там было образовано Греческое

королевство. Остальные населенные греками провинции Османской империи, в том числе Афон, остались под властью султана¹¹.

В революции 1821 г. активно участвовали монахи: они не только устраивали в монастырях склады продовольствия и вооружения, но и сражались с оружием в руках. Монастыри также были местами проведения тайных собраний, служили пристанищами беженцам¹². Как верно заметил один из современников, с началом революции совершенно иссякает религиозное подвижничество, зато резко усиливается патриотическое¹³.

К этому времени русский Свято-Пантелеимонов монастырь на Афоне (Русский монастырь, или Руссик) переживал период возрождения. В результате упадка к концу XVIII столетия обитель пришла в такое запустение, что заложила свои земли и, не имея источников существования, осталась почти без братий. В 1803 г. Протат¹⁴ даже принял решение упразднить Русский монастырь, продать принадлежавшие ему земли с тем, чтобы оплатить его огромные долги, а оставшиеся деньги направить на нужды других святогорских обителей¹⁵.

Но патриарх Каллиник V, противник идиоритмов¹⁶ и сторонник прорусской партии в Константинополе, этого решения не одобрил. Напротив, по его благословению началось возрождение монастыря на новом месте. Обитель перешла на общежительный устав, один из самых строгих на Афоне. Обновленный монастырь принадлежал грекам. Замечательную характеристику Руссику того времени дал прибывший на Афон в 1834 г. наш соотечественник иеромонах Аникита (Ширинский-Шихматов): «Русский называется он токмо по имени (ибо некогда действительно жили в нем русские, но были все вдруг перерезаны греками: и с того времени, лет сто пятьдесят назад, живут в нем одни греки, принимающие в собратьство свое и русских), но принадлежит грекам и есть один из лучших общежительных монастырей афонских по строгости жития монашеского»¹⁷.

Настоятелем монастыря стал схиархимандрит Савва Пелопоннесский. Он получил большое наследство от сво-

их родителей, «еще испросил милостыню от своих родных и от прочих христиан на постройку монастыря; и, приехавши в Св. Гору, стал на новом месте основывать великий монастырь»¹⁸. Началось строительство собора, братского корпуса, больницы. Однако собранных игуменом Саввой средств было недостаточно. Ктитором монастыря стал молдавский господарь Скарлат Каллимахи, исцелившийся от мощей Св. Пантелейиона. От него игумен Савва получил деньги на строительство храмов, серебряный позолоченный оклад для Евангелия, а также настенные часы, которые «и до сего времени существуют; и во всей Св. Горе лучше их нет: с солнцем и луною, и со всеми планетами, и со многими кораблями, качающимися на море; и всегда можно видеть, когда луна нарождается и ущербает»¹⁹.

С 1816 по 1821 г. в монастыре велось интенсивное строительство на средства ктитора. Было возведено множество построек: десять каменных церквей, четырехэтажные корпуса с двухэтажными подвалами, пятиэтажный корпус, трапезная с колокольней, кухня, пекарня, гостиница, больница, маслобойня, винодельня и пр. В монастырь был проведен водопровод и устроены фонтаны. Но все здания нуждались во внутренней отделке, церкви не имели икон и прочих украшений. «Вся обитель была как пустой сарай», — позже метко заметил инок Парфений²⁰. Работы по внутренней отделке и благоустройству обители были прерваны печальными событиями, связанными с началом греческой революции 1821 г. Возобновитель обители схиархимандрит Савва преставился на Пасху 14 апреля 1821 г.²¹, в самом начале бурных событий греческой революции. Ктитор монастыря Скарлат Каллимахи трагически погиб в водовороте революции в 1821 г., и обитель лишилась своего благодетеля.

В 1821–1822 гг. Русский монастырь был вовлечен в события борьбы греков за национальную независимость. Афон тогда стал одним из центров греческой революции в Македонии. Несмотря на всеобщий национально-патриотический подъем, охвативший греческое население Османской империи к началу 1820-х годов, Македония,

к которой географически относится Афон, не была готова к активному участию в этой борьбе. Обычно называют несколько тому причин. Македония находится значительно ближе к столице и основным центрам империи, нежели Пелопоннес, ставший центром повстанческого движения. В Македонию турки могли быстрее и эффективнее перебрасывать воинские части для подавления выступлений. Решению этой задачи способствовало также наличие обширных равнин, облегчающих передвижение войск, прежде всего конницы. Имела значение также удаленность Македонии от основного эпицентра восстания: при тогдашних средствах связи лидерам повстанцев трудно было координировать свои действия²². Македония в целом лучше контролировалась правительством: там не было ни крупных отрядов греческих разбойников (克莱фтов), ни выдающихся аянов-сепаратистов. Важным обстоятельством был смешанный этнический состав населения. Греки не были господствующим этносом ни в сельской местности, ни в городах, хотя и имели свои торговые и культурные центры, такие, как Науса, Меленико и Серры.

Тем не менее активисты «Филики Этерии» вели пропагандистскую работу в Македонии при поддержке Церкви: большинство македонских архиереев были членами этого общества. Этеристы особенно рассчитывали на участие в повстанческом движении Серр и Афона. Афон привлекал их внимание по следующим причинам.

С самого начала османского владычества Афон стал удельным имением матери султана²³. Турки периодически устраивали погромы на Св. Горе, как свидетельствуют, например, пометки на славянском Четвероевангелии из афонского монастыря Св. Павла²⁴, но в целом монастыри не подвергались сильному экономическому гнету. К началу революции монашеская республика насчитывала, по разным данным, от 2,5 тыс.²⁵ до 10 тыс.²⁶ человек. В Османской империи Афон пользовался автономией и был освобожден от постоянных турецких войск. Монахи имели оружие, причем не только ружья, но и артиллерию, для борьбы с пиратами. «Имеет Ватопедский монастырь башен высоких пять и поменьше четыре и пушки боль-

шие и замечательные, и к тому же одну больше других, сделанную из нескольких частей, весьма искусно соединенных болтами»²⁷, — гласит описание Афона середины XVIII в. Такие арсеналы немало беспокоили турок. Как сообщает другой монастырский писатель, «в 1765 году обвинили фессалоникские аги Св. Гору в том, что [...] монахи имеют пушки для войны, и пристани, и корабли в них для войны, и 5 тыс. вооруженных людей», и даже прислали ревизора²⁸. Зная о таких запасах оружия, вдохновители революции очень рассчитывали на помощь монахов. Кроме того, самим своим полуостровным положением, горной местностью, крепостной архитектурой монастырей Афон представлял собой хорошо укрепленное место.

Афонские монахи знали о предстоящем восстании греков, среди них были члены тайного общества «Филики Этерия». Особенно активными этеристами были эсфигменские монахи и игумен монастыря Иоаким, а также монахи Анания Лавриот, Паисий Ватопедский, Никифор Иверский, Серафим из Каракалла и другие²⁹. Одним из главных вдохновителей восстания на Афоне стал предприниматель и банкир из Серр Эммануил Папас. Узнав о начале выступления А. Ипсиланти, Э. Папас зафрахтовал корабль и, нагрузив его оружием и боеприпасами, отплыл из Константинополя на Афон. На Св. Горе он остановился в Эсфигмене, куда прибыли на совещание представители других монастырей. На Афоне начались военные приготовления, шедшие весь апрель и начало мая: Папас не хотел выступать в одиночку и дожидался положительных известий от А. Ипсиланти, а также начала восстания в Серрах.

Однако замещавший салоникского губернатора Юсуфбей, как и губернаторы других провинций, имел сведения о готовящемся восстании греков. Известие о начале восстания А. Ипсиланти послужило толчком к принятию решительных мер. Как и в других провинциях, местная греческая верхушка, в том числе архиереи, были вызваны в административный центр, где турки намеревались взять их в заложники и тем самым лишить потенциальное восстание руководителей. Но, как и в других провин-

циях, вызванные к губернатору греки сами не поехали, а послали вместо себя в Салоники второстепенных лиц³⁰. Другой превентивной мерой, принятой Юсуф-беем, была отправка вооруженного отряда к границам Афона: своим автономным статусом и отсутствием турецких гарнизонов Св. Гора внушала губернатору большое беспокойство. Турецкий отряд должен был взять под охрану перешеек, отделяющий Афон от остальной Халкидики. Проходя через центр Халкидики город Полигирос, этот отряд своим произволом в отношении христиан спровоцировал антитурецкое выступление местного населения, которое 17 мая изгнало турецкую администрацию. Так началось антитурецкое восстание в Македонии³¹.

Эти события ускорили начало восстания на Афоне. Э. Папас и поддержавшие его афонцы на совещании в Карее решили арестовать забита³² и назначить вместо него эфорию (комиссию) из представителей всех монастырей. Находившийся на Афоне митрополит Маронейский Константин совершил торжественный молебен, во время которого провозгласил начало восстания. Главнокомандующим был назначен «посланный Богом спаситель и защитник всей Македонии» Папас. Во всех монастырях началась мобилизация. Из молодых монахов был создан вооруженный отряд. Как полагал современник событий С. Трикупис, он насчитывал свыше 2 тыс. человек³³.

Междуд тем началось восстание и на соседнем с Афоном полуострове Кассандра. В конце мая его лидеры направили святогорцам письмо с предложением создать совместный вооруженный отряд для наступления на Салоники³⁴. Собранные на Халкидике силы были поделены пополам: одна часть стала продвигаться в направлении Салоник, другая, в которую входили и афонские монахи, осталась охранять тыл. Уже в мае македонские повстанцы столкнулись с серьезными проблемами: не хватало людей, боеприпасов, продовольствия, дисциплины. Э. Папас и игумены афонских монастырей, в числе которых были и настоятель русского монастыря, обратились за помощью к лидерам восстания в других районах и богатым судовладельцам о. Идра. Но необходимой помо-

щи практически не поступило: прибыл один небольшой отряд из района Олимпа и несколько судов с островов Псара и Лемнос. Э. Папас уже потратил на дело национального освобождения все свое состояние (500 тыс. курушей³⁵), но этого было недостаточно. С Афона шли письма также на острова Лемнос и Псара, а также Дмитрию Ипсиланти, брату Александра Ипсиланти, прибывшему в Грецию для координации выступлений повстанцев. Однако Д. Ипсиланти ответил афонцам, что они должны не только просить помощи, но и сами внести посильный материальный вклад в дело освобождения³⁶. Аналогичным образом отвечали святогорцам и идиоты. «Пусть вся Европа увидит, — писали они, — что сокровища, вверенные вам нашим народом, вы приняли не из сребролюбия, но дабы сохранить их до того момента, когда они понадобятся народу, чтобы войти в число просвещенных, культурных и свободных европейских наций»³⁷. Но афонское священноначалие не разделяло такого меркантильного отношения к священным реликвиям, и сокровищницы Афона оставались нетронутыми.

В июне 1821 г. ситуация на Халкидике еще более ухудшилась: повстанцы потерпели несколько поражений от турецкой армии и вынуждены были перейти к обороне. Это подрывало их боевой дух. Разгромив повстанческие отряды, турки выменивали свой гнев на мирных жителях близлежащих городов. Спасаясь от резни, христиане бежали на казавшиеся им более защищенными Кассандру и Афон. Хотя точного счета беженцам никто не вел, агиориты называли их число в 50 тыс. чел.³⁸. На Св. Горе беженцы существовали самостоятельно, не получая пропитания из монастырей. Одной из причин этого было разорение турками афонских метохов на Халкидике. Среди беженцев вскоре начались голод и болезни. Единственным успехом повстанцев было обеспечение безопасности с моря Св. Горы и соседнего полуострова Кассандра, достигнутое благодаря пришедшим на подмогу кораблям.

Тревожные известия о продвижении турецких частей и готовящейся в Серрах карательной экспедиции, наплыv беженцев на Афон побудили монастырское свя-

щенноначалие в конце июня 1821 г. вновь обратиться за помощью к лидерам повстанцев в других районах. В надежде получить гуманитарную помощь для беженцев опытные в сборе пожертвований монахи отправили делегацию на Ионические острова, находившиеся под британским протекторатом. В начале августа она прибыла на о. Закинф. Однако британские власти не только не оказали никакой помощи монахам, но и запретили им проводить сбор средств среди населения острова. В то же время они всячески содействовали обращавшимся к ним за помощью турецким военным³⁹.

Тогда же на Афоне было принято решение о выдаче лидерам революции кредита в 60 тыс. курушей, для чего был начат сбор денег по монастырям. Однако Св. Лавра и Кутлумуш не захотели оказывать и эту небольшую помощь борцам за независимость. Материальной помощи из центра восстания ждать также не приходилось: значительная часть сил греков была занята осадой столицы Пелопоннеса — г. Триполи. В сентябре грекам удалось взять Триполи, что было крупным успехом. Вдохновленные им, греческие военачальники разработали план военных операций в Македонии. Они полагали, что его материальное обеспечение на первом этапе возьмут на себя афонские монастыри. Но на Св. Горе продолжали придерживаться прежней позиции неприкословенности монастырских сокровищ.

Между тем турки действительно готовили карательную экспедицию на Халкидику. Султан назначил в Салоники нового губернатора — пашу Мехмеда Абдул Абуда, талантливого полководца и политического деятеля, наделенного львиным мужеством и лисьей хитростью⁴⁰. Он и осуществил эту экспедицию в конце октября. Она была направлена против укрепившихся на Кассандре повстанцев, среди которых находились и афонские монахи. Но к началу этой экспедиции ряды защитников Кассандры сильно поредели: их косили голод и болезни, многие бросили оружие, не веря в успех восстания. Большинство святогорцев к этому времени также покинули лагерь повстанцев⁴¹. 30 октября состоялось решающее сражение

между турецкой регулярной армией и защитниками Касандры. Немногочисленные обороняющиеся потерпели поражение, после чего христиане еще одного полуострова на юге Халкидики, Лонгоса, сложили оружие и выразили покорность султану. Афон остался единственным оплотом повстанцев на Халкидике.

Но Св. Гора оказалась лишь временным союзником борцов за независимость. Первоначальный энтузиазм по поводу восстания у святогорцев, среди которых было немало ветеранов Первого сербского восстания, русско-турецкой войны 1806–1812 гг. и других военных предприятий, вскоре остыл. Монастыри не желали оказывать финансовую помощь восстанию, разочарованные поражениями монахи покидали боевые отряды повстанцев. К ноябрю 1821 г. на Афоне уже не было прежней единодушной поддержки войны за независимость. Часть афонцев продолжала военные приготовления на самой Св. Горе: они велись в Ксенофонте, Зографе, Великой Лавре, монастыре Св. Павла. Сторонники независимости отправили своих представителей в главный центр революции, на Пелопоннес, в надежде получить оттуда помощь⁴². Но другая, большая, часть монахов не желала принимать участие в восстании. Узнав о судьбе Кассандры, а также поверив исходящей из турецкого лагеря славе Абдул Абуда как человека гуманного (мы помним о его лисьей хитрости), благородно обращающегося с пленными и гарантирующего амнистию добровольно сложившим оружие, афонское большинство согласилось вступить в переговоры с салоникским пашой. На это решение, как полагают исследователи, также повлияло отсутствие обещанной этеристами помощи со стороны России⁴³. В конце концов на стороне Э. Папаса и его соратников остался только Эсфигмен.

Абдул Абуд выдвинул следующие условия сдачи Св. Горы: сдача оружия, оставление заложников, выплата контрибуции в 2,5 млн курушей. Не захотев помочь своим сограждянам, монахи теперь должны были уплатить сумму, на порядок большую. По своей инициативе афонцы переправили со Св. Горы беженцев, в первую очередь женщин и детей, на острова и предложили тур-

кам выдать Э. Папаса⁴⁴, которого теперь считали врагом, авантюристом и коварным подстрекателем. Современник событий костамонитский монах Досифей, составивший в назидание своим собратьям «Описание краткое и правдивое, касающегося того, что произвело восстание Св. Горы; вследствие чего случилось, что были всячески наказаны и наконец приняли мученичество от нечестивых невиновные и непричастные к этому и другие братья христиане» (1830–1844)⁴⁵, считал, что во всех бедах, постигших Афон в 1821–1822 гг., виноваты архонт Манолакис (так он уничтожительно называет Э. Папаса) и его сообщники⁴⁶. Но Папас сумел бежать при поддержке верных ему эсфигменских монахов. На принадлежавшем одному из своих единомышленников корабле он вывез не только своих ближайших соратников, но и некоторое количество денег и священной утвари. Эти драгоценности должны были пополнить казну революции. Корабль Папаса благополучно достиг цели своего путешествия — о. Идра (сам Папас умер в дороге) и вывезенные им сокровища остались там до прихода к власти в независимой Греции президента И. Каподистрии. Тогда они были проданы за ничтожную сумму в 1600 курушей, а эти деньги пошли на погашение долгов революционного правительства перед судовладельцами Идры. На какую сумму Папас вывез сокровища с Афона, точно не известно. Но есть предположения, что она была значительно больше⁴⁷.

Между тем весь ноябрь и половину декабря Протат продолжал переговоры с пашой в надежде смягчить условия капитуляции. Но они не увенчались успехом. Святогорцы были вынуждены принять все выдвинутые пашой условия: они сдали оружие, уплатили контрибуцию (чаstично деньгами, частично священной утварью), отдали заложников. Однако паша не сдержал своего слова и не оставил монахов в покое. 15 декабря 1821 г. турецкие войска вторглись на Афон. Монастыри были захвачены и разграблены, все подозрительные арестованы и отправлены в Салоники, где большей частью умерли из-за невыносимых бытовых условий. Вот как описывает эти события один из участников революции на Пелопоннесе митро-

полит Герман Патрский: «Враги во главе с Салоникским пашой, разорив и разграбив полуостров Кассандра, вторглись на Св. Гору, захватили все святые монастыри, по-прали храмы Божьи, захватили большую добычу и много денег, разграбили священную утварь, убили знатнейших отцов и оставили там гарнизон. Но часть священной утвари спасли некоторые из отцов, которые предупредили события и бежали, рассеявшись по различным местам»⁴⁸. Как писал иеромонах Аникита, «турки оставили по себе следы своего нечестия, обезобразив святые образы, выковав на лицах иконных очи»⁴⁹. С этого времени на Афоне, несколько сотен лет свободном от постоя турецких войск, расположился гарнизон в 3 тыс. человек. Его содержание было возложено на обители. Весной 1822 г. основная часть турецкой армии покинула Афон, но в монастырях были оставлены сторожевые гарнизоны по 40 человек. Они находились на Афоне до апреля 1830 г. и кормить их (и давать жалованье!) приходилось монахам. Несмотря на присутствие турецких военных отрядов, «по Горе всюду были разбойники», также много досаждавшие монахам⁵⁰. Вывод турецких войск и восстановление автономии Афона стали возможны благодаря победе России в войне с Османской империей в 1828–1829 гг.

Не скоро смогли святогорцы оправиться от учиненного турками погрома. Сложно было даже восстановить численность насельников. Например, в Пандократоре в 1821 г. было около 150 братий, а в 1834 — только 25⁵¹. Некоторые монахи, покинувшие Афон в это смутное время, оправились к себе на родину и больше на Св. Гору не вернулись. Такой пример мы находим в лице старца Иоанна, подвизавшегося в Нямецком монастыре, а затем близ монастыря Ворона в Молдавии⁵².

Вот какую оценку дал позиции афонских монахов во время греческой революции 1821 г. известный русский церковный историк епископ Порфирий (Успенский): «Если бы святогорцы во время общего восстания против турок в 1821 году ограничились только пожертвованием денег, кому надобно, и выкупом своей жизни и свободы у Османской Порты и если бы единодушно умоляли

Бога об освобождении Эллинов из-под ига турецкого, то они сделали бы свое патриотическое дело и Бог благословил бы оное. Но они взялись за оружие и пошли воевать с солнцем, и за то были опалены и пострадали»⁵³.

Тем не менее ущерб, нанесенный Афону революционными событиями и турецкими войсками, не был катастрофическим. Если «по всей Турции, по селам и градам, все церкви и монастыри разорены, а хотя и есть вновь выстроенные, но и то без куполов и без крестов [...]», то на Афоне они сохранились «в полном христианском благолепии»⁵⁴. Более того, Хиландарский, например, монастырь был так благоустроен и украшен, что больше напоминал «царский дворец или райские чертоги». Ватопедский монастырь был «яко град велик и прекрасен», «несравненно больше и прекраснее Хилендаря»⁵⁵. Большим городом русскому паломнику представлялась и Карея, административный центр Афона⁵⁶.

Русский монастырь в годы революции 1821 г. разделил судьбу других обителей Афона. Едва начав восстанавливаться, он вновь был разорен и бедствовал. Долги его составляли более 100 тыс. курушей. Но постройки монастыря сохранились в целости. После карательной экспедиции Абдул Абуда значительная часть иноков покинула монастырь, многие нашли временное пристанище на подконтрольном греческим повстанцам Пелопоннесе. Среди них был и будущий настоятель монастыря схимархимандрит Герасим⁵⁷, при котором уже в 1830-е годы совершилось возвращение в обитель русских монахов. Русские иноки, в частности, проживавшие в Ильинском скиту, пережидали смутное время революции в России⁵⁸. Возвратившаяся в обитель по окончании смутных времен братия оказалась практически в таком же положении, как и в начале столетия. «Сколько раз мы садились в трапезе почти без хлеба, с одними малыми гнилыми сухарями!», — восклицал игумен Герасим⁵⁹. Способ поправить тяжелое материальное положение монастыря игумен Герасим и старец иеросхидиакон Венедикт, ученик почившего игумена Саввы, видели в возвращении в монастырь русских иноков.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Подробнее см.: *Мейер М.С.* Османская империя в XVIII в. Черты структурного кризиса. М., 1991.
- ² *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XIII вв. Т. 3. Время мира. М., 1992. С. 488, 496.
- ³ Подробнее см.: *Миллер А.Ф.* Мустафа паша Байрактар. Оттоманская империя в начале XIX в. М.; Л., 1947.
- ⁴ *Dimaras K. Th.* L'apport de l'Aufklärung au développement de la conscience nationale néo-hellénique // Les Lumières et la formation de la conscience nationale chez les peuples du sud-est européen. Bucharest, 1970. P. 54.
- ⁵ *Πατρινέλης Χ.Γ.* Πρώτη νεοελληνική ιστοριογραφία (1453–1821). Θεσσαλονίκη, 1993. Σ. 5.
- ⁶ *Φωτάκος.* Απομνημονεύματα. Βίοι Πελοποννησίων ανδρών. Αθήνα, 1960. Σ. 25.
- ⁷ Подробнее см.: *Петрунина О.Е.* Православная церковь в формировании концепции нации и подготовке освобождения греков от османского ига (XVII–XIX века) // Религии мира: история и современность. 2003. М., 2003. С. 135–153.
- ⁸ *Κολοκοτρώνης Θ.* Απομνημονεύματα // Ἀπαντα Κολοκοτρώνη. Т. Ά. Χ. τ., χ. χ. Σ. 275.
- ⁹ *Панченко К.А.* Ближневосточное Православие под османским владычеством. Первые три столетия. 1516–1831. М., 2012. С. 113.
- ¹⁰ Подробнее см.: *Панченко К.А.* Ук. соч. С. 334–344.
- ¹¹ О событиях греческой революции 1821 г. подробнее см.: *Петрунина О.Е.* Греческая нация и государство в XVIII–XX вв.: Очерки политического развития. М., 2010. С. 147–223.
- ¹² *Μακρυγιάννης Ι.* Οράματα και θάματα. Αθήνα, 1983. Σ. 163–164.
- ¹³ *Φωτάκος.* Απομνημονεύματα... Σ. 155.
- ¹⁴ Протат — орган монашеского самоуправления на Афоне, состоявший из представителей монастырей.
- ¹⁵ *Дмитриевский А.А.* Русские на Афоне. Очерк жизни и деятельности игумена священноархимандрита Макария (Сушкина). М., 2010. С. 81–82.
- ¹⁶ Идиоритмы — монастыри, в которых монахи живут отдельно друг от друга и ведут отдельное хозяйство, собираясь вместе только для богослужений.
- ¹⁷ *Аникита (Ширинский-Шихматов).* Путешествие иеромонаха Аникиты по святым местам Востока в 1834–1836 годах. М., 2009. С. 65.
- ¹⁸ *Парфений (Агееев).* Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженника Святой Горы Афонской иноха Парфения. Ч. II. М., 1856. С. 213–214.
- ¹⁹ Там же. С. 214–215.
- ²⁰ Там же. С. 216.
- ²¹ Монахологий Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне. Святая Гора Афон, 2013. С. 11.
- ²² *Κόκκινος Δ. ΗΕλληνική Ἐπανάστασις.* Т. 1. Αθῆναι, 1967. Σ. 589.
- ²³ *Порфирий (Успенский), епископ.* История Афона. Ч. 3. Афон монашеский. Отд. 2. Киев, 1877. С. 284.
- ²⁴ Там же. С. 929.
- ²⁵ *Χατζηφώτης Ι.* Από το Βυζάντιο στο Νέο Ελληνισμό. Т. Γ'. Θεσσαλονίκη, 2001. Σ. 144.

- ²⁶ Κόκκινος Δ. ἩΕλληνικὴ Ἐπανάστασις. Τ. 1. Ἀθῆναι, 1967. Σ. 591.
- ²⁷ Πορφυριй (Успенский), епископ. История Афона. С. 930.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Χατζηφώτης Ι. Από το Βυζάντιο... Σ. 137.
- ³⁰ Τρικούπης Σ. Ἰστορία τῆς Ἑλληνικῆς Ἐπαναστάσεως. Τ. Α΄. Λονδίνο, 1860. Σ. 188.
- ³¹ Στο ίδιο. Σ. 188–190.
- ³² Забит — турецкий жандармский офицер, представитель султанской власти на Афоне.
- ³³ Τρικούπης Σ. Ἰστορία τῆς Ἑλληνικῆς Ἐπαναστάσεως. Τ. Β΄. Λονδίνο, 1861. Σ. 170.
- ³⁴ Οπубл. в: Κόκκινος Δ. ἩΕλληνικὴ Ἐπανάστασις. Τ. 1. Ἀθῆναι, 1967. Σ. 593.
- ³⁵ Куруш, или турецкий пиастр — основная денежная единица Османской империи, в то время примерно равная $\frac{1}{4}$ франка.
- ³⁶ Цит. по: Κόκκινος Δ. ἩΕλληνικὴ Ἐπανάστασις. Τ. 1. Ἀθῆναι, 1967. Σ. 596.
- ³⁷ Цит. по: Κόκκινος Δ. ἩΕλληνικὴ Ἐπανάστασις. Σ. 602.
- ³⁸ Κόκκινος Δ. ἩΕλληνικὴ Ἐπανάστασις. Τ. 2. Ἀθῆναι, 1967. Σ. 246.
- ³⁹ Στο ίδιο. Σ. 246–247.
- ⁴⁰ Так его характеризовал участник революции 1821 г. Спиридон Трикупис: Τρικούπης Σ. Ἰστορία τῆς Ἑλληνικῆς Ἐπαναστάσεως. Τ. Β΄. Λονδίνο, 1861. Σ. 168.
- ⁴¹ Στο ίδιο. Σ. 169–170.
- ⁴² Γερμανός Π.Π. Ἀπομνημονεύματα. Ἀθῆναι, χ.χ. Σ. 128.
- ⁴³ Frazee Ch. A. The Orthodox Church and Independent Greece. 1821–1852. Cambridge, 1969. P. 41.
- ⁴⁴ Κόκκινος Δ. ἩΕλληνικὴ Ἐπανάστασις. Τ. 1. Σ. 607–608.
- ⁴⁵ Так этот документ датировал греческий исследователь И. Мамалакис: Μαμαλάκης Ι. «Διήγησις περὶ Αγίου Ὁρούς εν καιρῷ τῆς επαναστάσεως του 1821» // Αριστοτέλειον Πανεπιστήμιον Θεσσαλονίκης. Επιστημονική επετηρίς Φιλοσοφικής Σχολής. Τ. 7. Θεσσαλονίκη, 1956. Σ. 221.
- ⁴⁶ Цит. по: Порфирий (Успенский), епископ. История Афона. С. 1071.
- ⁴⁷ Κόκκινος Δ. ἩΕλληνικὴ Ἐπανάστασις. Τ. 6. Ἀθῆναι, 1969. Σ. 563.
- ⁴⁸ Γερμανός Π.Π. Ἀπομνημονεύματα. Ἀθῆναι, χ.χ. Σ. 128.
- ⁴⁹ Аникита (Ширинский-Шихматов). Путешествие иеромонаха Аникиты по святым местам Востока в 1834–1836 годах. С. 61.
- ⁵⁰ Парфений (Агееев). Ук. соч. С. 216.
- ⁵¹ Аникита (Ширинский-Шихматов). Ук. соч. С. 61.
- ⁵² Парфений (Агееев). Ук. соч. С. 27–28.
- ⁵³ Порфирий (Успенский), епископ. История Афона. С. 591.
- ⁵⁴ Парфений (Агееев). Ук. соч. С. 85–86.
- ⁵⁵ Там же. С. 88, 106.
- ⁵⁶ Там же. С. 115.
- ⁵⁷ Монахологий Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне. Святая Гора Афон, 2013. С. 11.
- ⁵⁸ Аникита (Ширинский-Шихматов). Ук. соч. С. 135.
- ⁵⁹ Парфений (Агееев). Ук. соч. С. 152.

*Сергей Александрович ПИНЧУК-ГАЛАНИ,
историк, писатель (Москва)*

О трансформации одного исторического мифа. Что на самом деле ответили балаклавские греки царю

Цикл очерков известного русского писателя А. Куприна «Листригоны»¹, написанный в период с 1908 по 1911 г., стал самым известным и ярким литературным полотном о Балаклаве и ее обитателях — храбрых моряках и рыбаках, потомках бывших военнослужащих Балаклавского Греческого пехотного батальона.

В одном из рассказов-очерков — «Водолазы» — Куприн приводит предание, записанное им, как считают литераторы-веды, в 1907 г.: «На смотру, подъехав на белом коне к славному Балаклавскому батальону, грозный государь, поражённый воинственным видом, огненными глазами и чёрными усющими балаклавцев, восхликал громовым и радостным голосом: — Здорово, ребята! Но батальон молчал. Царь повторил несколько раз своё приветствие, всё в более и более в гневном тоне. То же молчание! Наконец совсем уже рассерженный император наскакал на батальонного начальника и восхликал своим ужасным голосом: — Отчего же они, чёрт их побери, не отвечают? Кажется, я по-русски сказал: «Здорово, ребята!» — Здесь нет ребяти, — ответил кротко начальник. — Здесь все капитаны. Тогда Николай I рассмеялся — что же ему оставалось ещё делать? — и вновь крикнул: — Здравствуйте, капитаны! И храбрые листригоны весело заорали в ответ: — Кали мера (добрый день), ваше величество!»².

Вероятным источником этой легенды был балаклавский приятель Куприна — Николай Костанди. Старожилы запомнили его как прекрасного рассказчика, знавшего много местных легенд и сказаний.

Этот эпизод из рассказа Куприна настолько запомнился и полюбился публике, что в дальнейшем широко использовался не только в других литературных произведениях, как, например, в рассказе писателя-мариниста С. Колбасьева³ «Рассвет», но стал исходным материалом для фольклорных переделок и стилизаций, выдержаных в жанре анекдота⁴.

У того же революционного романтика и моряка Колбасьева балаклавские греки предстают чуть ли не бунтовщиками — «[...] те самые героические балаклавские греки, которые не испугались гнусного деспота Николая Первого. Он крикнул их батальону: «Здорово, ребята!» — а они не ответили. Они были не ребятами, а капитанами — так они ему и сказали»⁵.

Однако мало кто знает, что на несколько лет раньше Куприна и, тем более Колбасьева, байку про балаклавцев рассказал в своей книге воспоминаний бывший директор Горного департамента Министерства государственных имуществ, человек с неоднозначной репутацией, талантливый литератор и одессит по месту своего рождения Константин Аполлонович Скальковский. Он привел этот эпизод в следующей интерпретации: «Образованный из местных греков, он считался иррегулярным войском и подчинялся новороссийскому генерал-губернатору. Одеты были балаклавцы в черные мундиры довольно тонкого по тому времени сукна с красными воротниками, на голове имели кожаные кивера той формы, что носят английские полисмены. Они были, по настоянию гуманного Воронцова, избавлены от телесного наказания. Это давало балаклавцам высокое понятие об их привилегированном положении. Когда на инспекторском смотре какой-то генерал сказал: «Здорово, ребята», то батальон промолчал.

К удивленному генералу подошел чуть ли не столетний командир батальона Манто и сказал: «Здесь маленьких ребят нет, ми все гуспода»⁶.

При внимательном исследовании еще более раннего среза русской литературы XIX века обнаруживается, что почти такой сюжет про балаклавцев воспроизвел писатель Н. С. Лесков в повести о Меркуле Праотцеве, опуб-

ликованной в 1874 г.⁷. Рассказчиком у Лескова выступает некий грек, монах Диодор, бывший военнослужащий Балаклавского батальона, живший в нежинской обители. Приведем полностью этот отрывок. «[...] отец Диодор [...] рассказывал нам о храбрости давних и недавних греческих греков вроде Колокотрони, Ботцариса и Бобелины*, а от них непосредственно переносился к нашему балаклавскому батальону, героизм которого выходит еще грандиознее. «О, наса балаклавской батальон, великая батальон, она никому не спигался», — восторженно говорил Диодор. И при этом рассказал, что будто бы этот славный батальон греческих героев когда-то однажды на смотре одному очень, очень великому лицу показал, что такое значит греки. Это было так, что будто бы очень-очень великое лицо, осматривая разные войска, приветствовало всех словами: «Здорово, ребята!», и все русские войска на это приветствие, конечно, отвечали радостным криком: «Здравия желаем, вашество». Но когда великая особа крикнула тоже «здорово, ребята» батальону, то греки будто только посмотрели один на другого, почмокали, покачав головами, перешепнулись: «Что мы за ребята? мы греки, а не ребята», и промолчали. Видя это, очень великий начальник снова повторил: «Здорово, ребята», но мудрые греки снова переглянулись и снова нашли, что они не ребята, и потому опять не откликнулись. Тогда будто бы очень великий человек «бил не глупый в свою голова» и, догадавшись, сказал «злаксовым» голосом:

«Калисперос, греки!» {Добрый вечер (новогреч.)}.

А те вдруг, как один, положили:

«Каллякалитрум {Желаем здравствовать (дословно: всего наилучшего — новогреч.)}, ваше-ство!» так вот что значит греческий человек! Греческий человек самая умный человек! — похваливал мне своих соотчичей подгulyавший отец Диодор — и я не знаю, про какие бы еще греческие чудеса он мне не рассказал, если бы служка

* ...О храбрости... греков вроде Колокотрони, Ботцариса и Бобелины... — Перечисленные лица являются видными участниками греческого восстания 1821–1827 годов против турецкого владычества. В этой борьбе они проявили большое личное мужество и храбрость. — Авт.

не доложил, что к монастырю подъехала наша повозка и мои спутники зовут меня ехать.

Но в те юные годы и при тогдашней моей невежественности и неопытности я ничего этого не понимал и пророчества отца Диодора пустил по ветру вместе со всеми его нескладными рассказами о его братьях, отличавшихся в пехоте, при пушках, и во флоте, и о всей греческой храбости, и о находчивой политичности знаменитого, но уже более не существующего в России греческого ба-лаклавского баталиона»⁸.

Сравнение версий анекдота у Куприна, Скальковского и Лескова выявляет одну существенную особенность — чем более старая версия, тем ниже социальный статус персонажа, проводившего смотр грекам. Вместо царя, как это у Куприна, в рассказе Скальковского выступает «генерал». У Лескова — знатная персона («очень великое лицо»), которую греки именуют «ваше-ство!», — сокращенное полноценное обращение «Ваше Сиятельство», образованное по местоименно-суффиксальной модели.

В XIX в. обращения в русской императорской армии точно регламентировались. Один из лучших наших дореволюционных энциклопедий — «Энциклопедический словарь» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефона — сообщала в 1901 г. читателям: «Полным генералам положено говорить Ваше Высокопревосходительство, генерал-лейтенантам и генерал-майорам — Ваше Превосходительство, если лица эти не имеют княжеского и графского титула. Начальников и старших из штаба — и обер-офицеров офицеры, подпрапорщики и кандидаты на классную должность называют по чину, прибавляя слово господин, например, господин капитан, господин полковник, прочие нижние чины титулюют штаб-офицеров и капитанов — Ваше Высокоблагородие, остальных обер-офицеров — Ваше Благородие (имеющих графский или княжеский титул — Ваше Сиятельство)»⁹. Мы можем предположить, что к грекам мог обратиться один из непосредственных военных и административных начальников с титулом графа или князя. Таковыми вполне могли быть генерал-губернаторы Новороссийского и Бессарабского генерал-губернаторства, в которое административно вхо-

дила и Таврическая губерния с уездным городом Балаклавой — графы А.Э. Ришелье, А.Ф. Ланжерон и многолетний руководитель Новороссии князь М.С. Воронцов.

Отметим, что действие повести Лескова, носящей автобиографические черты, протекает в основном в Киеве в 40–50-е гг. XIX. В 1849 г. здесь впервые появился и сам Лесков. Отсюда отсылка к упоминаемой в повести венгерской революции, которая пришла как раз на этот период. В то же время фраза об «уже более не существующего в России греческого балаклавского баталиона» относит нас к более позднему времени, так как Балаклавский батальон был официально расформирован в 1859 г.¹⁰. Учитывая, что только после 20 лет службы солдат мог быть уволен в бессрочный отпуск и, пройдя определенные степени послушания, стать монахом, смотр балаклавцев из рассказа Диодора можно связать с рубежом 1810–1820-х гг.

Есть еще одно важное обстоятельство. В рассказе Лескова в отличие от версии Куприна или революционера Колбасьева, греки не нарушают общепринятые правила чинопочтания и вежливости по отношению к старшему по званию. В реальности это было просто немыслимым для балаклавцев. Если брать за точку отчета посещение греков императором Николаем I осенью 1837 г., то в строю на царском смотре находились военнослужащие второго и третьего поколения балаклавцев, уже коренные крымчане. Они сызмальства прошли выучку в школе кантонистов, досконально знали правила Строевого устава, предписывавшего определенный речевой этикет. «Солдаты эти, — как писал крымский историк-краевед Василий Кондрахи, — по воспитанию стояли выше армейских офицеров нашей пехоты»¹¹.

Это предположение подтверждается воспоминанием очевидца царского визита в Крым. С августа по октябрь 1837 г. Николай I предпринял большую инспекционную поездку по западным и южным губерниям России и Закавказью, причем по приглашению графа М.С. Воронцова в маршрут было включено и посещение Южного берега Крыма. Во время этой поездки и произошла достопамятная встреча монарха с балаклавцами. Коллежский асессор

Степан Сафонов¹², приближенный чиновник Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора графа М.С. Воронцова, сопровождал царскую семью. Он вел дневниковые записи, чтобы «передать верно прошедшее и тем оставить новый материал для будущего русского историка».

18 сентября 1837 г. в Алупке, как писал Сафонов, был последней почетный караул, представленный императору от Балаклавского греческого батальона: «Во все время пребывания императорской фамилии караулы, как внутренние, так и наружные, были от сего же батальона. Государь Император подошел тотчас к караулу и приветствовал оный словами: «здравствуйте Греки!» в ласковых выражениях благодарили их за усердную и полезную службу, и удостоил милостивым разговором командира батальона, подполковника Качони, «я не узнаю батальона», сказал Его Величество, «ты его совершенно преобразовал». Вслед за тем, батальон этот удостоился Монарших милостей: кроме наград штаб- и обер-офицерам, Государь Всемилостивейше пожаловал единовременно 20.000 рублей, на обмундировку нижних чинов, и несколько унтер-офицеров произвел в офицеры»¹³.

Как мы видим, ничего экстраординарного в ходе личного общения царя с балаклавцами не произошло. Казусов и недоразумений не было и во время предыдущих смотров батальона, устроенных Александром I в 1818 и в 1825 гг. Генерал Михайловский-Данилевский, неотлучно находившийся при государе в 1818 г. в качестве его флигель-адъютанта, непременно бы отразил это в своем дневнике (про смотр и про греков он вообще не упоминает, кроме посещения Александром греческого монастыря Св. Георгия, где монарх молился в полном уединении)¹⁴. В 1825 г., по воспоминаниям служащего по квартирмейстерской части Н.И. Шенига, обеспечивавшего царский проезд, «государь... со станции, в 2-хъ верстах от Балаклавы, поехал верхом на смотр Греческого батальона». Ни одного слова по поводу какого-либо инцидента с греками рассказчик в своих мемуарах не приводит¹⁵.

На этом можно поставить точку в истории «бородатого» анекдота, если бы не одно «но». Подобная свободо-

любивая реакция греков на приветствие вышеупомянутого начальника — исторический факт. Трансформация мифа связана с эффектом наложения старой и новой интерпретационных моделей культурной памяти нескольких поколений балаклавцев. Наиболее яркое и редкое событие в захолустной жизни Балаклавы, переименованной только в 1859 г. из местечка в заштатный город, — посещение царем — было все же увязано с реальным эпизодом.

Рискнем высказать гипотезу, что он произошел в 1808 г. или чуть позже — в 1811 г. В эти годы дюк Ришелье, губернатор обширной Новороссии, дважды производил инспекторский смотр и маневры подведомственного Балаклавского батальона. Как описывал адъютант Ришелье граф Л.П. Рошешуар, несмотря на то, что «их форма, оружие и строевая подготовка были более чем удовлетворительны», дисциплина балаклавцев явно хромала¹⁶. Ведь в строю находились настоящие «капитаны» — ветераны корсарских походов легендарного Ламбро Качиони.

Они по определению никак не могли быть просто «ребятами».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Из дер. Круглицы 10 декабря 1909 г. А. Куприн пишет своему приятелю Ф. Батюшкову об окончании работы над очерком «Водолазы» (из цикла «Листригоны»). Впервые он будет опубликован в «Новом журнале для всех». 1910. № 15 // Кулешов Ф.И. Творческий путь А.И. Куприна 1907–1938 года. М., 1987. С. 288.

² Куприн А.И. Собрание сочинений в шести томах. М., 1957–1958. Т. 4. Произведения 1905–1914 гг. (Повести, рассказы). С. 514.

³ Колбасьев Сергей Адамович (1899–1937) — российский сов. военный моряк, писатель-маринист // http://www.spbvedomosti.ru/article.htm?id=10245746@SV_Articles.

⁴ Этот анекдот имеет различные вариации. Вот, к примеру, две из них:

1. Во времена Крымской войны один высокопоставленный императорский сановник устроил смотр народного ополчения. Взглянув на строй молодцов далеко не призывающего возраста, он снисходительно поприветствовал ополченцев:

— Здорово ребята!
— Здравия желаем, Ваше сиятельство! — весело горланили мужики.

Хмуро молчал только один отряд. Это были греческие рыбаки из Балаклавы. Сановник, естественно, разозлился: что за вызывающее непочтение, почему греки на приветствие не отвечают?

— Здесь нет ребят, — спокойно сообщил важной персоне командир отряда, — здесь все капитаны.

2. После Наваринского сражения русский адмирал награждает выстроенных в два ряда командиров кораблей — русских и греков. Обращается к русским морякам: «Здорово, орлы!»

Те: «Здравия желаем, Ваше Высокопревосходительство!»

Поворачивается к грекам: «Здорово, орлы!»

Молчат...

Адмирал (громче): «Здорово, орлы!»

Молчат...

Толмач (адмиралу шёпотом): «Ваше Высокопревосходительство! Они — не орлы! Они — капитаны!» — Авт.

⁵ Колбасьев С. Рассвет. Рассказ // URL: <http://www.mirpaustowskogo.ru/magazine/mp-26/03-03.htm>.

⁶ Скальковский К.А. За год. Воспоминания, исторические очерки, публицистика. СПб., 1905. С. 74–75.

⁷ Повесть написана Лесковым в 1874 г. под названием «Блуждающие огоньки (Автобиография Праотцева)», она впервые опубликована в журнале «Нива». 1875. № 1. С. 3–18.

⁸ Лесков Н.С. Собрание сочинений в 11 томах. М., 2014. Т. 5. С. 320–322.

⁹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефона. СПб., 1901. Т. XXXIII. С. 258.

¹⁰ Об упразднении Балаклавского Греческого пехотного батальона и о наименовании местечка Балаклава заштатным городом // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. СПб., 1859 г. Том XXXIV. Отделение 2. С. 174–175. № 35010.

¹¹ Кондараки В.Х. История Крымской войны с частными эпизодами. М., 1883. С. 6–8.

¹² Сафонов Степан Васильевич (1808–1862) — тайный советник, сенатор, директор гражданской канцелярии Кавказского наместника, писатель, историк и общественный деятель. Действительный член Императорского Одесского общества истории и древностей, издававшего с 1844 по 1919 г. «Записки», сокращенно ЗООИД, всего 33 тома, в которых представлен богатейший материал по истории Южной России. Был женат на Евридике Григорьевне Маразли, чьим братом был знаменитый городской голова Одессы в 1878–1895 гг. Григорий Григорьевич Маразли (1831–1907). Сафонов оставил первое описание истории балаклавских греков (Сафонов С. Остатки греческих легионов в России или нынешнее население Балаклавы // ЗООИД. 1844. № 1. С. 207–208). См. о Сафонове: Степан Васильевич Сафонов: Некролог // Записки Одесского общества истории древностей. Т. 6. Одесса, 1867. С. 483–485; Русский биографический словарь. Т. Сабанеев–Смыслов. СПб., 1904. С. 209.

¹³ Сафонов С.В. Описание пребывания императорской фамилии в Крыму в сентябре 1837 г. Одесса, 1840. С. 50.

¹⁴ Михайловский-Данилевский А.И. Записки А.И. Михайловского-Данилевского. 1818 год // Исторический вестник. 1892. Т. 48. № 5. С. 371.

¹⁵ Шёниг Н.И. Последние дни и кончина Александра Павловича // Русский архив. Историко-литературный сборник. М., 1880. Выпуски 9–12. С. 292.

¹⁶ Рошешуар Л.-Г. Из воспоминаний графа Рошешуара [Извлечения] // Русский архив. 1890. Кн. 1. Вып. 4. С. 481–482. Граф Людвиг-Виктор Рошешуар (1788–1858) — адъютант при губернаторе Новороссии герцоге Ришелье, позже флигель-адъютант императора Александра I.

Александр Юрьевич ДОНСКОЙ,
ведущий специалист РГВИА

Балаклавский Греческий пехотный батальон в истории Российской империи

Балаклавский Греческий пехотный батальон был сформирован в апреле 1797 г. первоначально под названием Греческого пехотного батальона¹. Состоял из архипелагских греков, участвовавших в войнах с Турцией на стороне России в 1768–1774 гг. и 1787–1791 гг. и поселившихся затем в Российской империи и служивших в предшествующих батальону Албанском (Греческом) войске² и Греческом пехотном полку³, а также и их детей. Имел поселения под Балаклавой в деревнях: Кадыкой, Комары (Камары), Ануй, Карапи, Керменчук в Крыму, Алупка и вблизи Таганрога в хуторах⁴. С 1809 г. стал называться Балаклавским Греческим пехотным батальоном. Первое время был трехротным, а с 1814 г. сформирована 4-я рота. К началу 1818 г. в батальоне служило 1194 человека (только мужчины), непосредственно несли службу 460, остальные находились в отставке или еще не поступали служить. Каждый из них имел землю, распределенную следующим образом: командиру полагалось 240 десятин, офицерам по 60, рядовым по 20, отставным и не служащим по 10. В 1819 г. в его состав вошел Одесский Греческий пехотный батальон⁵.

В мирное время комплектовался из греков, поселившихся на дарованных и отведенных им землях по рескрипту, данному Екатериной II 28 марта 1775 г. графу А.Г. Орлову-Чесменскому, и обращенных в 1797 г. в военных поселенцев, а впоследствии также и их детей⁶. Управ-

лялся командиром батальона, избиаемым греками из своей нации⁷. В военное время чины батальона брали в руки оружие и на равных с русскими сражались с врагами России. Как в мирное, так и в военное время служащие батальона содержали кордонную стражу на черноморском побережье от Феодосии до Симферополя, смотрели за порядком в городах, участвовали в оцеплении Севастополя во время карантина от чумы в 1829–1831 гг.⁸. Обмундировывался батальон за собственный счет согласно с соответствующей статьей Свода военных постановлений по высочайше утвержденным образцам⁹.

В свободное от несения службы время батальонные служащие занимались земледелием, садоводством, торговлей и рыбной ловлей. Офицеры имели право записываться в первую и вторую купеческие гильдии с 1820 г. Две роты батальона с 1842 по 1854 г. служили в составе Отдельного Кавказского корпуса и принимали участие в войне с горцами¹⁰.

Определение в службу, увольнение, переводы и назначения, производство в следующие чины совершались следующим образом: На штаб-офицеров объявлялись высочайшие приказы, на обер-офицеров — высочайшие повеления, а нижние чины производились в унтер-офицеры по решению командира батальона и утверждались Новороссийским и Бессарабским генерал-губернатором¹¹. Состоявшие сверх комплекта штаб- и обер-офицеры, содержащие кордонную стражу, получали штатное жалование наравне с комплектными офицерами¹².

Вдовы штаб- и обер-офицеров и нижних чинов получали вдовье, а дети сиротское содержание, назначенное им от военного ведомства и единое годовое жалование, получаемое до смерти их мужьями и отцами¹³. Для образования детей и ежегодного привлечения их впоследствии к батальонной службе при батальоне была сформирована рота военных кантонистов¹⁴.

Батальон неоднократно участвовал в боевых действиях, хорошо проявил себя в войнах с турками: в 1806–1812 гг. на судах черноморского флота совместно с 4-м морским полком; в 1826–1829 гг. на Черном море при осаде Варны

на эскадре штабс-капитан Ликург Качиони (Качони) получил чин капитана, а подпоручик Стерио после удачного десанта под Инадой 7 августа 1829 г. был награжден орденом Св. Анны III степени с бантом.

В Крымскую кампанию 1853–1856 гг. в сентябре 1854 г. командующий батальоном вместе с 80 солдатами и 30 отставными храбро оборонял Балаклаву от атак английских войск. Унтер-офицер Г.И. Бамбука (Бамбуко) за участие в Балаклавском, Инкерманском и Чернореченском сражениях удостоился награждения Георгиевскими крестами IV, III и II степени¹⁵.

В архиве имеются сведения о подвиге семьи рядового Капо. При отступлении батальона из Балаклавы он сам попал в плен и строго наказал своей жене Елизавете спрятать знамя. Она при выселении англичанами семьи греков-военнопленных из Балаклавы вывезла знамя в подушке, лежавшей в люльке с ребенком, и доставила его в Главную квартиру русской армии, за что получила серебряную медаль «за усердие».

12 чинов-волонтеров батальона за особое отличие и проявленную храбрость в сражении 10–11 марта 1855 г. император Александр II «высочайше соизволил утвердить» награждение их знаками отличия военного ордена с надписью «За храбрость» (6 человек) и серебряными медалями с надписью «За храбрость» (6 человек) с правом ношения на георгиевской ленте (статут ордена действовал с февраля 1807 г. — А.Д.).

Рядовой Константин Стериони по приказу командующего батальоном на основании приказа главнокомандующего войсками в Крыму от 29 августа 1855 г. № 560 (имеется в виду Михаил Дмитриевич Горчаков, генерал-адъютант. — А.Д.) за отличную храбрость, проявленную в деле с англо-французскими войсками 4 августа у Черной речки, был произведен в унтер-офицеры со старшинством с 4 августа 1855 г. (см. приложения). Прапорщик Николай Капилети по ходатайству главнокомандующего Южною армию и военно-сухопутными и морскими силами в Крыму по приказу командующего батальоном, основанном на предписании генерал-адъютанта Анненко-

ва 2-го (имеется в виду Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор Николай Николаевич Анненков в 1853–1855 гг. — А.Д.), по высочайшему повелению в награду за «[...] отличие, оказанное 14 сентября 1854 года против турок, англичан и французов во время высадки у Балаклавы... был Всемилостивейше пожалован в следующий чин поручика» (см. приложения). По ходатайству Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора А.Г. Строганова (занимал эту должность с 17.04.1855 г. по 29.06.1862 г. — А.Д.) по окончании войны в 1856 г. разорившимся грекам Балаклавского батальона, потерявшим свои дома, землю и другое имущество, было «высочайше повелено даровать единовременное денежное пособие 15 т[ысяч] руб[лей] серебром». Многие чины батальона совершили подвиги не только в военное время. Так, например, 28 апреля 1838 г. прaporщик Илья Зефиропуло за спасение людей и казенного провианта с тонущего баркаса получил благодарность от Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора, а рядовые Ларисон Стафикопуло и Дмитрий (Дмитрий) Райко 20 июля 1840 года также за спасение утопавших при деревне Алупка в Черном море с тонущего баркаса по ходатайству генерал-губернатора Новороссийского и Бессарабского М.С. Воронцова были награждены серебряными медалями с надписью «За спасение погибавших» для ношения в петлице на Владимирской ленте (см. приложения). Также рядовые батальона в 1842–1847 гг. принимали участие в военных экспедициях против горцев, захватывали и сжигали аулы, контрабандные суда, захватывали суда и орудия, участвовали в строительстве новых укреплений и переправ на реке Кубани и в перестрелках с горцами, нападавшими на порционный скот некоторых укреплений. За эти действия нижние чины и унтер-офицеры награждались серебряными рублями. Также нижние чины батальона принимали участие в тушении пожаров. Например, рядовые Алексей Вани в 1837 году (см. приложения) и в 1840 году Христофор Барабана, участвуя «в потушении пожара в казенном [...] лесу» в числе 50 нижних чинов, были Всемилостивейше награждены одним рублем. Слу-

жили в батальоне и русские. Участвовали вместе с греками в военных операциях против горцев. Так, например, унтер-офицер Михаил Иванов в 1844 г. принял участие в «истреблении двух судов с контрабандными товарами с двумя баркасами и захвате одного орудия», за что был награжден вместе с греками десятью серебряными рублями (см. приложения)¹⁶.

Батальон был расформирован в 1859 г., а за год до этого упразднили и роту военных кантонистов (солдатских детей, пополнявших личный состав батальона при совершеннолетии их. — А.Д.)¹⁷. В 1861 г. все чины, здания, имущество и денежные средства батальона поступили в ведение городского управления г. Балаклавы. Многие вещи, вооружение и боеприпасы поступили в ведение городской Управы г. Балаклавы.

Документы о расформировании батальона можно выделить в следующие группы:

Выписка из Всеподданнейшего рапорта Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора императору Александру II от 2 сентября 1856 г. о целесообразности назначения командира батальона и адъютанта из русских офицеров¹⁸. Вот что писал генерал-губернатор: «Поселение Балаклавского Греческого пехотного батальона, разоренное вторжением неприятеля, ныне щедротами Вашего Величества восстанавливает свое хозяйство и презимует без тяжких нужд, но как опыт указал, что оно по подвижности характера, свойственной грекам, не может быть хорошо управляемым лицами, из среды оного избранными, то я полагаю необходимым, чтобы командром батальона и батальонным адъютантом были назначены теперь же из русских штаб- и обер-офицеров [...]»¹⁹.

Выписка из рапорта Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора от 13 сентября 1856 г. о необходимости упразднения батальона. В рапорте отмечалось: «Балаклавский батальон [...], в управлении коего издавна были допущены беспорядки и злоупотребления, едва ли приносил какую-либо пользу службе и даже краю, а стоит казне довольно дорого, греки вообще неужиточного (так в тексте. — А.Д.) нрава [...], не могут быть управ-

ляемы людьми их племени. Мне кажется, что было бы полезнее совершенно упразднить батальон, разделить пожалованную поселенную оного землю между служащими и отставными [...] И предоставить им эти участки в полную собственность с тем, чтобы нижние чины воспользовались на 10-ть лет льготою от всех податей, а по проществии оных составили бы общество мещан или причислились бы к обществу государственных крестьян на общих основаниях; офицерам же при праве неотъемлемого владения полученного ими или приобретенными ими участками давать немедленно права русского дворянства, освободив их от обязанностей службы [...] Такая мера не может быть даже казаться нарушением дарованных балаклавцам привилегий более 60-ти лет пред сим, полезна им самим и сделает их впоследствии хорошими гражданами²⁰.

Выписка из Доклада Департамента военных поселений от 14 ноября 1856 г. о пользе оставления батальона как военного формирования и поселения. В докладе излагалось мнение: «[...] В видах поддержания доверия единоверцев и вызовам и обещаниям нашего правительства, было бы противно политическим видам нашим уничтожить военное значение сего сословия и обращать его в мещан или государственных крестьян, а следовало бы оставить население Балаклавского Гречес[кого] бат[альона] в том же военном классе, занявшись только лучшую организацией батальоном [...]»²¹.

IV. Отношение директора Канцелярии Военного министерства Управление иррегулярных войск от 29 июля 1858 г. о возможном решении вопроса об упразднении батальона²².

V. Докладная записка Общества офицеров батальона командиру батальона от 22 декабря 1858 г. с исторической справкой о службе греков в России и об оказанных ими услугах. Вот что писали офицеры: «Балаклавский Греческий пехотный батальон сформирован из архипелагских греков, вызванных в Россию Манифестом блаженной памяти императрицы Екатерины II во время турецкой войны 1769 года, когда греки \:наши предки:\

(так в тексте документа. — А.Д.) из уважения и преданности к единоверному Всероссийскому престолу, оставив свое отчество и все свое достояние, сформировали на собственном своем иждивении восьмиротное Греческое войско, вступили под предводительством графа Орлова-Чесменского (имеется в виду Алексей Орлов. — А.Д.) и действовали против неприятеля сначала в архипелаге совокупно с российским флотом, а потом в Тавриде против возмущившихся крымских татар (имеются в виду татарские антиправительственные, антироссийские выступления 1877–1878 гг. — А.Д.), коему за оказанные ими подвиги и услуги Всероссийскому престолу и Отечеству, тогда же объявлены были им особые милости и покровительство с представлением разных преимуществ как настоящим российским единоверцам, не токмо предкам нашим, вызванным из заграницы, но и родственникам их со всеми семействами, буде поселятся в России, как подробно разъяснено в разных атtestатах²³. Вследствие чего Всемилостивейшим Ее Императорского Величества Манифестом на имя графа Орлова-Чесменского от 28 марта 1775 г. утверждены [были] обещанные предкам нашим милости, права и преимущества с представлением им и потомкам их в Тавриде, и именно, в Балаклавском округе, земли на праве собственности в вечное и потомственное их владение, а по недостаткам таковой в этой округе, впоследствии, в 1818 году, Всемилостивейше пожаловано им в Днепровском уезде еще 14152 десятины земли». В материковой части Таврической губернии греки часть этой земли сдавали в аренду²⁴.

Далее офицеры сообщали о праве на увольнение нижним чинам после пяти лет от службы (если пожелают), и производстве жалованья и месячного провианта вместе с амуницией, вооружением, обмундированием и прочим²⁵.

Батальон, как отмечали офицеры, «продолжал службу еще 80 лет до настоящего времени [...] на собственном иждивении [...], кроме провианта и жалованья, получаемого от казны, неся кордонную службу на Черноморском побережье Крыма, а затем на Черноморской береговой линии [...], каждый из нижних чинов сверх несения кор-

донной службы и различных командировок внутри Крыма имел шесть месяцев в году для приобретения оружия и обмундирования, не положенного казнью [...], а во время нахождения на Кавказе (2 роты) пользовались этим правом четыре месяца и также выполняли разные обязанности, как гражданские, так и военные.

Три года, с 1828 по 1830 г., греки содержали кордоны во время оцепления города и порта Севастополя и два года — Керчь (в 1840–1841 гг.) В Крымскую войну 1854–1856 гг. нижние чины продолжали службу по собственному желанию уже не пять, а 15, 25 и более лет»²⁶.

Офицеры в своем обращении писали, что «[...] ныне же, усматривая из приказа, отданного по батальону от 23 прошлого октября за № 95 [...], довольствие от казны прекращается, исключая тех, которые содержат посты в Балаклаве и Ялте. Но имея в виду, что на основании Всемилостивейше дарованных навсегда предкам нашим и потомкам их привилегий, прав и преимуществ, коими пользовались около века этим довольствием и во уважение подвигов и услуг службе, как предков и отцов наших, так и сподвижников их; а также постоянной преданности к Российскому престолу и Отечеству нашему приемлем смелость всепокорнейше просить Ваше Высокоблагородие не оставить исходатайствованием Вашим Главного начальника нашего господина Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора генерал-адъютанта графа Строгонова, как о разрешении отпуска довольствия по-прежнему и тем чинам, которые состоят на очереди ко вступлению в службу». Вместе с тем офицеры просили командинра батальона о ходатайстве также перед генерал-губернатором о наделении чинов батальона землей вблизи Балаклавы, оставленной татарами, уехавшими в Турцию²⁷.

VI. Ведомости о состоянии денежных сумм батальона:

1) Ведомость о капитале к 1 января 1858 г. Здесь отмечалось, что в Одесском банке находилось: 16...383 руб. 1 коп.; процентов 2615 руб. 11 $\frac{1}{4}$ коп.; Экономический капитал составлял на лицо 1192 руб. 61 $\frac{1}{4}$ коп.; жалованья — 32 руб. 8 коп.; мундирный — 183 руб. 85 $\frac{1}{2}$ коп.;

ластовый и якорный — 220 руб. 20 коп.; групповой — 324 руб. 29 коп.²⁸.

2) «Ведомость о денежных суммах Балаклавского Греческого пехотного батальона, хранящихся в казенном ящике» от 1 сентября 1858 г. В ней записано было, что «жалованной [суммы], оставшейся от раздачи по разным случаям, оставалось 140 руб. 58 $\frac{1}{4}$ коп., провиантской 34 руб., на содержание лазарета 151 руб. 85 $\frac{1}{2}$ коп. Итого на лицо — 327 руб. 26 $\frac{1}{4}$ коп. серебром»²⁹.

3) «Ведомость Балаклавского Греческого пехотного батальона Казначайской и Квартирмерьской (так в тексте. — А.Д.) части о наличной денежной сумме, хранящейся в казенном батальонном ящике» от 6 сентября 1858 г.³⁰. Здесь жалованной остаточной суммы указано 140 руб. 58 $\frac{1}{4}$ коп.; 83 руб. $\frac{1}{4}$ коп. якорной суммы, поступавшей из Балаклавской таможенной заставы [...]» взыскивавших из разных судов якорную подать 381 руб. 91 коп.; провиантской суммы 34 руб., из них с города Севастополя употреблено в г. Балаклаву всего 28 руб. 50 коп.

Остаточные деньги из 60 т[ысяч] руб. серебром Всемилостивейше пожалованным Балаклавским семействам в счет потерь и убытков 279 руб. 25 коп. Медикаментные деньги — 82 руб. $\frac{1}{2}$ коп. Всего в батальонном ящике денег 808 руб. 6 $\frac{3}{4}$ коп. [серебром]»³¹.

4) «Ведомость о суммах, состоящих в распоряжении командира батальона и хранящихся в казенном ящике» от 8 сентября 1858 г. Согласно этой ведомости можно видеть, что из 5 тыс. руб. серебром, отпущенных «для необходимых надобностей жителей деревни Караби, и других 1400 руб. 90 $\frac{1}{4}$ коп. и не внесенных майором Маландраки [...], употребленных им на хозяйственное устройство, до получения денег за понесенные убытки, при занятии Балаклавы неприятелем — 700 руб.». Выручены были от продажи имущества, оставленного неприятелем (разных лесных материалов) в июне 1857 г. — 495 руб. 60 коп., из которых 2 руб. 2 коп. были уплачены в одесской типографии «о вызове желающих к торгам». Не внесенных отставным прaporщиком Солоникио денег, оставшихся у него при покупке склада, — всего 460 руб. 58 коп.

Двумя командинрами были представлены на пополнение суммы, «употребленной при перевесе каменного угля», впоследствии употребленной ко взысканию с нижних чинов — 42 руб. 75 коп. Остаточные деньги из пожалованных Всемилостивейше Балаклавским жителям в счет потерь и убытков — 279 руб. 25 коп. Ластовой и якорной сумм, взыскиваемых «из судов и поступавших из Балаклавской таможенной заставы г. Балаклавы, — 381 руб. 91 коп. Итого на лицо 1864 руб. 49 коп.»³².

5) Ведомость из книг Экономического комитета при упраздненном батальоне «О наличной экономической сумме» от 1 июля 1861 г. Здесь описывается, что с 1 января по 1 августа состояли в приходе 2830 руб. 36 $\frac{1}{3}$ коп., в расходе 1148 руб. 2 $\frac{3}{4}$ коп. Всего в остатке состояло 1682 руб. 33 $\frac{1}{2}$ коп. серебром, которые были сданы в присутствии учрежденной в г. Балаклаве Комиссии для распределения земель³³.

6) Ведомость наличной суммы якорного и ластового сбора упраздненного батальона за 1861 г. от 1 августа 1861 г.

В ней значилось, что к 1 августа 1861 г. состояло 2099 руб. и 55 с одной четвертью коп. серебром. Эти деньги также были сданы в присутствии Комиссии для распределения земель³⁴.

7) «Ведомость из книг Экономического комитета при упраздненном Балаклавском Греческом пехотном батальоне состоящего в деньгах, представленных в оный в залог по откупам рыбной ловли в Балаклавской бухте, и батальонной общественной земле и хранящихся при батальонном казенном ящике» от 1 августа 1861 г. Здесь сообщалось, что из 693 руб. 33 $\frac{1}{3}$ коп. серебром представлены по откупу батальонной общественной земли купцом Севастопольским 3-й гильдии Яковом Артомовым 193 руб. 33 $\frac{1}{3}$ коп., и представлены по откупу рыбной ловли в Балаклавской бухте иностранцем Николаем Бакка 500 руб. сданы в присутствии Комиссии по распределению земель³⁵.

VII. Квитанции и ведомости батальона о передаче денег, служащих, зданий, имущества в ведение городского

гражданского управления г. Балаклавы и вооружения, боеприпасов, медикаментов и инструментов в другие воинские части и госпитали.

Квитанция о передаче в Таврический гарнизонный батальон вещей и денег от 23 марта 1860 г. Свидетельствовалось, что прaporщиком Гинали доставлено: «[...] холста рубашечного сто тридцать восемь аршин, подкладочного девятнадцать, фланманского полотна четыре аршина восемь вершков и деньги шестьдесят четыре рубля пятьдесят четыре копейки серебром»³⁶.

Квитанция конторы Симферопольского военного госпиталя командиру батальона о доставлении от него лазаретных вещей от 24 марта 1861 г. Были доставлены солдатские холщовые колпаки, тюфяки, рубахи, утиральники, пододеяльники, одеяла, туфли кожаные, фуфайки, посуда (чайник, тазы, кружки) и др.³⁷

Квитанция о получении комиссариатских вещей складом в г. Симферополе от 24 марта 1860 г. Были приняты на склад «сумы патронные с перевязями, бывшие в большом употреблении старого образца [...], всего двести десять штук»³⁸.

Квитанция о передаче хирургических инструментов Севастопольскому морскому госпиталю от 20 июня 1860 г. Госпиталем были получены: батальонный ящик с инструментами в кожаном чехле один, скарификатор³⁹, два акушерских карманных набора, 6 штук кровососных стеклянных банок малой величины и другие⁴⁰.

5) Квитанция о принятии лекарем аптеки Севастопольского морского госпиталя от лазарета батальона припасов, материалов и посуды от 20 июня 1860 г.⁴¹

6) Ведомость доставленных в Севастопольскую крепостную артиллерию боеприпасов от 18 июля 1861 г.

Было доставлено: а) «3100 боевых патронов разной величины и веса с крупными пулями, помятых и помаранных, без отвертки и обвязки гильз, в пачках по десяткам не годных пороху мушкетного крупного, с пылью и мякотью, требующего просейки, годного 1 пуд; свинца в пулях на переплавку годного 4 пуда 31 фунт; гильз для холостых патронов, годных 1650»; б) «оставшихся от прак-

тических занятий пороху мушкетного крупного 2 пуда 27 фунтов [...] с большой мякотью; капсюлей годных без гильз 4022; гильз помятых и помаранных от разряженных патронов 1450»⁴².

Квитанция, данная командиру батальона Балаклавским градоначальником о принятии имущества и чинов от 1 августа 1861 г.

В ведение городского управления поступили: «1) Служившие нижние чины, как отставные, так и поселенцы, по спискам. 2) Здания, находящиеся в Балаклаве по описи, с имуществом. 3) Денежные суммы, а именно: экономической — 2682 руб. 33 коп., находящейся в залоге за оброчные статьи 693 руб. 33 коп., якорной и ластовой 2099 руб. 65 коп., а всего 4075 руб. 31 коп. серебром; банковских билетов на сумму 1042 руб. 17 коп.».

5) Письменные дела Канцелярии батальона и Экономического и Опекунского комитетов по описям⁴³. Все перечисленное было по описям и ведомостям передано в Комиссию по распределению земель, учрежденную в Балаклаве, в связи с ликвидацией батальона.

Документы, указанные в данной статье дают представление о деятельности батальона, как военной, так и хозяйственной, которые могут заинтересовать ученых-историков России и Греции, а также всех интересующихся историей службы греков в российской армии во второй половине XVIII — первой половине XIX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кибовский А.В. Невозможно иметь больше мужества, отважности и усердия к службе, колику оное войско изъявило. Балканские славяне на службе в русской армии и флоте. 1775–1797 гг. // Военно-исторический журнал (далее — ВИЖ). № 7. 2008. С. 61; Донской А.Ю. Греки на военной службе. Материалы Военно-ученого архива о греческих формированиях в Российской армии 2-й половины XVIII — первой половины XIX в. // Вестник архивиста. 2008. № 1. С. 37; Он же. Источники о греческих военных формированиях в Российской империи во второй половине XVIII — первой половине XIX в. // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания. Доклады и тезисы XIV научной конференции. В честь С.О. Шмидта. 18–19 апреля 2002 г. РГГУ. М., 2002. С. 200; Он же. Греческие военные формирования в России в середине XVIII — первой половине XIX в. // Актуальные вопросы российской военной истории. Материалы XXIII Всероссийской заочной научной конференции. СПб.,

2001. С. 29; *Звегинцов В.В. Хронология русской армии. 1700–1917. Ч. 1. Париж, 1961. С. 54; Хроника российской армии с приложением рисунков знамен и штандартов, составленная по высочайшему повелению. Кн. 18. СПб., 1841. С. 377; Дружинина Е.И. Северное Причерноморье. 1775–1800. М., 1959. С. 191.*
- ² *Кибовский А.В. Указ. соч. С. 61; Дружинина Е.И. Указ. соч. С. 191; Она же. Южная Украина 1800–1825. С. 71.*
- ³ *Кибовский А.В. Указ. соч. С. 62–64; Дружинина Е.И. Северное Причерноморье. 1775–1800. С. 191; Она же. Южная Украина... С. 71; ПСЗ. СПб., 1830. Т. 20. № 14284. Пинчук С.А. Балаклавский Греческий пехотный батальон в первой четверти XIX в. Греки Севастополя и Балаклавы. М., 2013. С. 14.*
- ⁴ *Российский государственный военно-исторический (далее — РГВИА). Ф. 15819. Оп. 1. Д. 1. Л. 10 об.; Пинчук С.А. Балаклавский Греческий пехотный батальон... С. 15; Пряхин Ю.Д. Некоторые аспекты появления в Крыму Греческого пехотного полка, его размещение в Балаклаве, служба воинов греков. Греки Севастополя и Балаклавы. М., 2013. С. 7.*
- ⁵ *Кибовский А.В. Их форма, оружие и строевая подготовка были более чем удовлетворительны. Балканские славяне на службе в русской армии и флоте. 1803–1859 // ВИЖ. 2008. № 8 С. 79; Дружинина Е.И. Южная Украина 1800–1825. С. 119; СВП. Ч. 1. Кн. 2. СПб., 1838. № 2690; СВП. Изд. 2. СПб., 1859. Ч. 1. Кн. 2. № 4879; Хроника батальонов Отдельного корпуса внутренней стражи и Балаклавского Греческого пехотного батальона. СПб., 1841. С. 378; Хроника российской армии... СПб., 1841. Т. 18. С. 378.*
- ⁶ *1 ПСЗ. СПб., 1830. Т. 20. № 14284.*
- ⁷ *СВП. СПб., 1838. Ч. 1. Кн. 2. № 2697; СВП. СПб., 1859. Ч. 1. Кн. 2. № 4886; ПСЗ. СПб., 1830. Т. № 24413; РГВИА. Ф. 15819. Оп. 1. Д. 1. Л. 49.*
- ⁸ *Кибовский А.В. Указ. соч. // ВИЖ. 2008. № 8. С. 79; Дружинина Е.И. Южная Украина в период кризиса феодализма 1825–1860. М., 1981. С. 16. СВП. СПб., 1838. Ч. 1. Кн. 2. № 2696; СВП. 1859. Ч. 1. Кн. 2. № 4885; ПСЗ. СПб., 1830. Т. 24. № 17915.*
- ⁹ *РГВИА. Ф. 15819. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.*
- ¹⁰ *Кибовский А.В. Указ. соч. // ВИЖ. 2008. № 8. С. 80; Дружинина Е.И. Южная Украина 1800–1825. М., 1970; ПСЗ. СПб., 1830. Т. 24. № 17915.*
- ¹¹ *СВП. СПб., 1830. Ч. 1. Кн. 2. № 2699; СВП. Изд. 2. СПб., 1859. Ч. 1. Кн. 2. № 221000.*
- ¹² *СВП. СПб., 1838. Ч. 1. Кн. 2. № 2700; СВП. СПб., 1859. Изд. 2. Ч. 1. Кн. 2. № 4890.*
- ¹³ *СВП. СПб., 1838. Ч. 1 Кн. 2. № 2702; СВП. Изд. 2. СПб., 1859. Ч. 1. Кн. 2. № 4892; ПСЗ. 1830. Т. 35. № 27507.*
- ¹⁴ *СВП. СПб., 1838. Ч. 1. Кн. 2 № 2704; ПСЗ. 1830. Т. 35. № 27507.*
- ¹⁵ *Кибовский А.В. Указ. соч. // ВИЖ. 2008. № 8. С. 79–80.*
- ¹⁶ *РГВИА. Ф. 15819. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–1 об.; Там же. Ф. 405. Оп. 6. Д. 15326. Л. 116. РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Д. 7226. Л. 2 об., 6; Там же. Оп. 6. Д. 7339. Л. 9–9 об., 11–11 об., 13–14, 17–17 об., 20–20 об., 23–23 об., 26–26 об., 31–31 об.; Там же. 6. Д. 13301. Л. 2; Там же. Д. 3875. Л. 10, 16; Там же. Д. 7939. Л. 2–3, 16–16 об.; Там же. Д. 3649. Л. 37–37 об.*
- ¹⁷ *Приказ военного министра за 1859 г. № 255; Приказ военного министра за 1858 г. № 216; Хроника российской армии... Т. 18. СПб., 1841. С. 380; Хроника батальонов Отдельного корпуса внутренней стражи и Балаклав-*

ского Греческого пехотного батальона. СПб., 1841. С. 380; Звегинцов В.В. Хронология русской армии. 1700–1917. Т. 2. Париж, 1962.

¹⁸ РГВИА. Ф. 15819. Оп. 1. Д. 1. Л. 56–56 об.

¹⁹ Там же. Л. 57.

²⁰ Там же. Л. 57 об.

²¹ Там же. Л. 57 об.

²² Там же. Л. 1.

²³ В деле отсутствуют.

²⁴ Дружинина Е.И. Южная Украина 1800–1825. М., 1970; СВП. СПб., 1838.

Ч. 1. Кн. 2. № 2690; СВП. Изд. 2. СПб., 1859. Ч. 1. Кн. 2. № 4879.

²⁵ РГВИА. Ф. 15819. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2.

²⁶ Там же. Л. 2.

²⁷ Там же. Л. 2.

²⁸ Там же. Л. 10.

²⁹ Там же. Л. 28.

³⁰ Там же. Л. 34.

³¹ Там же. Л. 29.

³² Там же. Л. 27–27 об.

³³ Там же. Л. 30.

³⁴ Там же. Л. 24–24 об.

³⁵ Там же. Л. 25.

³⁶ Там же. Л. 38.

³⁷ Там же. Л. 35–36.

³⁸ Там же. Л. 32.

³⁹ Хирургический прибор для нанесения насечек на коже.

⁴⁰ РГВИА. Ф. 15819. Оп. 1. Д. 1. Л. 37.

⁴¹ Там же. Л. 37.

⁴² Там же. Л. 39.

⁴³ Там же. Л. 34.

**Ольга Евгеньевна ПЕТРУНИНА,
д.и.н., профессор МГУ им. М.В. Ломоносова**

**Российский
дипломатический агент
в Каире И.М. Лекс (1868–1883)
и греки Египта***

Иван Михайлович Лекс (13.07.1834–26.01.1883) — один из тех российских дипломатов, которые не занимали руководящих постов в Министерстве иностранных дел, но своей многолетней повседневной работой творили российскую внешнюю политику. Иван Михайлович родился в семье товарища министра внутренних дел и сенатора Михаила Ивановича Лекса (1793–1856), происходившего, вероятно, из иностранцев. По всей видимости, память об этом происхождении осталась в иногда употреблявшейся приставке «де» к фамилии: де Лекс. Так Ивана Михайловича часто называли иностранцы в годы его дипломатической службы.

В 1851 г. Лекс окончил самое элитное военно-учебное заведение Российской империи — Пажеский корпус. Там он, несмотря на два года разницы, сошелся со своим будущим начальником, выдающимся дипломатом Н.П. Игнатьевым. Доступ в Пажеский корпус был открыт только для отпрысков титулованных и древних дворянских родов, а также для сыновей государственных сановников, имевших чин не ниже III класса Табели о рангах. Отец Лекса имел чин тайного советника (III класс), что давало сыну право поступления в корпус. Учился Иван Михайлович хорошо и по результатам выпускного экзамена был отнесен к первому разряду, что давало право получить чин подпоручика или корнета гвардии. Окончив корпус в 1851 г., Лекс был произведен в корнеты лейб-гвардии

* Статья написана при поддержке гранта РГНФ 16-01-00306.

Уланского полка. Однако его дальнейшую карьеру военного нельзя назвать успешной. Боевым офицером он не стал, а служил при штабах и канцелярии Военного министерства.

В 1862 г. Лекс оставил военную службу и был переведен в Азиатский департамент Министерства иностранных дел, который тогда возглавлял его однокашник Н.П. Игнатьев. Окончив Пажеский корпус всего двумя годами ранее Лекса, Игнатьев затем с отличием окончил Военную академию и уже проявил себя как талантливый дипломат. В 1856 г. он участвовал в завершившей Крымскую войну Парижской мирной конференции, где сумел добиться уменьшения территориальных потерь России в Бессарабии. После этого успеха Игнатьев перешел на дипломатическую службу, на которой вскоре последовали новые достижения: в 1858 г. Игнатьев от имени России заключил договор с бухарским ханом, а в 1860 г. — Пекинский договор с Китаем. Важность этого договора для России трудно переоценить: он закреплял за ней Приморье и юг Хабаровского края, давая возможность полноценного развития в Азиатско-Тихоокеанском регионе. За этот успех Игнатьев был пожалован орденами и генеральским чином, а затем, в августе 1861 г., назначен директором Азиатского департамента МИД.

Память о юношеской дружбе открывала для Лекса возможность частной, а не только служебной переписки с Игнатьевым. Хранящиеся в фонде Н.П. Игнатьева в ГАРФ частные письма И.М. Лекса Н.П. Игнатьеву — это бесценный источник сведений о событиях в Египте в 1860-е — нач. 1870-х гг. и российской политике на Православном Востоке. Из писем И.М. Лекса мы узнаем некоторые подробности о завершающем этапе строительства Суэцкого канала и его помпезном открытии, общественно-политической жизни Египта в 1860–1870-е гг., его экономике и финансах, об обстановке, в которой проходила отмена ограничительных для России статей Парижского мира 1856 г., завершившего Крымскую войну, о покупке англичанами Суэцкого канала... Лексу довелось общаться с яркими общественными, политическими и военны-

ми деяниями: протоиереем М.Ф. Раевским, генералом Р.А. Фадеевым, естествоиспытателем Г.А. Швейнфуртом, нейрофизиологом А.И. Бабухиным. Впечатления от этого общения также нашли отражение на страницах его писем.

Переписка между Лексом и Игнатьевым велась на протяжении многих лет: с начала 1860-х почти до конца 1870-х гг. Она практически прекращается к началу русско-турецкой войны 1877–1878 гг.: на время войны Лекс был отзван из Египта, а по ее окончании Игнатьев был уволен в отставку.

В своих письмах Лекс имел возможность не только обращаться с личными просьбами к своему начальнику, но также сообщать ему дополнительные, часто неформальные подробности событий, происходивших вокруг него, более откровенно высказывать свое мнение о них и объяснять свои действия и действия своих сотрудников и коллег. Эта откровенность была полезной для обеих сторон: она поддерживала живую связь между одним из руководителей российской внешней политики и его дипломатическим агентом, иногда позволяла решать возникавшие проблемы быстрее, чем формально-бюрократическим путем.

Вскоре после своего перевода в Азиатский департамент Лекс был назначен консулом в Галац. В это время в России полыхало польское восстание, которому тайно помогали некоторые иностранные государства. В Галаце Лексу пришлось столкнуться с таким двуличием местных властей: официально они не поддерживали польских повстанцев, но на практике тайно помогали им¹. Цель такой политики очевидна: еще не успев окончательно оформить единое государство, румынская политическая элита уже думала о расширении территории, в частности, о возвращении Бессарабии, которую считала своей. Добиться этого можно было лишь при слабости Российской империи, соответственно надо было всячески ее расшатывать.

Уже на следующий, 1863 г., Лекс по его собственной просьбе был переведен в более значимый консулат в Яссах, где «и сама жизнь удобнее и веселее»². Во время своего пребывания в Яссах И.М. Лекс наблюдал, каким не-

простым путем шел процесс создания единого румынского государства. С одной стороны, объединение сулило Молдавии и Валахии несомненные экономические и внешне-политические выгоды, но с другой — лишало молдавскую элиту ее прежнего политического статуса и самостоятельности. Даже название нового государства Румыния было валашского происхождения: княжество Валахия имело также название Румынская земля (*Tara Românească*). И хотя правителем Объединенного княжества Молдавии и Валахии стал молдаванин А. Кузя, молдавское боярство не было горячим сторонником объединения и даже пыталось ему сопротивляться. Молдавская элита традиционно была тесно связана с Россией, поэтому ослабление ее позиций означало и ослабление позиций России, которые уже серьезно пошатнулись в результате поражения в Крымской войне. Ее место пытаясь занять Франция, на которую ориентировалось валашское боярство. Для валашской элиты Франция была мостиком, вводившим ее в семью романских народов. Если в XVI–XVIII вв. элита обоих княжеств считала себя наследницей Византии, то в XIX в. все большую популярность набирало обращение к мнимому и реальному наследию римской провинции Дакия. Обращение к древнеримскому прошлому способствовало выреванию концепции единой румынской нации.

В 1866 г. Лекс стал свидетелем последнего всплеска антиунионистского движения в Молдавии — яссской демонстрации 3 апреля³. Вскоре это движение угасло не в результате проводившейся пришедшим на смену А. Кузе регентством политики грубой силы, а благодаря гибкости нового правителя страны, немецкого принца Карла Гогенцоллерна-Зигмарингена, ставшего впоследствии королем под именем Кароля I. В частности, Карл амнистировал всех участников апрельской демонстрации. С его прибытием страна обрела мудрого и способного правителя, которому удалось не только сохранить и упрочить ее единство, но и добиться решения многих насущных проблем.

Вскоре после приезда Карла в Бухарест Лекс покидает страну. Он давно просил Игнатьева, в это время уже посланника в Константинополе, поспособствовать его пе-

реводу в Египет по семейным обстоятельствам: в Египте приходилось жить жене Ивана Михайловича Марии Сергеевне, имевшей проблемы со здоровьем⁴. В ноябре 1866 г. Лекс прибыл наконец в Египет, где ему суждено было остаться на службе до конца жизни. Пребывание Лекса в Египте было прервано лишь русско-турецкой войной 1877–1878 гг., когда российские дипломаты покинули пределы Османской империи. По окончании войны И.М. Лекс вернулся к своим обязанностям.

В то время Египет не был независимым государством, а входил в состав Османской империи. Но в ней он занимал особое положение. Еще в начале XIX столетия фактическим правителем Египта стал выдающийся политик и военачальник Мухаммед Али, добившийся значительной автономии для страны и основавший собственную династию в ней. Мухаммед Али начал создавать собственную армию, существенно перестроил и модернизировал экономику, проводил практически независимую от Порты внутреннюю политику⁵. В 1831 г. он даже пошел на султана войной. Однако создать полностью независимое от власти османских султанов государство ему не удалось. Тем не менее достижения Мухаммеда Али можно считать большим успехом на фоне того, что происходило в других провинциях империи. Некоторые другие губернаторы-мусульмане, например янинский паша Али Тепелена или видинский паша Осман Пазвандоглу, тоже стремились к государственной независимости, однако их попытки выйти из-под суверенитета султана в конечном счете провалились. Успеха в создании независимых государств сумели добиться только христиане — сербы и греки, поскольку они пользовались поддержкой христианских европейских держав.

С 1863 г. Египтом управлял внук Мухаммеда Али Исмаил-паша (1863–1879). В 1867 г. он добился от султана официального признания титула хедива (в европейской традиции вице-короля), но все еще оставался вассалом султана. Такое положение Египта определяло статус и полномочия иностранных дипломатов в стране. Поскольку Египет не был полностью независимым, то держать в

нем посольство или миссию было невозможно, хотя этого требовало наличие в стране собственного правителя. Поэтому соответствующие обязанности возлагались на консульские учреждения. Российский генеральный консул в Египте И.М. Лекс был одновременно дипломатическим агентом России в этой стране.

Таким образом, полномочия Лекса в Египте далеко выходили за рамки консульских. Он должен был пристально следить за развитием политической и экономической ситуации в стране, ее международными связями, иметь контакты с влиятельными людьми и организациями, улавливать новые веяния в умонастроении хедива и его министерства.

Египет и его молодая династия имели тогда огромное значение для Османской империи. Она уже давно растеряла свою былую мощь. Империю уже в XVIII в. поразил внутренний кризис, вызванный прекращением завоеваний, распадом традиционной системы хозяйства, революцией цен. Султаны стали проигрывать войны европейцам, а затем из мятежных османских провинций стали образовываться независимые государства. Еще в начале столетия автономию, которая постепенно расширялась, получили сербы. Воспользовавшись благоприятной ситуацией, в 1867 г. Сербия добилась ликвидации на своей территории турецких военных баз и стала фактически полностью независимой от власти султана. В 1830 г. свое независимое национальное государство появилось у греков. И сербы, и греки стремились к расширению своей территории за счет владений султана. Часто при этом использовался лозунг необходимости освобождения рабощенных соплеменников. В 1866 г. мощное восстание греков произошло на принадлежавшем султану острове Крит. Опасаясь его потерять, султан обратился за помощью к своему египетскому вассалу, который отправил на Крит свои войска. Международная ситуация в это время была опасной для судьбы империи, поскольку между греками и сербами велись переговоры о создании военного антитурецкого союза, и позиция Египта имела не только чисто военное, но и дипломатическое значение. Анало-

гичным образом султан использовал военный потенциал Египта для подавления сепаратистских движений на Аравийском полуострове. Все эти обстоятельства способствовали повышению значимости египетского правителя.

Несмотря на свое полунезависимое положение, Исмаил-паша, как и его предшественники, стремился проводить собственную завоевательную политику в Африке. Завоевание Судана начал еще в 1820-е гг. Мухаммед Али. Опорным пунктом египтян стал основанный в 1823 г. в месте слияния Белого и Голубого Нила город Хартум. Еще одним объектом вожделений египетских пашей стала Эфиопия, называемая тогда Абиссинией. Но здесь интересы Исмаил-паши столкнулись с интересами англичан. В 1867–1868 гг. Великобритания организовала вооруженную экспедицию в эту страну с целью превращения ее в свою колонию. Армию абиссинского императора Теодроса II британским войскам удалось разбить благодаря использованию его врагов, однако начавшееся затем в стране освободительное движение вынудило колонизаторов эвакуировать свои войска. В 1874 г. хедив Исмаил отправил завоевательную экспедицию на юго-запад Судана, в Дарфур. На следующий год египетские войска взяли под контроль большую часть Сомали. В 1875–1876 гг. Египет организовал собственную военную экспедицию в Абиссинию и захватил ряд прибрежных территорий. Но не всегда эти экспедиции были успешными: осенью 1875 г. египтяне были наголову разбиты абиссинцами. В Каире, по словам И.М. Лекса, даже опасались абиссинского вторжения⁶.

Исмаил-паша продолжил политику своих предшественников по развитию местной экономики. Он проводил ирригационные работы, строил дороги и порты, развивал сельское хозяйство. Но успех не всегда ему сопутствовал: за взлетом цен на хлопок последовало их падение, значительная часть домашнего скота погибла во время эпизоотии. Самым масштабным проектом эпохи Исмаил стало строительство и введение в эксплуатацию Суэцкого канала, этого, по словам Жюля Верна, «великого творения господина Лессепса». Концессию на строительство

канала предприимчивый Фердинанд де Лессепс получил от предшественника Исмаила Саид-паши, с которым состоял в тесной дружбе, еще в 1858 г. Однако такой грандиозный проект требовал огромных инвестиций, которых у Лессепса не было. Кроме того, строительству канала противились англичане, которым принадлежала только что начавшая функционировать железная дорога из Александрии в Суэц.

При Саид-паше на строительстве канала принудительно и фактически бесплатно работали феллахи (египетские крестьяне). Придя к власти в 1863 г., Исмаил-паша по наущению англичан, заинтересованных в срыве проекта, обязал Лессепса платить рабочим. Это грозило проекту полной остановкой, так как своих денег у Лессепса не было. Он подал иск в международный арбитраж, который возглавил его свойственник французский император Наполеон III, который, как говорили, имел личную долю в акциях канала. Нетрудно догадаться, каким было решение этого арбитража. Все потери Лессепса были полностью компенсированы из египетской казны. В итоге канал был построен на средства Египта и обошелся в 300 млн франков и 100 тыс. жизней египтян, погибших и умерших от болезней во время строительства. Эти потери фактически разорили страну и создали предпосылки попадания Египта в зависимость от европейских держав, а затем превращения в английскую колонию. Некоторые подробности того, как это происходило, мы узнаем из писем И.М. Лекса⁷.

Суэцкий канал, торжественное и чрезвычайно помпезное открытие которого состоялось 17 ноября 1869 г., стал единственным удачным проектом Лессепса. Через десять лет он возглавил акционерное общество «Панама», которое должно было построить трансокеанский канал. Но на этот раз такого золотого дна как государственная казна не нашлось, и общество разорилось. Само слово «Панама» надолго стало символом колоссального мошенничества. В середине 1870-х гг. Лессепс предлагал русскому правительству проект строительства железной дороги из Оренбурга в Индию⁸, но он, к счастью, остался без внимания.

Как дипломатический представитель России за рубежом, Лекс должен был также способствовать укреплению ее влияния в стране. В случае с Египтом это означало необходимость поддерживать добрые отношения не только с правительством и хедивом, но также с местными христианскими общинами: коптами, греками, армянами.

Желая развить экономику страны, Мухаммед Али создал благоприятные условия для притока в Египет предприимчивых христиан. В результате численность греков, православных арабов и униатов из Сирии и Ливана, армян стала стремительно расти. Как записал со слов армянского архиепископа Гавриила неоднократно посещавший Египет русский историк и церковно-общественный деятель тогда еще архимандрит Порфирий (Успенский), армяне появились в Египте именно при Мухаммаде Али, а к 1860 г. их численность только в Каире достигала 1200 чел.⁹. С 1833 г. в Александрии функционировало греческое консульство. Посетив впервые Александрию в 1845 г. архимандрит Порфирий обнаружил там 750 греков, которые уже успели организовать свою школу и больницу¹⁰. Однако их состояние было еще довольно жалким по причине «несогласия и малонаселенности христиан»¹¹. По данным греческого консульства в Александрии, в 1847 г. в городе было 544 подданных греческого короля (не считая прочих греков), из которых 37 — крупные купцы¹². Помимо Каира и Александрии, православное население имелось и в других городах, например в Мансуре и Танте в дельте Нила¹³. В связи со строительством Суэцкого канала греческие общины возникли также в Порт-Саиде и Суэце.

Численность греческого населения в Египте продолжала быстро расти. К 1878 г. греки, согласно официальным данным, составляли свыше 20 тыс. чел.¹⁴. По данным самих греков, их было еще больше: в 1882 г. только подданных греческого короля в Египте было 37 тыс. чел.¹⁵. По впечатлению самих греков, почти вся египетская торговля находилась в их руках¹⁶.

Любопытно, что большинство египетских греков, а также предприимчивых выходцев из разных областей

Османской империи других национальностей либо были подданными других государств, либо пользовались покровительством иностранных консульств. Это связано с особой правовой ситуацией в Египте. С XVI в. Египет входил в состав Османской империи, некогда могущественного государства, наводившего ужас на Европу. Своим европейским союзникам османские султаны предоставляли экономические и правовые льготы в рамках особых договоров — капитуляций. В рамках режима капитуляций действовал режим юрисдикции экстерриториальности, ядром которого в каждом конкретном случае были консульства. Иностранные подданные имели особый статус, позволявший им пользоваться покровительством своих консульств. Этот статус могли получить и местные подданные, особенно в Египте, где система иностранного покровительства была более развита, чем, например, в турецких областях империи. Такому положению содействовал Мухаммед Али, стараясь привлечь в Египет переселенцев из разных стран.

Такая ситуация создавала юридический хаос, поскольку экстерриториальность предполагала применение иностранных норм права. Пользуясь этой системой и зависимым положением Египта, западные консульства часто злоупотребляли своими возможностями: они защищали коммерческие интересы подданных своих держав, которые часто приобретали это подданство или покровительство со стороны консульства именно с целью уйти не только от уплаты налогов, но и от всякой другой ответственности. Например, братья Фома и Георгий Киндинеко с этой целью несколько раз меняли подданство¹⁷. Известен случай, когда Александрийской полиции потребовалось допросить супружескую пару, имевшую греческое подданство. На поданный египетскими властями в греческое консульство запрос ответ был получен лишь через восемь месяцев¹⁸. Иногда консульства напрямую вмешивались в юрисдикцию местных властей. Один из таких случаев, отмечая, что он далеко не единственный, описывает Лекс: когда из гарема одного из египетских сановников сбежала женщина, за нее вступились сразу

несколько европейских консулов¹⁹. Свое вмешательство европейцы часто оправдывали необходимостью защитить единоверцев, подвергавшихся дискриминации²⁰. Действительно, действовавший тогда в Египте уголовный кодекс 1852 г., делил местных жителей на восемь неравноправных категорий, из которых всей полнотой прав обладали только мужчины-мусульмане. Кроме того, хотя это и не выражалось напрямую, но в судах принадлежность обвиняемого к христианству рассматривалась как отягчающее обстоятельство²¹.

Эта система действовала в Египте до 1876 г. Защищать интересы подданных российского императора приходилось и Лексу, причем эти подданные — Ковако, Дендрини — были преимущественно греками. Иногда желающих воспользоваться льготами консульского покровительства становилось так много, что сами консульства начинали тяготиться этим. И.М. Лексу даже пришлось лишить российского покровительства лиц, пользовавшихся им без оснований²².

Начиная с 1867 г. Исмаил-паша стремился ограничить консульскую юрисдикцию, но понимал, что полностью избавиться от нее не удастся, по крайней мере в короткий срок. Консульства европейских держав и пользовавшихся их покровительством бизнесменов это категорически не устраивало. Препятствия на этом пути чинило и сultансское правительство. Поэтому египетские власти предложили компромиссное решение: создать смешанные суды, в которых разбирались бы дела сторон, принадлежавших к разным юрисдикциям. Но даже этой уступки Египту пришлось добиваться годами: смешанные суды стали функционировать только в 1875 г. В работе этих судов должны были участвовать как местные, так и иностранные судьи. Российская сторона также прислала своих представителей для участия в работе этих судов. Первыми стали А.К. Мурузи и А.М. Кумани.

При преемниках Мухаммеда Али Египет продолжал привлекать иммигрантов не только тем, что статус экспатрианта давал освобождение от местных налогов, но и подъемом экономики, вызванным внешними

факторами: в 1850-е гг. это была Крымская война, открывшая широкую перспективу вывоза из Египта сельскохозяйственных культур, в 1860-е гг. — гражданская война в США, вследствие которой цена на хлопок в Европе выросла в 4 раза. Предприимчивые греки быстро воспользовались этой ситуацией к своей выгоде. Они за короткое время сколотили огромные состояния. К числу этих выросших на торговле хлопком и других прибыльных предприятиях в Египте принадлежали такие крупные представители греческой бизнес-, а затем и политической элиты, как Михаил Тосицас, Стефанос Зизиниас, Георгий Авероф, Эммануил Бенакис. Большинство из них действовало не в одиночку, а целыми семьями, создавая таким образом особые сетевые структуры, обеспечивающие успех общего бизнеса. Например, один из братьев Зизиниас был греческим консулом в Марселе, другой — греческим консулом в Одессе. Они также увеличивали свои капиталы за счет матrimониальных связей. Так, М. Тосицас и С. Зизиниас сообща владели $\frac{3}{4}$ земли в Александрии.

К середине столетия усилиями преуспевающих бизнесменов у греков были созданы общественные организации — общины и благотворительные учреждения. Эти общины были совершенно новым явлением в общественной жизни крупных городов, где на протяжении столетий единственной легитимной общественной организацией православного населения была Александрийская церковь. Патриархия, хотя и очень бедная по причине малочисленности своей паствы, старалась выполнять не только чисто церковные, но и социальные функции, например поддерживать бедных. С появлением общин, которыми руководили энергичные и социально активные люди, эта традиционная монополия Церкви была оспорена. Трения между Патриархией и общинами начались из-за соперничества за руководство благотворительными учреждениями. Затем общины стали претендовать и на участие в делах самой Патриархии.

Похожим образом и по тем же причинам обострились отношения между Церковью и мирянами и у армян. Од-

нако такой острой формы, как у греков, этот конфликт не приобрел.

Приехав в Египет, Лекс обнаружил конфликт между греческими общинами и Патриархией в полном разгаре и сам стал одним из его активных участников. В начале 1866 г. в Египет прибыл новый Александрийский патриарх Никанор, избранный на престол при поддержке русской дипломатии. В частности, российский посол в Константинополе Н.П. Игнатьев получил инструкции приложить к этому все усилия²³.

Это был важный шаг на пути к реальной, а не nominalной самостоятельности Александрийской церкви. Много столетий она находилась под властью мусульманских правителей, ее паства сократилась до того, что в какой-то момент единственным архиереем этой Церкви остался патриарх. В это время Александрийская патриархия фактически потеряла свою самостоятельность, попав в зависимость от Константинопольского патриарха. Престол Св.Марка почти не имел собственных доходов, патриархи назначались в Константинополе и рассматривали патриаршество в Александрии как ступеньку к патриаршему престолу в Константинополе. Поскольку большую часть православных в Египте составляли греки, то и духовенство Александрийской церкви было исключительно греческим.

В связи с быстрым ростом числа православных прихожан (начиная с эпохи Мухаммеда Али) это положение становилось все менее терпимым. Стремление египетской Церкви к самостоятельности поощряла Россия, заинтересованная в ослаблении влияния Константинопольского патриархата, который в это время все более становился выразителем греческих узконациональных, а не вселенских православных интересов.

До своего патриаршества Никанор в качестве представителя Александрийского престола много лет провел в России, где зарекомендовал себя как способный администратор. Он много сделал для организации Александрийского подворья в Москве, успешно собирая пожертвования в пользу патриархии. Предполагалось, что он сумеет так-

же успешно руководить и всей Александрийской церковью. Но, прибыв в Египет, Никанор столкнулся с очень сложной ситуацией. С одной стороны, на Патриархию оказывал давление Константинополь, с другой — греческие общины Египта. Вместо того чтобы стать союзниками патриарха в борьбе за реальную независимость Церкви, они преследовали свои собственные интересы, внося в Церковь раздор и нестроения. Этим положением к своей выгоде пытались воспользоваться некоторые представители греческого духовенства, мечтавшие о патриаршем престоле. Вскоре Никанор перенес инсульт, последствия которого ставили под вопрос его способность далее управлять Церковью. Никанор назначил местоблюстителя патриаршего престола, который должен был затем его занять, а противники патриарха тут же пустили слух о его слабоумии²⁴.

Слабостью патриарха и претензиями общин воспользовался афонский монах архимандрит Евгений Ксиропотамский. Прежде он управлял одним из монастырских метохов (зависимых монастырей) в Молдавии и вернулся оттуда очень богатым человеком²⁵. Евгений был близок с Александрийским патриархом Каллиником (1858–1861) и надеялся стать его преемником. Но в 1861 г. это ему не удалось, так как многие представители духовенства и мирян были против него. Их, в частности, смущало его аморальное поведение²⁶.

Узнав о том, что у патриарха Никанора проблемы со здоровьем, архимандрит Евгений решил попытать счастья второй раз. Весной 1867 г. он прибыл в Египет²⁷ и сразу развернул активную деятельность против действующего патриарха. Его усилия не пропали даром: российские дипломаты стали подозревать, что, пользуясь слабостью патриарха, приближенные к нему лица пытаются скрыть свои финансовые махинации и потому противятся новому претенденту на патриарший престол²⁸. Поэтому российский дипломатический агент в Каире получил инструкции поддерживать Евгения, которых он и придерживался²⁹. Но вскоре стало ясно, что архимандрит Евгений не имеет должного авторитета среди египетских

греков. С его прибытием ситуация вокруг патриаршего престола не только не разрешилась, но даже ухудшилась: он силой овладел патриаршими резиденциями в Каире и Александрии, устроил физическую расправу над патриархом Никанором и верными ему архиереями³⁰. Эти действия лишили Евгения поддержки со стороны местных греков, Константинопольской патриархии и российской дипломатии. Последней стало ясно, что Александрийской церкви нужен новый пастырь: авторитетный и опытный администратор, способный вместе с Россией отстаивать независимость престола Св. Марка от посягательств со стороны Фанара и светских организаций.

Новым претендентом на патриарший престол стал еще один афонский монах, архимандрит Нил Эсфигменит. Прежде Нил также управлял афонскими метохами в Молдавии, активно защищал их от посягательств со стороны местных правительств, опираясь на российскую поддержку. Во второй половине 1850-х — первой половине 1860-х гг. архимандрит Нил был эпиропом (представителем интересов) всех афонских обитателей в Дунайских княжествах, затем Константинопольский патриарх Кирилл VII назначил его полномочным представителем Патриархии для ведения переговоров с правительством Соединенных княжеств Молдавии и Валахии по вопросу о судьбе церковных имуществ³¹. Благодаря своей энергичной и плодотворной деятельности, архимандрит Нил пользовался большим авторитетом. Кроме того, он считался одним из самых образованных представителей духовенства своего времени³². Все это дало ему возможность в 1867 г. претендовать на Константинопольский патриарший престол наравне с архиереями³³. Однако патриархом был вторично избран Григорий VI (Фуртуниадис). Многие годы архимандрит Нил тесно сотрудничал с российскими дипломатами, будучи уверенным, что только Россия способна эффективно защитить интересы Восточных церквей как от притеснений со стороны гражданскихластей, так и от претензий различных частных и групповых интересов³⁴. В свою очередь, он мог рассчитывать на поддержку российской дипломатии в делах Александрийской церкви.

Архимандрит Нил прибыл в Египет в конце 1868 г.³⁵. Весной 1869 г. он был рукоположен в митрополита Пентапольского, затем избран патриархом³⁶. Но тут в ход событий вмешался Фанар, под надуманным предлогом отказавшийся признать нового патриарха. Это препятствие российская дипломатия преодолеть не смогла. Уже осенью того же года И.М. Лекс советовал новоизбранному патриарху Нилу смириться и покинуть Египет³⁷.

В итоге и сторонники патриарха Никанора, и его противники потерпели поражение. Победителем стала третья сторона — Константинопольская патриархия, вмешательство которой и решило вопрос о новом Александрийском патриархе. Им надолго стал бывший Константинопольский патриарх Софроний. Движение Александрийской церкви на пути к самостоятельности остановилось. В определенном смысле это было и поражением российской дипломатии, стремившейся через поддержку автокефальных Восточных церквей уменьшить влияние Константинопольского патриархата, который во второй половине столетия все более становился не столько центром Вселенского Православия, сколько инструментом борьбы за греческую Великую идею. Тем не менее авторитет России и ее дипломатического представителя в Египте был очень высок. Как замечал архимандрит Нил со ссылкой на египетского премьер-министра, в Египте «ничего нельзя добиться без помощи господина де Лекса»³⁸.

Тема борьбы за патриарший престол в Александрийской церкви была одной из основных в письмах Лекса тех лет. Но с церковными отношениями были связаны и другие проблемы. Прибытие Лекса в Египет произошло в момент очередного обострения синайского вопроса, любопытные подробности которого запечатлены на страницах писем к Н.П. Игнатьеву.

Синайский вопрос представлял собой многовековой спор о том, какой Церкви — Александрийской или Иерусалимской — должен подчиняться монастырь Св. Екатерины на горе Синай и его подворье в Каире. Традиционно Синайский монастырь входил в юрисдикцию Иерусалимской патриархии, со временем приобрел авто-

номию в ее составе. Настоятель монастыря возводился в сан архиепископа. Однако Александрийские патриархи были этим недовольны, полагая, что монастырь и, во всяком случае, его подворье находятся на его территории. Многочисленные конфликты между двумя Церквами часто приходилось улаживать при посредничестве Константинопольского патриарха, для которого это всегда был отличный повод вмешаться в дела других Церквей³⁹.

В 1866 г. у братии монастыря возник конфликт со своим настоятелем, в разрешение которого опять была вовлечена Константинопольская патриархия. В итоге братия избрала нового настоятеля и сумела добиться его официального признания и в Иерусалиме, и в Константинополе. Изгнанный синайской братией архиепископ Кирилл (Стрекидис) (1859–1866) был протеже своего предшественника — архиепископа Константия (1805–1830 и 1834–1859), выпускника Киевской духовной академии и Константинопольского патриарха (1830–1834), известного своим русофильством. Но когда архиепископ Кирилл обратился за помощью к И.М. Лексу, тот не смог оказать ему поддержку: против него были настроены симпатизировавший России Иерусалимский патриарх Кирилл II, патриарх Никанор и верные ему синайские монахи⁴⁰. В этих обстоятельствах изгнанный настоятель уже не сумел восстановить своих позиций в монастыре.

Все эти события ясно показывают, какую важную роль в египетских делах вообще и в делах греческой диаспоры в Египте играл российский дипломатический агент И.М. Лекс. Покровительство российского генерального консула помогало греческим бизнесменам вести свои дела, улаживать споры с египетским правительством. От позиции российской дипломатии во многом зависело разрешение создавшейся конфликтной ситуации вокруг патриаршего престола, судьба патриарха Никанора и его сторонников, самостоятельность Александрийской церкви. Для самой России египетское направление было важной составляющей политики на Православном Востоке, особенно в связи с резким численным ростом его православного населения, традиционно служившего опорой российского влияния в Османской империи.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 730. Оп. 1. Д. 3291. Л. 1–2 об. И.М. Лекс — Н.П. Игнатьеву, 6.07.1863.
- ² ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 3291. Л. 4. И.М. Лекс — Н.П. Игнатьеву, 6.07.1863.
- ³ ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 3291. Л. 9–9 об. И.М. Лекс — Н.П. Игнатьеву, 14.04.1866.
- ⁴ ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 3291. Л. 7–8. И.М. Лекс — Н.П. Игнатьеву, 11.02.1866.
- ⁵ Подробнее см.: Зеленев Е.И. Египет: Средние века. Новое время. СПб., 1999. С. 211–250.
- ⁶ ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 3291. Л. 336–336 об. И.М. Лекс — Н.П. Игнатьеву, 14.11.1875.
- ⁷ ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 3291. Л. 106 об.–107 об., 161 об.–163, 340–341 об. и др. И.М. Лекс — Н.П. Игнатьеву, 13.04.1869, 17.02.1871, 19.11.1875 и др.
- ⁸ ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 3305.
- ⁹ Порфирий (Успенский). Книга бытия моего. Дневники и автобиографические записки епископа Порфирия Успенского. Т. VII. Часть 1854 года и годы 1855, 1856, 1857, часть 1858 и годы 1859, 1860 и часть 1861-го. СПб., 1901. С. 321, 333.
- ¹⁰ Порфирий (Успенский). Книга бытия моего. Дневники и автобиографические записки епископа Порфирия Успенского. Ч. II. Годы 1844 и 1845. СПб., 1895. С. 377–382.
- ¹¹ Там же. С. 377.
- ¹² Politis A.G. L'Hellénisme et l'Égypte moderne. Tome 1er. Histoire de l'hellénisme égyptien de 1798 à 1927. Paris, 1929. P. 243–244.
- ¹³ Порфирий (Успенский). Книга бытия моего. Дневники и автобиографические записки епископа Порфирия Успенского. Т. VII. С. 298.
- ¹⁴ Fahmy Z. Jurisdictional Borderlands: Extraterritoriality and «Legal Chameleons» in Precolonial Alexandria, 1840–1870 // Comparative Studies in Society and History. 2013. Vol. 55 (2). P. 313.
- ¹⁵ Politis A.G. L'Hellénisme et l'Égypte moderne. Tome 1er. Histoire de l'hellénisme égyptien de 1798 à 1927. Paris, 1929. P. 527.
- ¹⁶ Politis A.G. L'Hellénisme et l'Égypte moderne. Tome second. Contribution de l'hellénisme au développement de l'Égypte moderne. Paris, 1930. P. 198.
- ¹⁷ Fahmy Z. Op. cit. P. 321–325.
- ¹⁸ Peters R. The Infatuated Greek. Social and Legal Boundaries in Nineteenth-century Egypt // Égypte/Monde arabe. № 34. 1998. P. 57.
- ¹⁹ ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 3291. Л. 80 об.–82 об. И.М. Лекс — Н.П. Игнатьеву, 30.10.1867.
- ²⁰ Женщина, сбежавшая из гарема, скорее всего, была христианкой, поскольку держать в рабстве мусульман в исламских странах запрещено.
- ²¹ Peters R. Op. cit. P. 53–64.
- ²² ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 3291. Л. 102. И.М. Лекс — Н.П. Игнатьеву, 15.04.1868.
- ²³ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 431. Л. 86–86 об. П.Н. Стремоухов — Н.П. Игнатьеву, отношение от 17.02.1866.
- ²⁴ Подробнее об этих событиях см.: Петрунина О.Е., Вах К.А. Слабоумие Александрийского патриарха Никанора (1866–1869): правда или вымысел? // Каптеревские чтения. Сб. ст. Вып. 12. М., 2014. С. 82–97.

- ²⁵ Γεδεών Μ. Ἀποσημειώματα χρονογράφου. 1800–1913. Ἐν Αθήναις, 1932. Σ. 209.
- ²⁶ Πορφυριй (Успенский). Книга бытия моего. Дневники и автобиографические записки епископа Порфирия Успенского. Т. VII. С. 319.
- ²⁷ Χαμχούγιας Χ. Ο Οἰκουμενικός Πατριάρχης Κωνσταντινουπόλεως Γρηγόριος ΣΤ' ὁ Φουρτουνιάδης εν μέσω ἔθνικῶν καὶ ἔθνοφυλετικῶν ἀνταγωνισμῶν. Διδακτωρική διατριβή. Θεσσαλονίκη, 2006. Σ. 362.
- ²⁸ ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 3291. Л. 38. И.М. Лекс — Н.П. Игнатьеву, 23.04/05.05.1867.
- ²⁹ ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 3291. Л. 39–50 об., 57–60. И.М. Лекс — Н.П. Игнатьеву, 30.05.1867; 6/18.06.1867; 20.06/02.07.1867; 15/24.08.1867; 28.08.1867.
- ³⁰ Подробнее см.: *Петрунина О.Е., Вах К.А.* Ук. соч. С. 82–97.
- ³¹ Δελικάνης Κ. Περιγραφικὸς κατάλογος τῶν ἐν τοῖς κώδιξι τοῦ Πατριαρχικοῦ Ἀρχειοφυλακείου σωζόμενων ἐπισήμων ἐκκλησιαστικῶν ἔγγραφων περὶ τῶν ἐν Ἀθῷ μονῶν. 1630–1863. Ἐν Κωνσταντινουπόλει, 1902. Σ. 121, 123, 131–132; Δελικάνης Κ. Πατριαρχικῶν ἔγγραφων τόμος τρίτος ἡτοι τὰ ἐν τοῖς κώδιξι τοῦ Πατριαρχικοῦ Ἀρχειοφυλακείου σωζόμενα ἐπίσημα ἐκκλησιαστικὰ ἔγγραφα τὰ ἀφορῶντα εἰς τὰς σχέσεις τοῦ Οἰκουμενικοῦ Πατριαρχείου πρὸς τὰς Ἐκκλησίας Ρωσίας, Βλαχίας καὶ Μολδαβίας, Σερβίας, Ἀχρίδων καὶ Πεκίου. 1564–1863. Ἐν Κωνσταντινουπόλει, 1905. Σ. 641.
- ³² Αριστοκλῆς Θ. Κωνσταντίου Α΄ τοῦ ἀπὸ Σιναίου ἀοιδίμου Πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως τοῦ Βυζαντίου Βιογραφία καὶ Συγγραφαὶ αἱ ἐλάσσονες ἐκκλησιαστικαὶ καὶ φιλολογικαὶ καὶ τινες ἐπιστολαὶ τοῦ αὐτοῦ. Ἐν Κωνσταντινουπόλει, 1866. Σ. 30–31.
- ³³ Σταματόπουλος Δ. Μεταρρύθμιση καὶ εκκοσμίκευση. Προς μια ανασύνθεση της ιστορίας του Οἰκουμενικού Πατριαρχείου τον 19^ο αιώνα. Αθήνα, 2003. Σ. 220–221.
- ³⁴ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 531. Ед. хр. 471. Л. 1 об.–2. *Nilos à Abraham Noroff*, 12.01.1865.
- ³⁵ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 2906. Л. 9–10. *Nilos Espigmenite à général N. Ignatieff*, 20.01.1869.
- ³⁶ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 2906. Л. 44–46 об. *Nilos élu Patriarche d’Alexandrie à G. Staal*, 26.07/07.08.1869.
- ³⁷ ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 3291. Л. 103–104. И.М. Лекс — Н.П. Игнатьеву, 29.09.1869.
- ³⁸ ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 3543. Л. 3. *Nilos Espigmenite à général N. Ignatieff*, 23.01.1868.
- ³⁹ Подробнее см.: *Петрунина О.Е.* Афины — Фанар — Иерусалим: особенности взаимоотношений во второй половине XIX — начале XX веков // Государственное управление. Электронный вестник. Вып. 52. Октябрь 2015 г. С. 50–52. http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2015/vipusk_52._oktjabr_2015_g._/globalnoe_upravlenie/petrunina.pdf.
- ⁴⁰ ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 3291. Л. 63 об.–64. И.М. Лекс — Н.П. Игнатьеву, 11.09.1867.

Наталия Михайловна ТЕРЕЩУК,
историк-архивист, заведующая архивом
Законодательного Собрания
города Севастополя

Участие греков в севастопольском городском управлении (конец XVIII – начало XX в.)

После присоединения Крыма к России в 1783 г. и с наступлением нового этапа политического и экономического развития произошли радикальные изменения в истории региона. Кроме того, особенностью экономического развития стало основание новых городов.

В условиях поликонфессионального и многонационального социума, сложившегося на протяжении более чем двух веков в Севастополе, не безынтересно провести исследование участия севастопольских греков в общественном управлении города.

Изучение институтов государственного управления, в том числе выборных, в нашей стране в последние годы становится все более актуальным. Это касается и конкретных городов, различных по своему административному статусу. Однако, несмотря на то что на сегодняшний день издано немало книг по этой теме, посвященных разным городам России, в Севастополе такая работа практически не проводилась. Одна из причин — это ограниченная источниковая база по данной теме. Ведь исследования локальной истории, жизни городского самоуправления в первую очередь базируются на изучении делопроизводственной документации органов власти и управления. А во время двух обороны Севастополя многие документы были утрачены. Этот пробел удалось частично восполнить документами Таврического губернского правления. И все же говорить об обширной базе источни-

ков применительно к Севастополю, к сожалению, не приходится.

Предлагаемый материал представляет собой первую попытку установить, какие институты государственного управления работали в Севастополе после его основания, поскольку этот период фактически не изучен, а также выявить сведения об участии греков в городском управлении, в выборах в органы местного самоуправления и в работе Севастопольской городской думы.

Сразу следует оговориться: после присоединения Крыма к России основными этноконфессиональными общиными были мусульманская и греко-православная Константинопольского патриархата. Но так как Севастополь закладывался как военная крепость, численность мусульманского населения была незначительной — в отличие от греческого.

В ходе работы были выявлены, систематизированы и обработаны документы Государственного архива в Автономной Республике Крым, Государственного архива города Севастополя и региональная периодическая печать.

На вновь присоединенной территории 7 ноября 1783 г. было сформировано «Крымское правительство», которое возглавил командующий русскими войсками на полуострове генерал-поручик граф Антон Богданович де Бальмен. Затем на этом посту его сменил лифляндский барон, граф Осип Андреевич Игельстром, который еще 16 августа 1783 г. был назначен князем Г.А. Потемкиным на должность командующего, и вся гражданская и военная власть была сосредоточена в его руках¹.

В отличие от других российских городов, где уже сложилась система общественного управления, на полуострове административно-территориальное устройство оставалось таким же, как в период Крымского ханства (каймаканства и кадылыки), что было зафиксировано в Камеральном описании Крыма².

8 февраля 1784 г. был издан указ Екатерины II об образовании Таврической области. Указ предписывал Сенату разделить область на 7 уездов, «устроить города, областной и уездный, и в них открыть присутственные места»³.

Севастополь не вошел ни в один из уездов, он был безуездным городом. И городом ли? Так как 10 февраля 1784 г. Екатерина II издала указ «Об устройстве новых укреплений по границам Екатеринославской губернии», и начально обустроенное место, «где ныне Ахти-Яр», получило название крепость Севастополь⁴.

То есть со дня основания Севастополя его статус как города не был определен в отличие, например, от Кронштадта, который создавался как крепость, в которую вошли город и порт.

Первые несколько лет областное правление было главным административным органом, который имел всю полноту исполнительной власти. Образование области позволило создавать и открывать присутственные места в Крыму. И в 1784 г. в соответствии с указом Екатерины II об «Учреждениях для управления губерний Всероссийской империи» (1775)⁵ начали свою деятельность административно-полицейские, финансово-хозяйственные и судебные учреждения, а именно: таможни, карантины, палата казенных дел, палаты уголовного и гражданского суда, областные казначеи и др. Они осуществляли финансовый контроль, ведали источниками доходов, являлись инстанциями для пересмотра дел и пр. В отличие от вышеперечисленных присутственных мест, выборные присутственные места начали оформляться позже — в начале 1787 г.⁶ в соответствии с законодательным актом «Грамота на права и выгоды городов Российской империи», который был принят в 1785 г.⁷ Жалованная грамота определила представительство в выборных учреждениях всех слоев населения, создание городской собственности и городских финансов. Она внесла новые начала в общественное управление российских городов. Это была первая попытка правительства изменить характер городского общественного управления на началах всесословности и самостоятельности выборных учреждений.

Можно предположить, что открытие выборных присутственных мест было связано с предстоящим приездом императрицы Екатерины II в Крым, так как 29 января 1787 года в присутствии Таврического областного

правления был заслушан ордер Г.А. Потемкина, данный генерал-аншефу Василию Васильевичу Каховскому и «помянутый открыть в области Таврической [...] присутственные места»⁸.

По документам областного правления, которые принимались в мае 1787 года, накануне приезда Екатерины II, видно, как раздавались указания всем учреждениям. 6 мая на заседании Таврического областного правления был заслушан ордер Г.А. Потемкина, данный 1 мая и предписывающий, что «как господа сенаторы во время присутствия ее императорского величества в Тавриде имеют осматривать здешние присутственные места, то и приготовиться к тому, дабы могли они увидеть, с какой исправностью текут дела во оных»⁹. От себя правитель Таврической области В.В. Каховский добавил, что «во время высочайшего ее императорского величества пребывания в Симферопольский дворец должны как сего правления, равно и прочих присутственных мест, господа присутствующие и секретари со всеми канцелярскими служителями для всеподданнического поклона занять места каждый против своего присутствия [...]»¹⁰. То есть требовалось показать Екатерине II, что в Крыму полноценно работают учреждения.

24 февраля 1787 г. в Таврический областной магистрат поступил рапорт от Севастопольского городского магистрата: «Сей магистрат на основании высочайшего о управлении губернии учреждения сего февраля 19 числа в 1-м часу с полудни господином председателем Таврического верхнего земского суда 2-го департамента и коллежским советником Бантышем открыт и выбранные сообразно учреждению члены в присутствии введены»¹¹.

Поскольку в этот период в Севастополе преобладало греческое население, члены магистрата — 2 бургомистра и 4 ратмана — были греками и все подписи на рапорте были на греческом языке. Сейчас их имена уже известны. Это бургомистры: Афанасий Кутров и Дмитрий Кази, ратманы: Георгий (Юрий) Фризин, Фоти Мазнагати, Иван Кусурис и Христос Кокораки. В подлиннике подписи на греческом языке собственноручно написаны

так: Синадин Кутров, Демитриос Казы, Георгис Фристас, Фотис Мазгана, Иоанис Кусурис, Христос Кокоракис. Некоторые из них избирались в магистрат несколько раз, например, Юрий Фризин и Иван Кусурис. Магистрат являлся сословным судом первой инстанции для горожан, но в тот период в Севастополе он взял на себя функции органа местного самоуправления, поскольку помимо судебных вопросов исполнял функции городского управления. Удивительно, но бургомистру Дмитрию Кази было всего лишь 20 лет. Это удалось установить из метрической записи о его смерти, в которой указано, что он умер 1 марта 1817 г. в возрасте 50 лет¹².

В марте 1789 г. в связи с очередной войной с Турцией Д. Кази вернулся на военную службу. Его определили «в морские батальоны поручиком», которыми командовал адмирал Ф.Ф. Ушаков, и он обратился в Таврическое областное правление с просьбой об освобождении от службы в магистрате¹³. С аналогичной просьбой обратился ратман Христо Кокораки «по нынешнему военному времени, имея желание и усердность продолжать службу»¹⁴. Таврическое областное правление согласовало кадровые перестановки: бургомистром вместо Д. Кази был назначен Юрий Фризин, а на его место ратманом был назначен севастопольский купец Константин Афинеос¹⁵.

В 1787 г. на выборах в Севастопольский городской магистрат городского голову не избирали, несмотря на то, что в Симферополе и других городах вместе с членами магистрата избирали и городского голову. В конце XVIII — начале XIX в. избираемые городские головы (без создания городских дум) работали при магистратах, но они не были еще наделены особыми полномочиями присущими органу общественного управления. В настоящее время еще окончательно не установлена дата, когда в Севастополе при магистрате был избран первый городской голова и кто именно. 5 марта 1791 г. в городе открылось еще одно присутственное место — сиротский суд¹⁶. В него в соответствии с российским законодательством входили городской голова и члены магистрата. Об этом событии Севастопольский городской магистрат и непосредствен-

но сам сиротский суд направили рапорты Таврическому областному магистрату, в котором «за градского голову» документ подписал бургомистр Георгий Фризин. Следовательно, городской голова еще не был избран.

По косвенным документам установлено, что в конце XVIII в. одним из бургомистров был Иван Лукич Резаки. Он родился в 1765 г. в Греции на о. Хиос «от предков издревле благородных фамилий»¹⁷. По манифесту Екатерины II поступил в российский флот, и в 1787–1788 гг. служил волонтером на судне «Полоцк» под командованием капитана Д. Н. Сенявина, а в 1789 г. — на фрегате «Кирилл Белозерский» под командованием капитана 2 ранга Евстафия Сарандинаки. «Прославился в боях с Оттоманской Портой»¹⁸. После военной службы работал в городском управлении. Резаки был довольно успешным предпринимателем, так как занимался кожевенным промыслом, впоследствии — интендантскими поставками для флота соли, муки, крупы и был не менее успешным управленцем. В 1799 г. его избрали бургомистром Севастопольского городского магистрата¹⁹. Предположительно его избирали на эту же должность еще один раз, а затем — трижды избирали городским головой: в 1806, в 1810 и 1812 гг.²⁰.

За активную и «усердную службу» на благо города Иван Лукин Резаки по представлению Николаевского и Севастопольского военного губернатора Н.Л. Языкова был награжден золотой медалью для ношения на шее на красной (в других документах голубой) ленте²¹. Много лет он доказывал свое дворянское происхождение. В 1820 г. Херсонский военный губернатор признал его дворянское достоинство и постановил внести Ивана Резаки в 4-ю часть дворянской родословной книги. Его дворянство также подтвердило Таврическое дворянское депутатское собрание. Документы были направлены в Правительствующий Сенат в геральдическое отделение, однако согласие получено не было²². После смерти И.Л. Резаки, последовавшей 12 февраля 1836 г. в возрасте 70 лет «от простуды»²³, его жена, Екатерина Ивановна, вместе с попечителями капитаном 2 ранга И. Бардаки и

подпоручиком Васильевым продолжала добиваться для сыновей признания их дворянского происхождения. К сожалению, результат ее стараний не известен²⁴.

В документах Таврического губернского магистрата имеются сведения за 1796 г. об утверждении в Севастополе городского старосты и словесных судей. Интересен факт: при небольшой численности гражданского населения в Севастополе (к концу XVIII в. — 246 человек²⁵) в городе было избрано два городских старосты — севастопольский мещанин Кузьма Кондратьев и «из иностранных» грек Яни Хаджи Кокони²⁶. В одном из двух словесных судов (был открыт в ноябре 1793 г.²⁷) также заседал грек, севастопольский купец Иван Константинов²⁸.

Выявленные недавно в ГКУ РК «Государственный архив Республики Крым» документы дополнили сведения по данной теме. На выборах в 1796 г. бургомистром магистрата в четвертый раз был избран Юрий Фризин, а ратманом магистрата был избран купец (в других документах — дворянин) Михаил Петранди²⁹. Бывший в прошлом, третьем, составе магистрата бургомистр купец Панаиот Макри по согласованию с купеческим и мещанским обществом был назначен городским маклером³⁰.

В первые два десятилетия XIX в. греческую диаспору в магистрате представляли Анастасий и Пантелея Бурнасузовы и дважды избранный бургомистром Михаил Джина. Флотское начальство считало его «беспокойным членом», но тем не менее на выборах в 1814 г. он был вторично избран в магистрат, получив 54 избирательных шара и 11 неизбирательных³¹. На очередных выборах в октябре 1817 г. ратманом магистрата был избран Дмитрий Ниссири, а «кандидатом» в члены магистрата — Иван Симакопуло³².

До середины второго десятилетия XIX в. в Севастополе работал городской магистрат, словесный и сиротский суды и городской голова при магистрате. А в начале 1816 г. в Таврическом губернском правительстве обнаружили недоимки земской повинности по Севастополю, в том числе рекрутской 250 руб., которые подлежали отправке в уездное казначейство. В соответствии с указом Правительст-

вующего Сената в подобных случаях прекращалась выплата жалованья членам земских судов и полицейским чиновникам, ответственным за эти сборы. В результате частному приставу И.Ф. Соловьеву не выдали жалованье до погашения городом недоимки. И тогда выяснилось, что частный пристав И.Ф. Соловьев получает жалованье из магистрата, а не из городской думы, так как «таковой в Севастополе не имелось»³³.

20 апреля 1816 г. последовало указание Таврического губернского правления о созыве купеческого и мещанского общества для избрания «двух думных членов» и открытии городской думы. Что и было сделано.

13 мая 1816 г. городской голова Викентий Юнг направил в Симферополь рапорт о том, что «в здешнем городе городовая общественная дума настоящего мая 10 числа открыта и действие свое возымела»³⁴. Согласно приговору общества в думу были избраны два гласных: «здешний мещанин Гаврила Колосов и торгующий в здешнем городе курский мещанин Иван Тарасов, которые по при воде к присяге и к отправлению должности вступили»³⁵. Именно дата 10 мая (22) 1816 г. является днем создания в Севастополе органа городского самоуправления.

С открытием в Севастополе городской думы окончательно сформировались основные присутственные места, как-то: городской магистрат, городская дума, сиротский и словесный суды, работали присяжные оценщики.

Из-за того, что в начале XIX в. в городе было очень мало гражданского населения — менее 500 человек, а из них правом голоса обладало около полусотни, в городе не было шестигласной думы. Выборы назывались купеческо-мещанские и избирались только два гласных. В 1830 г. от «иногородних» избрали третьего гласного, представлявшего еще одно сословие. Им был керчь-еникальский житель Леонтий Кукули, впоследствии купец. Также Л. Кукули продолжительное время был в Севастополе греческим вице-консулом³⁶.

По мере увеличения населения возросло число избирателей, и в 1832 г. в городе уже было избрано 4 гласных. Из четырех гласных думы двое были греками (50%): ме-

щанин Христофор Константинов и севастопольский житель Яни Петропуло³⁷. В конце 1830-х гг. в Севастополе стала работать полноценная дума из шести гласных. Греками были двое: Христофор Константинов и Полихрон Ниофато (Неофит)³⁸.

Мирную жизнь города прервала Крымская война. Первая оборона Севастополя длилась почти год — 349 дней. Крымская война закончилась для Севастополя полным разрушением. Город очень медленно возрождался от ее последствий. Как писали современники: «Кончилась война, остановились реки крови, пролитой в Севастополе, похоронили героев павших и возвеличили уцелевших. Начали понемногу забывать об ужасной «кампании» — начал возрождаться гражданская город»³⁹.

В первую половину XIX в. и сразу после Крымской войны почти все городские головы принадлежали к купеческому сословию. А в 1874 г. на должность городского головы был избран дворянин, грек Михаил Ильич Кази (впоследствии почетный гражданин Севастополя)⁴⁰. Его избрание на должность городского головы совпало с началом деятельности Севастопольского градоначальства и его первого градоначальника — вице-адмирала Павла Александровича Перелешина. Объединив усилия, представители двух ветвей власти способствовали восстановлению и развитию города.

В этот период Севастополь был объявлен отпускным (экспортным) коммерческим портом, под который отдали часть Южной бухты. Это способствовало наполнению городского бюджета. В 1876 г. на западном берегу Южной бухты было построено здание таможни, таможенные и железнодорожные пакгаузы (так как уже начала функционировать Лозово-Севастопольская железная дорога)⁴¹. Развивающемуся Севастополю требовались финансово-кредитные учреждения, поэтому кроме городского общественного банка в городе открыли отделение Государственного банка⁴².

Михаил Ильич Кази по поручению городской думы ходатайствовал перед правительством о выделении городу ссуды на строительство хлебных магазинов (складов),

и когда она была выделена в сумме 300 тыс. руб., то была потрачена на их строительство. В период его деятельности в Севастополе была построена так необходимая для города новая скотобойня, что способствовало улучшению санитарного положения.

Городской голова стал инициатором создания Исторического бульвара и предложил никогда не застраивать места бывших укреплений.

Не обошли вниманием городские руководители и вопросы народного образования. В городе было построено и открыто Константиновское реальное училище. М.И. Кази постоянно заботился о ремесленной школе РОПиТ и мореходном классе, на содержание которого вкладывал свои личные средства⁴³.

Под председательством Михаила Кази городская дума обсуждала возможность строительства нового здания земско-городской больницы, но в итоге оно было отложено «до более благоприятных обстоятельств города». Тем не менее жалование врачам в 1874 г. было увеличено и составило 500 руб. в год и были добавлены 100 руб. на разъезды⁴⁴. По личному ходатайству М.И. Кази городская дума положительно решила вопрос отвода беднейшим жителям Корабельной стороны земельных участков под строительство жилья, установив плату в доход города 50 коп. за квадратную сажень с рассрочкой платежа на три года, но с обязательством застройки в течение одного года⁴⁵.

В апреле 1875 г. городская дума вынесла постановление о присвоении Михаилу Ильичу Кази звания «Почетный гражданин города Севастополя». Но прошло еще долгих 20 лет, когда это почетное звание было утверждено императорским указом в 1895 г.⁴⁶.

В 1876 г. Михаил Ильич оставил Севастополь и возглавил Балтийский судостроительный завод, затем правление Архангельско-Мурманского срочного пароходства, комиссию по развитию торгового мореплавания, но, даже не проживая в городе, продолжал заботиться об интересах Севастополя.

В 1894 г. М.И. Кази был избран председателем Императорского русского технического общества. В 1896 г. был

одним из организаторов Всероссийской выставки в Нижнем Новгороде. В том же году его не стало. Похоронен в Петербурге⁴⁷.

На должности городского головы он прослужил всего лишь два года. Прославившее его дело продолжили последующие не менее талантливые управленцы: надворный советник, врач Д.М. Ротгольц и отставной подполковник инженер Ф.Н. Еранцев. Именно этим людям Севастополь обязан своим возрождением после Крымской войны. Последующие головы не отличались такими качествами. Они нередко обращались к М.И. Кази и неизменно получали помощь — несмотря на то, что он уже не жил в Севастополе⁴⁸.

Не ставя перед собой цель в данной работе осветить персональную деятельность греков-управленцев, хотелось бы тем не менее упомянуть о замечательном севастопольце греческого происхождения Николае Петровиче Грипари. Он родился в Греции в 1848 г. и, прожив долгих 80 лет, большую часть жизни посвятил усердному служению России. Н. Грипари избирался гласным севастопольской думы нескольких созывов. Он был присяжным заседателем, членом учетного комитета Севастопольского отделения Государственного банка, членом городского по квартирному налогу присутствия⁴⁹. Греческий консул, датский и бельгийский вице-консул, итальянский консульский агент, а еще — шведско-норвежский вице-консул⁵⁰. Его дипломатическая карьера в Севастополе началась в феврале 1880 г., когда на основании высочайшего повеления Правительствующий Сенат назначил купца 1-й гильдии Н.П. Грипари греческим вице-консулом⁵¹. Спустя 10 лет, в 1890 г., он принял российское подданство⁵².

Не забыв о своих корнях, Николай Грипари был попечителем и казначеем греческого училища, церковным старостой греческой Трехсвятительской церкви, а также — организатором, учредителем и председателем греческого благотворительного общества в Севастополе, которое действовало с 1894 г.⁵³. При этом оно избрало Николая Грипари своим пожизненным почетным председателем и постановило поместить его портрет «на вечные времена в актовой зале»⁵⁴.

Еще одна замечательная черта этого человека — благотворительность. Источники приводят характерный для Н.П. Грипари пример: в суровую зиму 1898 г. он пожертвовал до 2 тыс. пудов каменного угля в пользу бедных города Севастополя. Каждый малоимущий, «заручившись квитанцией на уголь от господина полицеймейстера», мог получить полагающееся ему количество угля со склада Грипари на пристани в Южной бухте⁵⁵.

В конце XIX в. Н.П. Грипари приобрел Барановский фарфоровый завод (ныне Житомирская обл., Украина), реконструировал его и вместе с сыновьями выпускал великолепную посуду, в том числе и для Черноморского флота. Завод работал до 1917 г., после чего семейство Грипари вынуждено было покинуть охваченную революцией Россию. В Житомире узнали о свержении самодержавия в марте 1917 г. Н.П. Грипари, как глава крупного промышленного центра, принял участие в совещании и направил Императору телеграмму с просьбой не отрекаться от престола. Но когда понял, что в стране нельзя повлиять на ситуацию, он перевел свои средства через одесский иностранный банк за границу и выехал из страны⁵⁶.

Вернувшись на историческую родину, в 1928 г. Н.П. Грипари скончался. Большую часть жизни в России он посвятил усердному ей служению. Россия ценила его труды. В 1898 г. он, купец 1-й гильдии, получил потомственное почетное гражданство, а спустя восемь лет был возведен в дворянское достоинство⁵⁷. Деятельность Н.П. Грипари отмечена многочисленными наградами. Российскими — орденом Св. Станислава III ст., Св. Анны III ст. по ведомству Министерства юстиции; медалью Красного Креста за участие и деятельность общества во время русско-японской войны 1904–1905 гг.; греческими — Спасителя: серебряным и золотым офицерским; орденом короны Италии. Кроме того, в 1894 г. Н. Грипари поощрен 50 тыс. руб. за добросовестное исполнение подряда по поставке муки военному ведомству в неурожайные годы (1891–1892). В первый приезд императора в Крым Николаю Грипари пожаловали золотой портсигар с бриллиантами. Во второй — золотую булавку с бриллиантом и сапфиром⁵⁸.

1905 год был очень сложным для Российского государства, и для Севастополя в частности. 18 октября был опубликован Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», который больше известен как Манифест о свободе совести, слова, собраний. В Севастополе стихийно возник митинг, участники которого отправились к городской тюрьме для освобождения заключенных, но были там встречены выстрелами. Среди мирных манифестантов были убитые и раненые. На следующий день 19 октября по инициативе городского головы А.А. Максимова городская дума собралась на экстренное заседание в составе 19 гласных из 35. В том созыве было шесть гласных — греков по происхождению: В.К. Энглези, С.Х. Гавалов, Н.Ф. Ергопуло, А.И. Млинарич, Д.Н. Неофит и А.К. Коста, то есть 17% от общего количества гласных⁵⁹. На экстренном заседании присутствовали В.К. Энглези и А.К. Коста.

На заседание прибыло 29 депутатов, избранных на народном митинге на Приморском бульваре. В своем докладе А.А. Максимов рассказал о событиях, произошедших 18 октября, и в частности о расстреле мирной демонстрации. Приглашенный городским головой лейтенант П.П. Шмидт высказал свое мнение о том, что городская дума должна быть не только защитницей хозяйственных и экономических интересов города, но и «охранительницей чести, достоинства и жизни населения».

Дума дала согласие на обеспечение охраны порядка в городе невооруженными народными патрулями, а А.А. Максимов вместе с депутатами от народа отправился к коменданту крепости и градоначальнику. По итогам переговоров в городе были сняты полицейские и жандармские посты. Таким образом, в неспокойном октябре 1905 г. городской голова и гласные сделали все возможное для предотвращения столкновения граждан с полицией и войсками.

После смерти А.А. Максимова на должность городского головы был избран его заместитель — Николай Федорович Ергопуло. Он дважды избирался на эту должность — в 1908 г. и 1912 г.⁶⁰. Н.Ф. Ергопуло активно занимался раз-

витием города. Во время Первой мировой войны выезжал в Петроград для решения вопроса водоснабжения Севастополя в Главном управлении по делам местного хозяйства. Ему удалось добиться ассигнования 110 тыс. руб. на продовольственные нужды города. Поскольку Севастополь всегда относился к категории не производящих, а потребляющих городов, главной заботой органов власти было снабжение его продовольствием и топливом. Проблема была и в том, что в городе существовала одноколейная железнодорожная дорога, которая не могла заменить морской каботаж. Для примера приведу данные 1914 года, когда в город по каботажному плаванию на судах РОПиТ и Российского общества страхования и транспортирования было привезено более 14 тыс. пудов груза, а по Южной железной дороге — более 10 тыс. пудов⁶¹.

В 1915 г. железнодорожное сообщение было занято воинскими перевозками, а морское сообщение было закрыто. Севастополь оказался отрезанным от Одессы, крымских и кавказских портов, через которые постоянно снабжался всем необходимым. В этой непростой обстановке в городе был создан Комитет для обеспечения города продуктами и предметами первой необходимости. В комитет вошли представители купечества, различных ведомств, городского управления и гласные Севастопольской городской думы. Комитет работал реально: составил нормы продуктов первой необходимости, ввел так называемую «таксировку» на продовольствие и все предметы обихода. Несмотря на увеличение роста цен и некоторое обострение продовольственного кризиса, население города не испытывало недостаток ни в хлебе, ни в мясе, ни в других продуктах⁶².

Сложнее было решить проблему топлива. На перегруженном южном направлении железной дороги постоянно возникали перебои в его подвозе. Городское общественное управление направило свои усилия на то, чтобы заменить минеральное топливо на древесное. На казенной земле на льготных условиях отводились участки для заготовки дров. Таким образом был предотвращен острый топливный кризис. В этом была большая заслуга городского головы Н.Ф. Ергопуло.

Следует отметить, что севастопольские греки также работали и в земских органах, которые были созданы в соответствии с Положением о губернских и уездных земских учреждениях, утвержденных Александром II 1 января 1864 г.⁶³. В соответствии с ним земским учреждениям давали право самостоятельно заниматься местными хозяйственными и общественными делами. Земские учреждения разделялись на земские губернские и земские уездные учреждения. Последние включали в себя уездные земские собрания (распорядительный орган) и уездные управы (исполнительный орган). Уездное земское собрание состояло из уездных земских гласных, избиравшихся на три года.

Согласно Положению, земские учреждения не входили в общую систему государственных учреждений, и служба в них относилась к общественным обязанностям. Гласным не полагалось никакого вознаграждения за участие в работе собраний, и это освобождало бюджет от немалых расходов. В Таврической губернии было 8 уездных земств, Севастополь и Балаклава входили в Ялтинское уездное земство.

Сохранившиеся архивные документы позволили выяснить, что в 1890 г. в Севастополе общее количество избирателей по выборам в земское собрание составило 558 человек, из которых 35 были греками (6,3 %)⁶⁴. А в Балаклаве при общем количестве избирателей 59 человек 42 были греками (71%). Закономерно, что от Балаклавы в уездное земство были избраны два гласных и оба — греки. От Севастополя в уездное земство были избраны гласные других национальностей: трое русских и один караим⁶⁵.

Когда в 1873 г. было образовано Севастопольское градоначальство, то на следующий год, в 1874 г., была создана специальная комиссия по рассмотрению вопроса о выделении Севастополя в отдельную земскую единицу с целью оставления в городе налогов⁶⁶. Но комиссия тогда признала этот вопрос несвоевременным. Вторично его актуализировали в 1885 г., причем упор делали на то, что, если бы из Севастопольского градоначальства была создана отдельная земская единица, то город смог бы сам

выбирать себе мирового судью (до сих пор он избирался Ялтинским земством)⁶⁷. Инициатива не прошла.

В третий раз этот же вопрос был поднят городским головой А.А. Максимовым в 1905 г., и снова безрезультатно⁶⁸.

Севастополь, как крупный промышленный город на юге России, отчислял уездному земству немалые средства. Например, в 1915 г. в денежном выражении это составляло почти 100 000 руб. в год. Только за трамвай земские сборы — губернский и уездный — составляли почти 80 тыс. руб.⁶⁹. И лишь в декабре 1917 г., в связи с выделением Севастополя в отдельную земскую единицу, были ликвидированы отношения между Ялтинским уездным земством и Севастопольским городским самоуправлением.

В Крымском республиканском архиве выявлен уникальный документ — договор от 16 декабря 1917 г. о ликвидации отношений Ялтинского уездного земства и Севастопольского городского самоуправления⁷⁰. В стране уже произошла смена государственного строя, а в договоре было прописано, что земство прекращает выдачу пособий полиции, на содержание земского арестного дома, земской школы, которая находилась на Корабельной стороне, городской больнице и проч.

Подводя итоги, можно сделать вывод: приведенные примеры свидетельствуют о заинтересованном участии греческого населения в городском управлении и в решении важных городских проблем с момента основания Севастополя. Органы местного самоуправления изначально были многонациональными по своему составу. Архивные документы подтверждают гармоничную слаженность их деятельности — к общей пользе всего населения региона. Научные исследования в области этнической истории, несомненно, будут способствовать более глубокому изучению этого вопроса.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Прохоров Д.А. Органы управления Таврической области после присоединения Крыма к России (1783–1787 гг.) // МАИЭТ. Выпуск V. 1996. С. 214.

² Административно-территориальные преобразования в Крыму. 1783–1998. Справочник. Симферополь, 1999. С. 7.

- ³ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXII. № 15925. СПб., 1830. С. 21.
- ⁴ Там же. Т. XXII. № 15929. СПб., 1830. С. 21–22.
- ⁵ Там же. Т. XX. № 14392. СПб., 1830. С. 229–304.
- ⁶ Государственное казенное учреждение Республики Крым «Государственный архив Республики Крым» (далее — ГАРК). Ф. 799. Оп. 2. Д. 11. С. 229–304.
- ⁷ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXII. № 16187. СПб., 1830. С. 358–384.
- ⁸ ГАРК. Ф. 799. Оп. 2. Д. 11. Л. 2–2 об.
- ⁹ Там же. Д. 12. Л. 10.
- ¹⁰ Там же. Л. 10 об.
- ¹¹ Там же. Ф. 28. Оп. 3. Д. 16. Л. 1.
- ¹² Там же. Ф. 142. Оп. 5. Д. 21. Л. 4.
- ¹³ Там же. Ф. 2/8. Оп. 3. Д. 34. Л. 43.
- ¹⁴ Там же. Ф. 799. Оп. 2. Д. 28. Л. 538.
- ¹⁵ Там же. Ф. 28. Оп. 3. Д. 34. Л. 96.
- ¹⁶ Там же. Д. 56. Л. 2.
- ¹⁷ Там же. Ф. 49. Оп. 1. Д. 1269. Л. 3.
- ¹⁸ Там же. Л. 3–5.
- ¹⁹ Там же. Д. 152. Л. 10–12.
- ²⁰ Там же. Ф. 27. Оп. 1. Д. 259. Л. 61 об.–62.
- ²¹ Там же. Ф. 49. Оп. 1. Д. 1529. Л. 12 об., 15.
- ²² Там же. Д. 1269. Л. 3–5.
- ²³ Там же. Ф. 142. О. 5. Д. 39. Л. 159.
- ²⁴ Там же. Ф. 49. Оп. 1. Д. 1154. Л. 1.
- ²⁵ Севастополю 200 лет. 1783–1983. Сборник документов и материалов. Киев, 1983. С. 32.
- ²⁶ ГАРК. Ф. 799. Оп. 2. Д. 52. Л. 1025–1026.
- ²⁷ Там же. Ф. 28. Оп. 2. Д. 65. Л. 1.
- ²⁸ Там же. Ф. 799. Оп. 2. Д. 52. Л. 1025–1026 об.
- ²⁹ Там же. Ф. 28. Оп. 3. Д. 81. Л. 65.
- ³⁰ Там же. Л. 3.
- ³¹ Там же. Ф. 26. Оп. 1. Д. 1291. Л. 32.
- ³² Там же. Д. 3106. Л. 68.
- ³³ Там же. Ф. 27. Оп. 1. Д. 1570. Л. 1–2 об.
- ³⁴ Там же. Л. 7.
- ³⁵ Там же. Оп. 22. Д. 295. Л. 131–131 об.
- ³⁶ Там же. Д. 787. Л. 34 об.–37.
- ³⁷ Там же. Д. 547. Л. 204–207 об.
- ³⁸ Новороссийский календарь на 1840 год. Одесса, 1839. Л. 280.
- ³⁹ Крымский вестник. 1901. 8 июля. № 174. С. 1–2.
- ⁴⁰ Терещук Н.М. Михаил Ильич Кази — городской голова, почетный гражданин города Севастополя // Севастопольские известия. 2014. 22 октября. № 101. С. 5.
- ⁴¹ Куликов И.И., Кот В.П., Крестьянников В.В., Кулик С.И., Скрипниченко А.А., Терещук Н.М., Фесенко А.А. Градоначальники, военные губер-

- наторы, городские головы Севастополя в 1800–1920-х годах // История Севастополя в лицах: военные и гражданские руководители города и флота. Севастополь, 2008. С. 165.
- ⁴² Терещук Н.М. Финансово-кредитные учреждения Севастополя (конец XVIII — начало XX в.) // XV Таврические научные чтения. Сборник научных статей. Часть 2. Симферополь, 2015. С. 76.
- ⁴³ Севастополь. Энциклопедический справочник. Издание 2-е, дополненное и исправленное. Севастополь, 2008. С. 355.
- ⁴⁴ Таврические губернские ведомости. 1874. 1 мая. № 35. С. 1.
- ⁴⁵ Там же. 1875. 13 сентября. № 74. С. 2.
- ⁴⁶ Севастополь. Энциклопедический справочник. Издание 2-е, дополненное и исправленное. Севастополь, 2008. С. 355.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Крымский вестник. 1901. 8 июля. № 174. С. 1–2.
- ⁴⁹ Государственное казенное учреждение «Архив города Севастополя» (далее — ГАГС). Ф. 27. Оп. 2. Д. 1. Л. 9.
- ⁵⁰ Адрес-календарь Севастопольского градоначальства. Севастополь, 1911. С. 84; Чверкин Е. Незабытый Севастополь. Часть 1. Севастополь, 2010. С. 193.
- ⁵¹ ГАГС. Ф. 22. Оп. 1. Д. 101. Л. 2.
- ⁵² Терещук Н. Севастопольские консулы // Город-герой Севастополь. Неизвестные страницы. 2016. С. 86.
- ⁵³ Браиловский Э., Терещук Н. Благотворительная и общественная деятельность семьи Грипари: Материалы Государственного архива г. Севастополя и печатные издания 1880–1900-х гг. // Барановский фарфор в эпоху Грипари. СПб., 2011. С. 132.
- ⁵⁴ Крымский вестник. 1900. 5 декабря. № 320. С. 3.
- ⁵⁵ Браиловский Э., Терещук Н. Благотворительная и общественная деятельность семьи Грипари: Материалы Государственного архива г. Севастополя и печатные издания 1880–1900-х гг. // Барановский фарфор в эпоху Грипари. СПб., 2011. С. 134.
- ⁵⁶ Грипари А., Зафириоу-Грипари Д. Барановский фарфоровый завод и семейство Грипари: Материалы семейных архивов и коллекций // Барановский фарфор в эпоху Грипари. СПб., 2011. С. 18.
- ⁵⁷ Терещук Н. Севастопольские консулы // Город-герой Севастополь. Неизвестные страницы. 2016. С. 87.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ ГАРК. Ф. 26. Оп. 6. Д. 37а. Л. 1.
- ⁶⁰ Куликов И.И., Ком В.П., Крестьянников В.В., Кулик С.И., Скрипниченко А.А., Терещук Н.М., Фесенко А.А. Градоначальники, военные губернаторы, городские головы Севастополя в 1800–1920 гг. // История Севастополя в лицах: военные и гражданские руководители города и флота. Севастополь, 2008. С. 175.
- ⁶¹ Севастополю 200 лет. 1783–1983. Сборник документов и материалов. Киев, 1983. С. 124.
- ⁶² Терещук Н.М. Севастополь в начале Первой мировой войны // Первая мировая война и Крым. Сборник статей. Симферополь, 2015. С. 159.
- ⁶³ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXIX. Отделение первое. № 40457. СПб., 1867. С. 1–14.
- ⁶⁴ ГАРК. Ф. 62. Оп. 3. Д. 53. Л. 12–44.

-
- ⁶⁵ Там же. Л. 10.
- ⁶⁶ Таврические губернские ведомости. 1874. 1 мая. № 35. С. 1.
- ⁶⁷ Севастопольский справочный листок. 1885. 16 января. № 7. С. 1.
- ⁶⁸ Куликов И.И., Кот В.П., Крестьянников В.В., Кулик С.И., Скрипниченко А.А., Терещук Н.М., Фесенко А.А. Градоначальники, военные губернаторы, городские головы Севастополя в 1800–1920 гг. // История Севастополя в лицах: военные и гражданские руководители города и флота. Севастополь, 2008. С. 172.
- ⁶⁹ Терещук Н. Севастопольский голова Алексей Максимов // Севастопольские известия. 2013. 9 октября. № 78. С. 2.
- ⁷⁰ ГАРК. Ф. 62. Оп. 3. Д. 166. Л. 123–123 об.

Юрий Дмитриевич ПРЯХИН,
д.и.н. (Санкт-Петербург)

Греки в создании и развитии архитектурного облика Санкт-Петербурга

Изучение истории создания архитектурного облика северной столицы позволяет заключить, что в его формировании немалую роль сыграли греки.

Греки появились в Санкт-Петербурге уже в первом десятилетии существования города и, естественно, стремились селиться поближе друг к другу. В результате вскоре образовалась Греческая слобода в районе современной ул. Миллионная, которая соседствовала с Немецкой слободой, размещавшейся там же, около реки Мойка.

После пожара 1735 г. Греческой слободе было определено новое местопребывание в столице. Это — участок земли рядом с Лиговским каналом, в районе, называемом Пески, который стал активно заселяться греками, сыгравшими заметную роль в создании архитектурного облика не только нового района своего пребывания, но и облика строящейся, бурно развивающейся столицы.

Данное заключение подтверждается многими архивными документами, литературными источниками, воспоминаниями современников по истории строительства ныне известных зданий, украшающих столицу бывшей Российской империи, ее некоторых памятников и христианских храмов. К сожалению, данная история доступна лишь узкому кругу специалистов и с ней плохо знакомо большинство жителей города и даже современные, просвещенные петербуржцы, так как она почти не пропагандируется. Между тем к созданию целого ряда архитектурных шедевров северной столицы, как выясняется, самое непосредственное отношение имели греки.

Для того чтобы не быть голословными, приведем наиболее очевидные, яркие и документально доказанные примеры, подтверждающие данный, неоспоримый факт из истории архитектуры города.

Так, например, в эпопею создания памятника Петру I — «Медного всадника», как это утверждают многие источники, навечно вошли два грека. Это: военный инженер, капитан (впоследствии — подполковник) Мориос Ласкари с о. Кефалония (он же граф Морис Карбури)¹, служивший в Канцелярии от строений, руководимой действительным тайным советником И.И. Бецким, а также майор Петр Мелиссино, ставший в дальнейшем генералом от артиллерии, известнейшим артиллеристом своего времени, кавалером высшего ордена России — Св. Андрея Первозванного². Именно капитан М. Ласкари осмотрел и замерил находившийся в районе селения Лахты «гром-камень» и определил его размеры: 13 м — в длину, 8 м — в высоту и 6 м — в ширину, а также высчитал его вес — 1600 тонн. Он же доложил Бецкому, что необходимый «камень съскан». Как подтверждают современники, автором проекта перевозки «гром-камня» являлся капитан Ласкари, а подсказал ему «правила, коими надлежало строить машину к перевезению», сам Бецкий. Данный, весьма дерзкий для своего времени, проект, фактически совместно ими продуманный, был представлен специалистам для проведения всех необходимых расчетов, уточнений и согласований. Полученные результаты и предложения доложены императрице Екатерине II³.

Вскоре, после высочайшего утверждения общего плана перевозки камня в Санкт-Петербург, приступили к его реализации. Прежде всего было выделено необходимое финансирование, набраны подготовленные поденные «рабочие люди» различных профессий, в общем количестве свыше 1200 человек, для осуществления всех работ по тщательно продуманной и утвержденной технологии доставки камня в Санкт-Петербург. Для проживания «рабочих людей» построили специальную деревню, были завезены все нужные материалы и инструмент, а также подготовлено текущее материально-техническое обеспечение и порядок проведения работ⁴.

Вскоре окончательный проект был высочайше рассмотрен, проделанная подготовительная работа одобрена и получено повеление на осуществление перевозки камня в Санкт-Петербург. Непосредственная реализация ее было возложена на грека капитана М. Ласкари, который не только постоянно наблюдал за ходом работ и непосредственно руководил ими, но стал нести и всю полноту ответственности за их осуществление.

По ходу этой уникальнейшей операции, которая продолжалась в целом более полутора лет, постоянно возникали самые неожиданные аварийные ситуации, грозившие катастрофой, полным крахом предприятия, доселе невиданного и дерзновенного по техническим возможностям того времени, осуществляемого по воле императрицы. Капитану Ласкари приходилось незамедлительно принимать решения и оперативно действовать с помощью ближайших помощников и «работных людей», опираясь на их смекалку.

Первым и наиболее трудным, после освобождения камня от окружающей его земли, стало перемещение «камня-гром» на расстояние 8 верст (примерно 8,5 км) к урезу воды Финского залива (к построенной пристани, к месту погрузки на специально построенную баржу) для дальнейшей транспортировки его по воде в Санкт-Петербург.

На данную операцию, начатую 15 ноября 1769 г., ушло более 4 месяцев упорного, тяжелого, изнурительного труда. Весьма сложной операцией было приподнять камень и подвести под него мощную деревянную платформу. Сделать это, в конце концов, удалось с помощью целой системы различных механизмов. Так, в соответствии с проектом, при хорошо промерзшей почве, платформа с «камнем-гром» по двум деревянным желобам (свообразным рельсам), обшитым медными листами, на 30 пятидюймовых шарах из сплава на основе меди, с помощью нескольких воротов, целой системы рычагов и лебедок, удалось сперва сдвинуть платформу с места, а затем начать ее медленное движение со скоростью 60–70 метров в день, в среднем до 2 км в месяц. Это была настоящая победа человеческого разума, силы, мастерства и смекалки, невиданного упорства более чем тысячи человек — каменщиков, плотников, кузнецов, литейщиков, такелажников, слесарей и др.

Следует заметить, что при движении платформы с камнем на нем работало свыше 40 каменотесов, придавая ему нужную форму, определенную скульптором Э.М. Фальконе.

Первый этап перемещения камня завершился его успешной доставкой на берег Финского залива к специальному сооруженной пристани, где на забитых в дно сваях находилось уже судно, специально построенное для транспортировки камня по воде. На его палубу удалось благополучно затянуть и закрепить платформу с камнем⁵.

26 сентября 1770 г. судно с «гром-камнем» на борту было восторженно встречено тысячами людей на Сенатской площади. На этом знаменательном событии присутствовали императрица, особы императорского двора, дипломатический корпус, городские власти.

Завершающим этапом этой грандиозной технической эпохи явилось перемещение платформы с камнем на берег. Данная операция осуществлялась по той же инженерной методике, которая была с успехом применена при погрузке камня на судно.

Оно опять было притоплено и село на специальные сваи, забитые в дно Невы. Это дало возможность сдвинуть камень на берег, а затем переместить его на определенное ему место. Таким образом, уникальная операция по перемещению камня, на удивление многочисленных скептиков, была успешно завершена⁶.

Известно, что за перемещением «гром-камня» из района деревни Конная Лахта в Санкт-Петербург с огромным интересом следили не только в России, но и за рубежом, вполне обоснованно не веря в возможность этого уникального эксперимента. (Следует сказать, что подобная операция весьма сложна во всех отношениях и в настящее время даже при наличии самой разнообразной и мощной современной техники.)

В честь этого уникального события по высочайшему повелению Екатерины II была выбита памятная медаль с надписью «Дерзновению подобно», а его наиболее отличившиеся участники щедро вознаграждены императрицей за свой тяжелый и опасный труд, удививший просвещенный мир и поднявший авторитет империи в глазах Европы.

Впоследствии в Париже подполковник М. Ласкари (граф М. Карбури) издал альбом, в котором опубликовал привезенные им из Санкт-Петербурга чертежи и расчёты, а также изложил историю появления и осуществления проекта перевозки «гром-камня».

К сожалению, грек-подполковник, действительно предложивший проект перевозки камня, а затем руководивший осуществлением утвержденного проекта, все же не сумел избежать искушения, приписав все заслуги себе одному, хотя он отдавал дань способностям «работных людей». Он писал, что «почти все русские солдаты и крестьяне-плотники так ловки с топором, что нет такой работы, которую они не выполнили бы с одним топором и долотом»⁷.

С созданием всемирно известного памятника Петру I — «Медного всадника» — связано имя еще одного офицера греческого происхождения — майора, артиллериста Петра Ивановича Мелиссино. Как гласит петербургская легенда, именно Петр Мелиссино, внешне удивительно похожий на Петра I фигурой, ростом и осанкой, по просьбе скульптора Э.М. Фальконе позировал ему во время работы над «Медным всадником». Лучшие жеребцы из императорских конюшен — Бриллиант и Каприз — на полном скаку многократно возносили майора Мелиссино, а иногда и одного из подготовленных наездников, на специальный помост, где вздыбливались всадником и на мгновение удерживались в этом положении «над пропастью». Скульптор сделал бесчисленное количество карандашных набросков с натуры и на их основе создал блестящую композицию — всеми признанный символ Санкт-Петербурга⁸.

Велика также роль боевого генерала Петра Мелиссино в создании в Санкт-Петербурге, на берегу реки Ждановки, грандиозного архитектурного ансамбля для размещения вверенного ему Кадетского корпуса, сохранившегося до настоящего времени, в котором уже свыше 200 лет размещаются военно-учебные заведения России. Так, в 1794 г. по ходатайству генерала П.И. Мелиссино, к которому поступило это предложение, Екатерина II повелела архитектору Ф.И. Демерцову разработать проект комплекса каменных зданий в виде четырехугольного

каре для размещения Артиллерийского и Инженерного кадетских корпусов. Фасад центрального здания должен был выходить на набережную реки Ждановки. В 1795 г. главный корпус ансамбля зданий был торжественно заложен, а завершено строительство центрального здания было уже в 1796 г. В этом здании были размещены учебные классы, актовый зал, музей корпуса, управление (дирекция) учебного заведения, католическая и лютеранская церкви и другие помещения. В 1803–1805 гг., уже после смерти генерала от артиллерии П.И. Мелиссино, было завершено строительство корпусов правого и левого фаса, замыкающего четырехугольник, здания. В корпусе правого фаса на втором этаже в 1804 г. в специально построенном и оборудованном помещении была создана и освящена православная церковь во имя Св. Александра Невского. Полностью строительство всего архитектурного комплекса было завершено в царствование Александра I в 1806 г. Ныне здесь размещается Военно-космическая академия имени А.Ф. Можайского⁹.

П.И. Мелиссино известен также тем, что активно сподобствовал строительству обветшавшей артиллерийской церкви в Санкт-Петербурге по Литейной улице. Мелиссино обратился 20 февраля 1797 г. к императору Павлу I с просьбой помочь завершить строительство каменной церкви взамен старой, которое было приостановлено из-за отсутствия средств. Павел I весьма благосклонно воспринял просьбу известного, боевого генерала и распорядился выделить «деньги, нужные на достройку начатой сооружением артиллерийской церкви во имя Сергея Чудотворца»¹⁰.

Вскоре строительство обширного каменного храма из трех приделов было завершено. В июле 1800 г. был освящен третий придел — главная церковь во имя преподобного Сергея Радонежского Чудотворца. Таким образом, грек Петр Мелиссино оставил о себе еще одно архитектурное напоминание, теперь уже Сергиевский православный храм артиллерийского ведомства в центральной части столицы. С декабря 1803 г. храм стал именоваться Собором всей артиллерии, а с 1835 г., по повелению императора Николая I, Собором всей гвардейской артиллерии.

К сожалению, в 1932 г. всеми почитаемый и великолепный храм был закрыт, а затем и разобран. На его месте построили административное здание, вошедшее в комплекс зданий ОГПУ–НКВД (ныне ГУВД Санкт-Петербурга).

В XIX в. весьма существенную лепту в архитектурный облик Санкт-Петербурга внес крупный русский промышленник, винный откупщик, владелец «чугуноплавильных и железоделательных заводов», судовладелец, создатель Сормовского судостроительного завода, золотопромышленник, известнейший меценат — грек Дмитрий Егорович Бенардаки (1799–1870)¹¹. За свои славные деяния он стал кавалером российских и греческого орденов, почетным гражданином Санкт-Петербурга и почетным гражданином Греции.

Как считали современники, лучшей памятью о многочисленных добрых свершениях Д.Е. Бенардаки стала построенная на его средства в Санкт-Петербурге Греческая посольская церковь во имя Св. великомученика Дмитрия Солунского. Все весьма значительные расходы на строительство и оформление храма, от его закладки в июне 1861 г. и до освещения в ноябре 1865 г., он полностью взял на себя.

Церковь была сооружена на Лиговском проспекте в византийском стиле по проекту архитектора Р.И. Кузмина. В основу ее архитектурного облика автором-архитектором был заложен образ главного храма Православного мира — собора Св. Софии Константинопольской.

При сооружении греческой церкви широко использовались конструктивные приемы и декоративные мотивы, характерные для византийской архитектуры VI–XI вв. Однокупольный храм венчал позолоченный купол. Одноярусный иконостас был вырезан из орехового дерева, образы написаны в Греции, византийские орнаменты искусно выполнены К.Л. Брамсоном. Иконы и утварь для храма были доставлены из Греции, причем в их числе имелось немало старинных. Церковь вмещала до 1000 человек, богослужение велось на греческом и славянском языках, вокруг нее был разбит сад, обнесенный красивой металлической оградой¹². Появление греческой церкви облагородило тогда окраинный район города —

Пески и расположенную здесь греческую слободу. Об этом утверждалось, например, в журнале того времени «Воскресный досуг»: «Из новых зданий, воздвигнутых в Петербурге, самое замечательное по своей архитектуре — греческая церковь. Храм очень красив, в архитектуре его нет ничего рутинного, казенного. С открытием этой церкви вся прилежащая к ней часть столицы получила другой, красивый вид и там, где прежде, на летней Конной площади (с середины 1860-х гг. — Греческой. — Ю.П.), тошли в грязи, поднимаются изящные, стройные здания, группируясь около греческой церкви». Практически с этого времени Греческая площадь с храмом стала духовным и культурным центром петербургских греков.

Весной 1871 г. новопостроенная трасса, от нынешнего Волынского переулка до 2-й Советской улицы, была названа Греческим проспектом. В этом же районе располагалось и дипломатическое представительство Греции в Санкт-Петербурге. В 1884 г. журнал «Нева» писал: «Греческая церковь во имя Св. великомученика Дмитрия Солунского, построенная на Песках, между Четвертою и Пятою Рождественскими улицами, представляет собой в нашей столице один из лучших в мире образцов византийского зодчества»¹³. К величайшему сожалению, через 100 лет после своей закладки, уникальный храм, украшавший столицу империи, в 1962 г. по решению властей был снесен под смеотворным предлогом — как «малохудожественный».

Богослужение в церкви, принадлежавшей ранее греческой миссии, прекратилось в 1938 г., а окончательно храм был закрыт в 1939 г. Во Время Великой Отечественной войны в греческую церковь попала немецкая бомба, которая пробила купол храма и застряла в его полу, так и не взорвавшись. Когда бомбу стали вывозить на грузовике, стараясь соблюдать при этом все положенные меры безопасности, она внезапно взорвалась на улицах Ленинграда, примерно в 200 метрах от церкви.

Поврежденный храм много лет стоял заброшенный, видимо никому не нужный. Средств на его восстановление у города так не нашлось. А когда появилось решение построить концертный зал к предстоящему юбилею — 50-летию Великой Октябрьской Социалистической рево-

люции, то весьма удобным и подходящим местом для его строительства власти посчитали пространство, которое занимал полуразрушенный храм, требующий немалых средств для своего восстановления. В результате на месте ценного памятника архитектуры теперь возвышается унылая бетонная коробка концертного зала «Октябрьский», которая едва ли украшает Греческую площадь. Так исчез единственный греческий храм в городе на Неве. Варварский снос храма с заметной тоской и печалью описал Иосиф Бродский в своем стихотворении «Остановка в пустыне»¹⁴. В свое время в греческой церкви, исходя из пожелания Д.Е. Бенардаки и уже имевшегося повеления Александра II, был похоронен меценат, почетный гражданин Санкт-Петербурга, почетный гражданин Греции, умерший от сердечного приступа в Висбадене в 1870 г. В сентябре 2011 г., забальзамированные останки Д.Е. Бенардаки, обнаруженные после длительных поисков и идентифицированные, были торжественно перезахоронены в Некрополе мастеров искусств Александро-Невской лавры, рядом с могилой художника греческого происхождения Архипа Куинжи. На могиле был установлен памятник с бюстом покойного. Так, многострадальные останки почетного гражданина Санкт-Петербурга, изъятые из склепа при сносе греческой церкви, получили наконец заслуженное, достойное христианское упокоение.

В 2003 г. в саду на Греческой площади, по инициативе греческой общественности, был торжественно открыт памятник Иоанну Каподистрии, статс-секретарю МИД России, первому президенту (1827–1831) независимой Греции. Несомненно, данный памятник украсил Греческую площадь, напоминает о славных деяниях, свершившихся во благо России греками.

С именем Д.Е. Бенардаки, наряду с греческим храмом, связан еще один замечательный памятник архитектуры — особняк на Невском проспекте, 86. Ныне это Дом актера имени К.С. Станиславского¹⁵. Старинное здание, в результате перестроек, уже в начале XIX в. приобрело тот вид, который оно имеет сегодня. Став собственником данного здания в 50-е годы XIX в. Д.Е. Бенардаки произвел ряд существенных изменений в особняке и прилегающей

к нему территории (Невский проспект, 84). Так, на заднем дворе особняка был разбит красивый сад с беседкой — эстрадой. В глубине участка, по проекту архитектора А. Кольмана, были построены кирпичные жилые корпуса — ныне это дом № 84. Функции особняка при Д.Е. Бенардаки значительно расширились. Так, мезонин особняка стал сдаваться в наем, первый этаж был отведен под магазины, а в парадных залах с 1869 г. разместился Английский клуб, ставший любимым местом отдыха для многих известных петербуржцев. Однако в 1877 г., через 7 лет после смерти Д.Е. Бенардаки, новый собственник — гофмейстер, князь Н. Юсупов — произвел значительные изменения.

В 1874–1877 гг. на Литейном проспекте, по заказу и на средства грека князя Александра Дмитриевича Мурузи, по проекту архитектора А.К. Серебрякова, в модном тогда «мавританском стиле» был построен доходный дом, поражавший современников своим внешним и внутренним великолепием, удивительным декором и техническим совершенством¹⁶. Роскошный и весьма дорогой для своего времени доходный дом имел прачечную, паровое отопление, водопровод, 28 ванных комнат. Сам князь А.Д. Мурузи с семьей занимал апартаменты из 26 комнат в бельэтаже, который своими окнами выходил на Литейный проспект. Широкая мраморная лестница, украшенная арабской вязью, вела в апартаменты, в зал, стилизованный под внутренний мавританский дворик. Это здание по адресу: Литейный проспект, д. 24/27 широко известно по сей день как Дом Мурузи. Оно по-прежнему украшает собой Санкт-Петербург, представляя яркий образец арабского западного зодчества, хотя и понесло уже определенные, весьма ощутимые утраты. С 2003 г. в нем находится мемориальный музей-квартира И.А. Бродского.

Современный Петербург продолжает разрастаться новыми районами, имеющими уже современный архитектурный облик, в создании которого, как и прежде, участвуют россияне, имеющие греческие корни. Среди них хотелось бы, прежде всего, назвать архитектора, профессора Валериана Дмитриевича Кирхоглани (1913–1994), автора многих крупных мемориальных комплексов и памятников, известного специалиста ландшафтного и садо-

во-паркового искусства, немало сделавшего во второй половине XX столетия¹⁷. Участник Великой Отечественной войны, архитектор В.Д. Кирхоглани в первый послевоенный 1946 г. активно участвовал в работах по восстановлению разрушенных зданий Ленинграда, воссозданию их исторического облика. В дальнейшем он сосредоточился на создании мемориальных комплексов, посвященных героическому прошлому города — революционным событиям и Великой Отечественной войне.

Так, например, в соавторстве с архитектором Е.И. Катониным, Кирхоглани является создателем мемориального комплекса «Московский парк Победы» в Ленинграде. Здесь их встречают величественные Пропилеи парка, аллея Героев Советского Союза, монументы воинской славы, памятники мужеству защитников и жителей блокадного города. С именем профессора В.Д. Кирхоглани связаны также градостроительные проекты, придавшие современный облик площади Искусств (1946), бульвару у Михайловского замка (1948). Он свыше 40 лет преподавал в Ленинградском высшем художественном про мышленном училище им. В.И. Мухиной, где подготовил и воспитал целое поколение архитекторов, специалистов по ландшафтному и монументальному проектированию.

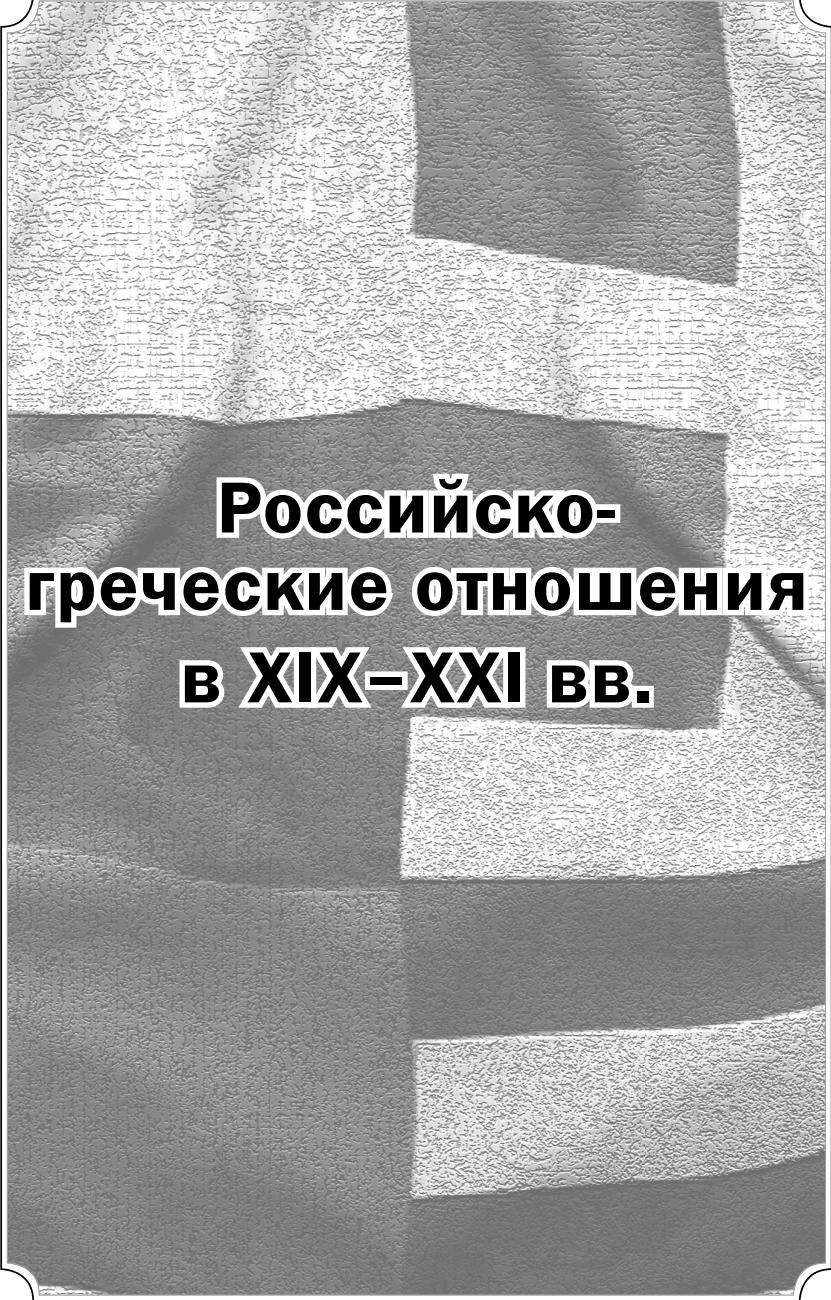
Хотелось бы назвать имя еще одного петербуржца с греческими корнями — заслуженного строителя РФ Ивана Константиновича Сахиниди (1917–1992), посвятившего жизнь строительству метро в Ленинграде (Санкт-Петербурге). При его непосредственном участии и техническом руководстве осуществлялось проектирование, планирование и строительство нескольких линий Ленинградского метрополитена, были разработаны и внедрены новые прогрессивные конструкции и технологии, механический комплекс, с помощью которого была достигнута рекордная скорость проходки — 1253 метра в сутки. С именем И.К. Сахиниди связано создание, например, вестибюля станции метро «Площадь Мужества». Остекленный наземный вестибюль станции метро «Выборгская» на Лесном проспекте Санкт-Петербурга также сооружен с использованием новых конструктивно-технических приемов, в разработке которых активно участвовал И.К. Сахиниди.

Он был награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени, рядом медалей, государственными премиями, вошел в историю создания метрополитена северной столицы, серьезно изменившего облик города и жизнь горожан.

Таким образом, даже приведенных данных, думается, вполне достаточно, чтобы с полным основанием сделать заключение о заметной роли этнических греков (россиян с греческими корнями) в строительстве Санкт-Петербурга, сооружении памятников, знаковых зданий, в сохранении исторического и в создании современного облика прекрасного города на Неве — Санкт-Петербурга.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: *Зарецкая З.В. Фальконе. Л., 1965; Каганович А.Л. Медный всадник. История создания монумента. Л., 1975.*
- ² Энциклопедия военных и морских наук. СПб., 1891. Т. 5. С. 130.
- ³ *Иванов Г.И. Камень-гром. Историческая повесть. Л., 1994. С. 56, 62, 69–79.*
- ⁴ *Ключевская К.В. Медный всадник. Л., 1967.*
- ⁵ Невероятное русское техническое достижение. Памятник, воздвигнутый во славу Петра Великого, или рапорт о проведенных работах и технических средствах, которые были использованы для доставки в Петербург скалы весом в две тысячи тонн, предназначенный для использования в качестве основания для статуи данного императора на коне и прочее. Афины: Общество по изучению истории Греции, 2003 (Репринт. Переиздание 1777 г.).
- ⁶ *Бакмейстер И.Г. Историческое известие о изваянном конном изображении Петра Великого, сочиненное коллежским асессором и библиотекарем Императорской Академии наук Иваном Бакмейстером (переведено Н. Карандашевым). СПб., тип. Шнора, 1788.*
- ⁷ *Иванов Г.И. Камень-гром. Историческая повесть. С. 73.*
- ⁸ *Синдаловский Н.А. Легенды и мифы Санкт-Петербурга. СПб., 1997. С. 71.*
- ⁹ *Жерве Н.Л., Строев В.Н. Исторический очерк 2-го кадетского корпуса. СПб., 1912. С. 10–25.*
- ¹⁰ Приложения к камер-фурьерскому журналу 1797 года. СПб., 1897. С. 35–36.
- ¹¹ Корин А. Потомок древних афинян стал первым русским миллионером // Русский предприниматель. № 11 (18), 2003–2004; Григорьян В.А. Формирование российского типа предпринимателя-буржуза на примере Д.Е. Бенардаки. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Саранск, 2008.
- ¹² *Антонов В.В., Кобак А.В. Святыни Санкт-Петербурга. Т. 1. СПб., 1994. С. 176–177.*
- ¹³ Нева. № 48. 1884.
- ¹⁴ *Бродский И.А. Избранные стихотворения 1957–1992. М., 1994. С. 77–78.*
- ¹⁵ *Бурена М.С. Прогулки по Невскому проспекту. СПб., 2003. С. 235–239; Кириков Б.М., Кирикова Л.А., Петрова О.В. Невский проспект: архитектурный путеводитель. М., 2004. С. 326–329.*
- ¹⁶ *Кобак А., Лурье Л. Дом Мурузи. СПб., 1996; Зодчие Санкт-Петербурга XIX – начала XX века / Составитель В.Г. Исаченко. СПб., 1998.*
- ¹⁷ *Сады и парки Ленинграда. Л., 1959; Гусаров А.Ю. Памятники воинской славы Петербурга. СПб., 2010.*

Российско- греческие отношения в XIX–XXI вв.

Валерия Александровна ЗАНИНА,
третий секретарь Историко-
документального департамента
МИД России

Предпосылки открытия российского консульства на Крите: история и современность

В основе решений о направлении на Крит российских представителей в XVIII–XIX вв. лежали политические и военно-стратегические соображения. Интерес к острову со стороны России был вызван его ключевым, стратегически важным положением в регионе Восточного Средиземноморья. Географическое расположение Крита на перекрестке морских коридоров Гибралтар – Суэц – Дарданеллы придавало ему геополитическое значение центра всех торговых и военных маршрутов между Западной Европой, турецкими проливами и Ближним Востоком. Обойти вниманием этот самый крупный по величине остров Восточного Средиземноморья на пути продвижения России в регион было практически невозможно еще и потому, что его стратегическое значение привлекало к нему внимание других европейских морских держав – Франции и Англии, конкурирующих с Россией за влияние в этом регионе.

Консульско-дипломатическая работа велась на Крите, входившем в состав Османской империи, с которой у России периодически возникали военные конфликты. Тогда российские консулы были вынуждены покидать остров. Однако со временем работа возобновлялась. Таким образом, в истории консульско-дипломатического присутствия России на Крите можно выделить три основных этапа.

Началом первого этапа определен 1784 г., когда, по условиям Кючук-Кайнарджийского мирного договора, подписанного между Российской и Османской империями, было впервые принято решение направить в Кандию (название острова Крит в дипломатической переписке XVIII в.) русского консула. В том же году это решение было закреплено именным высочайшим указом Екатерины II, в котором императрица повелела назначить Карла Оттона Шпалкгабера российским консулом на о. Кандия «для пользы службы нашей и торговли российской»¹. 2 апреля 1785 г. К. Шпалкгабер прибыл на о. Кандия к месту своей службы*. Однако критские турки, поощряемые ага (представителями местной турецкой администрации) и французским консулом в Кандии Магаллоном, устроили бунт и не позволили российскому консулу сойти на берег. 22 мая 1785 г. К. Шпалкгабер был вынужден вернуться обратно в Константинополь и оставаться там до тех пор, пока вопрос о его пребывании в Кандии не был улажен с Портой. После того как он получил известие от российского посланника в Константинополе Я.И. Булгакова о том, что «канейские дела» приведены в порядок, 30 августа 1785 г. он отплыл из Константинополя и 8 сентября того же года прибыл на остров Кандия в порт г. Канеи (Ханья). После того как из числа домов, предложенных ему турецкими властями на Крите, Шпалкгабер выбрал наиболее подходящее, 22 сентября 1785 г. на здании этого дома был поднят российский флаг и выставлен императорский герб. Вместе с К. Шпалкгабером на острове находились два переводчика: первый драгоман — Иван Томажан и второй драгоман — А.М. Огиевский. Этот этап завершился отъездом консула и двух переводчиков с Крита в 1787 г. в связи с началом русско-турецкой войны.

Решение о направлении российского консула на Крит в 1784 г. было связано с присоединением к России в 1783 г. Крымского полуострова и реакцией на это собы-

* Упоминание о прибытии К. Шпалкгабера в Кандию содержится также в работе Г.Л. Ариша «Россия и борьба Греции за освобождение: от Екатерины II до Николая I. Очерки». М., 2013, но с несколько иной интерпретацией его фамилии — К. Шпалькгабер.

тие со стороны Турции и Франции. Французы опасались, что укрепление позиций России в Черном море усилит ее влияние на Порту и приведет к нарушению баланса в Восточном Средиземноморье, установленного с начала тесной связи Парижа с Османским двором, в пользу России. По информации, полученной от ряда российских миссий за рубежом, французы собирались высадить десант на острове Кандия и расположить там военные части и флот для оказания помощи Турции в возможном конфликте с Россией, а турки планировали направить дополнительные войска для увеличения численности местного гарнизона. Ситуация выглядела таким образом, что турецкая сторона намеревалась использовать участие французов в деле укрепления и вооружения Крита, а французы под видом оказания помощи туркам установить полный контроль над островом, восстановив тем самым геополитический баланс. По характеру военных приготовлений на острове нельзя было исключить вероятность его прямого использования в качестве военной базы в антироссийских целях.

Расположение французского флота на Крите имело немаловажное значение для защиты турецкой столицы от возможного нападения российского флота, поскольку расстояние от Крита до Проливов было почти такое же, как расстояние между Проливами и российским Крымом. Критская бухта Суда (недалеко от Ханьи) с ее фарватером и вместительный порт идеально подходили в качестве стоянки для долгосрочного базирования флота. В отличие от Черного моря, ситуацию в Средиземноморье Россия полностью контролировать не могла, вследствие чего появлялась возможность скопления значительных турецко-французских военно-морских сил вне поля зрения российской стороны. Несмотря на то что в оперативных разработках фельдмаршала князя Г.А. Потемкина на случай войны с турками в качестве главного наблюдательного пункта за передвижениями турецкого флота указывались Дарданеллы, сведения, получаемые от российского консула в этой точке, содержали информацию непосредственно о действиях вражеского флота

на подходах к Проливам и в Эгейском море, а также о движениях турецких войск в Азиатской части Османской империи, но в силу географического расположения не могли представлять полной картины о передвижениях кораблей противника в Средиземном море. Критский контраргумент в руках Порты таким образом уравновешивал бы крымский в руках России, что давало туркам возможность не соблюдать невыгодные им условия мирных договоренностей с Россией, обеспечивающие последней выход в Средиземное море и продвижение интересов на Ближнем Востоке.

Исходя из этих соображений, а также учитывая, что данные о намерении Франции занять остров Кандио по большей части основывались на слухах и неподтвержденной информации, необходимо было прояснить намерения французской и турецкой сторон в отношении Крита.

После того как Я.И. Булгакову, на фоне подозрительного молчания Порты после присоединения Крыма Россией, в реескрипте Екатерины II от 5 февраля 1784 г. было сообщено, что «слухи о намерении Франции занять остров Кандио под видом удобности оказать помошь Порте в случае нашей с ней войны подтверждаются будто бы присоединением еще и полуострова Мореи»², до посланника была доведена информация о необходимости назначить российского консула в Кандио и Морею для того, «чтобы иметь точные и обстоятельные сведения обо всем, что там происходит, снабдив их наставлением относительно стяжания иметь там знакомства и связи, для службы нашей полезные»³.

В задачи русской консульской миссии входило наблюдать за тем, что происходит на острове и своевременно сообщать обо всем российскому посланнику в Константинополе, а также всячески способствовать развитию торговли российских подданных с Критом.

Благодаря информационно-аналитической работе консула была значительно снижена вероятность использования Крита в антироссийских целях, так как поступающая от консула информация о действиях французов и турок на Крите сокращала возможности использования

его в военно-стратегических планах. Кроме того, сведения Шпалкгабера служили аргументацией Булгакову, который предупреждал Порту о намерении французов полностью завладеть островом. Таким образом, снижалась степень французского влияния на турецкие власти и подрывался авторитет французского консула на Крите. А без военно-технической поддержки со стороны Франции использование Крита в качестве военно-морской базы Порты представлялось маловероятным.

Развитие торговли с Критом расширяло рамки российского присутствия в регионе Восточного Средиземноморья, так как давало России весомый аргумент в пользу патрулирования российской эскадрой критских вод для защиты нового торгового направления. Усиление же российского военно-морского присутствия в регионе в свою очередь также значительно снижало степень эффективности использования Крита в военных целях и вероятность незаметного для России базирования турецкого и французского флота в Средиземном море и служило дополнительным источником информации о том, что происходит на подступах к Проливам. Развитие торговли способствовало укреплению связей российских греков с греками, проживающими на территории Османской империи.

В результате, благодаря консульско-дипломатическому присутствию России на Крите, была снижена потенциальная угроза использования Крита в качестве турецко-французской военно-морской базы, Порта была лишена возможности избегать соблюдения мирных российско-турецких договоренностей, а политические соперники России — способа отодвинуть ее от участия в делах региона. Это привело к расширению сферы российского влияния, в том числе к появлению широкой консульской сети России в регионе Восточного Средиземноморья, на Ближнем Востоке и Египте.

После отъезда российского консула с Крита в 1787 г. информацию с острова, в основном касающуюся торговых кораблей под русским флагом, предоставлял австрийский вице-консул в Кандии Марк Антон Бертранд.

Решение о направлении следующего штатного** консула России на Крит было принято лишь в 1860 г., что положило начало второму этапу деятельности русской миссии на Крите, продлившемуся до 1878 г., когда русские дипломаты покинули остров в связи с началом очередного русско-турецкого военного конфликта.

После поражения в Крымской войне сильные позиции России в регионе Восточного Средиземноморья были утеряны. По условиям Парижского мирного договора 1856 г. России запрещалось иметь военный флот и военно-морские базы в Черном море, а проход военных кораблей через Проливы был закрыт. Позиции необходимо было отвоевывать, и с этой целью, в условиях отсутствия главного аргумента — Черноморского флота, российская сторона избрала для себя наиболее приемлемую тактику осторожного, постепенного наращивания влияния в регионе, используя консульско-дипломатические методы.

К 1860 г. до России стали доходить слухи из разных источников о том, что в результате жестокого и несправедливого правления критских губернаторов Хюсни-паша и предшествовавшего ему Вели-паша ситуация на Крите приобрела крайне нестабильный характер и рисковала вылиться в масштабные недовольства со стороны христианского населения. В инструкции российского посланника в Константинополе князя А.Б. Лобанова-Ростовского назначенному генеральным консулом на Крит Спиридону Ивановичу Дендрину от 23 марта 1860 г. отмечалось, что «с каждым новым испытанием возбуждение среди критян Кандии против мусульманских властей нарастает и, наконец, в последнее время принимает формы систематической оппозиции, конечные итоги которой весьма трудно предвидеть»⁴. Обеспокоенность ситуацией на острове со стороны России, помимо общественного со-

** В XVIII–XIX вв. складывается деление консулов на штатных, или профессиональных, и нештатных, или почетных. Штатный консул — лицо, состоящее на гос. службе представляемого государства и, как правило, являющееся гражданином этого государства. Нештатный консул — лицо, не состоящее на государственной службе, но выполняющее консульские функции по поручению представляемого государства и с согласия государства пребывания. На Крите российские штатные консулы находились в Канее, а нештатные — в Кандии и Ретимно.

чувствия единоверному народу, была вызвана тем, что волнения на острове могли привести к полномасштабным восстаниям, угрожавшим отделением острова в независимую область и нарушением целостности Османской империи. Такая перспектива вызывала опасения со стороны России, так как нарушение статус-кво наверняка привело бы к противостоянию России с другими заинтересованными сторонами, и прежде всего с Англией, в борьбе за османское наследство в крайне невыгодных для России условиях военно-политической изоляции.

Второй предпосылкой открытия российского консульства стало массовое обращение критских христиан в католицизм, вызванное их недовольством властью на Крите. Довольно большое число греческих семейств, порядка 130, а по некоторым сведениям — и 200, не зная, где искать убежище от жестокости турецких властей, признали верховенство Папского престола в надежде получить покровительство со стороны французского консульства на Крите. Согласно поступающим с Крита известиям, численность новообращенных там постоянно возрастала и к 1860 г. достигла нескольких тысяч человек. Подобное положение вещей не устраивало османские власти, крайне чувствительно относящихся к религиозным вопросам, особенно когда они были связаны с внешними политическими влияниями. Это послужило третьей предпосылкой к открытию российского консульства. Когда Порта узнала о назначении консула России на Крите, она испытала в связи с этим живейшее удовлетворение в надежде, что присутствие российского представителя станет противовесом влиянию Франции и Англии, которое до сих пор оставалось исключительным. Порта привыкла связывать свои опасения с фантомом так называемого покровительства России православным народам в Османской империи, и теперь смещение зоны недоверия в сторону Франции давало русской консульской миссии на Крите возможность, без привлечения к себе особого внимания, расширить сферу своей деятельности на острове.

Предпосылки, которые привели к открытию российского консульства на Крите в 1860 г., определили ее

цели и задачи. Главная цель заключалась в том, чтобы сохранить статус-кво, не допустить на данном этапе отделения Крита в независимую область и предотвратить распространение влияния третьих сторон, исключающее участие России не только в делах Крита, но и всего региона. Для этого консулу предписывалось установить доверительные отношения с новым губернатором Крита Исмаилом-пашой, чья склонность к примирению и беспристрастное отношение к христианам позволяли российскому консулу обратить его внимание на интересы критских христиан и смягчить режим управления. Демарши консула перед губернатором в пользу критских христиан должны были способствовать укреплению среди них российского нравственного влияния и помочь консулу установить прямые связи с знатными греческими семействами Крита. Вызывая в них доверие желанием оказать необходимую помощь, российская сторона могла влиять на их собственное суждение о положении дел на Крите, успокаивая их с тем, чтобы усмирить волнения, господствовавшие на острове, помешать обращению критских греков в католичество и вернуть их в лоно Православной церкви.

Задачи, обозначенные в инструкции А.Б. Лобанова-Ростовского на этапе учреждения миссии, были направлены на поддержание стабильности на острове как неотъемлемого условия сохранения статус-кво. В их числе — наблюдение за происходящим на острове, получение доверительных сведений и распространение российского влияния среди христианского населения Крита. Такая стратегия ведения дел на Крите сохранялась вплоть до получения островом автономии в 1897 г. Поэтому перед очередным российским консулом на Крите А.Е. Лаговским, чья деятельность на этом посту продолжалась с 1870 г. по 1878 г., стояли схожие задачи.

Началом третьего, заключительного, этапа деятельности русской императорской консульской миссии на Крите, продлившейся до 1917 г., можно считать возвращение российского официального представителя на Крит после окончания русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Перед консульством стояли новые задачи в связи с окончанием процесса распада Османской империи, нарастанием региональных и европейских противоречий с участием России, бурным ростом капитализма в России. Этому этапу присуща довольно активная деятельность российской дипломатии на Крите, включая участие России в процессе получения Критом автономии в 1897 году и миротворческой операции великих держав***.

Российские штатные консулы, работавшие на острове в это период: в 1879–1882 гг. — титулярный советник Романенко, в 1883–1894 гг. — статский советник Л.А. Няга, в 1895 г. — надворный советник барон А.Б. Фитинггоф-Шель, в 1896–1898 гг. — статский советник Н.Н. Демерик, в 1899–1901 гг. — статский советник А.А. Гирс, в 1902–1904 гг. — коллежский советник Н.С. фон-Эттер, в 1905–1908 гг. — А.Н. Броневский, в 1909–1912 гг. — статский советник А.Ф. Шебунин, в 1913 г. — статский советник А.Д. Калмыков, в 1914–1917 гг. — надворный советник П.А. Лобачев.

Анализ предпосылок направления на Крит российских официальных представителей и открытия консульства в XVIII–XIX вв. позволил сделать вывод, что исторически решение об открытии русской консульской миссии на Крите было вызвано политическими и военно-стратегическими соображениями и принималось именно тогда, когда обстоятельства и внешнеполитические задачи России требовали от нее непосредственного участия в восточно-средиземноморских делах с целью распространения своего влияния в регионе и противостояния укреплению там позиций других сторон.

Современные предпосылки открытия российского консульства на Крите также связаны с необходимостью сохранить тенденцию наращивания российского присутствия в регионе Восточного Средиземноморья. Из заявлений российского руководства страны следует, что Восточное Средиземноморье является одним из приоритетных

*** Интересные данные по изучению этого периода содержатся в монографии О.В. Соколовской «Россия на Крите. 1897–1909 гг. Из истории первой миротворческой операции XX века». М., 2006.

направлений внешней политики России. Очевидно, что для реализации стоящих перед Россией в этом регионе задач, а также в целях противодействия попыткам помешать реализации российских планов недостаточно сохранять уже имеющиеся российские позиции в Восточном Средиземноморье, а необходимо предпринимать активные действия, направленные на усиление российского присутствия в этом регионе, в первую очередь, путем расширения консульско-дипломатической сети.

Остров Крит входит в стратегическую ось Сицилия–Мальта–Крит–Кипр, контроль над которой обеспечивает безопасность всего средиземноморского транзита Черное море – Ближний Восток – Западная Европа и позволяет заблаговременно отслеживать перемещение военного и торгового флота из Атлантики в Средиземное море и Проливы. В трех из этих точек – Сицилии, Мальте и Кипре – российские представительства уже действуют.

Открытие российского консульства на Крите, как показывает опыт, может стать важным звеном в формировании системы стратегического обеспечения национальной безопасности России по ряду направлений:

- ▶ усиление и закрепление российского присутствия в регионе Восточного Средиземноморья;
- ▶ установление российского присутствия на Крите в условиях возрастающего внимания к острову в связи с задействованием военно-морской базы НАТО, располагающейся в критской бухте Суда, в военных операциях на Ближнем Востоке, и в Сирии в частности. На данный момент ни у одной страны нет на острове своего консульства, а интересы иностранных граждан представляют почетные консульства, назначенные из местных жителей;
- ▶ приобретение опорно-наблюдательного пункта за происходящим в регионе;
- ▶ свидетельство долгосрочных стратегических планов России по расширению влияния в регионе Восточного Средиземноморья как в глазах союзников России, так и ее оппонентов;
- ▶ задействование потенциала острова в области добычи углеводородов на критском шельфе.

► эффективное решение вопросов, связанных с российским участием в торгово-экономических проектах (например, российские инвестиции на острове, покупка недвижимости, туризм, рост товарооборота, в перспективе — энергетика, транспорт, связь, сельское хозяйство, а также совместная разработка критского шельфа, создание газохранилища и завода по переработке сжиженного газа. Все это в целом благотворно скажется на развитии двусторонних российско-греческих связей и поможет России закрепить статус привилегированного партнера Греции в регионе;

► оказание поддержки российскому торговому и военному флоту, находящемуся в Средиземном море. В условиях санкций и международных исков в отношении России расширение военно-морского сопровождения ее торговых операций в Восточном Средиземноморье, Южной Европе, Ближнем Востоке, с Индией и другими странами становится необходимым элементом стратегического обеспечения национальной безопасности России. Кроме того, в условиях реальной угрозы распространения международного терроризма постоянное пребывание российского флота в регионе позволит ему при наличии политического решения принять участие в действиях многонациональных формирований как в Средиземном море, так и за его пределами в интересах стабилизации обстановки и международной безопасности;

► создание атмосферы стабильности и безопасности на острове в условиях активной внешней политики Турции и США, учитывая сильные антиамериканские настроения в Греции. Перспективы открываются и с учетом прихода к власти в Греции в 2015 г. Коалиции левых сил, негативно относящихся к политике НАТО и, в целом, к активному участию Греции в трансатлантических структурах. Новое правительство может быть заинтересовано в усилении противовеса западным силам в регионе;

► осуществление консульского обеспечения и помощи российским гражданам. В настоящее время интересы российских граждан на острове защищает почетный консул России на Крите гражданин Греции Н. Даскаландонакис.

Однако из-за ежегодно увеличивающегося туристического потока из России в разные части острова и возникающих в связи с этим ситуаций, требующих непосредственного консульского вмешательства, необходимо организовать постоянное присутствие российских дипломатических представителей в г. Ханье, а также иметь почетных консулов России из числа местных жителей в других крупных городах острова — Ираклионе и Ретимно;

- ▶ продвижение гуманитарных проектов. Учитывая благоприятный климат Крита, можно было бы рассмотреть вопрос об открытии на острове сети оздоровительных лагерей для российских детей;
- ▶ укрепление российско-греческих связей в области науки и образования через развитие связей российских вузов с университетами Крита и т. д.

Уже сейчас в рамках деятельности, направленной на возобновление консульско-дипломатического присутствия России на Крите, в качестве первого шага можно было бы рассмотреть возможность установления памятной доски на здании российского императорского консульства в г. Ханье.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. Д. 1066. Л. 1. Копия на рус. яз.

² АВПРИ. Ф. Константинопольская миссия. Оп. 90/1. Д. 817. Л. 92.

³ АВПРИ. Там же. Л. 92 об.—93.

⁴ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2415. Л. 5. Перевод с фр. яз.

*Ольга Владимировна СОКОЛОВСКАЯ,
д.и.н., Институт славяноведения РАН*

Российский императорский флот и Греция во второй половине XIX – начале XX в.*

Начиная с середины XIX в. одним из самых напряженных в военно-политическом отношении регионом было Восточное Средиземноморье, расположенное на перекрестке трех континентов — Европы, Азии и Африки, где сталкивались интересы великих европейских держав. Этот регион занимал важное место во внешней политике России, главной целью которой было обеспечить себе безопасный выход в «европейское» Средиземное море из перекрытого Проливами Черноморского «озера». Соответственно геополитические конкуренты — прежде всего Османская империя и Великобритания — стремились запереть Россию в Черном море, одновременно создавая для ее южных границ постоянную военную угрозу.

Интересы России в этом регионе делали особенно привлекательной Грецию с ее многочисленными островными морскими бухтами. В связи с чрезвычайной активностью русского флота, а точнее Средиземноморской эскадры, в водах Архипелага в годы русско-турецкой войны 1828–1829 гг., когда Россия, наряду с Великобританией и Францией, приняла участие в освобождении греков от османского владычества и создании греческого государства, русским кораблям потребовалась удобная стоянка в греческих водах. Еще в 1827 г. при первом президенте Греческой Республики, провозглашенной в ходе национально-освободительной войны греков за независимость,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект 15-01-00145а.

графе Иоанне Каподистрии¹ (бывшем министре иностранных дел России и проч.), императорское правительство, по совету адмирала Л.П. Гейдена², купило землю, находившуюся на острове Порос (старое название — Калаврия) в очень удобной для больших кораблей бухте, названной «Русской». На этом участке земли в течение 1828–1829 гг. были сооружены различные постройки «для употребления плавающего в то время в Средиземном море флота»³. Гейдену удалось превратить эту бухту в морскую базу со многими постройками для нужд русской эскадры, принявшей на себя основную тяжесть Наваринского сражения в октябре 1827 г.⁴. Затем на долгие годы о ней забыли.

Греческий король Георг I, вступивший на престол в 1863 г. с согласия Великобритании, России и Франции, после начала очередного крупного восстания на Крите, вспыхнувшего в 1866 г., задумавшись о союзниках в православном мире, обратил свой взор на Россию. Отправившись весной 1867 г. в Петербург, он преследовал несколько целей: навестить сестру Дагмар, великую княгиню Александру Федоровну, супругу цесаревича Александра Александровича (будущего царя Александра III), договориться о помощи восставшему православному населению Крита и найти невесту, чтобы наследник его был также православным. Его выбор пал на юную великую княжну Ольгу Константиновну. Ее отец, великий князь Константин Николаевич, генерал-адмирал флота, возглавлявший Морское ведомство (1855–1881), был готов к такому браку, так как сам уже несколько лет присматривался к молодому греческому королю — ведь Греция имела важное стратегическое положение. После очень краткого знакомства 22-летнего греческого короля с великой княжной состоялось обручение, а 15 (27) октября 1867 г. в соборной церкви Зимнего дворца — и само бракосочетание «сей любезной четы» по православному чину. 16-летняя великая княжна стала королевой эллинов Ольгой. После свадебного путешествия по Европе на празднично украшенном корабле «Эллас» молодые прибыли в порт Пирей, где их встречала восторженная толпа. Греки вспоминали, что Ольга была одета в бело-голубое платье — дань цветам

греческого национального флага — и произвела на них приятное впечатление, которое она никогда не испортила. Георг I и Ольга, правившие с 1867 по 1913 г., стали родоначальниками династии Глюксбургов, имели пятерых сыновей и двух дочерей, воспитанных в православии. Трое из детей — Александра, Николай и Мария — также вступили в брак с представителями дома Романовых.

Первая же помощь России грекам (после заключения российско-греческого брака Ольги и Георга) была оказана в годы Критского восстания в 1867 г., когда в критские воды был послан винтовой фрегат «Генерал-адмирал». Командиром фрегата был капитан 1 ранга Иван Иванович Бутаков (1822–1882), сын контр-адмирала И.Н. Бутакова, прославленного участника русско-турецкой войны 1828–1829 гг.⁵. Затем на помощь грекам были посланы корвет «Память Меркурия» и шхуна «Бомбарь», которые осуществляли перевозку беженцев с о. Крит на материковую часть Грецию.

В греческих водах, в годы правления короля Георга I, постоянно находились военные корабли великих держав-покровительниц Греции — английские, российские, французские и итальянские, которые были гарантами существования Греции, созданной при их активном участии в 1830 г.

Поддержание политического влияния России на Ближнем Востоке осуществляли различные соединения военных кораблей — отдельные отряды и эскадры Средиземного моря и др. Во второй половине XIX столетия существовал «Отряд судов в греческих водах», которым командовали, сменяя один другого, контр-адмирал И.И. Бутаков (1867–1878), контр-адмирал Оскар Карлович Кремер (1878–1882), контр-адмирал Петр Афанасьевич Чебышёв (1882–1884). С 13 июля 1884 г. «по повелению государя императора» начальник отряда судов в греческих водах впредь стал именоваться начальником отряда судов в Средиземном море, о чём было объявлено по Морскому ведомству. В 1884–1886 гг. им командовал контр-адмирал Николай Иванович Казнаков 1-й. Командующими эскадрой Средиземного моря были: контр-

адмирал Федор Карлович Авелан (1893–1894) и Степан Осипович Макаров 1-й (1894–1895). Командующими Отдельным отрядом судов в Средиземном море были контр-адмиралы: Павел Петрович Андреев 4-й (1896–1898); Николай Илларионович Скрыдлов (1898–1899), Константин Ростиславович Вальронд 1-й (1899–1900), Алексей Алексеевич Бирилёв 2-й (1900–1901), Александр Христианович Кригер (1901–1903), Петр Павлович Молас 1-й (1903).

В Пирейском порту в разное время года, но особенно зимой, можно было видеть русские фрегаты, корветы, клиперы, канонерские лодки, крейсеры, броненосцы, минные транспорты. Кроме того, через Пирей проходили русские военные суда, идущие в Тихий океан, на Дальний Восток или обратно. Династические связи между Романовыми и Глюксбургами, т.е. между Россией и Грецией, благоприятствовали базированию русских военных кораблей в водах Архипелага — на островах Парос и Порос, в Пирее, а позже в Суде на о. Крит.

Греческий король Георг I и королева эллинов Ольга с подчеркнутым вниманием встречали приходившие корабли, почти всегда посещали их лично, принимали офицеров во дворце, делали подарки командирам и капитанам кораблей. Греческим орденом Спасителя (I, II и III степеней со звездой, командорского и кавалерского крестов) были награждены почти все командующие, многие адмиралы, контр- и вице-адмиралы русского флота, командиры отрядов и кораблей, побывавших в гостеприимной Греции. Среди них — великий князь Михаил Александрович, адмиралы и контр-адмиралы И.И. Бутаков, А.И. Бутаков, Н.М. Чихачёв, С.О. Макаров, Ф.К. Авелан, Н.И. Скрыдлов, А.А. Бирилёв, С.И. Зеленой, В.К. Витгефт, В.А. и Н.А. Римские-Корсаковы, Ф.А. Гирс и многие другие. Только с 1893 по 1904 г. греческий орден Спасителя был вручен двадцати двум капитанам 2 ранга: П.В. Римскому-Корсакову, Н.Л. Кладо, А.Г. Бутакову, М.К. Племянникову, Н.О. фон Эссену, В.А. Алексееву, А.К. Гирсу, А.И. Мязговскому и многим другим.

В период с 1881 по 1895 г. русские военные корабли совершили около 150 походов в Средиземное море, включая транзитные плавания на Дальний Восток через Суэцкий канал и часто подолгу стояли в Пирее, который с разрешения Георга I был предоставлен нашей Средиземноморской эскадре и отдельным отрядам российских судов в греческих водах в качестве места базирования. Из Пирея корабли эскадры уходили для посещения различных средиземноморских портов, а в остальное время занимались ремонтом и покраской в доках Саламина близ Пирея, боевыми учениями, погрузкой угля, поставщиками которого постепенно стали исключительно греки. Практические стрельбы, по указанию Главного морского штаба, русские моряки проводили всегда только за пределами территориальных вод, а минные учения — вблизи малонаселенных островов Архипелага. Кроме постоянно проводившихся во время стоянок различных учебных занятий, стрельб, хозяйственных забот, офицеры посещали службы в кафедральном соборе и русской церкви Святого Никодима и Святой Троицы в Афинах, театральные постановки, концерты и гастроли оперных певцов в Национальном театре Афин, дорогие кофейни и рестораны. Русские офицеры были частыми гостями королевской четы в афинском дворце, где для них устраивались обеды и балы, а нередко гостили в летней резиденции Глюксбургов в Татое. Они участвовали и в международных гонках на парусных судах.

В обязанность военных кораблей, находившихся в заграничном плавании, входило проведение молебнов по случаю дней рождений, смерти или каких-либо других годовщин огромного числа членов российского императорского дома, несмотря на очень большие расходы. В Греции в Афинах в русской церкви по повелению Ольги Константиновны проводились совместные с русскими моряками молебны по большим религиозным праздникам и другим событиям.

Визиты в Грецию русских военных кораблей доставляли особую радость королеве эллинов, которая стала их настоящим ангелом-хранителем. По воспоминаниям

русских моряков, они чувствовали себя в греческих водах почти как дома. За 46 лет пребывания в Греции язык и обычаи этой страны стали ее жизнью, но любовь или, скорее, тоска по Родине с годами не уменьшалась, а русские корабли оказались как раз той ниточкой, которая связывала ее с Родиной⁶. Это была искренняя и, можно сказать, всепоглощающая любовь к русским морякам — офицерам и простым матросам, — пронесенная ею через всю жизнь. Ольга не скрывала, что часто бывала в Пирее, так как «близость русского судна ласкает и греет душу» и что «при виде русского флага во мне делается какая-то буря, хорошо и больно, и как-то свято!»⁷. Георг I, который сам носил чин адмирала российского флота, понапалу с пониманием относился к увлечению своей супруги флотом и часто вместе с Ольгой посещал русские военно-морские суда, считая это полезным для сохранения династии. Это относится к 70–80-м годам XIX столетия. Затем он все реже посещал русские суда, стараясь не волновать общественное мнение Греции, которое часто отворачивалось от России и занимало прозападную позицию.

Греческая королева оставила богатейшее эпистолярное наследие — сотни писем к отцу, а затем к брату, великому князю Константину Константиновичу, — которое представляет собой настоящую летопись пребывания русских моряков в Греции в конце XIX — начале XX в. Королева подробно описывала все посещения кораблей Греции (за исключением времени, которое она проводила в России).

Уважая чувства, которые питала к российскому флоту греческая королева Ольга, император Александр II в 1879 г. назначил свою племянницу шефом 2-го флотского экипажа Балтийского флота, и его офицеры стали носить на эполетах и на погонах вышитый золотом вензель «О» под короной. В феврале 1902 г. в газетах «Котлин» и в «Кронштадтский вестник» появились хвалебные статьи по случаю 25-летия шефства королевы Ольги, и ее особенно порадовало, что признавалась ее близость к флоту и ее беззаветная любовь к морякам. В 1908 г. королева станет шефом личного состава новейшего крейсера «Ад-

мирал Макаров», так как в связи с реформами на флоте шефство над 2-м флотским экипажем было прекращено.

При императоре Александре III, который приходился двоюродным братом греческой королеве Ольге, уделялось особое внимание флоту. Император надеялся, что это поможет России не только избежать поражений в будущем, но играть ведущую роль в разрешении важнейшего Восточного вопроса, который обострился в конце XIX в. В целом Россия за сорок лет, прошедших после неудачной Крымской войны, смогла создать вполне боеспособные военно-морские силы, состоявшие из кораблей, находившихся на уровне самых современных образцов своего класса.

Значительное увеличение Российского императорского флота требовало также качественных и удобных стоянок и баз. Российские архивы, прежде всего Архив внешней политики Российской империи и Российский государственный архив Военно-морского флота хранят интересные материалы о попытках восстановления российской военно-морской базы на о. Порос (близ Афин в «Русской бухте»), предпринятых при Александре III для нужд Средиземноморской эскадры. Попытка упиралась в то, что документы, подтверждавшие принадлежность земель России в Русской бухте, купленной еще в 1827 г., были утеряны. Однако Георг I не мешал использовать Порос в качестве военно-морской стоянки в любое время года, где проводились, иногда совместно с греками, военно-морские учения.

С каждым годом все больше русских военных кораблей посещали Грецию, на которых несли службу десятки морских офицеров и сотни «нижних чинов». Греческая королева знала многих из них, всю жизнь дружила с семьями моряков, постоянно заботилась о них, порой вызывая даже недовольство не только своей греческой королевской семьи, но и русских адмиралов, например контр-адмирала А.А. Бирилёва.

По инициативе королевы в Пирее было устроено русское кладбище для моряков (сначала — для матросов), поставлен на собранные в России и на русских военных

кораблях деньги, замечательный памятник в виде скалы с зацепившимся за него якорем. Королева писала брату великому князю Константину Константиновичу: «Я думаю, что Нахимов, так любивший матросов, должен был радоваться с небес»⁸. После Русской революции 1917 г. на этом кладбище было похоронено много русских иммигрантов из армии генерала Врангеля, казаки и другие⁹, которые оказались в Греции по воле судьбы. Пирейское русское кладбище с могилами моряков, замечательным памятником и скромной часовней существует и поныне, хотя находится в плачевном состоянии.

В память о рано умершей дочери, великой княгине Александре Георгиевне, Ольга Константиновна построила там же, в Пирее, Русский госпиталь. Деньги на покупку четырехэтажного здания и возведения пристроек были получены в феврале 1895 г. от императорской семьи Романовых (молодого императора Николая II, великого князя Сергея Александровича и др.), от генерала Е.В. Богдановича, купца С.А. Протопопова из Москвы¹⁰. Большая же часть средств представляла собой доход от таможенных сборов от торговли греческой коринкой в России, которые, в виде знака особого благоволения к Греции и к королеве, было решено переводить целиком на ее благотворительные нужды. Министр финансов России С.Ю. Витте¹¹ принял в этом непосредственное участие: письменно изложил государю вопрос о коринке и добился положительного решения. «Теперь, по крайней мере, можно быть спокойной, что эта сумма не попадет в бездонные пропасти греческих финансов, — писала Ольга брату Константину. — Теперь я буду употреблять их на то, что мне кажется необходимым для народа»¹². По распоряжению императора Николая II греческой королеве предоставлялось по 50 тыс. рублей в год для нужд благотворительности в Греции.

Госпиталь был открыт в 1902 г. На мраморной табличке при входе было написано «Русский госпиталь в память великой княгини Александры Георгиевны в Пирее под опекунством королевы эллинов Ольги Константиновны». Русский госпиталь располагался в замечательном

месте — на самом берегу бухты Мунихия, что впадала в Саронический залив. Из окон палат, с обширных открытых террас и многочисленных балкончиков главного корпуса открывались прекрасные виды на море. Воздух в этом месте Пирея был самый чистый, поскольку пароходы здесь никогда не останавливались и не дымили, как в самой Пирейской гавани, и летняя жара не чувствовалась так сильно, как в других частях города. Королева позаботилась, чтобы весь персонал говорил по-русски, а работали — профессиональные врачи и сестры милосердия из России¹³. На первом этаже главного корпуса находились палаты — Ольгинская, Георгиевская, Константиновская, Пантелеимоновская, а также офицерская столовая. На другом конце располагались столовая и палаты: Николаевская, Александровская, Мариинская, а также находились перевязочная и операционная¹⁴. Была учреждена должность священника при Русском госпитале в Пирее¹⁵. Одно время им был известный священник и духовник Ольги Константиновны П.И. Крахмалёв¹⁶. Освящение госпитальной церкви, которая была построена летом 1903 г. на деньги эскадры, состоялось на Масленицу 3 февраля 1904 г. «Она миленькая, но ужасно маленькая, — писала Ольга, — освящал ее здешний русский архимандрит с греческим священником, получившим образование в нашей духовной академии, и с двумя дьяконами, Юрьевым, стариком, и новым; присутствовали офицеры морской лодки “Кубанец” и русское посольство, жены, врачи, доктора, мэр города и городской думы [...] Приступало около 60-ти человек команды — матросики несли хоругви, икону, святую воду. Потом сняли общую, очень удавшуюся, группу»¹⁷.

Все упреки греческих газет в то время в адрес королевы, что она покровительствует только русским морякам, были, конечно, несправедливыми. Так, кроме стационарных больных, Русский госпиталь обслуживал местное греческое население, которое приходило в амбулаторию. За небольшую плату больной получал прописанное ему врачом лекарство в аптеке там же. Ольга Константиновна дала право старшему врачу оказывать медицинскую

помощь малоимущим грекам совершенно бесплатно. Больница пользовалась большим доверием населения; так, в 1904 г. было принято 17 425 человек, в 1905 г. — 24 320. В 1906 г. врачи приняли 30192 человека и было отпущено лекарств по 20 883 рецептам, в 1907 г. — 28 929 посещений и 22 160 рецептов, 1908 г. — 27 785 посещений и 19 510 рецептов¹⁸. В период Балканских войн 1912–1913 гг. и Первой мировой войны в госпитале получили бесплатную медицинскую помощь более 1,5 тыс. греческих солдат. В рапорте старшего врача Русского госпиталя в Пирее И. Свечникова в Морское ведомство России говорится о поступлениях в больницу раненых греков с 4 января по 11 декабря 1913 г.¹⁹.

И, конечно, Русский госпиталь постоянно принимал больных с русских военно-морских судов. Большой и прямо-таки материнской заботой были окружены русские моряки; королева Ольга не только следила за лечением, но вникала во все детали жизни и службы своих подопечных, чем они сами нередко пользовались, обращаясь к Ольге Константиновне с постоянными просьбами. «Королева, — пишет в своих мемуарах контр-адмирал Г.К. Граф, — была исключительно милым и добрейшим человеком. Она подолгу беседовала со всеми офицерами, гардемаринами и командой [...] Нам казалось, что она уже слишком с нами просто держится и слишком жалеет «бедных матросиков», которые старались использовать ее бесконечную доброту и заваливали просьбами, вплоть до сложения взысканий. В свое время известный адмирал Бирюзов, командовавший Средиземноморской эскадрой, даже ей сказал: «Ваше величество, Вы портите мне матросов»²⁰. В 1912 г. после начала Балканских войн, по просьбе Ольги Константиновны, Русская больница была передана в ведение Российского императорского флота. В 1925 г., т.е. за год до смерти, Ольга Константиновна с сожалением узнала, что ее любимое детище — Русский госпиталь со всеми постройками, возведенными и содержащимися на русские деньги, — национализировало греческое правительство. Больница эта действует до сих пор.

Команды кораблей в свою очередь старались отблагодарить королеву за ее заботу и нередко дарили ей на память альбомы с видами тех мест, которые они посещали во время дальних походов. Зная любовь королевы к морской фотографии, офицеры дарили ей тысячи чудесных фотографий, на которых были изображены отдельные корабли и их команды, групповые снимки экипажей; многие фотографии были высокохудожественными, выполненными талантливыми морскими фотографами — лейтенантом В.Д. Менделеевым (сыном выдающегося русского ученого Д.И. Менделеева), а также российским греком, основоположником морской фотографии в России Н.Н. Апостоли (1861–1937), закончившим Морской корпус в 1884 г. и ставшим позже контр-адмиралом. Ольга Константиновна особо ценила фотографии и письма простых матросов, подаренные или присланные ей в разное время. Почти все они были с трогательными подписями: «Сердобольной нашей матушке», «Заштитнице и покровительнице воинов русского флота», «Ее величеству матери русского флота» и т. п. В афинском дворце собралось такое количество фотографий, писем и подарков от российских моряков, что решено было отвести под них отдельное помещение, получившее название «Морская комната», ставшее фактически Морским музеем с постоянно пополняющейся экспозицией. Греческая королева с гордостью показывала свой музей всем гостям, но в особенности морякам.

Почти всегда королева приезжала в Пирей, чтобы попрощаться с командой уходящего корабля, причем с каждым офицером прощалась отдельно, а затем со всей командой. Затем она с сопровождающими ехала на башню маяка в бухте Мунихия, где ждала, пока не пройдет мимо полюбившийся корабль и не скроется вдали. Продолжая мимо маяка, матросы с кораблей облепляли ванты, а офицеры стояли на полуяте и на мостице и все махали фуражками и кричали «Ура!», а некоторые матросы бросали свои фуражки в воду. Однажды, как описывала происходящее сама королева, их подобрали и привезли во дворец. В одной из фуражек было письмо, уже доволь-

но промокшее: «От души кидаю фуражку публике. Матрос Платон Степанович Кузнецов. Прощайте! Прощай добрый Пирей!» «Конечно, — писала королева брату, — я это письмо высушила, и оно поступило в мою морскую коллекцию. Это такой восторг!»²¹ Так, постепенно, у королевы во дворце складывался целый архив: письма, фотографии, подарки моряков, часть из которых в начале XX в. попали в фотоархив Исторического музея Афин и, к счастью исследователей, сохранились до наших дней²².

В октябре 1890 г. стало известно, что с разрешения российского императора Александра III 21-летний принц Георг составит компанию 22-летнему российскому цесаревичу Николаю в длительном плавании на Дальний Восток на фрегате «Память Азова» в 1890–1891 гг. В юности между двоюродными братьями — наследником российского престола и принцем Георгом Греческим — существовала крепкая дружба, и цесаревич рад был такому решению отца. Ольга была вне себя от радости и писала брату Константину: «Представь себе, что за восторг, что Georgy будет плавать с моим экипажем, в котором он записан и на «Памяти Азова»; идеальное судно, последнее слово науки, названное «Азовом» в память того судна, которое дралось за независимость Греции»²³. Этот приход «Памяти Азова» в Грецию, на котором цесаревич Николай должен был совершить плавание на Дальний Восток, стало красочным, незабываемым для многих событием. Пребывание его в Греции позднее замечательно опишет Э.Э. Ухтомский, один из участников экспедиции цесаревича, в книге «Путешествие на Восток» в главе «Под Акрополем»²⁴. Однако во время плавания с цесаревичем Николаем принц Георг, по решению воспитателей, из-за своего поведения был досрочно возвращен в Грецию, несмотря на то, что спас наследника престола от неминуемой смерти в Японии.

В конце апреля 1894 г. в Греции произошло очень сильное землетрясение; король Георг I и почти вся королевская семья отправились на королевской яхте «Сфактория» к месту самых сильных разрушений. Их сопровождали корабли русской эскадры — «Память Азова» и

«Терец». По указанию Ольги Константиновны поверенный в делах в российской миссии в Афинах Г.Н. Бахметев²⁵ просил МИД России дать ему разрешение приобрести и доставить на одном из русских судов муку и доски для пострадавших местностей. Правительство согласилось с предложением, выделив 10 000 драхм. Строительный материал был раздан населению для починки домов и возведения для них временного жилья.

22 декабря 1894 г. произошло историческое событие — вступление на престол императора Николая II, о котором сообщил прибывший в Грецию на срочном пароходе РОПиТА из Константинополя российский полномочный посол в Османской империи генерал-адъютант граф И.А. Мусин-Пушкин. В афинском дворце отмечали теперь два праздника — Новый год и вступление на престол Николая II. Став императором, Николай II предположил в управлении военно-морским флотом опираться на уже сложившуюся при его отце систему — личном общении с руководителями всех главных подразделений флота, которых он сам назначал. Каждый понедельник он принимал доклад «дяди Алексея», главного начальника флота и Морского ведомства (1880–1905) генерал-адмирала Алексея Александровича и управляющего Морским министерством адмирала Н.М. Чихачева. Николай II любил флот, старался вникать в деятельность Морского министерства, при нем были созданы многие новые подразделения и т.д. Он понимал все недочеты императорского флота и сложность международной обстановки, но возможности государства были, как всегда, ограничены. Все годы царствования Николая II были наполнены серьезными внутренними и международными конфликтами — революциями и войнами.

В самом начале царствования разразился сложнейший Ближневосточный кризис 1894–1898 гг., одной из ключевых проблем которого стал Критский вопрос. Массовая резня армянского населения в Турции в 1894–1896 гг. и ответные акции армянских националистов, план вторжения флотов шести европейских держав в проливы в ноябре 1895 г. и намерение России и Франции

помешать этому, очередное восстание греческого христианского населения Крита в 1896 г., высадка греческого морского десанта на остров и молниеносная греко-турецкая война 1897 г., блокада Крита флотами европейских держав — покровительниц Греции, введение автономии острова с 1898 г. — вот лишь главные события, происходившие в регионе Средиземного моря.

Присылка на Крит в конце 1896 г. большого числа военно-морских судов Великобритании, Италии, России, Франции и, на некоторое время, нескольких — Германии и Австро-Венгрии, которые действовали сообща, оказалась весьма своеевременной, поскольку в январе 1897 г. на Крите вновь произошли межэтнические столкновения. Общее командование соединенными морскими силами принял старший по чину итальянский вице-адмирал граф Н. Каневаро. Он также стал председателем Совета адмиралов. Российский флот активно включился в дело «умиротворения Крита». Ему вместе с эскадрами других держав пришлось участвовать в блокаде о. Крит, необходимость в которой возникла из-за ужесточения столкновений между греческим и турецким населением. Не прекращавшиеся почти год взаимные жестокие убийства христианского и мусульманского мирного населения на острове Крит, неудача переговоров с критскими повстанцами заставили державы задуматься о более эффективных мерах наведения порядка путем высадки морского десанта²⁶. Каждая из эскадр могла высадить на Крит внушительный морской десант в 1/5 общей численности ее судовых команд²⁷. Однако предотвратить греко-турецкую войну не удалось. После месяца военных действий (апрель–май 1897 г.) великие державы предприняли дипломатические шаги, оказывая давление на Грецию и на Турцию одновременно, в результате чего «30-дневная война», проигранная Грецией, закончилась. Греция обратилась к державам-покровительницам с просьбой о посредничестве, ища выход из проигранной войны. Королева Ольга умоляла императора Николая II «ускорить посредничество держав для прекращения безумного кровопролития»²⁸. Российские военно-морские суда участ-

вовали в эвакуации греческих войск (из Салоник, портов Малой Азии, Мерсины, Трапезунда и других районов) после греко-турецкой войны. Вследствие поражения Греции пришлось отозвать свои войска с Крита, а дальнейшее решение проблемы острова целиком сосредоточилось у великих держав.

В зоне ответственности русской эскадры находился крупный город Ретимно. Русские военные корабли «Император Николай I», «Грозящий», «Запорожец», «Наварин» постоянно курсировали между главными портами острова Крит — Судой, Ретимно, а также островами — Порос, Милос и портом Пирей.

После завершения первого этапа миротворческой миссии четырех европейских держав — покровительниц Греции — Великобритании, Италии, Франции и России — по спасению критского населения от резни, установления автономии Крита и удаления в середине ноября 1898 г. турецких войск с острова 7 декабря международная эскадра доставила на Крит верховного комиссара великих держав принца Георга Греческого (назначенного по настоянию российского императора Николая II). Совет адмиралов передал ему всю полноту власти и снял морскую блокаду. Фактически это означало освобождение Крита от турок и его латентный переход к грекам. Хотя военно-морские силы четырех европейских держав продолжали нести службу в водах Греческого Архипелага с целью поддержания порядка — (Отдельный отряд судов Средиземного моря под командованием контр-адмирала Н.И. Скрыдлова постоянно находился в боевой готовности), — большинство кораблей покинули Крит. Блокада острова мощными европейскими эскадрами сменилась на боевое дежурство отдельных военных судов.

Новости о начавшейся русско-японской войне в Греции в то время, даже в королевском дворце в Афинах, узнавали в основном из иностранных газет. После трагических событий первых месяцев войны отношение греков к единоверной России резко переменилось. Ольга писала брату: «Я кажется не писала тебе, что здесь относятся сочувственно к России — наконец-то!!! Пора было вспомнить

долг благодарности!!! Везде почти, во всей стране служили молебен о даровании нам победы». Греческий Красный Крест передал королеве 17 тыс. драхм для русского Красного Креста, и она закупила и отправила в Россию много полезных вещей, начав, как она писала, «с полно-го комплекта для 100 кроватей»²⁹ для госпиталей.

Катастрофическая для русского флота русско-японская война (когда был фактически уничтожен Балтийский и Тихоокеанские флоты) была названа «Маньчжурским уроком», который заставил российское руководство всерьез заняться улучшением состояния вооруженных сил — армией и флотом. По указанию императора Николая II произошли значительные изменения в руководстве, в техническом оснащении флота, в обучении личного состава и боевой подготовке. На смену броненосцам приходят более мощные линейные корабли, вскоре получившие название дредноуты (по типу английского «Дредноута»). Военно-морские реформы укрепили вооруженные силы России накануне более грозного столкновения с Германией. Как свидетельствовал генерал А.И. Деникин, «не будь тяжелого маньчжурского урока, Россия была бы раздавлена в первые же месяцы Первой мировой войны»³⁰.

Катастрофической для России ситуацией — проигранной русско-японской войной и сопутствующей ей Первой русской революцией — не преминули воспользоваться греки на Крите, посчитавшие момент благоприятным для начала новой кампании по присоединению острова к Греции. В 1905 г. вспыхнуло организованное либеральной буржуазией восстание на Крите, которым руководил министр иностранных дел и юстиции местного правительства Э. Венизелос, но это восстание вскоре было подавлено. Однако военно-морские силы великих держав и многочисленный экспедиционный отряд, находившиеся на Крите почти 12 лет, были гарантами решения вопроса в пользу христианского мира. Все действия держав за этот период: назначение по инициативе России верховного комиссара держав принца Георга, вывод с острова всех турецких войск, а вслед за ними и турецкой администра-

ции, принятие критской конституции и расширение автономии острова, административно-финансовые реформы, выработанные международной комиссией, спокойная реакция держав на произошедший на Крите осенью 1908 г. переворот, поставивший во главе Крита исполнительный комитет с лидером либералов Э. Венизелосом (ставшим благодаря своим выдающимся способностям уже в 1910 г. премьер-министром Греции), фактически способствовали отделению острова от Турции и выходу его из орбиты исламского мира. Вскоре, на Лондонской конференции в мае 1913 г., в результате победы Греции в Первой Балканской войне Крит официально стал частью Греческого королевства.

Стабильность на острове поддерживали многочисленные морские силы всех четырех держав, в том числе флот России, а после ухода европейских войск с Крита в 1909 г. на острове продолжали дежурить по очереди европейские стационары. Однако через год после младотурецкой революции 1908 г., во главе которой стояли турецкие армейские офицеры, требовавшие модернизации сultанской империи, молодое греческое офицерство также создало свою политическую организацию — Военную лигу — и в апреле—мае подняло мятеж (названный революция в Гуди). Греческие патриоты требовали немедленного присоединения Крита к Греции, а офицерство было возмущено пассивностью в критском вопросе короля и правительства, обеспокоенных реакцией великих держав. Недовольство было вызвано также бездарным руководством греческих принцев армией и флотом. Принцев — Константина и Николая — отправили в отставку. Беспредел, чинимый Либой, осенью 1909 г. заставил короля подумать об отречении, но чувство долга перед страной и народом, трезвое понимание последствий для династии оставляло его на посту. Восстание неслучайно совпало с окончательным выводом международного контингента войск с Крита летом 1909 г., когда Критская ассамблея считала возможным провозгласить присоединение острова к Греции. Балканы были также охвачены желанием малых государств побороться за свое будущее.

Все эти составляющие делали этот регион мира чрезвычайно неспокойным. В результате политического кризиса в Греции в 1909–1910 гг. реальная угроза нависла над семьей короля.

Россия держала в Средиземном море только три мирные канонерские лодки «Уралец», «Терещ» и «Хивинец» (на Крите), но великие державы собирались послать туда и миноносцы. В ночь после восстания Военной лиги (союза) крейсер «Олег» получил приказание от русского посланника Ю.Н. Щербачева идти из Суды, где он стоял, в Грецию, и вечером он был уже в Фалиро. Накануне отъезда греческой королевы в Россию в начале лета 1909 г. в греческие воды в распоряжение посланника был прислан крейсер «Олег» с гвардейским экипажем³¹.

С осени 1909 г. по март 1910 г. на Средиземном море находился отряд кораблей (гардемаринский) под командованием контр-адмирала Н.С. Маньковского³² в составе крейсеров «Диана», «Аврора», «Богатырь» и «Олег», которые могли прийти на помощь королевской семье в любой момент. К счастью, династия не пострадала, король Георг I и Э.Венизелос сумели объединить усилия для проведения реформ в Греции в 1911 г., которые поставили ее в число современных европейских государств.

Зима 1911 г. в Греции была необычайно холодная, со снежными штормами, и русским морякам, находившимся в греческих водах, приходилось нелегко в работе. В фонде ГМШ в РГАВМФ хранится интересное дело о плавании судов в Средиземном море за январь–декабрь 1911 г. Канонерские лодки «Хивинец», «Черноморец», «Донец», «Уралец», крейсер «Аврора» совершали плавания в Греческом Архипелаге, по разрешению ГМШ обходили порты Адриатического моря и восточной части Средиземного моря, заходили в Босфор и Дарданеллы, наблюдая за ситуацией в этом регионе, где шла итало-турецкая война, а балканские страны сколачивали союз для войны с Османской империей. Командир канонерской лодки «Донец» в марте 1911 г. неоднократно писал о вооружении Турции, неспокойной обстановке на Балканах и Ближнем Востоке³³. Реакция российской дипломатии и ведущих поли-

тиков была почти единодушной: нужно оказать помощь, но избежать участия в конфликте. Россия оказала многостороннюю помощь воюющим балканским государствам, в том числе грекам. Но самой большой поддержкой была дипломатическая — согласие на передачу Греции островов: Лемноса, Имброса, Тенедоса, Самофракии и других. Во время Первой и Второй Балканских войн дипломатия России делала все, что было в ее силах, чтобы снять напряжение между балканскими странами, но эта политика не принесла желаемых результатов. Общественное мнение в России посчитало результаты двух Балканских войн и Бухарестского мира 1913 г., по которому греки почти полностью удовлетворили свои вековые чаяния, поражением национальных интересов России и победой центральных держав. Славянские государства теперь были разделены враждой; только Сербия оставалась другом России. Отношения с Грецией были испорчены, но в целом были лучше, чем со славянской Болгарией. Оплошность российской дипломатии была исправлена в активном содействии в деле присоединения Крита — «Великого острова Средиземноморья» — к Греции в 1913 г. (о чем мечтало не одно поколение греков, сражавшихся за это на протяжении всего XIX — начала XX в.).

В ходе Первой Балканской войны 25 октября (7 ноября) 1912 г. греческая армия оказалась у ворот Салоник — столицы Македонии, а после подписания Турцией капитуляции вошла в город. После взятия Салоник греческими войсками королева Ольга прибыла в ставку короля Георга I, но основную часть времени проводила в прифронтовых госпиталях. В марте 1913 г., когда она поехала в Эпир для инспектирования госпиталей в Превезе и Филлипиасе, где ожидала приезда короля, чтобы далее ехать в Янину, пришло страшное известие о его убийстве. Ольга поспешила в Салоники. На канонерской лодке «Уралец» в Афины возвращались вместе с гробом Георга почти все члены греческой королевской семьи. Порт Пирей был весь украшен фиалками в знак траура. Королевская процессия от порта сопровождалась всеми министрами и греческими епископами. Жители Афин

вспоминали, что они со временем короля Оттона не видели более впечатляющего зрелища. Новый греческий король Константин I продолжил успешные для Греции Балканские войны, ставшие для Греческого государства не менее значимыми, чем национальная война 1821–1829 гг. В августе 1913 г. российские моряки с канонерской лодки «Уралец» во главе с капитаном Бергом участвовали в торжественной встрече победителей — короля Константина и Э. Венизелоса в Афинах и затем на торжественном молебне в кафедральном соборе. Через несколько дней «Уралец» с вдовствующей королевой Ольгой на борту отправился в Россию. В греческих водах к этому времени российских кораблей не оставалось.

Сегодня Россия взяла курс на возвращение и постоянное присутствие своего флота в стратегически важном для нее регионе Средиземного моря, который по-прежнему представляет собой фокус переплетения интересов практически всех стран мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Каподистрия Иоанн (1776–1831), русский и греческий государственный деятель. Убит в 1831 г.

² Граф Логин Петрович Гейден (1773–1850), русский адмирал (1833) голландского происхождения, который командовал русскими кораблями в знаменитом Наваринском сражении.

³ Российский государственный архив Военно-морского флота (далее — РГАВМФ). Ф. 417. Оп. 1. Д. 936. Л. 3–3 об.

⁴ После того как Турция отказалась выполнить требования Лондонской конвенции 1827 г. о предоставлении Греции автономии, соединенная эскадра России, Англии и Франции 8 (20) октября 1827 г. вступила в Наваринской бухте Ионического моря в бой с турецко-египетским флотом.

⁵ Иван Николаевич Бутаков (1776–1865) в составе эскадры контр-адмирала П.И. Рикорда участвовал в боях у Наварина и о. Крит. Он стал основоположником морской династии. Четверо из его пятерых сыновей дослужились до адмиральского чина.

⁶ Подробнее см.: Соколовская О.В. Греческая королева Ольга — «Под молотом судьбы». М., 2016.

⁷ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 660. Оп. 2. Д. 210. 30 ноября (12 декабря) 1882 г.

⁸ Там же. Д. 232. № 25. Татой. 25 июня (8 июля) 1902 г.

⁹ Гаршин М.Ю. Королева эллинов Ольга Константиновна // Русская морская зарубежная библиотека. Прага, 1937. С. 25, 39.

¹⁰ Там же.

- ¹¹ Витте Сергей Юльевич (1849–1915), русский государственный деятель, министр финансов (1892–1903), председатель Комитета министров (1903–1906), председатель Совета министров (1905–1906).
- ¹² ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 229. № 27. Татой. 11 (23) июня 1899 г.
- ¹³ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2898. Л. 1.
- ¹⁴ Там же. Л. 3–4.
- ¹⁵ Там же. Л. 1.
- ¹⁶ Крахмалёв Павел Иаковлевич (1874–1949), священник Черноморского флота, кандидат богословия, протоиерей, настоятель церкви Св. Ольги в Русском морском госпитале в Пирее, затем благочинный русских церквей в Греции.
- ¹⁷ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 245. № 6. Афины. 9 (22) февраля 1904 г.
- ¹⁸ РГАВМФ. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1586. Л. 8.
- ¹⁹ Там же. Д. 2212. Л. 1–107.
- ²⁰ См.: *Граф Г.К. Императорский Балтийский флот между двумя войнами. 1906–1914 гг.* М., 2013.
- ²¹ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 218. № 6. Афины. 16 (28) февраля 1890 г.
- ²² Соколовская О.В. Российский флот в фотографиях из Национального исторического музея в Афинах (конец XIX — начало XX вв.). М., 1996 (автор вступительной статьи, составитель текстов и публикатор).
- ²³ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 218. № 29. Афины. 9 (21) ноября 1890 г.
- ²⁴ Ухтомский Э.Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича, 1890–1891. Ч. 1.
- ²⁵ Бахметев Георгий (Юрий) Петрович (1847–1928), известный российский дипломат, в то время секретарь русской миссии в Афинах. В отсутствие М.К. Ону был поверенным в делах.
- ²⁶ См.: Соколовская О.В. Россия на Крите. Из истории первой миротворческой операции XX века. М., 2006; Она же. Участие моряков в первой международной миротворческой операции на Крите в 1897–1909 гг. / Цейхгауз. № 3. 2010. С. 69–76.
- ²⁷ Морская хроника // Морской сборник. № 3. СПб., 1897. С. 3–5.
- ²⁸ Соколовская О.В. Россия на Крите. С. 27.
- ²⁹ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 245. № 13. Афины. 1 (14) апреля 1904 г.
- ³⁰ Шефов Н.А. Самые знаменитые войны и битвы России. М.: Вече, 2000; Шишkin С.П. От Руси Древней до Империи Российской. Уфа. Б/д.
- ³¹ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 238. № 21. Франценсбад. 19 мая (1 июня) 1909 г.
- ³² Маньковский Николай Степанович (1859–1919), русский адмирал.
- ³³ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 4110. Л. 121. Остров Порос как военно-морская база России // Славяноведение. 2015. № 3.

Алла Николаевна ЖУРАВСКАЯ,
методист НПО ГК «Дворец конгрессов»
(Стрельна)

Греческая королева Ольга Константиновна. Петербургские визиты

Летом 1913 г. в Петербург в очередной раз приехала греческая королева Ольга. В Стрельнинском дворце¹ ее уже ждали.

Для нее были приготовлены комнаты северной анфилады бельэтажа в западном флигеле дворца с прекрасным видом на парк и Финский залив. Она и в детстве жила в этих комнатах². Ведь этот дворец был для нее таким же родным, как и Павловский³. В Павловске она родилась, а здесь, в Стрельне, часто живала летом вместе со всей семьей своего отца — великого князя Константина Николаевича⁴. Хоть и был он человеком очень занятым и строгим, но всегда старался находить время для детей и хотел привить им любовь к морю. Но более всего этой любовью прониклась его старшая дочь Ольга. По указу Константина Николаевича в Стрельнинском парке установили настоящую мачту с военного фрегата, натянули под ней сетку, и дети с утра до вечера с восторгом лазали по мачте. А для маленькой Ольги возле пруда к востоку от дворца построили специальный детский домик. Это была настоящая избушка с настоящим маленьким садом и огородом. Так было заведено еще со времен дедушки — императора Николая I, что дети должны были воспитываться в аскетических условиях, постоянно учиться и трудиться.

Ольге исполнилось 11 лет, когда в Греции произошла буржуазная революция. Она еще не знала, что это событие будет связано с ее судьбой. В октябре 1863 года в Греции появился новый король Георг I, которому еще не исполнилось 18 лет. Он происходил из датской коро-

левской династии. На греческий престол он был избран, поскольку его кандидатура устраивала все ведущие европейские державы. Для упрочения королевской династии Георг должен был найти себе супругу. Королеву было решено взять из русского императорского дома. Выбор пал на великую княжну Ольгу Константиновну, внучку императора Николая I и племянницу Александра II. «Высочайше повелено: ныне же представить к Высочайшему подписанию Указ Департамента Уделов⁵ о пожаловании из суммы оного 150 тыс. руб. серебром великому князю Константину Николаевичу на изготовление приданого Великой Княгине Ольге Константиновне»⁶. Кроме того, в приданое давался «один миллион рублей в ценных бумагах», которые рекомендовалось вложить в «государственные металлические займы, а также в бумаги частных обществ, пользующиеся правительственной металлической⁷ гарантней»⁸. Осенью 1867 г. состоялась пышная королевская свадьба.

16-летняя королева уехала в Грецию, которая стала для нее второй родиной. Брак оказался счастливым. «Королева всех Эллинов», как ее официально величали, православная от рождения, быстро адаптировалась в греческой обстановке. Она принесла в греческий двор черты доброты и умиротворенности, деятельно занимаясь благотворительностью, которая составляла важнейшую часть общественной деятельности правящей российской династии. Греческий двор, благодаря Ольге Константиновне, был нацелен на создание здравоохранения, государственных институтов, традиций правового государства, музеев, православного образования. Общеизвестно о помощи русского двора в строительстве монастырей и подворий Святой Горы Афон.

Но Ольга никогда не забывала свою родину, часто бывала в России, продолжая и здесь заниматься благотворительностью. Она возглавила «Всероссийское общество в память Св. благоверной Княгини Ольги» и вместе с братьями собирала средства для строительства храма на родине Св. Ольги в с. Выбути, под Псковом. На свои средства Ольга организовала сбор праха русских моряков, по-

гибших за освобождение Греции, и создала кладбище в Пирее, недалеко от Афин. Кроме того, она была одним из инициаторов строительства храма Спас-на-водах в Санкт-Петербурге, где было увековечено 12 000 моряков, погибших в Цусимском бою и других битвах на море.

30 сентября 1877 г. она пишет любимому брату Константину⁹: «Прелесть моя [...], только что имела длинный разговор о нашем здешнем Красном Кресте. Если бы я только могла сделать половину или четверть того, что делает Мама¹⁰ для раненых, то я была бы страшно счастлива [...], я думаю, что [...] это просто чувство каждого русского сердца, желание пожертвовать частичку самого себя святому делу, начатому Россией,¹¹ соединить свою собственную кровь с тем потоком святой крови, которые проливает Россия за «Святое дело»¹². Они очень любили друг друга — брат и сестра. Именно у нее он находил утешение в самые трудные минуты своей жизни. 8 мая 1880 г. он пишет в своем дневнике: «Оля приезжает к нам в этом месяце с тремя сыновьями. Я не знаю, как выразить свою радость»¹³. Из Министерства Императорского двора 27 июня 1895 г. Его Превосходительству Павлу Павловичу Голенищеву-Кутузову-Толстому¹⁴: «Имею честь сообщить Вашему Превосходительству, что по Высочайшему повелению Вы назначены состоять при Ея Величестве Королеве Эллинов во время пребывания Ея Величества в России. С Королевою прибудут: Принцесса Мария¹⁵ и принцы Андрей¹⁶ и Христофор¹⁷, лица свиты [...]»¹⁸.

Но не только интересы благотворительности приводили ее на Родину. Не будем забывать, что она все-таки была королевой государства, которое участвовало в событиях европейской политики. Поэтому приезжала она и с официальными визитами: «23 июля 1886 г. среда. Мы с Олей сошлись в одном и том же впечатлении, нам обоим трудно было сознаться в нем вслух, и это произошло как-то случайно. Мы надеялись, что Тино¹⁹ ко дню совершеннолетия или в именины Императрицы получит Андреевский орден. Наш Цесаревич²⁰ получил орден Спасителя из рук Оли²¹ в день своей присяги. Следовало и нам отплатить тем же; это произвело бы хорошее впечатление в

Греции. Мы с Олей так дрожим над хорошими отношениями между Россией и Грецией (курсив мой. — А. Ж.). Но всего этого не случилось, и нам это тем более грустно, что мы так горячо любим Государя²², и нам досадно, что он забывает о таких политических любезностях», — пишет в своем дневнике ее брат Константин²³. Кстати, принц Греческий Георгий — сын Ольги Константиновны был на свадьбе будущего императора Николая II шафером²⁴.

Когда в разгар войны балканских стран с Турцией, начавшейся в 1912 году (в этой войне на стороне Греции, Болгарии, Сербии и Черногории сражались и русские добровольцы), 5 марта 1913 г. король Георг пал жертвой террористического акта, она, уже вдова, приехала в Россию. И сначала поселилась в Стрельнинском дворце.

В период Первой мировой войны великая княгиня активно включилась в благотворительную деятельность, развернувшуюся в России. 24 июля 1914 г. она записала в памятной книжке: «Геринг²⁵ сообщил, что сейчас можно купить в Кр[асном] Кр[есте] лучший отряд на 50 коек в полном составе, за 18 тысяч р[уб.], который Костя один может купить на деньги, выруч[енные] от продажи книг «Царь Иудейский» — отряд будем содержать мы: Костя, Иоанновичи — он будет называться отряд Мрам[орного] дворца и будет стоить в 6 месяцев 28 тысяч руб.»²⁶.

Они очень любили Россию, им с детства внушалась мысль, что главная задача представителей правящей династии — забота о благе страны, работа на благо страны, святое служение ее народу. Они наивно полагали, что, приблизившись к народу, занимаясь благотворительностью, смогут изменить его жизнь к лучшему. Но слишком была огромна страна, чтобы народ, живущий на ее просторах, мог это увидеть, почувствовать, понять, оценить...

Ольга была матерью 8-х детей. Старший сын, Константин, был блестящим морским полководцем, взошедшим на греческий престол после убийства в 1913 г. отца Георга I. Георг I, который в течение 50 лет был монархом, так и не изменил своим привычкам: ходить свободно без охраны по стране. После гибели мужа Королева Ольга вернулась на родину, которую, как и Грецию,

горячо любила. Константин I, как и мать, был глубоко верующим православным человеком, патриотом страны. В последние месяцы своей жизни, смешенный с престола, больной, он с горечью наблюдал, как Греция теряла флот, армию, территории, рушились государственные институты, десятилетиями создаваемые его родителями и им. В 1918 г., узнав о болезни своего сына, Королева Ольга покинула Россию через швейцарский Красный Крест. Приют же нашла у младшего сына, принца Христофора в Риме. Он смог создать для матери уютный дом, где она в покое доживала свои дни, будучи опорой для своей семьи. Пятеро ее потомков были греческими королями: Константин I, его сыновья — Александр I, Георг II, Павел I. Третий ее сын, принц Андреас, был женат на Вел. Кн. Елене Владимировне. Он — автор интересных мемуаров, как и его брат, принц Николай. Младший сын, Кристофер, тоже опубликовал свои воспоминания, его сын Михаил — известный историк. Практически все современные королевские дворы Европы — или близкие родственники, или прямые потомки королевы Ольги (в т.ч. и принц Чарльз, и королева Испанская София).

На вопрос детей, как могла случиться такая трагедия, как в жизни России и Греции, так и в жизни их семей (только в России она потеряла 17 родственников), она отвечала, что суд человеческий также отличается от Суда Божия, как и сам человек отличается от Господа.

Ее смерть в июне 1926 г. в Риме была громадной потерей для семьи, но память о ней живет среди потомков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В 1715 г. в Стрельне, недалеко от новой столицы Российской империи на южном берегу Финского залива, император Петр I велел заложить «второй Версаль» — императорскую резиденцию с дворцом и водным парком. При жизни Петра I строительство парка и Большого дворца не было закончено. С 1799 г. владельцем Стрельны становится Цесаревич в. к. Константин Павлович. С 1831 по 1918 г. Стрельной владели в. к. Константин Николаевич, сын Николая I, и его потомки. После революции и до конца 1990-х гг. дворцово-парковый комплекс занимали различные организации. К 2001 г. дворец был на грани полного разрушения. В ноябре 2001 г. в рамках подготовки к саммиту «Евросоюз–Россия» и празднованию 300-летия Санкт-Петербурга российским правительством было

принято решение о возрождении уникального памятника. Созданный в XVIII–XIX вв. архитекторами Н. Микетти и Ф.Б. Растрелли, А. Воронихиным и А. Штакеншнейдером и восстановленный дворец стал одним из символов возрождения России. В настоящее время дворцово-парковый комплекс работает как международный, деловой, культурный центр и открыт для посещения. Мечта императора Петра Великого о создании на берегу Финского залива государственной резиденции воплотилась в жизнь.

² Комната бельэтажа западного крыла Константиновского дворца при в. к. Константине Николаевиче и его супруге Александре Иосифовне были отведены под детские. Здесь жили и учились шестеро их детей: Николай (1850–1918), Ольга (1851–1926), Вера (1854–1912), Константин (1858–1915), Дмитрий (1860–1919), Вячеслав (1862–1879).

³ Павловск — дворцово-парковый ансамбль конца XVIII — начала XIX в., расположенный в г. Павловске — пригороде Санкт-Петербурга. Дворец и парк строились на протяжении почти 50 лет тремя поколениями архитекторов и оформителей: Ч. Камероном, В. Бренна, Дж. Кваренги, А. Воронихиным, К. Росси. После смерти Павла I в нем проживала его вдова — императрица Мария Федоровна. Затем дворец принадлежал в. к. Константину Николаевичу, сыну Николая I, и его потомкам. С 1918 г. Павловский дворец является музеем.

⁴ Константин Николаевич — генерал-адмирал, великий князь, второй сын императора Николая I (1827–1892). В 1831 г. он был назначен генерал-адмиралом, начав вместе с тем проходить лестницу морских чинов. В возрасте 18 лет возглавил Русское Географическое общество. Главной заслугой великого князя было дальновидное реформирование российского флота. По его инициативе были построены первые отечественные корабли на паровой тяге, заводы судовых двигателей. Под его непосредственным началом был разработан новый Морской устав, осуществились крестьянская и судебная реформы, было отменено крепостное право. Шестнадцать лет подряд Константин Николаевич возглавлял Государственный Совет и провел в жизнь крупные преобразования в социальной и экономической политике России.

⁵ Департамент уделов — возник в 1797 г. в России по закону об «Учреждении Императорской фамилии». Часть казенных земель совместно с крестьянами передавалась в собственность Императорской фамилии, и доход с них поступал на содержание этого Дома. Во главе Департамента уделов стояли министр уделов и четыре товарища министра. В губерниях удельными землями ведали удельные экспедиции, принадлежавшие казенным палатам. Местные удельные учреждения получили независимость от губернских учреждений и стали именоваться удельными конторами. В 1826 г. Департамент уделов вошел в состав Министерства императорского двора. Упразднен Временным правительством 14.04.1917 г.

⁶ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 482. Оп. 9. Д. 931. Л. 1.

⁷ Государственные займы, в совокупности представлявшие государственный долг, реализовывались в виде облигаций и других ценных бумаг. Займы делились также на внутренние и внешние. Последние заключались в российской металлической либо прямо в иностранной валюте. Кроме того, гос. банк осуществлял операции по купле-продаже драгоценных металлов с отражением их по обезличенному металлическому счету клиента, а также предоставлял клиентам займы в драгоценных металлах.

⁸ РГИА. Ф. 482. Оп. 9. Д. 931. Л. 1.

⁹ Великий князь Константин Константинович (Стрельна, 10 (23) августа 1858 — Павловск, 2 (15) июня 1915). Сын в. к. Константина Николаевича и в. к. Александры Иосифовны. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Кавалер ордена Св. Георгия IV ст. (1877 г.). С 1891 г. командающий лейб-гвардии Преображенским полком. В 1894 г. произведен в генерал-майоры. В 1889 г. назначен Президентом Академии наук. По его инициативе был создан Пушкинский дом. Августейший председатель и покровитель ряда благотворительных, научных и учебных учреждений. Сопредседатель Императорского Православного Палестинского Общества. 4.03.1900 г. назначен Главным начальником Военно-учебных заведений (с 13.03.1910 г. — генерал-инспектор Военно-учебных заведений). Талантливый поэт, драматург, переводчик и композитор (творил под псевдонимом «К.Р.» — Константин Романов). 2.6.1915 г. скончался в Павловском дворце. Погребен в Новой усыпальнице Петропавловского собора Петропавловской крепости Санкт-Петербурга, и был последним из Романовых, умершим до революции и погребенным в великонижегородской усыпальнице.

¹⁰ Великая княгиня Александра Иосифовна была покровительницей и попечительницей ряда благотворительных организаций, в том числе Александровской общины сестер милосердия Красного Креста (с момента основания в 1879 г.), Общества вспоможения бедным в приходе Троицкой церкви на Суворовском участке, Михайловской школы императорского женского патриотического общества, Детского приюта вел. кн. Александры Николаевны, Детского приюта Св. Мефодия и приюта в память ген.-адъютанта Юрьевича в Павловске. В 1883–1906 гг. — председательница Санкт-Петербургского Совета детских приютов; инициатор создания при нем Комитета для сбора пожертвований. Почетный член основанного в 1892 г. Общества пособия пострадавшим от пожарного бедствия в Санкт-Петербурге и Общества попечения о бедных и больных детях, которому жертвовала значительные личные средства. В 1894–1896 гг. — председательница Совета императорского женского патриотического общества, почетный член Санкт-Петербургского первого дамского комитета Российского общества Красного Креста. В 1892–1909 гг. — заместитель, а затем председатель Императорского русского музыкального общества.

¹¹ Русско-турецкая война 1877–1878 гг. между Российской империей и союзовыми ей балканскими государствами, с одной стороны, и Османской империей — с другой. Была вызвана подъемом национального самосознания на Балканах. Жестокость, с которой было подавлено Апрельское восстание в Болгарии, вызвала симпатию к положению христиан Османской империи в Европе, и особенно в России. Последовавший рейд через Балканы, в ходе которого русская армия разбила последние турецкие части, заслонявшие дорогу на Константинополь, привел к выходу Османской империи из войны. На состоявшемся летом 1878 г. Берлинском конгрессе был подписан Берлинский трактат, зафиксировавший возврат России южной части Бессарабии и присоединение Карса, Ардагана и Батуми.

¹² «Собственная моя селедка!» (из писем греческой королевы великой княгини Ольги к брату великому князю Константину Константиновичу) // Родина. 1993. № 1. С. 74.

¹³ Загадка К.Р. Из дневников Великого князя К.К. Романова (Публикация, вступительная статья и примечания Э. Маториной) // Москва. 1994. № 1. С. 74.

¹⁴ Голенищев-Кутузов-Толстой Павел Павлович (1843–1914) — адъютант императора, генерал-майор из рода Толстых. Член Госсовета (1873, 1897, 1904), действ. статс-советник, егермейстер Высочайшего двора (ок. 1896), тайный советник (1900), директор Железной дороги Москва–Брест. Награжден многими российскими и иностранными орденами.

¹⁵ Греческая принцесса Мария (1876–1940) — младшая дочь короля Георгия I. Была православной, приходилась своему будущему мужу родственницей по линии матери — Ольги Константиновны. Ее муж — Георгий Михайлович (Георгий), 1863–1919, великий князь, генерал-адъютант, генерал-лейтенант. Свадьба состоялась в 1900 г. в Корфу. Брак с трудом продержался до 1914 г., когда великая княгиня Мария Георгиевна вместе с дочерьми Ниной (1901) и Ксенией (1903) уехала в Англию. Это выглядело как развод, однако супруги переписывались вплоть до самой смерти великого князя. В 1919 г. он был убит большевиками в Петропавловской крепости.

¹⁶ Андрей, принц греческий (1882–1944) — жена Алиса Баттенберг, отец Филиппа Эдинбургского (р. 1921). Надо отметить, что через свое-го дедушку Филиппа Эдинбургского английский принц Уильям является прапрапраправнуком российского императора Николая I, прапрапрапра-правнуком прусского короля Фридриха Вильгельма III, прапраправнуком датского короля Кристиана IX, праправнуком греческого короля Георга I и его супруги Ольги Константиновны.

¹⁷ Христофор — Христофор Глюксбургский, принц Греции и Дании (1888–1940) — сын Георга I, короля Греции, и Ольги Константиновны Романо-вой. Изучал в Париже политические науки, отслужил в греческих вооруженных силах. В 1965 г. (ПУТАНИЦА!!!! ЭТА ЧАСТЬ ТЕКСТА ПРИМЕЧАНИЯ ОТНОСИТСЯ К СЫНУ ХРИСТОФОРА — МИХАИЛУ. — Издатель) женился на художнице Марине Карелла, у них родилось двое детей. Автор не- скольких биографических книг и романов.

¹⁸ РГИА. Ф. 472. Оп. 44. Д. 74. Л. 189.

¹⁹ Тино (Константин I) (1868–1923) — наследный принц Греческий, сын великой княгини Ольги Константиновны и короля эллинов Георга I, пле-мянник великого князя Константина Константиновича, король Греческий (1913–1917, 1920–1922). Отрекся от престола в 1922 г.

²⁰ Цесаревич Николай Александрович — будущий император Николай II.

²¹ Ольги Константиновны — Королевы эллинов.

²² Александра III.

²³ Загадка К.Р. Из дневников Великого князя К.К. Романова. С. 160.

²⁴ Мейлунас А., Мироненко С. Николай и Александра. Любовь и жизнь. Дневник Николая II — 14 ноября 1894 г. М., 1998. С. 122.

²⁵ Геринг Эдуард Эдуардович (1872–1943) — генерал-майор, числился по Гвардейской конной артиллерии, управляющий дворцовым управле- нием города Павловска от Министерства императорского двора (1906–1916). Участвовал в Первой мировой войне. Эмигрировал в Бельгию. Умер в Брюсселе.

²⁶ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 686. Оп. 1. Д. 3. Л. 107. «Тянет к нормальной жизни — к камину». Письма князя Константина Константиновича великой княгине Ольге Константиновне. 1914–1916 гг. (Материалы из личного фонда Ольги Константиновны); Исторический архив. 2004. № 3. С. 111.

*Елена Сергеевна СКВОРЦОВА,
к.и.н., 2-й секретарь ИДД МИД РФ*

Восстановление дипломатических отношений между СССР и Грецией

Международное и внутреннее положение СССР к 1924 г. упрочилось. В конце 1922 г. был образован СССР, в стране шло восстановление народного хозяйства, проводилась новая экономическая политика. Надежды капиталистических стран на перерождение социалистического строя в капиталистический не оправдались. Все это изменило отношение к нашей стране на международной арене. В 1922 г. советскую делегацию пригласили принять участие в конференции в Генуе. В выступлении народного комиссара по иностранным делам Г.В. Чicherина содержались предложения сотрудничества между капиталистическими и социалистическими странами в политической, экономической и культурной областях, невмешательства во внутренние дела, разрешения всех конфликтов мирными средствами. В этом же году наша делегация приняла участие в конференции в Гааге. Эти конференции показали «борьбу двух тенденций: одна стремилась создать единый фронт против советской страны, другая — установить с ней деловые контакты»¹. Советская делегация приняла участие и в работе конференции в Лозанне.

Многие государства стремились к расширению экономических связей с Советским Союзом, а для этого было необходимо установление дипломатических отношений. К 1924 г. СССР имел дипломатические отношения с 10 странами². В феврале–марте 1924 г. дипломатические отно-

шения с СССР установили Великобритания, Италия, Норвегия, Австрия и Швеция. Взгляды Греции были также устремлены на Россию. 15 ноября 1923 г. вернулся из плавания в турецких и греческих водах пароход «Керчь». В Пирее «греческие коммерсанты проявили громадный интерес к прибытию парохода и выразили желание установить тесную торговую связь с СССР»³. В декабре 1923 г. Москву посетил греческий адмирал Г. Какулидис, который в беседе с корреспондентом газеты «Известия» сообщил, что не видит «никаких препятствий к возобновлению отношений с Россией». И выразил уверенность, что «греческий народ готов признать Россию не только де-факто, но и де-юре». Г. Какулидис отметил обоядную заинтересованность в торговле, поскольку Греция является выгодным рынком для России, а «наличие значительного количества греков в России и большого коммерческого флота в самой Греции поможет распространению торговли России с Западом»⁴.

Усиливавшееся в Греции социалистическое движение⁵ также повлияло на принятие решения о восстановлении дипломатических отношений с Россией. 18 января 1924 г. ЦК СРПГ вручило премьер-министру Греции А. Папанастасиу меморандум, в котором ставился вопрос о немедленном возобновлении отношений с Советской Россией не только из желания удовлетворить требование всего рабочего класса Греции, которое он выдвинул еще в 1919 г., но также в интересах всего греческого народа, всей страны⁶.

В январе 1924 г. посланник Греции в Германии Е. Канеллопулос обратился к полномочному представителю СССР в Германии Н.Н. Крестинскому по вопросу возобновления отношений между Россией и Грецией⁷. Е. Канеллопулос сообщил, что «он не уполномочен вести переговоры о признании де-юре. Греческое правительство мыслит предстоящие отношения в такой форме, какая принята между Россией и некоторыми небольшими европейскими государствами»⁸. Греция опасалась, что признание ею СССР раньше Великобритании или Франции может навлечь их недовольство.

Признание Грецией Советского государства де-факто нас не устраивало. Н.Н. Крестинский в беседе с Е. Канеллопулосом заметил, что «в настоящее время другие государства более, чем Россия, заинтересованы в возобновлении сношений с нами, и ни на какие переходные формы отношений нам сейчас идти не стоит»⁹. Существовавшие в Греции претензии в связи с аннулированием нашей страной заграничных займов или национализацией были невелики и не могли препятствовать возобновлению отношений.

12 февраля 1924 г. Н.Н. Крестинский сообщил Е. Канеллопулосу ответ советского правительства, давшего «принципиальное согласие на возобновление отношений, но [...] возможной формой этих отношений считает обмен дипломатическими представительствами»¹⁰. Со своей стороны, Канеллопулос сообщил, что получил согласие своего правительства «разговаривать на почве признания де-юре»¹¹.

8 марта 1924 г. состоялся обмен нотами между правительством СССР и правительством Греции о признании СССР де-юре Грецией¹². 6 июня А. М. Устинов был принят министром иностранных дел Греции Г. Руссосом, а 10 июня вручил свои верительные грамоты президенту Греческой Республики П. Кундуриотису. Посланник Греции в СССР Н. Маврудис 22 августа вручил верительные грамоты председателю ЦИК СССР М.И. Калинину в Большом Кремлевском дворце¹³.

В сентябре 1924 г. в ноте НКИД СССР миссии Греческой Республики сообщалось о «согласии на открытие, на основе взаимности, генеральных консульств: СССР — в Салониках и Греческой Республики — в Одессе»¹⁴. В этом же году было дано согласие на открытие еще одного консульства в Краснодаре или Новороссийске (на выбор греческой стороны)¹⁵.

Немало трудностей возникло при организации работы полномочного представительства. В стране, где говорят на греческом, а интеллигенция объясняется преимущественно на французском, «только меня одного, — писал полномочный представитель СССР в Греции А.М. Устинов члену коллегии НКИД СССР С.И. Арапову, — можно

считать за француза; между тем все сношения с официальным внешним миром и деловыми кругами нужно вести на французском. До недавнего времени, следовательно, вся переписка полпредства и торгпредства велась мною одним исключительно»¹⁶. В штате не было греческого переводчика, остро стоял вопрос о работнике для информирования греческой печати.

Установление дипломатических отношений открывало возможности для решения различных вопросов.

Рассмотрения требовал имущественный вопрос. В ноте от 2 августа 1924 г., переданной А.М. Устиновым министру иностранных дел Греции Г. Руссосу, обращалось внимание, что на территории Греции движимое и недвижимое имущество, принадлежавшее бывшему российскому правительству, а также различным российским организациям, продается и расхищается бывшими чиновниками этого правительства и бывшими членами этих организаций. Миссия СССР просила положить конец подобным действиям и обеспечить сохранность имущества¹⁷. Заметим, что в греческих водах находились наши суда (которые переходили из рук в руки и находились частично в руках греков, частично в руках иностранцев), значительное церковное имущество, имущество Красного Креста в Пирее и Салониках, имущество консульств. Проблема состояла в том, что в архивах миссии не всегда удавалось найти достаточных материалов, подтверждающих наши права на эту собственность¹⁸.

Остановимся на госпитале имени Св. великомуученика Дмитрия Солунского в Салониках. Основанный в 1910 г. на пожертвования, организованные афонскими обителями во главе с русским Пантелеимоновым монастырем, госпиталь находился в ведении прежнего русского правительства и состоял под попечительством посла в Константинополе, а непосредственное управление возлагалось на комитет, постоянным председателем которого был генеральный консул в Салониках. Во время войны госпиталь был передан комитетом в пользование российскому Красному Кресту¹⁹. Этот госпиталь являлся лучшим лечебным заведением в городе, рассчитанным на

50 коек и ведущим амбулаторный прием. Постепенно он приходил в упадок, шла распродажа имущества, в частные руки перешел даже рентгеновский аппарат²⁰. 15 августа 1924 г. в письме Г.В. Чичерину А.М. Устинов писал, что имел встречу с министром Г. Руссосом, который сообщил, что губернатору г. Салоник дано строжайшее распоряжение принять все необходимые меры к охране больничного имущества²¹. В 1924 г. российский Красный Крест передал его во временное пользование греческому Красному Кресту для оказания помощи беженцам из Малой Азии. Г. Руссос выразил благодарность «за этот гуманный акт»²².

Российские дипломаты решали проблемы с отправкой в нашу страну амнистированных солдат белых армий и военнопленных, вина которых «состояла в том, что их силой мобилизовали в армию белых и также под угрозой смерти гнали на бойню в царскую армию»²³. Жили они в страшной нищете и бесправии. К концу 1924 г. было подготовлено к отправке из Греции 120 семей.

Другой, не менее серьезный, вопрос, касавшийся не только Греции, поднял зав. консульской частью в Греции Машицкий в письме заместителю наркома по иностранным делам СССР М.М. Литвинову 21 декабря 1924 г. Это вопрос о выдаче паспортов массе скитавшихся за границей русских людей (кто-то принимал участие в гражданской войне, кто-то перешел границу без соответствующего разрешения), потерявших право на советское гражданство и желавших его восстановить, чтобы дать им возможность вернуться на родину и ответить за все перед судом²⁴.

Более тысячи армян было эвакуировано из Греции на Кавказ.

В то же время стороны решали вопрос о возвращении греческих подданных на родину. Греция просила разрешить выезд своих граждан, осужденных в СССР за спекуляцию и отправленных в Сибирь, но просила подождать с возвращением беженцев из Новороссийска, ссылаясь на свое тяжелое положение и массу беженцев, переселявшихся в Грецию из Турции. Греческое правительство согласилось принять из 1100 новороссийских бежен-

цев-греков 352 человека, для которых были получены визы. В 1924 г. было отдано распоряжение об отправке их в Пирей²⁵. В то же время было дано разрешение на выезд одиннадцати греков-спекулянтов. «Остальных, — писал заведующий II отделом Балканских стран НКИД Кржеминский А.М. Устинову, — держим в резерве, дабы иметь возможность в дальнейшем оказывать давление на греческую миссию в вопросе отправки новороссийских греков»²⁶. Советская сторона приостановила возникшее среди украинских греков и особенно греков с Кавказа движение за депатриацию, но «они даже не хотели и слышать о том, что греческое правительство не может их принять»²⁷ и обвиняли советскую сторону в их задержке.

Установление дипломатических отношений способствовало развитию торговых отношений между двумя странами. В июне 1924 г. было открыто советское торговое представительство. По инициативе СССР были начаты переговоры о заключении временного торгового соглашения²⁸. Главной заинтересованной стороной в этом вопросе, как отмечал А.М. Устинов, являлась греческая²⁹. Отсутствие такого соглашения препятствовало ввозу греческих продуктов, т.к. без снижения пошлин они не могли конкурировать с продуктами из других стран. Это же относилось и к нашим продуктам.

Главной статьей советского экспорта в Грецию являлась пшеница, нефтепродукты и лес. Заместитель наркома по иностранным делам СССР М.М. Литвинов в письме секретарю ЦК ВКП(б) И.В. Сталину 18 ноября 1924 г. поддержал просьбу А.М. Устинова о поставке хлеба в Грецию³⁰. Как сообщалось в письме сотрудника полномочного представительства СССР в Греции Вальтера М.М. Литвинову 2 сентября 1925 г. торговцем была заключена первая крупнейшая сделка на пшеницу. «Операция эта покрывает сразу около одной трети всего потребления Греции и составляет приблизительно половину ввоза хлеба в страну»³¹. Газета «Элефтерон Вима» 20 сентября 1925 г. отмечала, что в случае импорта в Грецию советской пшеницы, транспортировка «будет производиться греческими пароходами, что

дало бы большую прибыль греческому торговому флоту и повлияло бы благоприятно на финансы Греции, тогда как пшеница, импортируемая из Соед[иненных] Штатов и Канады, перевозится исключительно американскими пароходами и вдобавок стоит дороже»³². Только с августа по декабрь 1924 г. СССР продал Греции 7000 т ячменя на 350 000 долларов, 6000 т нефтепродуктов на 23 000 ф. ст. (благодаря разнице в цене прибыль греческого правительства составила 9000 ф. ст.), 9000 ящиков спичек на 36 000 ф. ст. (прибыль составила 6300 ф. ст.), 180 000 кг икры на 110 000 долларов, а также спирт, кустическую соду. Участие СССР на торгах на нефть в сентябре 1924 г. дало греческому правительству прибыли более 73 000 долларов³³.

Советское правительство, идя навстречу развитию торговых связей между двумя государствами, дало указание, чтобы греческие суда, заходящие в наши порты на Черном море, платили пошлины наравне с немецкими, английскими и итальянскими судами³⁴.

Отношения между СССР и Грецией налаживались. На приеме в 1924 г. по случаю праздника 7 ноября председатель правительства А. Михалакопулос держался просто и любезно, а министр иностранных дел Греции Руссос «поздравлял от имени правительства и объяснялся в любви и дружбе»³⁵. По случаю этого праздника был устроен чай для журналистов. Группа влиятельных журналистов, приглашенных на это мероприятие, обратилась к А. Михалакопулосу с вопросом, «могут ли они пойти на большевистский чай», на что получили ответ, что не только «могут», но и должны, т. к. этот чай — акт большого внимания со стороны союзной миссии по отношению к общественному мнению Греции³⁶. На чай пришли 60 журналистов. В письме члену коллегии НКИД Ф.А. Ротштейну А.М. Устинов писал: «Пресса в общем очень благожелательно отозвалась о нашем чае, отметив, что впервые иностранная миссия устраивает прием для журналистов, что это есть доказательство превосходства советской дипломатии над старой дипломатией, поскольку первая ищет сближения с общественным мнением»³⁷.

В ноябре 1925 г. А.М. Устинов писал: «Отношение к нам греч[еского] пра[вительства] и влиятельных кругов по-прежнему хоропшее»³⁸.

Восстановление дипломатических отношений между СССР и Грецией явилось очередным этапом признания СССР на международной арене и, с учетом давних исторических связей между двумя странами, стало одним из ключевых моментов в нашей общей истории, способствовало дальнейшему налаживанию дружественных и взаимовыгодных отношений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ История дипломатии. М., 1965. Т. III. С. 303.

² Эстонией, Латвией, Литвой, Финляндией, Польшей, Ираном, Афганистаном, Турцией, Монголией и Германией.

³ Известия. 18 ноября 1923 г.

⁴ Известия. 1 декабря 1923 г.

⁵ 25 марта 1924 г. Греция была провозглашена республикой.

⁶ Соколовская О.В. Из истории дипломатических отношений между СССР и Грецией. С. 200–215. Балканские исследования. Вып. 11. Политические, общественные и культурные связи народов СССР и Греции (XIX–XX вв.). М., 1989.

⁷ Дипломатические отношения между Россией и Грецией были установлены 6 (18) сентября 1828 г. В октябре 1917 г. отношения были разорваны греческой стороной.

⁸ АВПРФ. Ф. 084. Оп. 4. П. 102. Д. 1. Л. 14.

⁹ Там же.

¹⁰ Документы внешней политики СССР. М., 1963. Т. VII. С. 700.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С.141–143.

¹³ Там же. С. 434–435.

¹⁴ АВПРФ. Ф. 084. Оп. 4. П. 102. Д. 1. Л. 1.

¹⁵ Там же. Д. 5. Л. 27.

¹⁶ Там же. Д. 7. Л. 105.

¹⁷ Там же. П. 103. Д. 13. Л. 101.

¹⁸ Там же. П. 102. Д. 5. Л. 11–11 об.

¹⁹ Там же. Оп. 5. П. 105. Д. 3. Л. 24.

²⁰ Там же. Оп. 4. П. 102. Д. 5. Л. 3–6.

²¹ Там же. Л. 12–12 об.

²² Документы внешней политики СССР. Т. VII. С. 724.

²³ АВПРФ. Ф. 084. Оп. 4. П. 103. Д. 13. Л. 82.

²⁴ Там же. Л. 197–198.

²⁵ Там же. П. 102. Д. 5. Л.24.

²⁶ Там же. Ф. 04. Оп. 15. П. 102. Д. 50493. Л. 6 об.

-
- ²⁷ Документы внешней политики СССР. Т. VII. С. 595.
- ²⁸ 23 июня 1926 г. была подписана таможенно-тарифная конвенция, 11 июня 1929 г. заключена Конвенция о торговле и мореплавании.
- ²⁹ АВПРФ. Ф. 04. Оп. 15. П. 102. Д. 50493. Л. 89.
- ³⁰ Там же. Ф. 084. Оп. 5. П. 105. Д. 2. Л. 1.
- ³¹ Там же. Д. 3. Л. 115.
- ³² Там же. Л. 116.
- ³³ Документы внешней политики СССР. Т. VII. С. 594.
- ³⁴ Там же. С. 595.
- ³⁵ АВПРФ. Ф. 04. Оп. 15. П. 102. Д. 50495. Л. 2.
- ³⁶ Там же. Л. 4.
- ³⁷ Там же. Л. 3.
- ³⁸ Там же. Ф. 084. Оп. 5. П. 106. Д. 7. Л. 31.

**Ирина Леонидовна
ЖАЛНИНА-ВАСИЛЬКИОТИ,
член Фонда греко-российских
исторических исследований КЕРИЕ
(Афины)**

Роль греческого коллекционера А.Э. Бенаки в судьбе русского художника Н.В. Шперлинга*

Выдающемуся греческому коллекционеру, меценату, политику Антонису Эммануилу Бенаки (1873–1954) будет суждено сыграть важную роль в судьбе двух русских художников, оказавшихся в эмиграции после окончания гражданской войны в России. Эти художники — Иван Яковлевич Билибин (1876–1942) и Николай Викторович Шперлинг (1881–1947). Семья Бенаки происходила из селения Мани на Пелопоннесе. Поддержав неудачное восстание греков против Турции во время Архипелагской экспедиции графа Алексея Орлова в 1769–1774 гг., предки Бенаки были вынуждены переехать на о. Хиос, затем на о. Сирос. На этом острове родился отец Антониса Бенаки, Эммануил. В 1865 г. Эммануил уехал в Египет в г. Александрию и, женившись в 1870 г. на Вергинии Хореми, дочери торговца хлопком, создал семейный бизнес «Хореми & Бенаки», став одним из самых пребывающих представителей греческой диаспоры Египта. Сделав значительное состояние на

* Благодарю за ценные советы и помощь при написании статьи внука коллекционера А.Э. Бенаки — Президента попечительского совета Музея Бенаки г-жу Эмилию Герулану и члена попечительского совета г-на Алексия Занноса; сотрудницу Музея Бенаки П. Цакони; кандидата исторических наук, начальника отдела РГВИА О.В. Чистякова.

торговле, супруги Бенаки стали активно заниматься благотворительностью, привлекая постепенно и своих детей: Александру (1871–1941), Антониса, Пенелопу (1874–1941), Александра (1878–1922) и Аргини (1883–1972). Как и все дети семьи Бенаки, Антонис, родившийся в Александрии, получил прекрасное образование в Великобритании в «Rossal School», свободно говорил на нескольких европейских языках, увлекался живописью, фотографией. Будучи патриотом Греции, он участвовал добровольцем в греко-турецкой войне 1897 г., помогал Греции в Первой и Второй Балканских войнах в 1912–1913 гг. Но главной его страстью было коллекционирование и благотворительность¹.

В 1920 г. в Египте, где жила семья Бенаки, среди нескольких тысяч русских эмигрантов, оказался и известный русский художник И.Я. Билибин. 21 февраля 1920 г. он эвакуировался из Новороссийска на гражданском пароходе «Саратов». А 13 марта попал в Египет и, как большинство русских беженцев, был помещен в лагерь в Телль-аль-Кебире (между Каиром и Исмаилией), находившийся под опекой английских колониальных властей. Благодаря помощи бывшего российского императорского консула Билибин перебрался в Каир, где и познакомился с Антонисом Эммануилом Бенаки. От него он получили первый большой заказ: декоративное панно для виллы Бенаки в Александрии, давший возможность арендовать в Каире дом на улице Антихана и иметь собственную мастерскую. Близкое общение И.Я. Билибина и А.Э. Бенаки продолжалось до отъезда художника во Францию в 1925 г.². За эти годы А.Бенаки, высоко чтивший талант русского художника-эмигранта, помимо заказанного для виллы панно, приобрел для своей коллекции ряд работ, в том числе с выставки Билибина в Александрии в 1925 г.³. В том же году в Александрии он привлек художника для оформления уже его выставки, на которой была показана коллекция мусульманского искусства Бенаки⁴.

В отличие от И.Я. Билибина, принимавшего активное участие в художественной жизни России вплоть до эвакуации из России, судьба Николая Викторовича Шперлинга как художника была менее удачливой. До последних лет Шперлинг считался в России погибшим еще в 1915 г. От его живописного наследия на родине известно всего семь работ: четыре находятся в Мемориальном музее-квартире А.Н. Скрябина, три — в частной коллекции⁵.

Его яркая художественная карьера оборвалась с началом Первой мировой войны. 30 августа 1914 г. в возрасте 32 лет он был призван по мобилизации в 4-й гусарский Мариупольский полк в чине прaporщика. К тому времени за его плечами была успешная творческая карьера. Учась в Первой московской прогимназии, он брал частные уроки рисования у преподавателя Московского училища живописи, ваяния и зодчества живописца, графика, акварелиста Н.А. Мартынова. В 1906 г. Н.В. Шперлинг окончил историко-филологический факультет Московского университета. В том же году участвовал в групповой 2-й акварельной выставке «Общества им. Леонардо да Винчи» в Москве. Среди участников выставки были известные художники: Л.С. Бакст, В.В. Кандинский, Б.М. Кустодиев, А.В. Шевченко, Д.Н. Кардовский и другие⁶. Общность в восприятии задач искусства и роли творца сблизила его с А.Н. Скрябиным. Николай Викторович вошел в круг близких друзей композитора и стал его любимым художником. В доме Скрябина висели работы Шперлинга: пастели «Восточный мудрец» и «Траурный марш», литографии «Tibi, Purissima» и «Портрет рыцаря Жиля де Рэ»⁷. Хорошо знавший Скрябина композитор Л.Л. Сабанеев писал о Шперлинге: «Его любил Скрябин за то, что он хотел в живописи высказать невоплотимое, за страстный эротический пафос его религиозности, которая именно этим была сродни скрябинской. Их сближала общая привязанность или влюбленность в экзотический и мистический Восток, в страну йогов, в которых Скрябин верил, безусловно, и все мечтал к ним отправиться. [...] Я думаю, что эти картины и вообще весь Шперлинг не оказались без влияния на “девятую сонату”

с ее средневековьем, осквернениями святыни и прочими атрибутами из инфернальной мистики»⁸.

В 1911 г. Н.В. Шперлинг показал свои работы на Первой выставке общества художников «Московский салон». Здесь также были представлены художники М.А. Врубель, В.Э. Борисов-Мусатов, К.С. Малевич, И.В. Клюн, Н.С. Гончарова, М.Ф. Ларионов, П.В. Кузнецов, А.В. Лентулов, А.А. Экстер и другие⁹. Известный критик А.М. Эфрос назвал это общество «[...] большой лабораторией, где многочисленная и, несомненно, одаренная молодежь производит интересные художественные опыты»¹⁰.

На ХХ выставке картин Московского товарищества художников, состоявшейся в 1913 г., демонстрировались четыре работы Шперлинга: «Matiere Vierge», «Ассириец», «Магнолии» и «Этюд»¹¹. Критик Эммануил Хусид в журнале «Вестник Европы» писал: «В рисунках Шперлинга мы находим второе издание Фернанда Кнопфа¹², во многих отношениях не уступающее оригиналу; та же гамма эффектов, миниатюрность отделки, прозрачность тонов, освобождающая от всякой телесности потусторонние и бесплотные видения художника»¹³. Сравнивая работы Шперлинга с произведениями главного представителя бельгийского символизма, автор уверенно определил место русского художника в этом направлении искусства. Вторая выставка 1913 г., где Шперлинг показал свои произведения¹⁴, — выставка объединения «Мир искусства», возродившегося в 1910 г. под председательством Н.К. Рериха и пополнившегося новыми молодыми художниками, такими, как Н.И. Альтман, К.С. Петров-Водкин, М.С. Сарьян, В.Е. Татлин и другие. Одним из учредителей объединения был Иван Яковлевич Билибин.

В 1914 г. Н.В. Шперлинг стал председателем общества «Московский салон» и принял участие во 2-й выставке объединения. По предложению Шперлинга почетным членом общества выбран А.Н. Скрябин¹⁵, экспериментировавший в эти годы со светомузыкой и задумавший свою «Мистерию» как синтез искусств.

Оказавшись по призыву в составе прославленного 4-го гусарского Мариупольского полка, Николай Шперлинг

стал достойным членом его офицерской семьи. Только за 1915 год он был награжден пятью орденами¹⁶.

В марте 1918 г. в связи с революционными событиями Мариупольский полк был расформирован, но многие офицеры примкнули к белому движению. В августе 1919 г. Шперлинг числился квартирмейстером восстановленного полка. В автобиографии художника, хранящейся в архиве Музея Бенаки в Афинах, кроме вышеперечисленных наград, указаны ордена Св. Георгия и Св. Владимира¹⁷. В 1919 г., когда Шперлинг был на фронте, его произведения экспонировались на 1-й, 2-й и 4-й выставках Московского хранилища произведений современного искусства в Москве, в галерее Ламерье в Салтыковском переулке, переданные, по всей видимости, кем-то из друзей или родственников художника. В каталогах указаны работы «Деспот», «Летящий Зигфрид», «Вакханалия», «Портрет», не представленные ранее на других выставках¹⁸.

Николай Шперлинг был в строю до эвакуации Русской армии барона П.Н. Врангеля из Крыма. В ночь с 31 октября на 1 ноября 1920 г. Мариупольский полк погрузился на пароход «Русь» и 8 ноября достиг берегов Турции¹⁹. С прибытием в Галлиполи военная карьера для Шперлинга закончилась. В списках Главного спрашивающего бюро Константинополя Шперлинг Николай Викторович, 40 лет, числится как художник²⁰.

В 1923 г. он смог перебраться во Францию и в 1924 г. принял участие в Парижском Салоне, где показал четыре миниатюры. Работы были замечены французской критикой. В художественном журнале «Revue du Vrai et du Beau, Arts et Lettres» появилась статья, посвященная Н.В. Шперлингу. Критик Реймонд Селиг писал: «Не могу выразить, как заинтриговали мое любопытство его достойные миниатюры на групповой выставке в национальном Салоне. Его стиль и манера являются большой творческой удачей. Безусловно владея профессией, он возвышает над обыденностью и погружает в чистый мир оккультизма. Его техника вызывает восторг. <...> Он увлечен оккультизмом и верит, что искусство способ-

но передавать нематериальное и невыразимое и что искусство должно сыграть большую роль в эволюции человечества. Задача этого направления — сделать искусство магией, чтобы воздействовать произведением на человека. Потрясающие миниатюры Шперлинга достигают этого результата, и любимые теории Пеладана и Гюстава Моро работают. Искусство Н. Шперлинга — больше, чем живопись. Это серьезный вклад в цивилизацию»²¹.

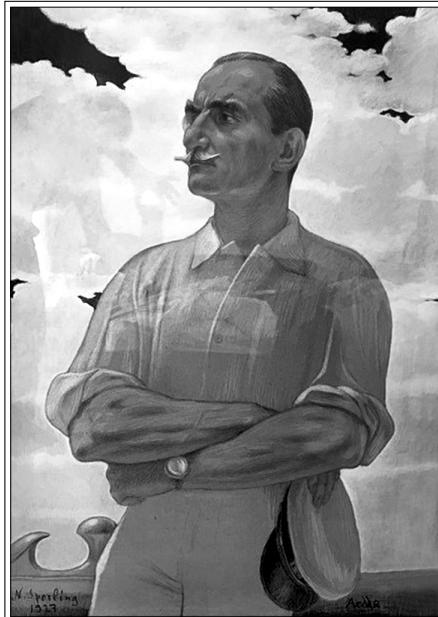
Несмотря на благоприятные отзывы прессы, Н.В. Шперлинг во Франции не задержался. Он начал активно путешествовать, жил в Сербии, Германии и, возможно, по рекомендации И.Я. Билибина, с которым был хорошо знаком, прибыл в Египет.

Знакомство Н.В. Шперлинга с А.Э. Бенаки²² сыграло ключевую роль в дальнейшей судьбе художника. Рецензии на работы Шперлинга в египетских газетах начали появляться с начала 1927 г. О его творчестве писал один из самых авторитетных художественных франкоязычных журналов Египта «La Semaine égyptienne», издававшийся греческим журналистом, издателем, критиком С. Ставриносом²³. В номере журнала за 29 апреля 1927 г. появилась большая статья о выставке Шперлинга в Каире, иллюстрированная «Портретом турчанки» его работы из коллекции А.Э. Бенаки. В статье сообщалось, что его выставка прошла с большим успехом. Король Египта Ахмед Фуад I и члены правительства приобрели много работ, и он получил заказы на исполнение портретов египетских вельмож в Александрии²⁴. В том же 1927 г. Н.В. Шперлинг написал пастельный портрет А.Э. Бенаки.

Творчество Шперлинга, наполненное мистикой и загадочностью, напоминавшее персидские миниатюры тщательностью и изысканностью линий, пришло на душу египетскому высшему свету. Новые заказы от египтян стали постоянными. Однако, познакомившись ближе с А.Э. Бенаки, он принял решение связать свою дальнейшую судьбу именно с ним. В 1929 г. в греческом консульстве в Александрии, благодаря хлопотам коллекционера, он получил временный греческий паспорт и приехал в Афины. Его первый визит в страну продлился с 15 сен-

тября по 8 ноября 1929 г. Обращаясь с просьбой о выдаче визы на въезд в Грецию художника, А.Э. Бенаки писал: «Возраст художника 48 лет, не женат, беженец из России с 1920 г., в прошлом — убежденный монархист. Шперлинга хорошо знаю много лет и ручаюсь за него»²⁵. Но, прежде чем принять предложение Бенаки и поселиться в Афинах, Шперлинг в 1929 г. совершил долгожданное путешествие в Индию²⁶ — страну, о которой писали близкие его убеждениям теософы и которую мечтал посетить его друг А.Н. Скрябин.

Знаменательно, что Бенаки, обращаясь в 1930 г. в Министерство иностранных дел Греции с просьбой выдать новую визу для въезда в страну Шперлинга, писал, что целью посещения Греции художником является участие в Дельфийских празднествах²⁷. Первые Дельфийские праздники в Греции были организованы греческим поэтом Ангелосом Сикелианосом на средства его американской супруги и единомышленницы Евы Палмер-Сикелианос в 1927 г. Праздники включали театральные постановки античного трагика Эсхила («Прометей» 1927 г.; «Просительницы» 1930 г.), древние танцы, спортивные соревнования, шествия с факелами, концерт византийской музыки, выставки произведений скульптуры, живописи, народных ремесел и т.д. Идея празднеств была близка исследованиям Шперлинга-художника, стремившегося вернуть искусство к древним истокам, когда оно было частью религиозного культа.

Портрет А.Э. Бенаки
(1927 г., пастель, частная
коллекция, Греция)

С этого периода Н.В. Шперлинг окончательно поселяется в Греции и начинает помогать А.Э. Бенаки, уже окончательно переехавшему в Грецию, реализовать его проект по созданию серии акварелей народных греческих костюмов.

В 1931 г. Антонис Э. Бенаки, вступивший после смерти отца в права наследования, подарил греческому государству виллу семьи в центре Афин вместе с коллекцией, насчитывающей более 26 тыс. предметов искусства, 10,5 тыс. редких книг и автографов²⁸. Собирая греческие костюмы, А.Э. Бенаки решал не только эстетические задачи: в одежде отразилась богатейшая культура и история народа, потерявшего после падения Византии в XV в. независимость, но сохранившего национальную самобытность. Н.В. Шперлинг получил заказ на изображение этой коллекции и трудился над осуществлением проекта почти 15 лет. Из 112 костюмов, нарисованных художником, 86 принадлежали музею, остальные были предоставлены их владельцами. По замыслу Бенаки, акварели Шперлинга служили эталоном при создании цветной гравюры на дереве (ксилографии) для планируемых трех альбомов «Народные греческие костюмы» тиражом 300 экз. каждый. Научное описание и каталогизация костюмов были поручены известному специалисту по народному творчеству А. Хаджимихали.

Вид на жительство, полученный Шперлингом в 1930 г., постоянно продлевался, благодаря хлопотам и личному участию А.Э. Бенаки. Особенно большие проблемы с проживанием иностранного художника в Греции возникли в период немецкой оккупации Афин в годы Второй мировой войны. Разрешение на проживание давалось только на 6 месяцев и требовало постоянного нового запроса от А.Э. Бенаки, оставшегося, как и Н.В. Шперлинг в оккупированной Греции. Направляя ходатайство в МВД Греции, коллекционер неустанно повторял, что работа художника является уникальной, что такого уровня миниатюристов и графиков в стране больше нет. В 1942 г. Бенаки пишет о том, что выполнено уже 80 акварелей и замена Шперлинга другим мастером нанесет невосполнимый ущерб проекту, представляюще-

му большой национальный интерес. В 1944 г. он вновь просит о продлении вида на жительство, т.к. присутствие художника при создании ксилографии является необходимым условием для создания высокохудожественных оттисков²⁹.

Первый альбом, включивший 55 ксилографий с акварелей Н.В. Шперлинга, вышел в августе 1948 г. Во вступительной статье А.Э. Бенаки писал: «Мы хотели для данного проекта включить и изображение костюмов тех регионов, где больше не живут греки — Понта, Малой Азии, некоторых островов, таких, как Родос, Тилос, Симис и т.д. Но неожиданная смерть художника Николая Шперлинга помешала осуществить эти планы. Замена его другим художником нарушила бы единый стиль данного проекта. <...> Целью художника было изобразить костюмы так, чтобы они выглядели реальными. Для этого в качестве моделей были приглашены многие представители греческого общества, которые часами позировали в одеждах греков гор и равнин, чтобы дать возможность передать всю красоту и неповторимость национального греческого костюма. Отсюда и элегантность, и одухотворенность, присущуюшая в картинах. <...> Художник, белый эмигрант Николай Шперлинг, был приглашен в 1930 г. в Грецию из Египта, так как подобного уровня миниатюристов в стране не было. Он трудился с полной отдачей, понимая всю важность данной работы»³⁰.

Говоря о представителях греческого общества, которые позировали художнику, А.Э. Бенаки не уточнил, кто именно изображен на акварелях Н.В. Шперлинга. И только хранящиеся в архиве Музея Бенаки документы, касающиеся истории создания данных альбомов, приоткрывают тайну этой портретной галереи. В народном костюме о. Крита изображен сам А.Э. Бенаки (№ 59). Также в критском народном костюме Шперлинг по просьбе Антониса нарисовал по фотографии его младшего брата Александра, умершего в 1922 г. в возрасте 44 лет (№ 60). Среди позировавших художнику — Елени, вторая жена Антониса Бенаки (№ 49), его сын Константинос (№ 6), дочь Ирини Каллига (№ 50), невестка Фамар (№ 22), пле-

мянницы — София Маврородату (№ 51), Виргиния Занна (№ 55) и Лена Самара (№ 66), внучатая племянница Аргини Гуту (№ 58) и другие. Помимо членов семьи Бенаки, художнику позировали известные греческие политики и члены их семей. В галерее изображенных были включены известные гречанки: писательницы, благотворительницы, такие, как Лилика Христоману-Калински (№ 17), Турнаки София, Елени Зарифи (№ 13), Элли Залокоста и другие.

На каждой акварели размером 37x20 см стоит подпись художника: SPERLING. Даты на работах отсутствуют, хотя иногда можно указать приблизительное время написания, как в случае с изображением Алики Вайллер (№ 23) — первой гречанки, ставшей в 1930 г. «Мисс Европы». В архиве Музея Бенаки в списке изображенных она фигурирует уже под фамилией супруга, английского летчика Вайллера, за которого вышла замуж в 1932 г.

Мужским образом на акварелях Н.В. Шперлинга присуща героичность, а женским — нежность. Художник идеализирует свои модели, практически лишая их плоти и возраста, искусственно утончая фигуры и придавая им схожесть со средневековыми фресками. Взгляды изобра-

Алики Вайллер
(акварель, собрание
музея Бенаки)

женных часто направлены мимо зрителя и устремлены вдаль. Все пейзажи на акварелях условны, и только по размытым очертаниям гор, кипарисам, светло-голубому фону узнается Греция. Шперлинг достиг невиданных высот в технике акварели. Он передал богатство цветовой гаммы народных костюмов, разнообразие материала, из которого они выполнены (преимущественно шелк, бархат и шерсть), изысканность ювелирных украшений из бронзы, серебра, золотое шитье многих деталей костюма, виртуозностью манеры вызывая ассоциации с китайской и персидской миниатюрой. Длившаяся полтора десятка лет работа над ксилографиями для альбомов, конечно, не смогла передать все волшебство шперлинговских акварелей. Второй том, содержащий 57 миниатюр, вышел в Афинах в 1954 г., в год смерти А.Э. Бенаки.

Иногда художнику удавалось получить и частные заказы. Так, например, он создал портрет А. Диплараку³¹, сделал экслибрис для родной сестры Антониса Бенаки, известной греческой писательницы и мецената Пенелопы Дельты.

Активного участия в художественной жизни Греции Н.В. Шперлинг не принимал, его творчество было обособленно от основных направлений местного искусства. Только весной 1945 г., после освобождения Греции от оккупации, на групповой художественной выставке-продаже в известной афинской галерее «Парнас» он показал две работы: «Рождение Афродиты» и «Тамерлан»³².

О личной жизни Шперлинга в Афинах известно немного. Жил он скромно, снимал квартиру в центре города недалеко от дворца Запион и Музея Бенаки. По воспоминаниям падчерицы реставратора В.П. Репика, И.Л. Обновленской, в детстве бывавшей у Шперлинга, в его доме почти каждый день собирались люди³³. Он дружил с художником Аристотелем Василькиоти (племянником академика живописи Н.П. Химоны, также эмигрировавшего из России в Грецию), с известной переводчицей и другом многих писателей и поэтов Серебряного века Ольгой Химоной, художницей Лидией Боржек, выпускником Московского университета, георгиевским кавале-

ром А.А. Котельниковым, выпускником Петербургской консерватории В.В. Павловым и другими.

Николай Викторович Шперлинг не дожил до выхода в свет первого альбома народных костюмов. Точную дату его смерти и место захоронения до настоящего времени установить не удалось. В недавно обнаруженном письме супруги последнего посланника Российской империи в Греции князя Сан-Донато Е.П. Демидова С.И. Демидовой (от 25 июля 1948 г.) о Шперлинге сообщается следующее: «Шперлинг уехал давно в Абиссинию (Эфиопию. — И.В.) и там скончался»³⁴. Антонис Эммануил Бенаки так и не осуществил идею о создании трех альбомов ксилографий народных костюмов — замены художнику Н.В. Шперлингу он найти не смог. В собрании акварелей, принадлежащих Музею Бенаки, отсутствуют работы с изображением Антониса Бенаки, его сына Константина и некоторых других членов семьи, которые коллекционер захотел, це-ня акварели Н.В. Шперлинга, сохранить в семье.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Σουλογιάννης Ε. Αντώνης Εμμ. Μπενάκης 1873–1954. Ο ευπατρίδης, ο διανοούμενος, ο ανθρωπότης. Αθήνα, 2004.

² См.: Беляков В.В. Русский Египет. М., 2008; И.Я. Билибин в Египте (1920–1925): Письма, документы и материалы / Сост., предисл. и примеч. В.В. Беляков. М., 2009.

³ Архив Музея Бенаки. Ф. 234. Д. Exhibition Ivan Bilibin a Alexandria (Выставка И.Я. Билибина в Александрии). 1924.

⁴ Exposition d'art musulman. Les amis de l'art // Alexandria, 1925.

⁵ См.: Томпакова О.М. «Иду сказать людям, что они сильны и могучи» // Музыкальная академия. 1993. № 4. С. 184.

⁶ 2-я акварельная выставка Общества им. Леонардо да Винчи. М., 1906. Шперлинг Н.В. № 292. Эскиз «Людовик XIV».

⁷ Подробнее о картинах Н.В. Шперлинга из коллекции Музея квартиры А.Н. Скрябина см.: Санжарова О.Е. Темное очарование Н.В. Шперлинга. Исследовательский этюд // Скрябин и современники. С. 104–117.

⁸ См.: Сабанеев Л.Л. Воспоминания о Скрябине. М., 2000. С. 59, 144.

⁹ Каталог 1-й выставки картин «Московский салон». М., 1911. С. 1.

¹⁰ Росций (Эфрос А.М.). Московский салон // Русские ведомости. 19 ноября. 1913.

¹¹ Каталог XX выставки картин Московского товарищества художников. М., 1913. Шперлинг Н.В. № 371–374.

¹² Фернан-Эдмон-Жан-Мари Кнопф (Fernand Knopff) (1853–1921) — бельгийский скульптор, график, искусствовед.

¹³ Хусид Эммануил. Художественные выставки в Москве // Вестник Европы. 1913. Апрель. С. 339.

- ¹⁴ Каталог выставки «Мир искусства». М., 1913. Шперлинг Н.В. № 292–296.
- ¹⁵ Полков В., Дубровина О. Н.В. Шперлинг — таинственный друг А.Н. Скрябина // В сб. Скрябин и современники. Материалы к биографии Н.В. Шперлинга. М., 2016. С. 40–41.
- ¹⁶ Н.В. Шперлинг был награжден орденами Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом, Св. Анны 4-й ст., Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом, Св. Станислава 2-й ст. с мечами, Св. Анны 2-й ст. с мечами. 5 сентября 1915 г. Н.В. Шперлинг произведен в корнеты за боевые отличия «как выдающийся боевой офицер, имеющий 3 боевые награды и представленный к 4-й». 4 мая 1916 г. произведен в поручики за боевые отличия. В июне 1917 г. представлен к производству в штабс-ротмистры. Ранен и контужен не был // Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 400. Оп. 9. Д. 31631. Л. 1082–1083; Ф. 3596. Оп. 1. Д. 52, 54, 55, 60, 102, 162, 200.
- ¹⁷ Документальных подтверждений этим наградам в российских архивах обнаружить не удалось.
- ¹⁸ 1-я выставка московского хранилища произведений современного искусства. М., 1919. Шперлинг Н.В. № 228–233.
- ¹⁹ Шишков Л. 4-й гусарский Мариупольский Императрицы Елизаветы Петровны полк // Военная быль. 1970. № 103. С. 14.
- ²⁰ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5982. Оп. 1. Д. 110. Л. 31.
- ²¹ Raymond Selig. Nicolas Sperling // Revue du Vrai et du Beau, Arts et Lettres. Paris. 25 Juillet 1924. P. 12.
- ²² Антонис Эммануил Бенакис (1873, Александрия, Египет — 31.05.1954, Афины, Греция) — промышленник, политик, меценат, основатель Музея Бенаки.
- ²³ Une manifestation d art egyptien. Le Salon de la “Chimère” // La Semaine égyptienne 1927. № 5. P. 27.
- ²⁴ La Semaine égyptienne 1927. № 15–16. P. 15.
- ²⁵ Архив Музея Бенаки. Фонд секретаря А.Э. Бенаки. Заявление А.Э. Бенаки в МИД Греции от 17 марта 1930 г. Текст на греческом языке. Перевод автора. Отсутствие номеров фонда, дел, описи не позволяет автору указать более точные ссылки на документ.
- ²⁶ Там же. Биография Николая Шперлинга. Текст на греческом языке. Перевод автора.
- ²⁷ Там же. Заявление А.Э. Бенаки в МИД Греции от 17 марта 1930 г.
- ²⁸ Εφημερίδα «Ημεροσία» ἐκδοση Η Ελλάδα των ευεργετών. Αντώνης Μπενάκης // Αθήνα, 2000. Σ. 41–42.
- ²⁹ Архив Музея Бенаки. Фонд секретаря А.Э. Бенаки. Письма А.Э. Бенаки в МВД Греции от 9 августа 1942; 8 августа 1944; 20 ноября 1944; 11 июня 1945. Текст на греческом языке. Перевод автора.
- ³⁰ Ελληνικαί εθνικαί ενδυμασίαι. Т.А. 948. Σ. 3.
- ³¹ Сведение о портрете сообщены автору г-жой Э. Герулану.
- ³² Κατάλογος ἔργων. Εκθεσις Παρνασσού // Αθήναι, 25 Απρίλιος — 13 Μάϊος 1945. Σ. 6.
- ³³ Архив автора. Воспоминания И.Л. Обновленской. 1997 г.
- ³⁴ Архив автора. Дар Н.В. Дейл (США). Письмо С.И. Демидовой В.А. Бессмертному от 25.07.1948.

**Мария Ивановна РОСЕНКО,
д.полит.н., профессор филиала МГУ
им. М.В. Ломоносова в Севастополе**

Греки Севастополя и Балаклавы: проблемные вопросы образования, сохранения культурных особенностей и национальных традиций в период 1920–1950-х годов

Образование способствует сохранению культурных ценностей и социальным переменам. Школы являются также средством социального контроля и подготовки учащегося к определенному виду деятельности, оказывают влияние на статус человека в обществе.

История Севастополя неразрывно связана с греками, которые принимали активное участие в строительстве и, впоследствии, в обороне города. После присоединения Крыма к России греки возвращались на территорию Крыма спустя несколько сотен лет. Верой и правдой служили они новому Отечеству. Новым переселенцам выдавались квартиры, земли и провиант, освобождались они также от части налогов¹.

Прибывшие с семьями греки нуждались в организации не только быта, но и решения вопроса обучения детей. Эта проблема греческого населения Севастополя усложнялась тем, что обучение должно было вестись на греческом языке, что могло бы способствовать сохранению культурных ценностей и адаптироваться к социальным переменам.

Кроме того, перед государством стояла задача ознакомить граждан разных национальностей не только с положением внутренней и внешней политики страны, но и с необходимыми в повседневной жизни новых подданных законодательными актами государства. Следовало объ-

яснить функциональное назначение нового административного аппарата, права и обязанности населения. Решить эту проблему государство могло посредством подготовки грамотных, а в идеале — просвещенных чиновников, выходцев из среды нерусских народов.

В конце XVIII–XIX ст. путями реализации этой задачи были:

1) учреждение специализированных национальных учебных учреждений, предназначенных для обучения детей переселенцев, содержащихся на государственные средства;

2) использование уже существующих видов общероссийских образовательных учреждений смешанного (государственного, общественного и личного) финансирования: школ, училищ, семинарий и других для создания дополнительных национальных классов;

3) создание законодательной и материальной базы для функционирования этноконфессиональных школ, которые бы существовали при условии их финансовой поддержки благотворительными, прежде всего греческими, обществами и отдельными благотворителями-греками.

Возможности для решения перечисленных задач были найдены и реализованы государством, греками Крыма и Севастополя. Приведем краткое описание каждого из них.

Уже в конце 70-х гг. XVIII в. правительством России были основаны некоторые национальные общеобразовательные учебные учреждения, в которых учились дети нерусских народов. Среди них были и греческие.

К таким можно отнести Гимназию Чужестранных единоверцев (1775 г.) (иногда в литературе называемой Греческой гимназией, с 1792 г. — Корпус Чужестранных единоверцев)².

Вместе с тем учреждение отдельных учебных заведений в Российской империи не давало возможность создать систему массового национального или этноконфессионального образования. Учитывая сложности строительства города и флота, отсутствие возможности строительства школы, как самостоятельного учреждения,

начальное обучение греческих мальчиков и девочек осуществлялось в церковно-приходских школах при греческих церквях³.

Особо хочется заметить, что построенная на средства служащих Греческого пехотного полка в 1794 г. гарнизонная церковь Св. Николая Балаклаве, действует до сих пор (ныне — храм Двенадцати Апостолов).

Кроме указанных, типичных для России того времени церковно-приходских школ, в Балаклавском греческом пехотном батальоне была создана школа кантонистов, куда в 7–10-летнем возрасте поступали дети балаклавцев и учились до их зачисления на службу нижними чинами⁴. Кроме того, в 1818 году учреждено отделение Военно-сиротской школы для детей офицеров и нижних чинов⁵. В 1826 г. появилась первая школа — флотская школа юнг, главным образом для детей матросов, просуществовавшая до Крымской войны⁶. В 1826 г. в Севастополе было создано Девичье училище. В нем обучались дочери нижних чинов Морского ведомства в возрасте от 10 до 16 лет. В 1853 г. училище было упразднено и вместо него создан пансионат благородных девиц⁷. Уездное училище — первое гражданское учебное заведение в городе, открыто в 1828 г. для детей дворян, купцов, чиновников⁸. В 1828 г. в Севастополе появилось приходское училище⁹.

Необходимо отметить, что этнический состав населения на то время был многонациональный. В Севастополе проживало много иностранцев: англичан, голландцев, шотландцев, французов, немцев, швейцарцев, греков, итальянцев. Самой многочисленной этнической группой в городе были русские. Греки составляли более 2/3 иностранцев. Они были подданными России, Великобритании, Франции, Австрии, Греческого королевства и Османской империи. Именно в связи с многочисленностью греческого населения необходимы были школы с обучением на греческом языке.

В связи с недостатком школ в городе открывались частные учебные заведения, где обучались дети привилегированных сословий. Одним из первых частных учебных

заведений стало частное греческое училище Елакиади, открытое в 1822 г.¹⁰. После восстановления разрушенного в Крымской войне Севастополя важным событием в культурной жизни греков Севастополя стало открытие 11 декабря 1884 г. частного Греческого 3-классного училища (в 1895 г. преобразовано в 6-классное)¹¹. В мае 1875 г. было открыто Константиновское шестиклассное реальное училище¹². В начале XX в. учащимся реальных училищ была предоставлена возможность продолжить образование на физико-математических и медицинских факультетах университетов, но после сдачи дополнительного экзамена по латыни.

Согласно «Уставу гимназий и прогимназий Министерства народного просвещения» (1871), изучение древних языков должно было достигать трех целей: эстетической, этической и образовательно-исторической. Изучение латинского языка начиналось уже в 1-м классе при 8 часах в неделю, в то время как на русский язык в этом же классе полагалось 4 часа, во 2-м классе на латинский язык — 7 часов, а на русский — 4 часа. Греческий язык начинался в 3-м классе при 5 часах в неделю¹³.

Октябрьская революция (1917) и последовавшая за ней Гражданская война (1918–1922) принесли с собой новые этапы в жизни греков в Севастополе, и в частности в образовании. Школы Севастополя революционно настроенными гражданами подвергались разграблению. Греческое училище уцелело от разграбления благодаря тому, что в нем размещались Греческое генеральное консульство и штаб расквартированных в Севастополе греческих войск, которые бережно относились к имуществу училища, находившегося под покровительством греческой королевы Ольги Константиновны.

На это время пришла первая массовая волна эмиграции греков. Как указывает севастопольская исследовательница Н. Терещук, греки начали покидать Севастополь еще до прихода Красной армии в 1919 г. В связи с возможностью беспересадочного рейса в Пирей их эмиграция приобрела значительные масштабы. Только на одном пароходе «Антигона» уехало 250 греков¹⁴.

Гражданская война и события, наступившие после нее, оказали непоправимые последствия на численность греков в Крыму. Красный террор (1918–1922), голод (1921–1923), лишение избирательных прав (1920–1930) — вот основные этапы деятельности по установлению нового государственного строя, которые привели к массовому отъезду греков из Крыма и Севастополя.

Как уже упоминалось, среди греческого населения Крыма было много беженцев из Османской империи и греческих подданных, большинство из которых либо вообще не имели на руках документов, либо не были зарегистрированы в греческих консульствах. Греки пытались зарегистрироваться и получить удостоверения личности. Как указывает М. Аранжиони¹⁵, со ссылкой на архивные источники¹⁶, только за декабрь 1920 г. в Бюро регистрации обратилось 698 греческих подданных. Советская власть предложила всем иностранцам выехать на родину за счет государства.

Наступивший голод после установления Советской власти и продразверстки привел к эвакуации в 1921 году «пришлого населения». По некоторым данным, в Крыму скопилось пришлых до 50 тыс. русских и украинцев, 10 тыс. подданных Турции, 25 тыс. греков, 3 тыс. армян, а также были грузины, азербайджанцы, прибалтийцы, поляки, бывшие австро-германские военнопленные¹⁷. Авторы отмечают, чтобы как-то справиться с ситуацией, предполагалось вывезти до 5 тыс. турок и до 10 тыс. греков, отправить 5–10 тыс. крымских детей в Турцию.

Население Крыма с 1921 по 1923 г. сократилось с 719 531 человека до (приблизительно) 569 580¹⁸. Греческое население сократилось до 1,6%¹⁹.

Резкое сокращение греков в Севастополе и Балаклаве не могло не сказаться на численности учеников в греческих школах. Усложнялась ситуация еще и политикой новой власти в отношении организации образования, в том числе национальных меньшинств.

В апреле 1921 г. при обкоме была создана Коллегия национальных меньшинств, при которой существовали национальные секции, в том числе и греческая секция

с филиалами на местах. В ее компетенцию входил учет лиц греческой национальности, проведение выборов, созыв съездов, просветительская и культурно-массовая работа. Так, например, Севастопольская секция создала греческую трудовую общину. В ее составе были также три комиссии: школьная, клубная и благотворительно-хозяйственная²⁰.

После завершения Гражданской войны в Крыму и окончательного установления советской власти, в Севастополе начался процесс становления новой, советской системы народного образования. Пути формирования новой школы были определены в «Положении о единой трудовой школе» и «Основных принципах единой трудовой школы» (Декларация)²¹. Уже в ноябре 1920 г. началась подготовка к школьной реформе, предполагавшей подчинение всех учебных заведений соответствующим местным органам, отделение школы от церкви, изъятие из учебных программ изучения Закона Божьего и «введение новых предметов школы социалистического типа»²².

Начиная с 1920/21 учебного года в Севастополе, как и во всех учебных заведениях Советской России, был создан единый тип семилетней школы, состоявшей из двух ступеней: I-й (1–4 классы) и II-й (5–7 классы)²³.

В процессе формирования «единой трудовой школы» существовавшие в Севастополе до 1917 г. учебные заведения Греческого благотворительного общества, как и других национальных обществ (Еврейское благотворительное общество, бывшая украинская гимназия им. Т.Г. Шевченко и мусульманское мектебе) были преобразованы в греческую, еврейскую, украинскую и татарскую школы I ступени²⁴, т. к. в соответствии с приказом Крымревкома № 57 «О перестройке работы учебных заведений» от 30 ноября 1920 г. было проведено реформирование системы школьного и высшего образования, в результате чего все учебные заведения Крыма переходили в ведение государства. Высшие учебные заведения упразднялись и оставались функционировать только средние учебные заведения, получившие новое название — советская средняя школа с соответствующим порядковым номером.

Константиновское реальное училище в соответствии с этой реформой было преобразовано в трудовую школу № 5 им. К. Маркса (в настоящее время в здании располагается средняя школа № 3).

Греческая школа, которая была образована на базе Греческого училища, произвела набор учащихся только на 1921/22 учебный год, ввиду того что не было учебников, наглядных пособий и хрестоматий на греческом языке²⁵, а имевшиеся ранее в Греческом училище книги и мебель были уничтожены в течение зимы красноармейцами, которые размещались в здании. Лишь в январе 1924 г. греческая школа получила достаточное количество хрестоматий на греческом языке, а в феврале — необходимые учебники и литературу²⁶.

В период становления положительной была практика шефства «связь школ города со школами деревни», организованная в 1924 г. сектором национальных меньшинств. 23-я греческая школа шефствовала над школой греческой деревни Карань²⁷. Спектакли для местных жителей, греческие песни, стихи на греческом языке, помошь в уборке винограда сближали детей их разных социальных групп. Совместные мероприятия греческой школы с татарской, украинской, еврейской, польской школами и армянским детским садом «положили начало сближению национально далеких детских групп»²⁸, что вполне соответствовало государственному курсу на создание интернационального единства «не насильственно, а добровольно, на демократических началах», являясь «важной тенденцией на пути строительства социализма».

Всего в 1925/26 учебном году в Крыму насчитывалось 25 греческих школ I ступени с 56 учителями и 1500 учащимися²⁹.

Проводимые с 1927 г. массовые репрессии, связанные с лишением избирательных прав и выселением из Севастополя иностранных подданных, вызвали новый всплеск массовой эмиграции греков. Начиная с 1926 года, по разъяснению ЦИК, иностранные подданные не должны были включаться в списки лишенных прав, но и не должны были включаться в списки избирателей. Остановить

выезд, принявший массовый характер, не смогли даже меры, принятые крымскими властями и запрещавшие распродажу имущества³⁰. Кроме того, наблюдалась текучесть кадров, в том числе вызванная кадровой «чисткой». В 1927/28 учебном году из греческой школы уволились 3 педагога. Бригада рабоче-крестьянской инспекции, обследовавшая учебные заведения и учреждения Севастопольского ОНО в 1930 году, пришла к заключению, что «социальный состав педагогов не соответствует задачам коммунистического воспитания детей»³¹. Как «чуждый антисоветский элемент» в числе учителей из других национальных школ была уволена Елена Димитриу, обвиненная в религиозной пропаганде³². Школа была доукомплектована учителями и продолжила свою работу.

Дальнейшая трансформация в сфере, которая оказала влияние на греческие школы в Севастополе, была ознаменована Постановлением ЦИК и Совнаркома СССР «О всеобщем обязательном начальном обучении» от 14 августа 1930 г. и Постановлением ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1931 г. «О начальной средней школе». Одной из поставленных задач стало «открытие школ повышенного типа», в частности школ II ступени, «обеспечивающих преемственность воспитания и обучения на родном языке». В 1931/32 учебном году в Севастополе ввели обязательное семилетнее обучение.

В этой связи появилась острая необходимость «расширения» греческой школы и преобразования ее в школу II ступени (семилетку). Считалось, что объем учебной программы очень низкий, учащиеся школы «получают незаконченное образование, не отвечающее никаким минимальным требованиям жизни и обихода», вследствие чего выпускники не имеют возможности ни продолжить, ни завершить свое образование в других, не в греческих школах. Ввиду отсутствия средств для преобразования ее в школу II ступени на базе школы открыли семилетку путем введения в ней обучения в две смены, а деньги на расширение имеющихся классных помещений и устройство школьных мастерских взяли из средств греческого общества «Взаимопомощь».

В 1934 г. греческая школа была переименована в греческую школу № 23 им. Ориона Алексакиса. В том же году «из-за недопустимо малого количества учащихся» была переведена из здания на улице Артиллерийской, 19 в новое здание на улице Большой Морской, 44. В дальнейшем в нем же была размещена и армянская школа. Таким образом, Севастопольским ОНО одновременно было осуществлено сокращение двух малых школ с освобождением занимаемых ими зданий для двух переполненных средних школ города и осуществлено «интернациональное сближение» двух существовавших школ национальных меньшинств.

Начатая в 1923 г. так называемая политика «коренизации», предполагающая направленность на формирование национальных управленческих кадров, увеличение их числа во властных структурах, постепенно сворачивалась введением школ не по национальному, а по территориальному признаку, что провело к закрытию национальных и введению смешанных классов. Надо отметить, что принятая в 1937 году Конституция Крымской АССР изменила национальную политику. Был взят курс на ликвидацию и реорганизацию органов государственно власти и управления, сформированных по национальному признаку, на исключение национальных особенностей культурных и образовательных учреждений. Окончательно же судьба школы решилась в 1937 г., когда решением Севастопольского ОНО она была закрыта³³. Полностью же система национального образования была ликвидирована Постановлением ЦК ВКП(б) от 24 января 1938 года «О реорганизации национальных школ», согласно которому особые национальные школы реорганизованы были в «советские школы обычного типа»³⁴.

Конечно, кроме малочисленных групп греческих школьников, на закрытии школы не могла не оказаться Директива НКВД СССР № 50215 от 11 декабря 1937 г., согласно которой под видом борьбы со шпионской и диверсионной деятельностью практически репрессирован по национальному (грек) признаку целый народ, проживавший в России. Циркуляр, подписанный наркомом

внутренних дел Ежовым, гласил: «Материалами следствия устанавливается, что греческая разведка ведет активную шпионско-диверсионную повстанческую работу в СССР, выполняя задания английской, германской и японской разведок. Базой для этой работы являются греческие колонии в Ростовской-на-ДОНЕ и Краснодарской областях Северного Кавказа, Донецкой, Одесской и других областях Украины, в Абхазии и других республиках: Закавказья, в Крыму, а также широко разбросанные группы греков в различных городах и местностях Союза [...]»³⁵.

В этой связи было приказано в один день — 15 декабря — одновременно во всех республиках, краях и областях произвести аресты всех греков, подозреваемых в шпионской, диверсионной, повстанческой и националистической антисоветской работе.

При проведении операции особое внимание приказывалось обратить на тщательную очистку от перечисленных выше категорий предприятий и цехов оборонного значения, электросиловых предприятий и сооружений, всех видов транспорта, в особенности порты, армии, флота, войск НКВД и аппаратов органов НКВД.

Принимая во внимание, что Севастополь был приграничным городом, в котором размещались военно-морские силы, греки Севастополя и Балаклавы были подвергнуты репрессиям с особым пристрастием.

Позже в соответствии с Постановлением ГОКО № 1828сс от 29 мая 1942 г. о дополнительном выселении из Краснодарского края и Ростовской области греков — иностранных подданных и лиц, признанных социально опасными: «1. В дополнение к ранее проведенному выселению из г. Краснодара, Новороссийска, Туапсе, Анапы и районов Таманского полуострова иностранных подданных и лиц, признанных социально опасными, провести в двухнедельный срок в том же порядке выселение этой категории лиц из городов и населенных пунктов Краснодарского края (Армавир, Майкоп, Кропоткинская, Тихорецкая, Приморско-Ахтарская, Ольгинская, Лебединская, Петровская, Варениковская, Тоннельная,

Шапсугская, Лазаревская, Павловская, Крымская, Тимашевская, Кущевка и Дефановка) и Ростовской области (Ново-Батайск, Злобейская) и прилегающие к Краснодарскому kraю районов — Азовский, Батайский и Александровский.

Выселению в административном порядке подлежат, кроме лиц, признанных социально опасными, также лица немецкой и румынской национальности, крымские татары и иностранно-подданные (греки)³⁶. Из Крыма и Севастополя были депортированы 6057 человек в восточные районы Краснодарского kraя и Ростовской области³⁷.

Следующим ударом по греческой общине стала депортация, проведенная в соответствии с Постановлением ГОКО № 5859сс от 11 мая 1944 г. Согласно этому документу выселению должны были подвергнуться татары. Но секретным Постановлением ГОКО № 5984сс от 2 июня 1944 г.³⁸ предписывалось: «1. Обязать НКВД СССР (тov. Берия) дополнительно к выселению по Постановлению ГОКО № 5859сс от 11.V.1944 г.³⁹ крымских татар выселить с территории Крымской АССР 37 000 человек немецких пособников из числа болгар, греков, армян (...).» Постановлением ГОКО № 6100сс предполагалось: «Разрешить НКВД СССР выселить из Крыма местных жителей турецкого, греческого и иранского подданства, имеющих на руках просроченные национальные паспорта и направить их для проживания на время войны в один из районов Узбекской ССР»⁴⁰.

Общее количество выселенных из Крыма греков было 18 571 человек. Это число потом пополнили демобилизованные и вернувшиеся из эвакуации, члены семей, воевавшие на фронтах Великой Отечественной войны — 139⁴¹. Невозможно не отметить, что многие переселенцы не перенесли лишений и уже к 1949 г. из 229 832 в живых осталось 185 707 человек⁴².

Таким образом, в 1944 г. Крым были вынуждены покинуть все греки, у которых в паспорте была указана национальная принадлежность, а также члены их семей, за исключением греков, которые «записали» себя, как русские и украинцы. В переписи населения 1949 г. гре-

ки в Крыму не значились вообще⁴³. Конечно, это огромный удар по грекам, населявшим Крым и Севастополь, по их этнической культуре, национальным традициям, образованию, утрате языка. Последствиями вышеупомянутых мероприятий государственного реформирования, государственной политики в отношении отдельных народностей, населявших СССР, в частности греков, стало не только разрушение системы образования национальных меньшинств, но и боязнь быть наказанным только за то, что ты грек. Многие греки впоследствии старались скрыть свою национальность, что привело к утрате необходимости обучения на греческом языке.

Национальная политика СССР была направлена на «формирование» нового, советского человека. Поэтому национальные меньшинства постепенно должны были слиться в единый советский народ. Школы, в которых обучение проводилось на языке национальностей, относились к трем различным системам: одни существовали в Российской Федерации, в других преподавание велось на языках титульных наций союзных республик, в третьих обучение велось на языках национальных меньшинств союзных республик. Соответственно подчинению менялась их оценка и степень свободы.

Основная функция образования — передавать ценности господствующей культуры. Но поскольку культурные цели и ценности разных обществ (и даже внутри одного общества) существенно отличаются одна от другой, в содержании образования также наблюдаются глубокие различия. Воспитание молодых людей в духе признания культурных ценностей и идеалов, сложившихся в обществе, помогает поддерживать существующий социальный порядок.

Необходимо заметить, что хорошее образование в греческих школах, привитая на протяжении многих веков общность с русской культурой и традициями, высокие моральные качества и личные примеры лучших представителей греческого народа, действительно привели к признанию ими культурных ценностей и идеалов, сложившихся в СССР, поддержанию существующего со-

циального порядка. В качестве доказательства можно привести то, что, несмотря на все невзгоды, которые пришлось выдержать греческому населению в период 1920–1941 годов, несмотря на методы разжигания национальной розни, применяемые немцами на оккупированной территории Крыма и Севастополя, греки не были коллаборационистами из числа народов СССР, не создавали и не входили в состав добровольческих объединений вермахта и сил охраны и войск СС⁴⁴.

Более того, известен случай, когда командир Бахчисарайского партизанского отряда, до этого занимавший должность начальника райдоруправления Бахчисарайского района Михаил Андреевич Македонский, доблестно сражавшийся в тылу врага с ноября 1941 г. по апрель 1944 г., награжденный Приказом командующего Северо-Кавказского фронта от 21 июля 1942 г. № 0170 среди многих крымских партизан орденом Красного Знамени, Приказом командующего Черноморской группы войск от 24.10.42 № 018 орденом Красного Знамени, был представлен к званию Героя Советского Союза, но не получил его. Как этнический грек, после освобождения полуострова был депортирован из Крыма. Уже в мирное время, как директор совхоза «Коктебель», он стал Героем Социалистического Труда⁴⁵. Благодаря воспоминаниям М. Македонского были восстановлены имена многих партизан, считавшихся без вести пропавшими на войне⁴⁶.

Роль греков в истории Севастополя огромна. Греки вписали много славных страниц в историю российского государства. Но события 1920–1950 гг. прошлого столетия нанесли по ним большой удар. Массовый исход греков в 1919 г., принудительное выселение за пределы России в период 1924 г., лишение избирательных прав, политика «декоренизации», практическое уничтожение греческих школ путем реорганизации национальных школ в «советские школы обычного типа», политические репрессии в отношении греков в 1937, 1942 и 1944 гг. привели к невосполнимой утрате. Греческая община, пережившая этапы государственного реформирования 1920–1950 гг.

и политических репрессий, стала немногочисленной. В послевоенном Севастополе количество проживающих греков составляло около 1,6%, и вопрос обучения на греческом языке перестал быть актуальным.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Полное собрание Законов Российской империи. Собрание второе. Том V. Отделение первое. 1830. Санкт-Петербург. Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии). 1831. С. 115–116. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/183-t-5-1713-1719-1830#page/1/mode/grid/zoom/1>.
- ² Греческая гимназия (Корпус чужестранных единоверцев) в системе военного образования России // Пряхин Ю.Д. Греки в истории России XVIII–XIX веков. Исторические очерки. СПб., 2008. С. 121–135. URL: http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Pryaxin_01.pdf.
- ³ Абдуллаева М. Церковно-приходские учебные заведения греков Крыма в конце XVIII — начале XX ст. Вопросы духовной культуры — исторические науки. URL: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/81000/15-Abdullaeva.pdf?sequence=1>.
- ⁴ Пинчук С.А. Балаклавский греческий пехотный батальон в первой четверти XIX в. URL: <http://www.krimoved-library.ru/books/greki-balaklavi-i-sevastopolya7.html>
- ⁵ Там же.
- ⁶ Основание Севастополя и его развитие в конце XVIII — первой половине XIX в. / К 225-летию города / Методические указания для подготовки к семинарским занятиям, написанию контрольных работ и рефератов по дисциплине «История Украины» для студентов всех специальностей и форм обучения / Сост. Т.К. Кухникова. Севастополь, 2008. С. 46.
- ⁷ Там же. С. 35.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Федеральное казенное учреждение «Российский государственный исторический архив». Представление Севастопольского градоначальника в Министерство внутренних дел от 18 августа 1889 г. по ходатайству греческого консула в Севастополе об открытии училища для обучения детей обоего пола. Л. 8–10. URL: <http://charity.fgurgia.ru/object/96767409?lc=ru&pdf=1>
- ¹² Константиновское реальное училище в г. Севастополе (Из истории народного образования в Крыму) / Е.В. Новикова // Культура народов Причерноморья. 2004. № 52. Т. 2. С. 219.
- ¹³ Герасенкова П.В. Роль литературного наследия Древней Греции и Древнего Рима в формировании ценностных ориентаций учащихся отечественных лицеев и гимназий второй половины XIX — начала XX века: Проблемы современного образования. 2012. № 3. С. 39, 41.
- ¹⁴ Терещук Н.М. Положение греческого населения Севастополя в 1920-е годы // Севастополь: взгляд в прошлое / Научные статьи сотрудников Государственного архива г. Севастополя. Севастополь, 2006.

- ¹⁵ Греки Крыма: история и современное положение. URL: http://reskomnac.ark.gov.ua/mejnacotnosh/atnich-atlas-krima/121-greki-kryma#_ftn101.
- ¹⁶ Государственное казенное учреждение Республики Крым «Государственный архив Республики Крым». Ф.Р.-1202. Оп. 2. Д. 2. Л. 4.
- ¹⁷ Зарубин В.Г., Зарубин А.Г. Голод в Крыму (1921–1923). URL: <http://d-v-sokolov.livejournal.com/135018.html>.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Терещук Н.М. Положение греческого населения Севастополя в 1920-е годы // Севастополь: взгляд в прошлое / Научные статьи сотрудников Государственного архива г. Севастополя. Севастополь, 2006. С. 224.
- ²⁰ Господаренко Н.М. Особенности культурно-политической работы среди национальных меньшинств Крыма в 1920-е гг. // Культура народов Причерноморья. 1999. № 10. С. 58.
- ²¹ Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. О Единой Трудовой Школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положение). Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 1026–1030. Ст. 812. URL: <http://istmat.info/node/31601>.
- ²² Декрет Совета Народных Комиссаров «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 20 января 1918 г. URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5325/>.
- ²³ Государственное казенное учреждение Республики Крым «Государственный архив Республики Крым». Ф.Р.-1188. Оп. 3. Д. 3. Л. 65.
- ²⁴ Государственное казенное учреждение «Архив города Севастополя» (далее — ГКУ «Архив города Севастополя»). Ф.Р.-420. Оп. 1. Д. 58. Л. 284.
- ²⁵ Гагуев Р.Г., Цветков В.Ж. Реформы образования в «Белом Крыму» (реформаторская деятельность отдела народного просвещения весной–осенью 1920 г.) / Высшее образование в России. 2012. № 1. С. 139, 142.
- ²⁶ ГКУ «Архив города Севастополя». Ф.Р.-420. Оп. 1. Д. 58. Л. 29.
- ²⁷ Там же. Л. 162.
- ²⁸ Там же. Л. 285–300.
- ²⁹ Кесмеджи П.А. Греки Крыма. Симферополь: Издательский Дом «АМЕНА», 1996. URL: <http://www.info.crimea.edu/crimea/etno/ethnos/greki/index.htm>.
- ³⁰ Терещук Н.М. Положение греческого населения Севастополя в 1920-е годы // Севастополь: взгляд в прошлое / Научные статьи сотрудников Государственного архива г. Севастополя. Севастополь, 2006. С. 225.
- ³¹ Коротун Е.В. Память о прошлом. Документы, исследования, научные статьи, подготовленные сотрудниками Государственного архива г. Севастополя. Севастополь, 2007. С. 208.
- ³² ГКУ «Архив города Севастополя». Ф.Р.-223. Оп. 2. Д. 15. Л. 28–29; Д. 40. Л. 73, 76.
- ³³ Коротун Е.В. Память о прошлом. Документы, исследования, научные статьи, подготовленные сотрудниками Государственного архива г. Севастополя. Севастополь, 2007. С. 210.
- ³⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 114. Д. 837. Л. 100–101.
- ³⁵ Директива НКВД СССР № 50215 от 11 декабря 1937 г. URL: http://www.greek-martirolog.ru/f_protocols/directive50215.php.

-
- ³⁶ Постановление ГОКО № 1828сс от 29 мая 1942 г. Государственный Комитет Обороны. URL: <http://www.soldat.ru/doc/gko/scans/1828-1.jpg>.
- ³⁷ Ридин О. Черные дни крымских татар. URL: <http://gasprinskylibrary.ru/ridin-o-chernye-dni-krymskikh-tatar.html>.
- ³⁸ Постановление ГОКО № 5984сс от 2 июня 1944 г. Государственный Комитет Обороны. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 261. Л. 64–66. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1022354> <http://www.memorial.krsk.ru/DOKUMENT/USSR/440602.htm>.
- ³⁹ Постановление ГОКО № 5859сс от 11 мая 1944 г. Государственный Комитет Обороны. URL: <http://www.soldat.ru/doc/gko/scans/1828-1.jpg>.
- ⁴⁰ Постановление ГОКО № 6100сс от 24 июня 1944 г. Государственный Комитет Обороны. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 266. Л. 64. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1022363>
- ⁴¹ Зарубин В.Г. Депортация крымских греков (1944–1956 гг.) // Греки в истории Крыма. Краткий биографический справочник. Симферополь: Таврия-Плюс, 2000. С. 75.
- ⁴² Там же. С. 77.
- ⁴³ Депортовані кримські татари, болгари, вірмени, греки, німці. Документи. Факти. Свідчення (1917–1991). К.: Муз. Україна, 2004. С. 154.
- ⁴⁴ Окупаційний режим в Криму: 1941–1944 рр. За матеріалами преси окупаційних владей: Пер. з рос. / Упоряд. В.М. Гуркович. Сімферополь: Таврія, 1996.
- ⁴⁵ Поляков В. История Бахчисарайского партизанского отряда // Крымское историческое обозрение. 2014. № 2. С. 132. URL: http://crimeanreview.ru/images/_2_2014.pdf.
- ⁴⁶ Македонский М.А. Пламя над Крымом. Симферополь, 1969.

Александр ЖИВОТИЧ,
доцент кафедры истории Югославии
философского факультета
Белградского университета

Советский Союз и югославско-греческие отношения (1944–1949). Почему Югославия прекратила помогать греческим партизанам

В ходе Второй мировой войны Македония как пространство, на котором пересекались интересы балканских стран — Сербии (Югославии), Греции, Болгарии и отчасти Албании, приобрела новое геополитическое значение. В новых условиях ее статус, до конца не проясненный ни в результате Балканских войн, ни Первой мировой, грозил возобновлением конфликта перечисленных государств. Во время войны Македония — традиционная зона влияния нескольких великих и региональных держав — оказалась в фокусе внимания еще одной великой силы — Советского Союза.

Наступление советских войск на Балканах, рост влияния албанских и болгарских коммунистов, революция, которую едва ли не самостоятельно осуществили югославские коммунисты, мощное партизанское движение в Греции — все вышеперечисленное привело к тому, что СССР стал одним из основных участников своеобразного политического соперничества. От его исхода зависела дальнейшая судьба всего полуострова и его центральной области, служившей зоной соприкосновения, столкновения и взаимодействия наций, исповедуемых ими конфессий и идеологий. Советский Союз, набиравший силу благодаря победам Красной армии, все ясней формулировал свои интересы на Балканах и становился все более значимым фактором решения македонского вопроса. Тот в

конце войны и сразу по ее завершении приобрел остроту в качестве проблемы, которая в первую очередь обременяла югославско-болгарские отношения и в значительной мере затрагивала интересы Греции. Одновременно другой член антигитлеровской коалиции, а именно — Великобритания, традиционный покровитель Греции, никому не уступала свое право определять ее послевоенное будущее с помощью средств политического, экономического и военного воздействия. Она не желала отдавать на откуп СССР и его союзникам — Югославии и Болгарии — ни судьбу Балкан в целом, ни национальную безопасность и территориальную целостность своего единственного оставшегося союзника в регионе в частности.

Югославское партийное руководство, стремившееся к созданию в южных югославянских областях прочной партийной и военной организации, под влиянием изменения обстановки на фронтах в конце 1942 г. активизировало свою деятельность на юге Балканского полуострова. С этой целью на юг страны отправился Светозар Вукманович-Темпо, перед которым стояла задача развертывания борьбы на территории Южной Сербии, Македонии, Косово и Метохии, а также установления отношений с представителями коммунистических партий Греции, Болгарии и Албании¹. Следовало подготовиться как к возможному переносу союзниками операций на Балканы, так и к тому, что прежние успехи партизанского движения будут девальвированы, если союзники окажут помощь буржуазным политическим движениям. О характере миссии знали только Йосип Броз-Тито и С. Вукманович². Помимо побуждения к проведению вооруженных вылазок и общей координации военных усилий, следовало работать и на революционную перспективу.

Результаты активности Вукмановича не заставили себя ждать. 20 июня 1943 г. в Албании представители коммунистических движений, осознававшие необходимость согласования действий и активизации борьбы на Балканах, достигли соответствующих договоренностей, в которых предусматривалось формирование общего штаба и единое командование. Данное сотрудничество, по-

мимо решения актуальных военных задач, должно было способствовать достижению долгосрочных политических целей, а именно: формировать предпосылки для победы народно-освободительного движения после разгрома фашизма³.

Усилия Вукмановича по организации Балканского штаба сталкивались с препятствиями и на территории Македонии, в которой наблюдался рост межнациональной напряженности. Уже осенью 1943 г. Йосип Броз отказался от идеи создания подобной структуры⁴. Причины и обстоятельства принятия этого решения до конца не прояснены. Можно лишь предположить, что, с одной стороны, свою роль сыграли опасения возможного «распыления» аутентичного югославского революционного движения и его достижений в новой среде с ее военной, идеологической и политической неопределенностью. С другой стороны, имели значение внешнеполитические соображения. В ситуации гражданской войны и борьбы за власть Броз опасался негативной реакции западных союзников, поддержки которых он добивался.

В тот момент югославское партийное руководство полагало, что все еще рано ставить вопрос об объединении Македонии. Уместно было говорить лишь об освобождении и самоопределении народов после победы в войне. Лозунг создания федерации балканских народов служил лишь агитационным целям⁵. Наряду с описанными затруднениями проблемы возникали и во взаимоотношениях с соседними странами и даже с родственными в идеологическом отношении движениями, как, например, в Греции и Болгарии. В середине 1943 г. в расположение югославского партизанского Верховного штаба прибыл постоянный представитель Греческого Национального комитета. Подоспели и делегаты из югославской части Македонии. Эмиссары обоих движений предъявляли взаимные претензии, связанные с якобы нерешенным статусом Эгейской Македонии. Желая смягчить остроту противоречий и отложить на потом решение проблемы, югославское партийное руководство заявляло, что до тех пор, пока идет война, следует совместными силами бо-

роться с оккупантами, а не ставить вопрос границ и при-
надлежности отдельных территорий. Предполагалось,
что вопрос разграничения и самоопределения нацио-
нальных меньшинств в приграничных районах станет
актуальным ближе к концу войны. Поэтому требовалось
сделать все возможное, чтобы в ходе предстоящей мирной
конференции прийти к наиболее легкому и благоприят-
ному решению запутанных проблем⁶.

В переписке Сталина и Тито македонский вопрос стал занимать особое место с апреля 1944 г. Советский лидер, не вынося вердикт относительно будущего статуса Македонии, тем не менее подчеркивал, что Болгария — «союзник врагов Советского Союза», а Югославия воюет на стороне СССР, и без нее решение данной проблемы невозможно⁷. О Македонии зашла речь и в ходе встречи Молотова и Сталина с членами югославской военной миссии в Москве — Милованом Джиласом и генералом Велимиром Терзичем. В этот раз советская сторона выступала с примиренческой позиции, пытаясь представить болгарские притязания в какой-то степени оправданными. При этом подчеркивалось, что, когда речь идет о практических мерах, следует различать действия болгарского правительства, с одной стороны, и болгарских коммунистов и народных масс — с другой. По словам Молотова, отношение к Болгарии будет зависеть от того, останется ли она и далее на стороне Германии и будет ли по-прежнему оказывать ей помощь со своей территории. Таким образом, Советы отказывались занять ясную позицию по проблеме будущего статуса Македонии. Югославские представители со своей стороны выступали куда более конкретно и открыто. Джилас ясно заявил, что решение примет сам македонский народ, который стоял перед выбором — вступить ли в борьбу против немцев и тем самым определить судьбу Македонии вместе с народами Сербии и Хорватии, или сделать это в союзе с другими народами⁸.

Итак, югославская сторона проинформировала Кремль, каким она видит решение македонского вопроса. При этом не исключалась возможность объединения Пиринской и Вардарской Македонии и их последующего сов-

местного вхождения в состав югославской федерации. Что касается Эгейской Македонии, то ее статус в ходе описываемых переговоров напрямую не обсуждался, однако для советского руководства все еще оставалась актуальной коминтерновская идея создания единого государства македонцев. Это не могло не вызывать опасений у греческих коммунистов, которые всячески пытались воспрепятствовать подобному ходу событий. Согласно доложенной Георгию Димитрову информации Главного разведуправления Генштаба Красной армии, 13 августа 1944 г. один из секретарей ЦК Компартии Греции в беседе с югославскими представителями заявил, что не может быть и речи о каком-либо самоопределении македонцев, так как такого народа просто не существует⁹. В том же донесении сказано, что греческие коммунисты якобы запрещали македонцам-славянам налаживать контакты с югославскими партизанами¹⁰.

Именно в это время в Югославии стали появляться новые предложения относительно решения македонского вопроса в ущерб интересам Греции. Об этом свидетельствует содержание переговоров, состоявшихся в Москве в январе 1945 г. между Сталиным и делегацией Национального комитета освобождения Югославии во главе с Андрией Хебрангом. Встреча состоялась сразу после того, как Димитров отверг югославский проект Балканской федерации (5 января 1945 г.), согласно которому Болгарии отводилось место седьмой республики в объединенном государстве южных славян¹¹. Stalin по этому вопросу выступил на стороне болгар, призвав югославов поэтапно развивать союз с Болгарией, — от договора о взаимопомощи до создания свободного союза двух государств. Советский руководитель полагал, что не следует создавать у болгар впечатление, будто они — неполноценная сторона, которую отдали на откуп югославам¹².

Такая постановка проблемы не могла соответствовать югославским интересам. По словам Хебранга, югославское партийное руководство в намерении болгар заключить договор о дружбе и взаимопомощи усматривало желание, во-первых, добиться преимущества по проблеме

статуса Македонии и, во-вторых, выйти из изоляции, в которой Болгария оказалась, будучи союзницей Германии. Хебранг высказал предположение, что договор нужен болгарам как своеобразная индульгенция за все злодеяния, совершенные в ходе войны¹³. Однако Сталин ни на йоту не смягчил собственную первоначальную позицию. Настаивая на осмотрительности и предупредительности в отношении Болгарии, он стремился «перевести стрелки» на другую тему, касавшуюся югославско-греческих отношений¹⁴.

По этому вопросу представитель югославской компартии выступил с полной открытостью, решительно заявив, что всерьез рассматривается возможность потребовать у Греции Эгейскую Македонию и Салоники. То, что подобные требования до сих пор не озвучены, объяснялось нежеланием ослаблять позиции ЭЛАСа на внутритретеческой арене. Хебранг тем не менее отметил, что вопрос может быть поставлен в ближайшей перспективе. Изложение проблемы югославским эмиссаром прервал Молотов, подчеркнувший, что подобные требования могут предъявить и сами эгейские македонцы¹⁵. Вышеописанное обсуждение служит дополнительным свидетельством того, насколько югославская коммунистическая верхушка, опьяненная успехом «auténtичной» революции, воодушевленная советской помощью и собственным статусом главного союзника Москвы на Балканах, была преисполнена амбиций самостоятельно и радикально решать в свою пользу территориальные споры с соседями. Таким виделся путь к лидерству в регионе, а также во всем просоветском блоке государств, контуры которого уже начали вырисовываться¹⁶.

Не остались в стороне от решения македонского вопроса и британцы, которые, дабы защитить интересы Греции — своего главного форпоста на Балканах, — пытались оказывать воздействие на югославского лидера Йосипа Броза. 8 ноября 1945 г. тот обсуждал статус Македонии с британским послом Стивенсоном, который передал югославскому маршалу и премьеру личное послание британского министра иностранных дел Бевина. В письме выра-

жалось удовлетворение в связи с заявлением Тито о том, что Югославия не собирается предъявлять требования Греции относительно Эгейской Македонии. Выразив надежду, что Белград будет и далее придерживаться этой позиции, Стивенсон поинтересовался у Тито, получил ли соответствующие инструкции югославский посол Цанкар, недавно отправившийся в Афины. Маршал заверил собеседника, что югославское правительство не изменит своей позиции по вопросу Эгейской Македонии¹⁷. Само собой, то, что услышал британский дипломат, полностью противоречило тому, как в Москве югославское руководство излагало собственный подход к проблеме статуса Македонии.

Подобные расхождения, разумеется, не были секретом для британцев, которые с недоверием и подозрением следили за югославской политикой в отношении Македонии, и особенно ее эгейской части. В разговоре с Тито посол Стивенсон подчеркнул, что первая в списке неурегулированных проблем взаимоотношений балканских государств — будущее Греческой Македонии. Маршал ответил на это, что ситуация не изменилась со временем его отъезда, и повторил, что не имеет никаких притязаний на греческую Македонию. Послу Цанкару было поручено довести эту позицию до сведения греческого правительства¹⁸.

Во время следующей встречи с Брозом Стивенсон подчеркнул, сколь отрадны для него подобные заверения. Особенно на фоне недавних заявлений видных македонских представителей — Димитара Влахова и Бане Андреева. Сказанное ими в стенах Союзной скупщины произвело тягостное впечатление на официальный Лондон и кардинально расходилось с тем, что прошлой осенью Тито говорил о Македонии. Притязания на греческие территории особенно явственно прозвучали в выступлении Влахова. Югославский лидер ответил на это, что он не может нести ответственность за слова Влахова, который даже не состоит в правительстве. При этом пришлось признать, что Андреев является министром и премьер отчасти ответственен за его высказывание, которое, несомненно, было «ошибочно интерпретировано». И в этот раз

Стивенсон получил заверения, что политика Югославии в отношении Греции остается неизменной со времени их встречи, состоявшейся в сентябре прошлого года. Броз обратил внимание посла на свою недавнюю речь, в которой говорилось об улучшении отношения с Грецией. «И это действительно так», подчеркнул Тито¹⁹.

Британцы опасались, что югославы, с согласия Советов, попытаются объединить всю Македонию — либо в качестве отдельной республики в составе югославской или балканской федерации, либо в виде самостоятельного государства. «Форин оффису» неназванный высокопоставленный шведский дипломат сообщил о донесении шведских представителей на Балканах, в котором утверждалось, будто Советы направили правительствам Югославии и Болгарии план формирования на основе их территорий трех государств — болгарского, югославского и македонского. План якобы состоял в том, чтобы впоследствии потребовать от Греции уступить часть своей территории с портом Салоники, дабы предоставить новосозданной Македонии выход к Эгейскому морю. Небезосновательно предполагалось, что Греция отвергла бы подобное предложение. Однако оставался вопрос, какому давлению она бы в этом случае подверглась²⁰. Неясно, имело ли место заблуждение шведской дипломатии, или британцы использовали нейтральных скандинавов, чтобы скомпрометировать возможное сотрудничество югославских и болгарских властей. Если так, то конечная цель состояла в том, чтобы упредить возможное развитие событий в направлении создания независимого македонского государства.

Британский МИД с тревогой рассматривал возможность того, что Болгария и Югославия при поддержке Москвы используют волнения в Греции с целью продвижения идеи создания македонского государства. В его составе оказалась бы и греческая Македония — как член югославской или югославско-болгарской федерации. Осуществление подобных намерений обернулось бы расширением зоны советского влияния, вплоть до Эгейского моря. В донесении посла Его Величества в Париже

говорилось об опасениях его турецкого коллеги в связи с приготовлениями к формированию нового государства. Более того, в статье, приписывавшейся лидеру греческих коммунистов Захариадису, усматривалось, что цель оных — в том, чтобы создать «свободную Грецию», которая на самом деле могла бы превратиться в «свободную Македонию». Статья появилась 12 июля 1947 г. в греческой газете «Ризопастис» вскоре после выступления Порфиогениса перед европейскими коммунистическими лидерами в Страсбурге. 2 января 1947 г. американское правительство получило от британского посольства особый *aide-memoire*, в котором излагалась позиция Лондона по указанному вопросу. Аналогичные послания получили советское, югославское и болгарское правительства. Государственный департамент в ответе от 24 февраля 1947 г. констатировал совпадение британской и американской позиций по обсуждавшемуся вопросу. Ответ советского правительства не отличался ясностью и мог быть расценен, как двусмысленный. При том, что вопрос не казался злободневным, не происходило ничего, что могло бы развеять страх перед возможной попыткой балканских коммунистов аннексировать македонские области, принадлежавшие Греции.

На основании полученной информации британцы прогнозировали, что потенциальное македонское государство окажется под контролем или даже в составе Югославии, с чем пришлось бы смириться Болгарии. Как виделось из Лондона, Белград и София считали приоритетом передел территорий и не удовлетворились бы увеличением одних экономических ресурсов. На это указывала неспособность югославов полностью использовать собственные возможности, которые им предоставлял доступ к свободному порту в Салониках. Ничуть не очевидней была ситуация с озвученными в ходе мирных переговоров территориальными притязаниями Болгарии, которая не желала расставаться с выходом к Эгейскому морю, полученным во время войны. Поэтому британцы полагали, что принципиально важно помешать тому, чтобы македонский вопрос перерос в острую проблему или просто стал предметом

обсуждения на международном уровне. Для этого американским и британским властям следовало, не теряя времени, продемонстрировать собственную готовность воспрепятствовать созданию македонского государства, не дожидаясь, пока балканские коммунисты всерьез заявят о подобных намерениях²¹.

По македонскому вопросу югославское правительство старалось выступать в унисон с советской дипломатией. Драматичные события, связанные с проблемой Триеста, вынудили Белград отложить выполнение многих амбициозных планов²². На самой Парижской мирной конференции югославские представители придерживались позиции Москвы, а будущее югославско-болгарских отношений рассматривали через призму союза обоих государств в рамках Балканской федерации.

22 апреля 1946 г. Тито обсудил отношения с Софией в разговоре с советским послом в Белграде Лаврентьевым. Маршал вполне решительно заявил, что не может поддержать идею федерации с Болгарией по двум причинам: во-первых, Болгария по-прежнему формально остается монархией; во-вторых, влияние коммунистов на народные массы там несравненно ниже, чем в Югославии. Что касается насущных проблем, то две из них обременяли югославско-болгарские отношения, а именно: территориальный вопрос и необходимость возмещения ущерба, который Югославия понесла в результате оккупации ее областей болгарской армией. Тито напомнил о своей встрече с болгарами, состоявшейся в Крайове в 1944 г. На том совещании обсуждалось, что Югославия могла бы уступить Царибродский район только в обмен на Македонию. Тито, признав, что болгары требуют его небезосновательно, подчеркнул, что должен принимать во внимание позицию сербов. То есть внутриполитические обстоятельства вынуждают его ответить отказом на болгарские требования односторонних уступок.

Как полагали советские представители, Тито, будучи хорватом, опасался того, что сербы с полным на то основанием упрекнут его в произвольном распоряжении их землями. Это грозило необозримыми политическими ос-

ложнениями — обострением внутриполитических отношений, нарушением стабильности югославской федерации, которая все еще находилась на стадии правового и политического оформления. Поэтому, как и Советы, Броз исходил из того, что уступки со стороны Югославии оказались бы более приемлемыми для сербов, если бы речь зашла о взаимном удовлетворении территориальных требований.

Тогда же Тито поделился и собственными впечатлениями от разговора с болгарским посланником Тодоровым, который нанес ему визит, дабы прозондировать почву относительно возможности федеративного объединения Румынии, Болгарии и Югославии. В ответ на это провокационное предложение Тито заявил, что подобное никогда не приходило ему в голову. Затем Тодоров заговорил о подписании договора о дружбе между Болгарией и Югославией. Как вспоминал Броз, на это он сказал болгарскому дипломату, что в той ситуации такой документ оказался бы вредным и для Белграда, и для Софии. Особенно для последней, так как еще не завершено мирное урегулирование. Тито все-таки попросил Лаврентьева разузнать, какова позиция Москвы относительно гипотетического югославско-болгарского договора. Советский представитель был также проинформирован о том, что в Белград вскоре прибудет болгарская делегация во главе с министром финансов, который во время переговоров, наряду с экономическими, затронет и ряд иных вопросов²³.

Осторожностью и аналитичностью характеризовался подход советской стороны к вопросу заключения договора между Болгарией и Югославией, а также к проблеме будущего статуса Македонии. Официальные представители обоих балканских государств неоднократно обращались к советскому руководству с просьбой дать согласие на подписание двустороннего союзнического договора. Однако Кремль еще в начале 1945 г. рекомендовал временно воздержаться от этого. Причиной тому — крайне негативная позиция Великобритании, которая объясняла свое отношение к союзу Югославии и Болгарии тем, что с последней еще не подписан мирный договор, и она

находится под особым режимом управления. Таким образом, речь шла об уступке Великобритании со стороны СССР.

Однако к сентябрю 1946 г. сложилось мнение, что Советы с полным правом могут разрешить Болгарии и Югославии приступить к подготовке союзнического договора. Тем более что о своем позитивном отношении к нему Кремль к этому времени неоднократно заявлял британской стороне в процессе переговоров, а также посредством дипломатической переписки. Утверждалось, что благодаря предстоящему подписанию мирного договора с Болгарией создаются все необходимые правовые условия не только для юридического оформления фактических дружественных отношений, сложившихся между Югославией и Болгарией после антифашистского переворота 9 сентября 1944 г., но и для достижения соглашения по иным актуальным для обоих государств вопросам²⁴.

Не только в Москве, но и в Софии и Белграде считали насущной потребностью подписание договора о болгарско-югославском союзе. Тот должен был урегулировать и территориальные споры — македонский вопрос и проблемы так называемых западных областей, принадлежавших Югославии. Решением стала бы их передача Болгарии в обмен на ее часть Македонии, которая объединилась бы с Македонией югославской — тогдашней автономной республикой в составе Федеративной народной республики Югославия.

Слияние болгарских и югославских земель, осуществленное в виде присоединения болгарской части Македонии к автономной Македонской народной республике, само по себе стало бы значительным шагом по пути объединения разделенной натрое исторической области (между Болгарией, Югославией и Грецией) и формирования единой автономной македонской республики в составе федерации югославянских демократических республик, за что «македонский народ и наиболее передовая часть болгарского и югославского народов борется уже более полувека»²⁵. Кроме того, подчеркивалось, что воссоединение вызвало бы активизацию национального

движения в греческой части Македонии, что ускорило бы окончательное решение македонского вопроса. Прямым следствием описанного передела территории стало бы и ослабление Греции, что соответствовало интересам Москвы, видевшей в Афинах наиболее значимого союзника Запада на Балканах²⁶.

Урегулирование территориальных споров стало бы и вехой на пути к созданию болгаро-югославской федерации, приверженцами которой были почти все более-менее авторитетные функционеры обеих компартий. Советы со своей стороны полагали, что решение территориальной проблемы не стоит откладывать до формирования федерации. Та, как подчеркивали советские дипломаты, «могла бы стать естественным результатом воистину союзнических отношений между Болгарией и Югославией. А эти отношения не могут считаться ни действительно союзническими, ни искренними, свободными от каких-либо подозрений, если на основе взаимного согласия не решены территориальные вопросы, в первую очередь македонский». Болгаро-югославская стезя федерации проходила через воссоединение двух частей Македонии. Македонская народная республика, прирастающая болгарской Македонией, стала бы фактором не разделения, а объединения болгарского и югославского народов²⁷.

Одновременное подписание договоров о союзе и устраниении территориальных противоречий считалось приоритетным и по той причине, что оно выбило бы козыри из рук противников болгаро-югославского альянса. Урегулирование полувекового спора, достигнутое в результате взаимного сближения позиций, несомненно, удостоилось бы поддержки со стороны всех сторонников мира и мирного решения острых проблем. СССР исходил из того, что должен всячески поддерживать заключение вышеописанных болгаро-югославских соглашений, так как они не только способствуют установлению мира, но и консолидируют и усиливают как находящиеся под его влиянием два славянских государства, так и слабые неславянские балканские государства, в первую очередь Грецию. Одновременно такой ход событий означал бы начало и

дипломатического наступления на Великобританию, и отпора указанных славянских государств в отношении «империалистических претензий Греции», которая, как полагалось, выступала в роли наиболее агрессивного сателлита Великобритании на Балканах²⁸.

Считалось, что дипломатическое наступление встретило бы горячую поддержку со стороны Югославии, которая извлекла бы очевидную пользу как из территориального соглашения, так и из союзного договора с Болгарией. А вот с последней все было не так просто. Ведь в случае расставания с македонскими областями она теряла большую территорию, чем приобретала в результате присоединения «западных областей». Проблема усугублялась и неизжитым характером великоболгарского шовинизма. Выходом из затруднения виделся более внимательный подход к проблеме, подразумевавший такое пограничное размежевание в «западных районах» и болгарской части Македонии, которое свело бы к минимуму разницу в площади взаимных уступок и, вследствие этого, не дало бы разгореться протестным настроениям в Болгарии. Если бы, например, за восточную границу болгарской Македонии взяли горный массив Пирин-Планины, высотой от 2500 до 2900 метров, то указанная разница значительно бы уменьшилась²⁹.

Выдвигая подобные предложения, СССР опирался на пользовавшуюся поддержкой большинства народных масс программу Отечественного фронта (от 17 сентября 1944 г.) — правящей болгарской межпартийной коалиции. Македонский вопрос в той программе затрагивался в нескольких пунктах: 1) Самые близкие дружеские связи с новой Югославией и другими балканскими народами, смысл которых — окончательное и братское решение спорных вопросов; 2) окончательное решение македонского вопроса путем предоставления македонскому народу права на самоопределение.

В рамки внешнеполитической программы Отечественного фронта полностью укладывалось подписание союзнического договора и территориального соглашения между Югославией и Болгарией. Как уже было сказано,

программа предусматривала окончательное урегулирование македонской проблемы. В ситуации существования в новой Югославии Македонской народной республики единственным, с точки зрения Москвы, вариантом оставалось присоединение к оной остальных частей Македонии. Ведь в результате формирования указанной республики уже были заложены основы государственного и национального самоопределения большей части македонского народа. Десятый расширенный пленум Рабочей партии Болгарии, состоявшийся в середине августа 1946 г., принял по македонскому вопросу постановление, суть которого соответствовала вышеизложенному: «Рабочая партия считает, что объединение всех частей Македонии должно осуществиться на основе Македонской народной республики в границах Федеративной народной республики Югославия»³⁰.

Пленум ЦК Рабочей партии проголосовал за присоединение болгарской части Македонии к Македонской народной республике. Основанием для этого должен был послужить договор о союзе между Болгарией и Югославией, также предусматривавший передачу первой так называемых западных областей³¹. Наряду с этим пленум, имея в виду прозрачность границ между членами ФНРЮ, предложил не устанавливать пограничный и таможенный контроль между Болгарией и увеличившейся за ее счет Македонской народной республикой. Это решение объяснялось интересами населения болгарской части Македонии, а также необходимостью укрепления экономических и культурных связей между Македонией (Югославией) и Болгарией. Вкупе с союзным договором эти связи должны были заложить основу будущей болгаро-югославской федерации³².

Возможная реакция болгарских оппозиционных кругов вызывала у СССР беспокойство, усиливавшееся еще и в силу того, что болгарским коммунистам до сих пор не удалось установить в стране собственную идеологическую и политическую монополию. Советы исходили из того, что «болгарские реакционные силы, несомненно, станут сопротивляться территориальному соглашению и

созданию союза с Югославией. Предтеча этих сил — так называемая Отечественно-фронтовая оппозиция, — обслуживающая американо-британские интересы на Балканах, уже выступила с собственным “планом” решения македонского вопроса». В меморандуме, адресованном Совету министров иностранных дел, эта оппозиция требовала создания автономной Македонии, сознательно не указывая, каким образом и в каком государстве надлежало этой автономии появиться. Подобный призыв, не сопровожденный объяснением путей его исполнения, и ранее нередко озвучивался в качестве голословного политического лозунга. В условиях, когда большая часть Македонии уже обрела автономию в границах ФНРЮ, он рассматривался Москвой как реакционный и антиюгославский, нацеленный не на объединение, а на разобщение болгарского и югославского народов. Вышеприведенному лозунгу не хватало только этикетки «произведено в Лондоне»³³.

Тем не менее в Москве полагали, что «значительное большинство народа и все прогрессивные элементы из прочих партий, участвовавших в Отечественном фронте, а также все, кто понимает, какой вред Болгарии наносят бесконечные препирательства с Югославией по македонскому вопросу, и кто желает создания южнославянской федерации, выступят за соглашение с Белградом и поддержат план решения македонского вопроса, предложенный Рабочей партией. Сторонники южнославянской федерации имеются даже на крайне правом фланге Отечественного фронта, который сегодня в Болгарии находится у власти»³⁴.

С точки зрения внутриполитической ситуации в Болгарии и Югославии отсутствовали какие-либо противопоказания заключению союзного договора и территориального соглашения. В Москве считали, что негативное отношение англо-американцев к договорам не в состоянии повлиять на изменение советской позиции по данному вопросу. Что касается крупных осложнений с Вашингтоном и Лондоном, то болгаро-югославское сближение не могло бы стать их причиной. Поэтому, делался вывод, ис-

ключены какие бы то ни было негативные последствия для СССР и его политики в регионе. Исходя из этого, советская дипломатия считала целесообразным: 1) заявить болгарам и югославам, что у советской стороны более не имеется возражений против заключения ими союзного договора и территориального соглашения. При условии, что предварительные переговоры будут вестись в полной тайне, а договоры будут подписаны и опубликованы после завершения мирной конференции. Данное заявление следовало сделать сразу после выборов в Великое народное собрание в Болгарии; 2) поскольку Греция настаивала на рассмотрении в ходе мирной конференции ее территориальных претензий к Албании³⁵, надлежит рекомендовать югославской делегации в своих выступлениях по данной проблеме поднять и македонский вопрос. Инициирование дискуссии о статусе греческой части Македонии и судьбе ее славянского населения следовало преподнести не в виде предъявления территориальных контрпретензий в адрес Греции, а как простое напоминание о существовании и македонского, до сих пор не решенного вопроса³⁶. В своем выступлении югославы обратили бы внимание участников конференции и всей мировой общественности на политику террора и насилийственной денационализации славянского населения Македонии, якобы систематически осуществлявшуюся греческим правительством³⁷.

О статусе Македонии речь зашла и в ходе визита югославов в Москву в апреле 1947 г. Сталин задавал главе делегации Эдварду Карделю вопросы, дабы составить более ясное представление об исторической области, ее населении, проблемах региона, югославском подходе к ним. Когда речь зашла о будущем Македонии, Сталину рассказали, что в Югославии проживает около полутора миллионов македонцев. Они разговаривают на собственном языке, который до сих пор не стандартизован и на котором нет сколь-нибудь значительных произведений, а имеются только народные песни. Кардель подчеркнул, что на македонском выходят газеты и журналы, а литературный язык, который находится в процессе форми-

рования, представляет собой «нечто среднее между сербским и болгарским»³⁸. Сталин сказал, что, по его мнению, македонцы усвоили греческую культуру, на что Кардель ответил, что имеются признаки, подтверждающие данное предположение.

Кардель также сообщил советскому лидеру, что югославы намереваются подписать с болгарами союзнический договор, аналогичный тому, что у Белграда имелся с Тираной, однако только после ратификации мирного соглашения с Болгарией³⁹. Высокий гость проинформировал Сталина и о противоречиях с Софией относительно статуса македонского меньшинства в Болгарии. Югославский посол в Москве Владимир Попович подчеркнул, что разногласия вызваны тем, что болгары убрали из собственной конституции статью, описывающую положение македонцев⁴⁰. Stalin эти слова пропустил мимо ушей, а Молотов удостоил их лишь циничного комментария: «Болгары осторожно действуют». Такая реакция свидетельствовала о том, что Москва поддерживала политику «молчаливого» отрицания существования самостоятельной македонской нации⁴¹.

Несколько дней спустя член югославской делегации на мирной конференции в Париже Моша Пияде в ходе обсуждения болгаро-греческого разграничения высказался в связи с македонским вопросом в таком ключе, который не совпадал с позицией СССР. Выступление представителя партийного руководства ФНРЮ отличалось эмоциональностью и содержанием, мало уместным в обстановке, в которой он находился. Участники заседания мирной конференции не ожидали услышать от высокопоставленного югославского государственного деятеля утверждения в том духе, что политику Греции с античных времен характеризуют колонизаторские устремления, которым остаются глубоко приверженными и современные греческие политики. Порицая таким образом греческие претензии в отношении Болгарии, Пияде пытался застолбить за югославской делегацией право внести в повестку дня вопрос будущего статуса Эгейской Македонии⁴².

На самой Парижской мирной конференции македонская проблема обсуждалась лишь эпизодически. Советские представители, имея в виду начало гражданской войны в Греции, синхронизировали свои действия с процессом обсуждения греческой проблемы в ООН. При этом они пытались привлечь внимание прогрессивной мировой общественности к террору, который греческое правительство якобы осуществляло в отношении населения собственных македонских областей. В ответ Запад выдвигал обвинения во вмешательстве во внутренние дела Греции, Албании, Болгарии и Югославии. Тем не менее результат обсуждения македонского вопроса на Парижской конференции можно считать неоднозначным. Прежде всего были определены границы балканских государств, что, хотя бы на время, приглушило их взаимные территориальные претензии. Однако своеобразная пропагандистская война продолжалась вплоть до 1949 г., когда Югославия после конфликта с СССР и его сателлитами отреклась от своих прежних союзников, приостановила помочь греческим партизанам и инициировала процесс нормализации отношений с Грецией и сближения с Западом⁴³.

Во время войны югославские коммунисты пытались завоевать лидерские позиции на Балканах. В этой связи Македония как традиционная арена столкновения интересов балканских стран имела особое значение как для югославской, так и для греческой и болгарской сторон. Вышедший победителем из Второй мировой войны Советский Союз — идеологический патрон коммунистических движений и государств, имевший особые интересы на Балканах, — стремился сыграть ключевую роль в урегулировании македонского вопроса.

Под давлением Москвы произошло смягчение югославской позиции, эволюционировавшей от радикального требования присоединения всей Македонии (посредством подписания договора о мире и дружбе с Болгарией) к принятию окончательного разграничения между Югославией, Грецией и Болгарией, в результате которого Македония оказалась разделенной между тремя госу-

дарствами. Одновременно СССР проводил политику примирения с Болгарией как с членом восточного лагеря, в то время как к Греции — инструменту британской политики на Балканах — отношение было куда более жестким. Окончательное урегулирование споров, связанных с проведением государственных границ, формально положило конец македонской проблеме. По крайней мере, в территориальном отношении. Однако участие Югославии в греческой гражданской войне породило новое долговременное противоречие, приобретшее особое значение в ситуации начавшейся холодной войны. На протяжении второй половины XX в. македонский вопрос оставался яблоком раздора между Грецией и Югославией.

(Перевод с сербского языка
А. А. Силкина)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Petranović B. Balkanska federacija 1943–1948. Beograd, 1991. S. 62.

² Vukmanović S. Revolucija koja teće. Knj. I. Beograd, 1971. S. 168.

³ Petranović B. Op. cit.

⁴ Ibid. S. 66.

⁵ Војни архив (далее — ВА), фонд Народнослободилачки рат (далее — НОР), к. 731, 4-42/9. Телеграм врховног команданта НОВ и ПОЈ Јосипа Броза Тита делегату Централног комитета КПЈ и Врховног штаба НОВ и ПОЈ Светозару Вукмановићу Темпу о питању уједињења Македоније, Јајце, 9. новембра 1943.

⁶ Tito J.B. O partiji i ulozi komunista. Knj. 2. Beograd, 1984. S. 326–327.

⁷ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВПРФ). Ф. 06. Оп. 6. П. 58. Д. 794. Л. 1–9.

⁸ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 58. Д. 794. Л. 7–8.

⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 74. Д. 77. Л. 4.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 77. Л. 5.

¹¹ Подробнее о болгарских и югославских представлениях о Балканской федерации см.: Dragišić P. Jugoslovensko — bugarski odnosi 1944–1949. Beograd, 2007; Petranović B. Balkanska federacija 1943–1948. Beograd, 1991; Лалков М. От надеждата към разочарованието. Идеята за федерация в Европейския югоизток 1944–1948 г. София, 1994; Кремптон Р. Балкан после Другог светског рата, Београд, 2003.

¹² АВПРФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 53. Д. 872. Л. 18.

¹³ Подробнее о болгарской оккупационной политике см.: Stojiljković M. Bugsarska okupatorska politika u Srbiji 1941–1944. Beograd, 1985.

¹⁴ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 53. Д. 872. Л. 18.

- ¹⁵ АВПРФ. Ф. 06. Оп.7. П. 53. Д. 872. Л.20.
- ¹⁶ О постепенном формировании военного, политического, экономического и идеологического блока под руководством СССР см.: Волков В.К. Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000; Быстрова Н. СССР и формирование военно-блокового противостояния в Европе (1945–1955 гг.). М., 2007.
- ¹⁷ Архив Југославије (далее — AJ). Ф. 836-КМJ, I-2-а/117. Посета британског амбасадора Стивенсона Ј.Б. Титу 8.11.1945.
- ¹⁸ The National Archive London (далее — TNA), PRO, CAB, 121/679. Телеграмма Стивенсона Форин Оффису от 8.11.1945.
- ¹⁹ TNA, PRO, CAB, 121/679. Телеграмма Стивенсона Форин Оффису от 22.2.1946.
- ²⁰ TNA, PRO, FO, 371/66895. Телеграмма британского посольства в Стокгольме Форин Оффису от 5.2.1947.
- ²¹ TNA, PRO, FO, 371/67458. Меморандум британского посольства в Вашингтоне от 21.7.1947.
- ²² Подробнее о югославской позиции во время Триестского кризиса см.: Dimitrijević B., Bogetić D. Tršćanska kriza 1945–1954. Vojno-politički aspekti. Beograd, 2009; Milkic M. Tršćanska kriza u vojno-političkim odnosima Jugoslavije s velikim silama 1943–1947. Beograd, 2012.
- ²³ Советский фактор в Восточной Европе: 1944–1953 гг.: Документы. М., 1999. Т. 1: 1944–1948 гг. С. 280–283.
- ²⁴ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 8д. П. 80. Д. 166. Л. 10. (Письмо С. Кирсанова В.М. Мотовилова об урегулировании территориальных проблем между Болгарией и Югославией, восстановлении болгарской и югославской части Македонии, а также о заключении болгаро-югославского союза от 4.9.1946.)
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же. Л. 11.
- ²⁷ Там же. Л. 12.
- ²⁸ Подробнее о британской политике в отношении Греции см.: Смирнова Н.Д. Греция в политике США и СССР 1945–1947 гг. Новые архивные документы // Новая и новейшая история. 1997. № 5. С. 21–34.
- ²⁹ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 8 д. П. 80. Д. 166. Л. 13.
- ³⁰ Централен държавен архив (далее — ЦДА). Ф. 16. Оп. 5, а.е. 7, л. 1 б–2. Решение на Х разширен на ЦК на БРП (к) по македонския въпрос.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же.
- ³³ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 8д. П. 80. Д. 166. Л. 14.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ В начале Парижской мирной конференции греческий премьер Цалдарис предложил шефу югославской делегации Эдварду Карделю поделить Албанию. За согласие Цалдарис сулил Югославии большую часть Албании, а также поддержку со стороны Греции по многим важным внешнеполитическим вопросам. Кардель отверг предложение, заявив, что Югославия твердо намерена поддерживать суверенитет Албании. (Kardelj E. Sećanja. Beograd, 1980. S. 95–96.)
- ³⁶ РГАСПИ. 17-П ЦК КПСС. Оп. 128. Д. 96. Л. 47–52. (Доклад о пограничных проблемах Албании и Греции, а также о направлениях югославской и албанской внешней политики.)

³⁷ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 8 д. П. 80. Д. 166. Л.15.

³⁸ AJ, 836 — КМЈ, I-3-b/639. Извештај В. Поповића о разговору са Сталјином од 19.4.1947.

³⁹ Договор о дружбе и взаимопомоћи между ФНРЮ и Народной республикой Албания заключен в Тиране 9 июня 1946 г. Свои подписи под ним поставили Энвер Ходжа и югославский глава МИД Станое Симић. Соглашение описывало основы политического и дипломатического сотрудничества, а также совместные оборонительные меры, предпринимаемые в случае нападения третьей стороны на Югославию или Албанию. Договор предусматривал всестороннее международное сотрудничество и известное покровительство Югославии, оказываемое Албании на международной арене, а также право Белграда вмешиваться во внутренние дела Тираны. Кроме того, был подписан Договор об экономическом сотрудничестве, предусматривавший создание ряда совместных акционерных обществ. (AJ, 836-КМЈ, I-3-b/21. Уговор о пријатељству и узајамној сарадњи између ФНРЈ и НР Албаније.)

⁴⁰ AJ, 836 — КМЈ, I-3-b/639. Извештај В. Поповића о разговору са Сталјином од 19.4.1947.

⁴¹ Там же.

⁴² Xydis S.G. Greece and Great Powers 1944–1947. Thessaloniki, 1963. Р. 328–331.

⁴³ О конфликте СССР и Югославии подробнее см.: Štrbac Č. Svedočanstva o 1948. Beograd, 1989; Dedijer V. Izgubljena bitka Josifa Visarionovića Staljina. Sarajevo, 1968; Гибианский Л.Я. К истории советско-югославского конфликта 1948–1953: Секретная советско-югославо-болгарская встреча в Москве 10 февраля 1948 г. I–IV. // Славяноведение. 1991. № 3. С. 12–23, № 4. С. 4–36; 1992. № 1. С. 42–56, № 3. С. 35–51; Петрановић Б. Југославија на размеђу (1945–1950). Подгорица, 1998; Он же. Велика шизма. Четрдесетосма. Подгорица, 1999; Аникеев А.С. Как Тито от Сталина ушел: Югославия, СССР и США и начальный период холодной войны (1945–1957). М., 2002; Bekić D. Jugoslavija u Hladnom ratu. Odnosi sa velikim silama, 1949–1955. Zagreb, 1988; Животић А. Југославија, Албанија и велике сile 1945–1961. Београд, 2011.

*Афанасий Георгиевич ЗОИТАКИС,
к.и.н., доцент МГУ им. М.В. Ломоносова*

Православная церковь в Греции и партизанское движение в 1941–1944 гг.

Вторая мировая война — тяжелая страница в истории греческого народа. В период оккупации поголовная расправа ждала жителей десятков населенных пунктов, значительное число городов и деревень были сожжены или подверглись серьезным материальным разрушениям.

Отношение захватчиков к Православной церкви нельзя охарактеризовать однозначно. Попытки выстроить сотрудничество сочеталась с проявлениями вандализма и преследованием клира. По мере нарастания движения Сопротивления гонения приобретали все более масштабный характер. При этом в отношении оккупантов к церкви и священнослужителям не всегда можно проследить последовательную логику. Так, в области Македония при сожжении населенных пунктов Лехово¹, Ано и Като Кердилля², Герма³ (13 апреля 1943 г.), Мосхохори (12 декабря 1943 г.)⁴ огню были преданы все дома за исключением храмов, в то же время в селениях Палеогатсано и Азоро⁵, городе Сервия (19 августа 1943 г.) были уничтожены в том числе и православные церкви⁶. В городе Эдесса в огне одновременно погибли кафедральный собор Святых бессребреников, храмы Пресвятой Богородицы, Иоанна Богослова, Архангелов и святителя Николая⁷. Со временем оккупанты стали использовать храмы для сожжения⁸ неугодных местных жителей (подобные действия широко применялись и на других оккупированных территориях).

Достаточно масштабными были проявления вандализма. На Крите нацисты сломали распятие в храме Свя-

того Николая в Галатасе, стреляли по иконам из ружей, перекопали могилы митрополитов, разрисовали церкви обнаженными женщинами. В храме Святого Иоанна Предтечи в Стилосе устроили в алтаре отхожее место и сожгли иконостас. В деревне Дзивара использовали Святую чашу в качестве писсуара⁹.

Случаи кражи святынь и церковных сосудов носили массовый характер. На Ионических островах в ходе операции возмездия в апреле–мае 1943 г. итальянскими оккупационными войсками были вывезены как античные ценности, так и сокровища многих церквей и монастырей¹⁰. Подчас это сопровождалось проявлениями кощунства: в деревне Агия Эвфимия иерейские облачения были разорваны и брошены на дорогу. Осквернение священных сосудов и облачений имело место и в ряде населенных пунктов между Амфиссой и Лидорики¹¹. В македонском селении Даскио был ограблен храм Святой Троицы, причем украдено было даже лампадное масло¹².

В отличие от ряда других европейских стран Греция не сдалась оккупантам без боя. «Национальное Сопротивление» (греч. Εθνική Αντίσταση)¹³ – одно из наиболее активных и эффективных движений Сопротивления в оккупированной Европе. Проводились партизанские атаки против оккупационных сил, была создана крупная шпионская сеть, некоторые районы страны нацисты так и не смогли полностью взять под контроль, в октябре 1944 г. Греция была освобождена в значительной степени именно благодаря усилиям местного Сопротивления. Против оккупантов и их пособников выступили как левые, так и правые политические силы (коммунисты, монархисты, демократы-республиканцы).

История Православной церкви в Греции нашла отражение в ряде исторических исследований, в основном греко- и англоязычных. Преимущественно внимание ученых сосредоточено на роли церковных деятелей в спасении от уничтожения греческих евреев¹⁴.

Острое противостояние между коммунистами и правыми силами, переросшее в гражданскую войну, привело к гонениям на многих участников Сопротивления (в том

числе и представителей духовенства). Роль Церкви в событиях 1941–1944 гг. долгое время замалчивалась. Только после падения диктатуры «черных полковников» в 1974 г. серия публикаций мемуаров участников событий и исторических источников позволила взглянуть на события более объективно¹⁵.

Афинские архиепископы Хрисанф и Дамаскин

В сложные годы иноземной оккупации предстоятелями Элладской церкви были Афинские архиепископы Хрисанф и Дамаскин.

Хрисанф I (Филиппидис) (1938–1941) вошел в историю отцом легитимизировать власть коллаборационистского правительства Г. Цокалоглу, учрежденного нацистами. Его дерзкий «сознательный акт сопротивления»¹⁶ вынудил завоевателей проводить инаугурацию без участия Элладской церкви. Стоит ли говорить, что за свою стойкость её десятый предстоятель был смещен со своего поста.

Достойное поведение архиепископа Хрисанфа сделало его «духовным лидером движения Сопротивления»¹⁷. Дом изгнанного с кафедры иерарха в афинском районе Кипсели стал убежищем для греческих патриотов. Многим участникам Сопротивления он помог скрыться за границей. Также в доме вдадыки действовала подпольная радиостанция¹⁸. Поистине не было ни одного акта сопротивления, который не получил бы прежде его благословения¹⁹.

После ухода архиепископа Хрисанфа I его место в июле 1941 г. занял митрополит Дамаскин I (Папандреу) (1941–1949)²⁰, который, несмотря на то что возглавил Церковь с согласия оккупантов, принял активное участие в моральной поддержке народа (в том числе участников движения Сопротивления). В связи с этим современная греческая историография в массе своей оценивает его как «несгибаемого патриота»²¹.

Неоднократно Церковь помогала приговоренным к заключению или высшей мере наказания участникам движения Сопротивления²². Архиепископ добивался ос-

вобождения содержавшихся под стражей, смягчения их участи. Посещал тюрьмы и причащал узников²³.

Архиепископ многократно отказывался осудить движение Сопротивления и партизан.

Каждый раз, когда оккупационная администрация требовала списки имен греческих участников Сопротивления (чтобы использовать их в качестве заложников), архиепископ первым писал на листе бумаге свое имя. Когда нацисты отказывались сообщить родственникам о расстрелянных борцах с оккупантами, предстоятель Элладской церкви, рискуя жизнью, требовал информации об их судьбе и выдачи тел убитых.

В январе 1944 г. владыка Дамаскин в ультимативной форме потребовал у немецких властей отдать родственникам тела казненных: «Вы расстреляли столько греков-патриотов, не пригласили священников исповедовать и причастить мучеников, лишив их даже последнего утешения, которое предлагает наша вера. Я требую выдать мне список с именами расстрелянных. В противном случае, я предприму экстремацию тел убитых, чтобы установить их личности. И если хотите, попробуйте мне помешать»²⁴.

Иерархи Элладской церкви

Случаев откровенного коллаборационизма среди высшего духовенства немного. С поддержкой воюющих на Восточном фронте нацистских войск выступали несколько иерархов-антикоммунистов: митрополит Салоникский Геннадий, Халкидский Ириней и Флоринский Василий. Последний в своих проповедях не раз говорил о «жалком положении русского народа в Советском Союзе» и «выражал надежду на победу германского оружия»²⁵.

Введение в научный оборот ряда исторических документов позволило пролить свет на деятельность некоторых иерархов и установить, что они были не соглашателями с политикой оккупантов, а действовали в интересах своей паствы.

Показателен пример епископа Кидонийского Агафангела: в своем циркуляре он призывал христиан откликнуться на амнистию оккупационных властей, объявлен-

ную в обмен на сдачу оружия и взрывчатых веществ²⁶. В официальном документе он объяснял свой призыв к пастве тем, что в обмен на сдачу оружия новые власти позволят вернуть на Крит содержащихся на территории материковой Греции заключенных, воевавших на Албанском фронте²⁷. На самом деле владыка в приватных беседах и тайной переписке неоднократно советовал «сдавать старые и вышедшие из строя ружья, а исправные спрятать и сохранить»²⁸.

В отличие от некоторых представителей марксистской историографии, лидер греческого левого движения Манолис Глезос (хорошо знакомый с ситуацией изнутри) высоко оценивает роль иерархов Элладской церкви в сопротивлении нацизму: «Очень много архиереев приняло деятельное участие в движении Сопротивления. Подчеркиваю, речь идет не о намерении участвовать, а о реальном вкладе. Можно сказать, что все архиереи были на нашей стороне, многие из них поднялись в горы [вместе с партизанами]. Митрополиты были как на стороне ЭЛАС (ЕЛАΣ)²⁹, так и ЭДЕС (ΕΔΕΣ)³⁰. Они возглавили народную борьбу, то есть с крестом и оружием в руках боролись с захватчиками»³¹.

Всего несколько «митрополитов бросили свою паству и в полном достатке и благополучии жили в Афинах»³². Большинство иерархов Элладской церкви (в отличие от многих политиков и полицейских) в трудные годы не покидали своих епархий, но помогали своей пастве³³.

Архиереи неоднократно оказывали помощь партизанам: с риском для жизни укрывали их и помогали получить медицинскую помощь. Достаточно много случаев, когда греческие митрополиты благословляли отдельных клириков принимать деятельное участие в вооруженной борьбе против оккупантов³⁴.

Среди наиболее активных участников движения Сопротивления были следующие иерархи: Иоаннинский Спиридон (с 1949 г. возглавил Элладскую церковь), Аттикийский Иаков (впоследствии архиепископ Афинский), Филиппийский и Неапольский Хризостом (с 1962 по 1967 г. — предстоятель Элладской церкви), Димитриад-

ский Иоаким, Закинфский Хризостом, Неврокопийский Александр, Илийский Антоний, Фессалоникийский Геннадий, Фивейский и Ливадийский Поликарп, Каристийский Пантелеимон, Кастроийский Никифор, Керкирский Мефодий, Сервийский и Козанский Иоаким, Коринфский Михаил (впоследствии архиепископ Америки), Маронийский Василий, Митилинский Иаков, Парамифийский Дорофей, Самоский и Икарийский Ириней, Сидирокастрский Василий, Сирский Филарет, Халкидский Григорий. В «левой» историографии к числу борцов с оккупационными властями также относят митрополитов Хиосского Иоакима, Дриинупольского Димитрия, Ларисского Каллиника и Мифинского Дионисия.

Митрополит Сервийский и Козанский Иоаким (Апостолидис) и Илийский и Оленский Антоний (Политис) приняли участие в партизанском «Народно-освободительном фронте Греции» (ЭАМ) и были назначены на должности в организованном левыми силами национальном совете.

Митрополит Иоаким (племянник Константинопольского патриарха Иоакима III) ушел к партизанам в горы в апреле 1943 г. В июле он был избран почетным заместителем председателя Всемакедонского комитета ЭАМ и вскоре совершил молебен перед открытием съезда фессалийского отделения этой организации. Весной 1944 г. был выбран заместителем председателя ПЕЕА³⁵.

Митрополит Илийский Антоний был провозглашен центральным комитетом ЭАМ главой Национально-освободительного фронта Пелопоннеса³⁶. Он же 25 марта 1944 г. в присутствии тысяч восторженных людей поднял знамя сопротивления и благословил оружие отрядов ЭАМ, ЭЛАС и ЭПОН. Владыка громогласно призвал народ к борьбе против гитлеризма³⁷. Митрополит Антоний с проповедью посетил десятки населенных пунктов Олимпии и Аркадии и своими пламенными проповедями пропагандировал идеалы партизанского движения.

Критский митрополит Василий (Маркакис) с церковного амвона «обличал предателей и вдохновлял людей на сопротивление»³⁸. Его проповедь, как и поучения дру-

гих духовных лиц, имела «двойкий характер. Или символический, аллегорический, или смелый, исповеднический, призывающий к борьбе»³⁹. Митрополит Василий не боялся говорить открыто: во время проповеди мог громогласно воскликнуть «Доброй свободы» или пожелать паству, чтобы через год Греция стала свободной⁴⁰. За свое участие в движении Сопротивления владыка был приговорен оккупантами к смерти (казнь была отменена в последний момент). Выйдя из заключения, он не изменил своим принципам и на следующий день после освобождения, 26 марта 1942 г., вновь обрушился на оккупантов и коллаборационистов. Митрополит Василий был вновь задержан и депортирован с острова.

Ценный исторический источник — недавно введенные в научный оборот дневниковые записи епископа Петры Дионисия, в которых содержатся отрывки из его проповедей военного периода. Из дневника владыки видно, что митрополит Дионисий в аллегорической и иносказательной форме призывал паству к сопротивлению оккупантам⁴¹.

Деятельность священнослужителей и их стремление быть рядом с паствой имели огромное моральное значение для людей (в том числе и для участников партизанских отрядов). Когда 23 ноября 1943 г. фашисты разрешили митрополиту Хризостому (понесшему наказание за помощь евреям Закинфа) вернуться на свою кафедру, «весть об этом распространилась по всему городу. Улицы были заполнены людьми, спешившими увидеть своего любимого пастыря. [...] По окончании выступления иерарха хор исполнил национальный гимн Греции под аплодисменты народа. Приезд митрополита согрел сердца всех»⁴².

Участие в сопротивлении простого клира

Случаи коллаборационизма среди простого клира носили единичный характер: на Пелопоннесе активно сотрудничал с оккупантами иерей из селения Фаламес, прозванный папа-Гайтаниц, а в Итилосе поддерживал итальянские власти иерей Антоний Плагианнакис⁴³.

По словам Манолиса Глезоса, «клир и участники Сопротивления действовали координированно и совместно»⁴⁴. Священники были повсюду: в партизанских отрядах, больницах, школах, тюрьмах, концлагерях, местах массовых казней⁴⁵. Они поддерживали народ молитвой, своими пламенными проповедями и словом утешения. Современники событий вспоминают, что именно благодаря клиру нуждающиеся получали лекарства и еду. Священнослужители окормляли тюрьмы, больницы и школы, «проповедовали, вели миссионерскую деятельность, ободряли людей, успокаивали их, вселяли в них веру»⁴⁶.

2 июня 1941 года на Крите клятву борьбы с оккупантами до победного конца принес первый объединенный отряд сопротивления. Церемония была организована отцом Софронием Рубакисом, в будущем игуменом монастыря Эпано Сифи Ираклийского района⁴⁷. Церковную клятву приносили лидеры и других партизанских отрядов. Каждый раз в церемонии активное участие принимали близкие к партизанам священнослужители.

Приходские священники поддерживали партизан продуктами, участвовали в разведывательных сетях. В то же время женатые священники в большинстве своем не могли принимать прямого участия в вооруженной борьбе⁴⁸. Хотя были и отдельные исключения. Отец Николай Неонакис из селения Вагиония Ираклийского района организовал собственный партизанский отряд. Отец Иоанн Скулас — один из основателей партизанского отряда в Аногии. Отец Стилиан Франдзескарис из Палеохоры участвовал в битве за Крит и партизанском движении. В Амари действовал о. Кириак Кацандонис, в Рефимно о. Димитрий Алевизакис. Отец Георгий Плеврис возглавил группу Сопротивления в Аципадес Ираклийского района о. Крит.

В конце июня 1941 г. несколько офицеров греческой армии приняли решение не покидать Крит, а создать на острове тайную организацию, целью которой будет «укрепление и поддержание морального духа жителей, забота о каждом гонимом и брошенном в тюрьмы, наблюдение за передвижением оккупационных войск и сбор

информации об их планах и действиях»⁴⁹. Они решили организовать благотворительное общество, чтобы действовать под его прикрытием. Офицеры посетили епископа Петрского Дионисия (Марагудиса) и посвятили его в свои тайные планы. Владыка согласился стать во главе общества, которое получило название «Христианская солидарность»⁵⁰. За короткий срок участникам общества удалось собрать крупные денежные суммы на «национальные цели»⁵¹.

Критская епархия сотрудничала с тремя крупнейшими партизанскими отрядами, созданными летом 1941 г. во главе с Батувасом, Петракогиоргакисом и Григоракисом⁵². Показательно, что, когда от Критской митрополии потребовали письменного осуждения партизанского движения, она выступила с энцикликой, в которой со ссылкой на Евангелие осуждалось убийство как таковое. Осуждения партизан в документе не содержалось⁵³.

В партизанском отряде был будущий Афинский архиепископ (1974–1998) архимандрит Серафим (Тикас). Диакон Пантелеимон (Караниколас) в будущем митрополит Коринфский с готовностью откликнулся на участие в любом акте сопротивления⁵⁴, в частности помогал партизанам перевозить взрывчатые вещества в бочках с двойным дном⁵⁵. Архимандрит Иоаким Лиулас собирал сведения о передвижении и дислокации оккупационных войск и передавал их партизанам⁵⁶. Архимандрит Христофор Коккинис неоднократно открыто обличал оккупантов в своих проповедях, а потом ушел в партизанский отряд Бреттакоса.

Немцы особую жестокость проявляли к священнослужителям, подозреваемым в связях с партизанами. Отца Георгия Котсониса вместе с 22 прихожанами сожгли заживо⁵⁷. Священника Папакостаса лишили жизни за то, что он хранил оружие партизанского отряда у себя дома⁵⁸. Подобные казни проводились и в отношении многих других клириков⁵⁹.

Во многих случаях священники окормляли партизан духовно: поднимались в горы, причащали, исповедовали, отпевали⁶⁰. Подобные действия также расценивались

властями как противоправные и приводили к гонениям. Например, настоятеля храма в селении Лехово Апостола Папаниколау обвинили в том, что он отслужил Литургию партизанам, и расстреляли 2 июля 1943 г.⁶¹.

Этапным событием стало создание «Всегреческого союза клира» (Παγκληρική Ένωση Ελλάδας) — высшего координационного органа союзов православных священнослужителей, способствовавшего консолидированному участию клира в движении Сопротивления.

В резолюции второго съезда «Всегреческого союза клира» сказано: «Священнослужители считают народную борьбу против антихристианского фашизма своей собственной борьбой. Они призваны благословить и придать деятельный духовный характер антифашистскому народному движению»⁶².

Гонения на церковных деятелей не прекращались на протяжении всей оккупации. 4 июня 1941 г. на острове Крит оккупантами был убит архимандрит Фотий Феодосакис. 6 июня 1943 г. был жестоко замучен архимандрит Иаким Лиулас из города Козани. В 1944 г. во время Божественной Литургии был схвачен координатор организации «Национальная Взаимопомощь» священник Димитрий Куцумбас. Батюшка подвергся в тюрьме истязаниям и был расстрелян вместе со своим сыном. В Македонии были расстреляны священники Христос Цолакис (настоятель храма в селении Морна), Димитрий Йотопулос (Скалохори) а также престарелый пресвитер из Като Грамматико вместе со своей супругой⁶³. Всего за годы оккупации нацистами было убито и замучено более 140 священников, монахов и монахинь.

Среди священников, борцов с оккупацией, многие стали национальными героями. Легендарный этолийский священник папа-Валис после вторжения нацистов вступил в первое всегреческое движение сопротивления «Национальная солидарность» («Εθνική Αλληλεγγύη»).

Батюшка помогал знаменитой разведчице Марии Димади. Под видом ее дяди приходил в немецкую администрацию, где та работала переводчицей, выносил снимки секретных документов и передавал их партизанам.

Известен папа-Валис стал благодаря инсценировке похорон. В гробах он помогал перевозить партизанам оружие, которое передавал кладбищенскому работнику члену национально-освободительного движения Христофору Сотосу.

После очередного акта саботажа против оккупантов тридцать жителей Агринио (где служил батюшка) были взяты в заложники и приговорены к смерти. Узнав о случившемся папа-Валис, выяснил имя одного из задержанных и представившись его родственником попросил допуска в тюрьму, чтобы принять исповедь приговоренного к смерти и его товарищей. На встрече с заложниками батюшка смог передать им пилу и вовремя чтения молитв сообщить детали планирующегося побега: «Господи помилуй, в еду положил вам пилу... Господу помолимся, разрежьте решетки... Чада мои, будьте готовы ночью. Ребята ждут, Господи помилуй, чтобы освободить Вас. Подайте сигнал, когда будете готовы, и не убийтесь. Помоги нам Господи!». Когда растроганные заключенные стали целовать руку священнику, впечатленный этой сценой комендант разрешил батюшке передать своему племяннику пакет с продуктами (в йогурте была спрятана пила). Ночью приговоренные к смерти благополучно совершили побег⁶⁴.

Вклад в национально-освободительную борьбу православных монастырей

Афонские монастыри, обители Элладской православной церкви и Константинопольского патриархата, оказывали борцам с нацизмом не только молитвенную поддержку. Историк Иоаннис Сидирас подчеркивает, что, «если бы не помощь монастырей, движение Сопротивления не получило бы в Греции такого размаха»⁶⁵.

Участие монастырей в движении Сопротивления имело четыре основных формы: укрытие раненых солдат и партизан (вкупе с оказанием им медицинской помощи), помощь в вывозе английских солдат за границу, шпионская деятельность, предоставление монастырских построек для организации собраний партизанских отрядов и

складов оружия⁶⁶. Среди тех, кто находил убежище в стенах обителей, были и партизаны-коммунисты⁶⁷.

Священники и монахи участвовали в психологической войне и шпионаже, издавали подпольную литературу, прятали в храмах радиостанции. В частности, «все монастыри Крита были шпионскими центрами, предоставлявшими убежище греческим и иностранным агентам»⁶⁸.

За шпионаж были расстреляны игумен и братия монастыря Топлу. Перед смертью их подвергли жестоким мучениям и издевательствам⁶⁹. За исключением одного монаха, не выдержавшего пыток, игумен с братией проявили удивительную стойкость. В тюрьме они громогласно молились Богу о даровании победы союзникам над германскими оккупантами.

Критские монастыри не только были местом собраний для партизанских отрядов, но и помогли участникам движения Сопротивления наладить связь с греческим правительством в изгнании. Многие обители предоставляли свои лодки и корабли для организации подобного сообщения⁷⁰.

Представители духовенства помогали координировать действия партизан и консолидировать их. Кроме того, вывозили в Африку лиц, которым угрожал или арест, или казнь за участие в Сопротивлении⁷¹. С помощью монастырей Превели и Аркади, их игуменов Агафангела (Лагувардоса) и Дионисия (Псарудакиса) и братии, была достигнута координация между греческим военным штабом и партизанскими отрядами Бандуваса, Сатанаса, Петракогиоргиса, Драмунтаниса и Пападакиса на Крите. Связующим звеном между ними стала Православная церковь⁷².

В оккупированном городе Лариса выборы в национальный совет проходили в храме при непосредственной организационной помощи духовенства⁷³. В условиях нарастающего раскола между различными идеологическими течениями в партизанском движении Церковь неоднократно стремилась сыграть консолидирующую роль, объединив всех в борьбе с захватчиками. Архимандрит Иоиль (Яннакопулос), чтобы устранить разногласия между членами ЭАМ и правыми партизанами в Каламате, в мае 1943 г. взял на себя функции посредника и помог

избежать возможного междуусобного вооруженного противостояния. Посреднические функции брали на себя Мессинийский, Гифийский, Спартский и Трипольский митрополиты. Переговоры при участии Церкви проходили на Крите, Пелопоннезе и других областях⁷⁴.

Роль афонских монастырей трактуется в историографии неоднозначно. В вину святогорцам вменяют письмо, направленное Священным Кинотом Адольфу Гитлеру с просьбой сохранить обители Святой Горы от разрушения и не причинять вреда монахам. Подобный шаг был обусловлен не симпатией к нацистам, а желанием обеспечить неприкословенность Святой Горы от вмешательства светских властей. Прогерманские настроения среди святогорцев были минимальны (единичные проявления были отмечены в среде русских и болгарских монахов). Даже автор перевода на немецкий знаменитого письма монахов Гитлеру относился к нацистам негативно, характеризуя их следующим образом: «Низпосла стрелы, и разгна [их], и молнии оумножи, и смяте [их]»⁷⁵.

Афонские монахи неоднократно предоставляли убежище английским военным и греческим партизанам и помогали им переправляться за рубеж. За это был задержанprotoэпитроп Великой Лавры Хризостом (в будущем епископ Родостольский). Также на этой ниве был активен монастырь Ивирон. В январе 1942 г. были задержаны и приговорены к заключению шесть монахов этой обители⁷⁶. Монастыри Ватопед, Пантократор и Каракал оказывали врачебную помощь солдатам, а монастырь Святого Павла помог перебраться на восток более чем тысяче греческих и английских солдат⁷⁷.

Обители Панагиас Ксениас и Фламуриу Димитриадской епархии стали убежищем для первых участников зарождающихся партизанских отрядов⁷⁸. Знаменные метеорские монастыри тоже активно участвовали в сопротивлении нацистам. Игумен монастыря Святого Стефана архимандрит Феофан Бетистас после падения албанского фронта спрятал оружие греческих солдат в обители. Впоследствии он был задержан и приговорен к пятилетнему заключению.

Список обителей, задействованных тем или иным образом в движении Сопротивления, чрезвычайно обширен. Наиболее активно проявили себя: монастырь преподобного Дионисия на горе Олимп, монастырь Богородицы «Турлиани» Эгиалийского района, монастыри Превели, Хрисоскалитиссы, Фанероменис, Продрома, Кремастон на острове Крит, Иоанна Богослова на Патмосе, Панормитисса на острове Сими, Мега Спилео и Агия Лавра на Пелопоннесе.

Некоторые иноки принимали активное участие в вооруженной борьбе с оккупантами. Так, на сохранившихся фотографиях отряда капитан-Бантуваса монахи держат в руках оружие⁷⁹. Насельники монастырей Аркадии, Аграфу, Епаносифис, Гувернету, Святой Троицы Цагаролон с оружием в руках приняли участие в битве за Крит⁸⁰, а архимандрит Герман Димакос (1912–2004), игумен монастыря Святого Агафона в области Фтиотида, был членом партизанского отряда легендарного Ариса Велухиотисса с 1941 по 1944 г.

Оккупанты не раз проводили карательные акты против православных обителей: поджоги, изъятия Священных сосудов и ценностей, похищения и убийства монахов. Так, монастырь Святого Луки в Беотии, одним из братии которого был активный участник ЭАМ архимандрит Иоасаф Костагианис, подвергся нападениям дважды 26 августа 1943 г. и в июне 1944 г.

* * *

Большая часть клира заняла в период нацистской оккупации патриотическую позицию. Часть духовенства тайно или явно поддерживала партизанское движение, часть сочетала диалог с захватчиками с помощью движению Сопротивления. Некоторые архиереи и представители низшего духовенства устранились от участия в политических делах и сосредоточились на благотворительной миссии. В условиях иноземной оккупации Церковь играла консолидирующую роль и способствовала успеху национально-освободительной борьбы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Παπαευγενίου Α. Μάρτυρες κληρικοί Μακεδονίας — Θράκης 1941–1945. Αθήνα, 1948. Σ. 22.
- ² Το Αντάρτικο ΕΛΑΣ, ΕΔΕΣ, ΕΚΚΑ. Τόμ. 1. Αθήνα, 1964. Σ. 289–292; Τζανακάρης Β. Η αλήθεια για τα Κερδύλια. Γιατί, 86–87 (1982). Σ. 22–31.
- ³ ΙΑΥΕ, 1943–1944. Κατοχική Κυβέρνηση, φακ. 2. Γενική Επιθεώρησις Νομαρχών. Περ. Γεν. Διοικ. Μακεδονίας. Γραφείον Γ. “Εκθεσίς”, (346) Απρ. 1944; Στο ίδιο. 1943–1944. Κατοχική Κυβέρνηση, Γραφείον Πρωθυπουργού. φακ. 2. 6ος υποφ.: Υπουργείον Εσωτερικών, “Δελτίον Αδικημάτων και Συμβάντων της 12–13-ΥΙ-44” // Ζητ. πο.: Δορδανάς Σ. Αντίποινα των γερμανικών αρχών κατοχής στη Μακεδονία (1941–1944). Διδακτορική διατριβή που εκπονήθηκε στο Τμήμα Ιστορίας και Αρχαιολογίας του ΑΠΘ. Θεσσαλονίκη, 2002.
- ⁴ Δορδανάς Σ. Αντίποινα των γερμανικών αρχών κατοχής στη Μακεδονία (1941–1944). Διδακτορική διατριβή που εκπονήθηκε στο Τμήμα Ιστορίας και Αρχαιολογίας του ΑΠΘ. Θεσσαλονίκη, 2002.
- ⁵ Δήμος Σαρανταπόρου. Δημοτολόγιο της κοινότητας Αζώρου. Αύξων αριθμός 732 (Αριθμός εγγραφής 125); Θεόδωρος Λευθέρος (μαγνητοφωνημένη συνέτευξη). Αζώρος, 27 Απρ. 2001 // Ζητ. πο.: Δορδανάς Σ. Αντίποινα των γερμανικών αρχών κατοχής στη Μακεδονία (1941–1944). Διδακτορική διατριβή που εκπονήθηκε στο Τμήμα Ιστορίας και Αρχαιολογίας του ΑΠΘ. Θεσσαλονίκη, 2002.
- ⁶ I.A.M.M. Αρχείο Ν. Δέα. Αρ. Εισ. 262. Φακ. 5. “Extraits d’ un rapport sur le voyage d’ inspection du 17–20 Août 1943 de Mr. Wenger ecompagné de Mme Riadis” // Ζητ. πο.: Δορδανάς Σ. Αντίποινα των γερμανικών αρχών κατοχής στη Μακεδονία (1941–1944). Διδακτορική διατριβή που εκπονήθηκε στο Τμήμα Ιστορίας και Αρχαιολογίας του ΑΠΘ. Θεσσαλονίκη, 2002.
- ⁷ Σινόπουλος Ν. Πέλλα — Εδεσσα — Γιαννιτσά — Αρδέα. Θεσσαλονίκη, 1948. Σ. 90.
- ⁸ Αθανασία Πριντζά — Χαρίκλεια Λέτσιου (μαγνητοφωνημένες συνεντεύξεις). Κοσμάτι 18 Σεπτ. 1997; Στέργιος Πολύζος — Γιάννης Παπαζήσης — Αθανάσιος Παπαζήσης (μαγνητοφωνημένες συνεντεύξεις). Κοσμάτι 19 Σεπτ. 1997 // Ζητ. πο.: Δορδανάς Σ. Αντίποινα των γερμανικών αρχών κατοχής στη Μακεδονία (1941–1944). Διδακτορική διατριβή που εκπονήθηκε στο Τμήμα Ιστορίας και Αρχαιολογίας του ΑΠΘ. Θεσσαλονίκη, 2002.
- ⁹ Σανουδάκης Κ. Ο ρόλος της Εκκλησίας της Κρήτης στις μεταξύ των αντιστασιακών οργανώσεων σχέσεις. Συμβολή στην ιστορία της Εκκλησιαστικής Πολιτικής. Κνωσσός, 1993. Σ. 21.
- ¹⁰ «Δράσις των ανταρτών και εχθρικά ομότητες». Ιστορικόν Αρχείον Εθνικής Αντιστάσεως–Μηνιαίον Περιοδικόν. τ.Β'. τχ.[]. Σ. 6–9.
- ¹¹ «Γερμανοί, Ιταλοί και Βούλγαροι κλέπτουν Ελληνικάς Αρχαιότητας–Επίσημα στοιχεία της Υπηρεσίας Αρχαιοτήτων». Ιστορικόν Αρχείον Εθνικής Αντιστάσεως–Μηνιαίον Περιοδικόν. τ.Β'. τχ.[]. Σ.6–21.
- ¹² Δορδανάς Σ. Αντίποινα των γερμανικών αρχών κατοχής στη Μακεδονία (1941–1944). Διδακτορική διατριβή που εκπονήθηκε στο Τμήμα Ιστορίας και Αρχαιολογίας του ΑΠΘ. Θεσσαλονίκη, 2002.
- ¹³ Устойчивый термин, используемый в греческой историографии для характеристики периода сопротивления иноземной оккупации.

- ¹⁴ *Hondros J.L. Occupation and Resistance: The Greek Agony, 1941–44.* New York, 1983; *Φλάσισερ Χ. Στέμμα και Σβάστικα. Η Ελλάδα της Κατοχής και της Αντίστασης.* Αθήνα, 1995; *Mazower M. Inside Hitler's Greece: The Experience of Occupation, 1941–44.* New Haven, Yale University Press, 1993; *Mazower M. Salonica, City of Ghosts: Christians, Muslims, and Jews (1430–1950).* New York, 2004.
- ¹⁵ *Πεντεδέκας Κ. Η Αμφίκλεια (το Δαδί) στην Εθνική Αντίσταση, 1940–1944.* Καισαριανή, 2001; *Δημάκος Γερμανός Αρχιψ.* (Πάτερ Ανυπόμονος). Στο βουνό με τον Σταυρό, κοντά στον Άρη. Στρατιωτικός ιερέυς στο Γενικό Στρατηγείο του ΕΛΑΣ. Τρίκαλα, 2004; *Καυλάς Δ. Ο κλήρος στην Αντίσταση.* Αθήνα, 1981; *Καραγιάννης Γ. Εκκλησία και Κράτος, 1833–1997.* Αθήνα, 1997; *Καραγιάννης Γ.* Η Εκκλησία από την Κατοχή στον Εμφύλιο. Αθήνα, 2001.
- ¹⁶ Ιστορία τού ελληνικού έθνους. Τομ. ΙΣΤ'. Σ. 12.
- ¹⁷ *Βοβολήνη Κ. Η Εκκλησία στον αγώνα της ελευθερίας.* Αθήνα, 1952. Σ. 270.
- ¹⁸ *Κουβέλα Γ. Η Εκκλησία στην Εθνική Αντίσταση.* Κοινωνία, 28 (1985). Σ. 355.
- ¹⁹ *Βοβολήνη Κ. Η Εκκλησία στον αγώνα της ελευθερίας.* Αθήνα, 1952. Σ. 270.
- ²⁰ *Αγγελόπουλος Α. Εκκλησιαστική ιστορία. Ιστορία των δομών διοικήσεως και ζωής της Εκκλησίας της Ελλάδος (20 αιώνας).* Θεσσαλονίκη, 1998. Σ. 66.
- ²¹ *Γατόπουλος Δ. Ιστορία της Κατοχής.* Τόμος Α. Αθήναι, 1946. Σ. 67.
- ²² *Μνήμες και μαρτυρίες από το 40 και την κατοχή.* Αθήναι, 2001. Σ. 87
- ²³ *Βενέζη Η. Αρχιεπίσκοπος Δαμασκηνός, οί χρόνοι της δουλείας.* Αθήνα, 1981. Σ. 180.
- ²⁴ Αυτόθι.
- ²⁵ *Καλογρής Β. Το αντίταλο δέος. Οι εθνικιστικές οργανώσεις αντίστασης στην κατεχόμενη Μακεδονία (1941–1944).* Αθήνα, 2012. Σ.174.
- ²⁶ *A.I.M.K.A. εγκύλιος Αγαθαγγέλου Επισκόπου, αρ. 198, 20/9/1941.* Προς τούς λοιπούς επισκόπους Κρήτης // Ζιτ. πο: *Αναγνώστου I. Η Εθνική Αντίσταση στη Λευκάδα (1941–1944).* Διδακτορική Διατριβή. Ιωάννινα, 2002.
- ²⁷ *Σανουδάκης Κ. Ο ρόλος της Εκκλησίας της Κρήτης στις μεταξύ των αντιστασιακών οργανώσεων σχέσεις. Συμβολή στην ιστορία της Εκκλησιαστικής Πολιτικής.* Κνωσσός, 1993. Σ. 101.
- ²⁸ *Μυλωνάκη Σ. Ο Επίσκοπος Κυδωνίας και Αποκορώνου Αγαθάγγελος.* Χανία, 1948. Σ. 140.
- ²⁹ *Народно-освободительная армия Греции, созданная при участии греческой коммунистической партии 16 февраля 1942 г.*
- ³⁰ *Национальная республиканская греческая лига. Первая значительная группа Сопротивления, возглавляемая бывшим офицером армии, полковником Наполеоном Зервасом.*
- ³¹ *Συνέντευξη στο δημοσιογράφο του Ρ/Σ της Εκκλησίας (2006) // http://misha.pblogs.gr/2009/05/o-manwlhs-glezos-gia-thn-ekklhsia-kai-thn-antistash.html (1.02.2016).*
- ³² *Καντιώτη Α. Χριστιανική Σπίθα.* Αθήνα, 1952. Σ. 16.
- ³³ *Ατέση Βασιλείου, Μητροπολήτου Λήμνου.* Η Εκκλησία της Ελλάδος εις την υπηρεσίαν του Εθνους κατά τα έτη 1941–44. Αθήναι, 1952. Σ. 336.
- ³⁴ *Ατέση Βασιλείου, Μητροπολήτου Λήμνου.* Η Εκκλησία της Ελλάδος εις την υπηρεσίαν του Εθνους κατά τα έτη 1941–44. Ενορία, 9 (1954). Σ. 320–321.
- ³⁵ *Политикη Επιτροπη Εθνικής Απελευθέρωσης — «Гражданский комитет национального освобождения».* Организация известна в историографии и как «Правительство гор».

- ³⁶ Κοίλας Δ. Ο κλήρος στην αντίσταση. Αθήνα, 1981. Σ. 85.
- ³⁷ Αλεξόπουλος Λ. Ο μητροπολίτης Ηλείας Αντώνιος. Αντίσταση. Αθήνα, 1985. Σ. 33.
- ³⁸ Βασίλειος Μαρκάκης, ο αντιστασιακός μητροπολίτης Κρήτης // Εφ. «Πατρίς» Ηρακλείου, 19 Ιανουαρίου 1980. Σ. 3.
- ³⁹ Σανουδάκης Κ. Ο ρόλος της Εκκλησίας της Κρήτης στις μεταξύ των αντιστασιακών οργανώσεων σχέσεις. Συμβολή στην ιστορία της Εκκλησιαστικής Πολιτικής. Κνωσσός, 1993. Σ. 118.
- ⁴⁰ Βασίλειος Μαρκάκης, ο αντιστασιακός μητροπολίτης Κρήτης // Εφ. «Πατρίς» Ηρακλείου, 19 Ιανουαρίου 1980. Σ. 3.
- ⁴¹ Σανουδάκης Κ. Ο ρόλος της Εκκλησίας της Κρήτης στις μεταξύ των αντιστασιακών οργανώσεων σχέσεις. Συμβολή στην ιστορία της Εκκλησιαστικής Πολιτικής. Κνωσσός, 1993. Σ. 121–124.
- ⁴² Στραβοβόλεμου Δ. Ενας ηρωισμός, μιά δικαίωση. Η διάσωση των Εβραίων της Ζακύνθου στη κατοχή. Αθήναι, 1988. Σ. 22.
- ⁴³ Κριμπάς Γ. Η Εθνική Αντίσταση στη Μεσσηνία και τους γύρω νομού. Καλαμάτα, 1984, Σ. 22; Μούτουλας Π. Πελοπόννησος 1940–1945. Αθήνα, 2004. Σ. 52–57.
- ⁴⁴ Συνέντευξη στο δημοσιογράφο του Ρ/Σ της Εκκλησίας (2006) // <http://misha.pblogs.gr/2009/05/o-manolhs-glezos-gia-thn-ekklhsia-kai-thn-antistash.html> (1.02.2016).
- ⁴⁵ Μνήμες καί μαρτυρίες από το 40 καί την κατοχή. Αθήναι, 2001. Σ. 91.
- ⁴⁶ Воспоминания митрополита Ахеольского Евфимия (Стилиоса) // Тиашун С., прот. Кабанов И.В. Люди Греческой Церкви: Истории. Судьбы. Традиции. М., 2015. С. 19–20.
- ⁴⁷ Σανουδάκης Κ. Ο ρόλος της Εκκλησίας της Κρήτης στις μεταξύ των αντιστασιακών οργανώσεων σχέσεις. Συμβολή στην ιστορία της Εκκλησιαστικής Πολιτικής. Κνωσσός, 1993. Σ. 27–28.
- ⁴⁸ Αυτόθι. Σ. 152.
- ⁴⁹ Αυτόθι. Σ. 58.
- ⁵⁰ Κάθησος Γ. Γερμανό-ιταλική κατοχή και αντίσταση Κρήτης 1941–1945. Ηράκλειο, 1991. Σ. 57.; Μουρέλλου Ι. Η μάχη της Κρήτης. Ηράκλειο, 1950. Σ. 510.
- ⁵¹ Κάθησος Γ. Γερμανό-ιταλική κατοχή και αντίσταση Κρήτης 1941–1945. Ηράκλειο, 1991. Σ. 58.
- ⁵² Αυτόθι. Σ. 24.
- ⁵³ Αυτόθι. Σ. 201.
- ⁵⁴ Χατζηφώτης Ι. Η εκκλησία στον αγώνα του 40. Αθήνα, 1980. Σ. 85–86.
- ⁵⁵ Νικολάου Ν. Περιφρονημένα ράσα στον αντιστασιακό αγώνα του λαού μας 1941–1944. Αθήνα, 1982. Σ. 101.
- ⁵⁶ Σκενδέρη Δ. Η συμβολή του κλήρου στην εθνική αντίσταση. Θεσσαλονίκη, 1995. Σ. 54.
- ⁵⁷ Βαστάκη Κ. Η προσφορά της Εκκλησίας στη δεκαετία του 40. Αθήβα, 1996. Σ. 118.
- ⁵⁸ Παπαευγενίου Α. Μάρτυρες κληρικοί Μακεδονίας-Θράκης (1941–1945). Αθήνα, 1948. Σ. 22
- ⁵⁹ Ιωαννίδης Π. Μικρή Εγκυλοπαίδεια Εθνομαρτύρων κληρικών. Τ. 2^{ος}. Αθήνα, 1992. Σ. 194.
- ⁶⁰ Σανουδάκης Κ. Ο ρόλος της Εκκλησίας της Κρήτης στις μεταξύ των αντιστασιακών οργανώσεων σχέσεις. Συμβολή στην ιστορία της Εκκλησιαστικής Πολιτικής. Κνωσσός, 1993. Σ. 153–154.

- ⁶¹ Παπαευγενίου Α. Μάρτυρες κληρικοί Μακεδονίας-Θράκης (1941–1945). Αθήνα, 1948. Σ. 22.
- ⁶² Σιδηράς Ι. Η εθνική καί αντιστασιακή δράση των ελλήνων ορθοδόξων κληρικών κατά τη γερμανική κατοχή 1940–1944. // <http://www.enromiosini.gr/arthrografia/η-εθνικη-και-αντιστασιακη-δραση-των-ελ/> (1/2/2016).
- ⁶³ Παπαευγενίου Α. Μάρτυρες κληρικοί Μακεδονίας-Θράκης (1941–1945). Αθήνα, 1948. Σ. 23, 27.
- ⁶⁴ Παπανικολάου Ν. «Ο Παπα-Βαλής» // Αιτωλοακαρνανικός Τύπος. Μάρτιος, 2012.
- ⁶⁵ Σιδηράς Ι. Η εθνική καί αντιστασιακή δράση των ελλήνων ορθοδόξων κληρικών κατά τη γερμανική κατοχή 1940–1944 // <http://www.enromiosini.gr/arthrografia/η-εθνικη-και-αντιστασιακη-δραση-των-ελ/> (1/2/2016).
- ⁶⁶ Μουρέλλος Ι. Η μάχη της Κρήτης. Ηράκλειο, 1950. Σ. 524.
- ⁶⁷ Σανουδάκης Κ. Ο ρόλος της Εκκλησίας της Κρήτης στις μεταξύ των αντιστασιακών οργανώσεων σχέσεις. Συμβολή στην ιστορία της Εκκλησιαστικής Πολιτικής. Κνωσσός, 1993. Σ. 130.
- ⁶⁸ Αυτόθι. Σ. 132.
- ⁶⁹ Εκθεσις της Κεντρικής Επιτροπής Διαπιστώσεως ωμοτήτων Κρήτης. Ηράκλειο, 1983. Σ. 87.
- ⁷⁰ Σανουδάκης Κ. Ο ρόλος της Εκκλησίας της Κρήτης στις μεταξύ των αντιστασιακών οργανώσεων σχέσεις. Συμβολή στην ιστορία της Εκκλησιαστικής Πολιτικής. Κνωσσός, 1993. Σ. 65–67.
- ⁷¹ Αρχείο Α. Σανουδάκη, ανέκδοτα απομνημονέυματα παπά-Νικολή Νεονάκη. Σ. 1–3.
- ⁷² Σανουδάκης Κ. Ο ρόλος της Εκκλησίας της Κρήτης στις μεταξύ των αντιστασιακών οργανώσεων σχέσεις. Συμβολή στην ιστορία της Εκκλησιαστικής Πολιτικής. Κνωσσός, 1993. Σ. 71.
- ⁷³ Ανδρακάκος Γ. (Δασκαλογιάννης). «Δράση του ΕΑΜ στην επαρχία Τυρνάβου». Εθνική Αντίσταση. Συλλογή 43η. Δεκέμβριος 1984. Σ. 7.
- ⁷⁴ Σανουδάκης Κ. Ο ρόλος της Εκκλησίας της Κρήτης στις μεταξύ των αντιστασιακών οργανώσεων σχέσεις. Συμβολή στην ιστορία της Εκκλησιαστικής Πολιτικής. Κνωσσός, 1993; Καμαρινός Α. Ο Εμφύλιος Πόλεμος στην Πελ/σο 1946–1949. Αθήνα, 2001. Σ. 38–39; Αντωνακάκης Χ. Το Αντάρτικο στον ΤαΪγετο, 1941–1944. Αθήνα, 1994. Σ. 77; Μούτουλας Π. Πελοπόννησος 1940–1945. Αθήνα, 2004. Σ. 466–469; Κούβελας Γ. Ιερείς μάρτυρες της Κατοχής. Αθήνα, 2002. Σ. 95.
- ⁷⁵ Χερυβιμ (Καραμπελας), Αρχιμ. Современныie старцы Горы Афон. М., 1998. С. 738–739.
- ⁷⁶ Μνήμες καί μαρτυρίες από το 40 καί την κατοχή. Αθήναι, 2001. Σ. 383.
- ⁷⁷ Αυτόθι. Σ. 384.
- ⁷⁸ Αυτόθι. Σ. 358.
- ⁷⁹ Σανουδάκης Κ. Ο ρόλος της Εκκλησίας της Κρήτης στις μεταξύ των αντιστασιακών οργανώσεων σχέσεις. Συμβολή στην ιστορία της Εκκλησιαστικής Πολιτικής. Κνωσσός, 1993. Σ. 154.
- ⁸⁰ Αυτόθι. Σ. 18.

*Александр Александрович КАЛИНИН,
к.и.н., доцент Вятского ГУ (Киров)*

Греция в политике Советского Союза в 1945–1949 гг.*

Первым вооруженным конфликтом в Европе после окончания Второй мировой войны стала гражданская война в Греции 1946–1949 гг. Противоборствующие стороны в греческом конфликте ориентировались на два складывающихся «лагеря» — страны народной демократии во главе с СССР и государства «свободного мира» во главе с США. В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть место Греции в советской внешней политике на завершающем этапе Второй мировой войны и в послевоенный период до окончания гражданской войны в Греции.

Советская позиция по Греции в послевоенный период на протяжении пятидесяти лет являлась предметом споров в западной историографии. Большинство историков 1950–1960 гг. считали, что СССР стремился установить в Греции коммунистический режим. В 1960-е гг. американские историки радикально-критической школы бросили вызов «ортодоксальной» трактовке греческого кризиса, утверждая, что Москва не ставила в качестве непосредственной цели подчинение Греции и демонстрировала готовность к поиску компромисса с Западом. Историки-постревизионисты выдвигают сбалансированные трактовки греческого кризиса. П. Ставракис для характеристики внешней политики И.В. Сталина предложил термин «осторожный (расчетливый) экспансионизм». По его предположению, на Грецию Москва не претендова-

* Публикация подготовлена в рамках научного проекта № 16-01-50066 РГНФ.

ла и советским интересам вполне отвечала слабая, внутренне неустойчивая Греция, в которой будет постепенно расти коммунистическое влияние¹. В отечественной историографии политику СССР в отношении Греции после Второй мировой войны изучал Ар. А. Улунян².

Рассекрченные архивные документы позволяют утверждать, что Советский Союз не рассматривал Грецию как часть своего «пояса безопасности» и в целом готов был признавать ее частью западной сферы интересов. Так, изучение материалов трех комиссий Наркомата иностранных дел по вопросам послевоенного устройства («Комиссии Майского», «Комиссии Ворошилова» и «Комиссии Литвинова») подтверждает, что Москва относила Грецию к британской сфере влияния³. В ходе советско-британских переговоров 1944 г. Москва дала понять, что не претендует на заметное влияние в Греции⁴.

В греческом движении Сопротивления 1941–1944 гг. преобладали левые силы, и в первую очередь Национально-освободительный фронт (ЭАМ), ведущие позиции в руководстве которого занимали представители Коммунистической партии Греции (КПГ). Это открывало КПГ путь во власть в послевоенной Греции. Однако Великобритания не собиралась допускать коммунистов к власти и во время декабрьских событий 1944 г. (известные как «декемвриана» — греч. Δεκεμβριανά) британские войска подавили вооруженное восстание левых. Историк Д. Клозе замечает, что декабрьский кризис в Греции стал единственным случаем в Европе, когда армия западной демократии вооруженным путем лишила власти коммунистическую партию⁵. Поражение левых ликвидировало возможность развития ситуации в Греции по югославскому сценарию. СССР в период кризиса следовал линии невмешательства в конфликт. Руководитель НКИД В. М. Молотов в январе 1945 г. сказал главе делегации Национального комитета освобождения Югославии А. Хебрангу, что Советский Союз должен стоять в стороне от греческого конфликта, «иначе пришлось бы влезать в драку с Англией»⁶.

На переговорах с союзниками по антигитлеровской коалиции СССР пытался разыграть греческую карту в собственных интересах, добиваясь уступок по значи-

мым вопросам. Так, во время Ялтинской конференции (4–11 февраля 1945 г.) И.В. Сталин дал понять, что не собирается вмешиваться в греческие дела и критиковать британские действия в этой стране. Взамен, по-видимому, он ожидал от англичан гарантии «свободы рук» для Москвы в Болгарии, Румынии и Польше⁷. Однако теперь ни Лондон, ни тем более Вашингтон явно не были готовы к новым сделкам со Сталиным по сферам влияния. В этой связи вскоре позиция СССР по Греции стала претерпевать изменения. Вероятнее всего, в Кремле решили, что советская критика британской политики принесет больше выгод, чем прежняя линия на строгое невмешательство в греческий вопрос. СССР избрал роль защитника политических прав греческого народа от вмешательства англичан. Теперь критика британского вмешательства и негативные комментарии относительно внутриполитической ситуации в Греции становятся постоянными компонентами внешнеполитического курса СССР.

В конце декабря 1944 г. Советский Союз принял решение вновь открыть посольство в Афинах и уведомил греческое правительство о принятом решении направить в Грецию нового посла. Им должен был стать М.Г. Сергеев. 30 декабря 1944 г. заместитель наркома иностранных дел А.Я. Вышинский вручил греческому послу А. Политису сведения о Сергееве, который до 1941 г. был поверенным в делах СССР в Греции, и попросил агрeman на его назначение⁸. 4 января 1945 г. Политис сообщил Вышинскому о согласии Афин дать агрeman Сергееву⁹.

Однако назначение посла в Грецию было отложено до улучшения политической ситуации, чтобы не усиливать позицию «реакционного» греческого правительства¹⁰. Сергеев в марте 1945 г. был назначен послом в Бельгию. 5 марта заведующий 4-м Европейским отделом НКИД В.А. Зорин сообщил Политису о решении Москвы отменить назначение Сергеева послом в Греции. При этом на вопрос, когда можно ожидать назначения нового посла, Зорин ответил, что это ему неизвестно¹¹.

СССР также уклонился от признания греческого правительства П. Вулгариса, сформированного в апреле 1945 г.

В мае Москва демонстративно направила ответ на поздравление с победой над нацистской Германией, поданный И. В. Сталиным, только секретарю ЦК ЭАМ Д. Парцалидису, вопреки практике обмена телеграммами с главами государств или правительств. Stalin через Парцалидиса передавал «привет свободолюбивому греческому народу»¹². Изменение советской позиции по Греции не осталось незамеченным американскими дипломатами. В посольстве США телеграмму Сталина Парцалидису сочлитенденциозной, означающей отпор робким попыткам греческого правительства наладить советско-греческие отношения. Приводившиеся в советской прессе отдельные выдержки из британских и американских печатных изданий были тщательно подобраны и отредактированы, чтобы нарисовать самыми черными красками внутреннюю ситуацию в стране и подкрепить «сказки» греческих коммунистов о «фашистском терроре» в освобожденной Греции. По версии посольства США, Москва с помощью информационной кампании по демонизации прозападного греческого правительства пыталась «ловить рыбку в мутной воде» в надежде добиться каких-либо уступок от западных союзников. Как максимум, Москва могла надеяться на формирование в Греции правительства, подконтрольного ЭАМ. Кроме того, американские дипломаты подозревали, что масштабная критика британской политики в Греции преследует цель отвлечь мировое общественное мнение от советского курса в Восточной Европе¹³. Греция, таким образом, рассматривалась как пешка в большой европейской игре Советского Союза.

К середине 1945 г. проблема реакционного греческого правительства стала для СССР важным аргументом в спорах с западными державами по вопросу о политических режимах стран «народной демократии». На Потсдамской конференции (17 июля — 2 августа) советская делегация использовала ситуацию в Греции, во-первых, как щит от критики западными державами политики Москвы в Румынии, Болгарии, а также политики И. Б. Тито в Югославии. Видимо, Кремль был не против «обменять»

признание прозападного греческого правительства на признание США и Великобританией просоветских болгарского и румынского правительства. Во-вторых, советское руководство явно надеялось оказать воздействие на внутриполитическое развитие Греции и укрепить позиции левых сил в стране.

На I сессии Совета министров иностранных дел великих держав (СМИД), проходившей в Лондоне 11 сентября – 2 октября, в ответ на заявления западных делегаций о недемократичности правительства стран Восточной Европы советская делегация настойчиво требовала реорганизации греческого правительства. Советский Союз теперь дистанцировался от политики западных держав в Греции. Молотов отказался встретиться с греческим регентом архиепископом Дамаскиносом во время сессии СМИД¹⁴.

Формирование 26 ноября либерального кабинета во главе с Ф. Софулисом позволило на время несколько приглушить критику со стороны Советского Союза. Уже 28 ноября было объявлено о решении направить нового посла в Афины. Им стал контр-адмирал К.К. Родионов, служивший военно-морским атташе при полпредстве СССР в Греции в 1939–1941 гг. В 1945 г. он являлся и.о. начальника разведывательного управления Главного морского штаба. 30 декабря Родионов прибыл в Афины.

Однако от критики внутренней ситуации в Греции Москва отказываться не собиралась. Накануне совещания СМИД (16–26 декабря) в НКИД под руководством И.М. Майского была подготовлена записка «О военно-политическом вмешательстве Великобритании во внутренние дела других стран», в которой содержался обширный материал по трем военно-политическим интервенциям англичан — в Греции, Индонезии и Индокитае. «Наиболее выгодным для использования против англичан» в записке признавался случай с британской интервенцией в Греции. Майский указывал не только на факт использования английских войск для «подавления левых партий в Греции», но и на «самую откровенную политическую интервенцию в пользу греческого короля Георга и

поддерживающих его право-монархических элементов»¹⁵. В подготовленном НКИД меморандуме подчеркивалось, что присутствие англичан используется «реакционными элементами» для давления на демократические силы страны, вследствие чего Греция «не может выйти из постоянных правительственные кризисов»¹⁶.

В то же время поддержка Москвой левых сил ограничивалась лишь сферой пропаганды. Левые греческие политики, с которыми встречался советский посол К. К. Родионов, выражали надежду на усиление внимания к Греции со стороны СССР. Родионов же постоянно подчеркивал, что не намерен вмешиваться во внутренние дела Греции и не готов давать советов по тем или иным аспектам греческой политики¹⁷. В первые несколько месяцев после своего прибытия в Грецию Родионов отказывался встречаться с представителями КПГ¹⁸.

Важным рубежом в развитии внутреннего кризиса в послевоенной Греции стали выборы 31 марта 1946 г., на которых в условиях бойкота левыми партиями победила крайне правая Народная партия. Советская пресса осудила греческие выборы (которые именовались «ложевые выборы»), утверждая, что они прошли «в условиях исключительного террора» и были сфальсифицированы¹⁹.

Однако в первой половине 1946 г. Москва по-прежнему придерживалась двойственной позиции: с одной стороны, сохранялись контакты с официальными Афинами и предпринимались попытки развития советско-греческих отношений, а с другой — нарастала критика «греческих фашистов» в прессе. Такая политика явно свидетельствовала о нежелании Советского Союза идти на дальнейшее обострение отношений с Западом из-за Греции. Так, СССР де-факто признал выборы 31 марта и сформированное после них правительство Народной партии. Посол К. К. Родионов присутствовал 13 мая на открытии вновь избранного греческого парламента. Советское посольство также направило новому премьеру К. Цалдарису письмо с благодарностью за поздравление с годовщиной разгрома фашистской Германии²⁰. В то же время Москва не собиралась сотрудничать с новым

греческим кабинетом. Свой первый визит к Цалдарису 24 апреля Родионов целиком посвятил демаршу в связи с антисоветскими публикациями в греческой прессе²¹.

В июле 1946 г. состоялась встреча Молотова и Цалдариса. Глава советского МИДа заверил греческого премьера в желании Советского Союза развивать мирные и дружественные отношения с его страной²². Сам Цалдарис характеризовал позицию советского министра на переговорах с ним как очень жесткую²³. К тому же на Парижской мирной конференции 1946 г. советская делегация по конкретным территориальным и репарационным вопросам послевоенного урегулирования занимала антигреческую позицию, стремясь отстоять интересы своих союзников — Албании, Болгарии и Югославии. В то же время СССР выражал готовность восстановить экономические связи с Грецией. Родионов указывал на желание Москвы осуществлять поставки в Грецию пшеницы, угля и строительных материалов²⁴. В июле СССР принял решение о восстановлении торгпредства в Греции, существовавшего до войны²⁵.

Пришедшие к власти лидеры монархической Народной партии поспешили провести плебисцит о возвращении короля Георга II. На фоне усиления репрессий против левых сил летом 1946 г. в Греции начинается гражданская война между коммунистами и правительством. Чтобы продемонстрировать негативное отношение к назначенному на 1 сентября референдуму, МИД СССР в конце августа отозвал из Греции посла К.К. Родионова, который не возвращался в Афины до января 1947 г.²⁶. Еще одним негативным сигналом стала «украинская жалоба» в Совет Безопасности ООН на реакционную политику правительства Греции, которая была направлена за неделю до греческого референдума.

На плебисците по королевскому вопросу 1 сентября 68,4% его участников высказались за возвращение короля (при явке 88,6%). Реакция Москвы была предсказуемо негативной. 2 сентября «Правда» писала, что подготовка к референдуму «проходила в обстановке совершенно чудовищного разгула монархо-фашистских террористов»²⁷.

Между тем осенью 1946 г. борьба партизан против правительственные войск приобретает широкий размах. В октябре было принято решение о создании Главного командования партизан во главе с М. Вафиадисом, штаб которого разместился в горах. В декабре партизанская армия была переименована в Демократическую армию Греции (ДАГ).

На фоне разрастания гражданской войны КПГ остро нуждалась в помощи извне. Наряду с помощью Югославии, Албании и Болгарии руководство греческих коммунистов надеялось на советскую помощь, в том числе оружием и боеприпасами. В октябре заместитель заведующего отделом внешней политики ЦК ВКП(б) Л. С. Баранов посетил Белград, где дважды встречался с членами Политбюро ЦК КПГ Я. Иоаннидисом и П. Русосом. Однако беседы с Барановым не принесли ожидаемых результатов: тот уклонился от одобрения плана генерального секретаря КПГ Н. Захариадиса о нейтрализации Греции под гарантии ООН и не обещал немедленную материальную помощь из СССР²⁸.

В ООН в 1946 г. греческий вопрос обсуждался три раза: в начале февраля, в августе–сентябре и в декабре. Первые две дискуссии, инициатором которых был СССР, закончились ничем. Советские попытки направить обсуждение в русло выяснения характера политического режима в Греции и осуждения присутствия британских войск встретили отпор западных держав. В декабре на основании «греческой жалобы» и с согласия Москвы Совет Безопасности ООН принял решение о создании Комиссии ООН по расследованию греческих пограничных инцидентов²⁹. Позиция советского делегата в Совбезе свидетельствовала о скептическом отношении Кремля к вооруженной борьбе греческих коммунистов, ибо работа иностранных наблюдателей создавала серьезные трудности как для подразделений ДАГ, так и для северных соседей Греции, осуществлявших снабжение партизан. В Болгарии перед прибытием членов комиссии проводилась специальная работа, чтобы скрыть факты помощи ДАГ. Командующим частей ДАГ были даны инс-

струкции в период пребывания наблюдателей ООН под страхом строгого наказания не допускать самовольного перехода партизанами греко-болгарской границы. Особое внимание уделялось «подготовке» населенных пунктов, намеченных к посещению Комиссией ООН, в том числе готовились подставные свидетели, способные дать наблюдателям «правильные» показания³⁰. Также СССР надеялся направить деятельность Комиссии в выгодное для себя русло дискредитации «антинародного» режима в Афинах³¹. Комиссия работала в Греции с января по апрель 1947 г.

Выдвижение доктрины Трумэна в марте 1947 г. стало неожиданным для Советского Союза. Доктрина Трумэна и план Marshalла стали для Кремля своего рода поворотным пунктом в отношениях с бывшим заокеанским союзником. Декларацией о новом советском внешнеполитическом курсе стал доклад члена Политбюро ЦК ВКП(б) А.А. Жданова «О международном положении» на Первом совещании Коминформбюро 25 сентября 1947 г., в котором была выдвинута известная концепция «двух лагерей». Доктрину Трумэна Жданов связал с планами США поработить Европу, отметив также, что Греция превращается в «бастион американского империализма против новой демократии на Балканах». При этом, «не жалея слов для возведения клеветы против советского режима», Запад находит «вполне нормальной кровавую диктатуру фашистского меньшинства над народом в Греции»³².

Советская позиция по Греции после выдвижения доктрины Трумэна заметно изменилась. Вернувшись в Афины в январе 1947 г., советский посол К.К. Родионов вплоть до своего отъезда избегал встреч с членами правительства и королем. Он также не представил Георгу II новых верительных грамот, как это ожидали греческие власти, ввиду того что первые грамоты были вручены регенту³³. В начале апреля Родионов и 13 сотрудников посольства выехали из Греции³⁴. В Афинах остались лишь временный поверенный в делах Н.П. Чернышев и несколько работников аппарата посольства. В ответ греческое правительство через несколько месяцев отозвало

из Москвы своего посла А. Политиса³⁵. В соответствии с Постановлением ЦК ВКП(б) от 24 июля Родионов был освобожден от обязанностей посла СССР в Греции. Новый посол не был назначен³⁶. Контакты советских дипломатических представителей и греческих властей были сведены к минимуму.

Следующим шагом в советском давлении на Афины стала угроза разрыва дипломатических отношений. В начале августа 1947 г. Н. П. Чернышев предпринял новый демарш: сославшись на случаи установления тайного полицейского наблюдения за советскими официальными лицами и репрессии в отношении греческих граждан, посещавших советское посольство, он заявил заместителю министра иностранных дел Греции П. Пипинелису, что власти Греции стремятся помешать посольству выполнять его функции и такие действия «несовместимы с наличием дипломатических отношений между Грецией и Советским Союзом»³⁷. Однако эта угроза не была реализована.

В мае «советские инстанции» санкционировали визит Н. Захариадиса в Москву. Захариадис передал записку о ситуации в Греции, в которой проводилась мысль, что помочь Москвы гарантирует победу КПГ. По его мнению, при условии адекватной внешней поддержки Демократическая армия уже в 1947 г. могла нанести решающий удар по монархо-фашизму и «его приспешникам»³⁸. 22 мая состоялась встреча Захариадиса с ответственным в Политбюро ЦК ВКП (б) за межпартийные связи А. А. Ждановым. «У нас есть реальная перспектива очистить всю Грецию», — уверял Захариадис. Генеральный секретарь КПГ запросил вооружение для 50-тысячной армии³⁹. Жданов позитивно воспринял информацию Захариадиса, заметив, что Москва понимает нетерпеливость греческих коммунистов как «носителей национальной идеи», но дал понять, что Советский Союз будет действовать в Греции осторожно. «Не все понимают, что для того, чтобы бросить все силы, СССР надо выбрать момент», — подчеркнул Жданов. В то же время замечания Жданова свидетельствовали, что советское руководство

восприняло речь Трумэна 12 марта как признак слабости позиций Запада в Греции. Он сказал Захариадису: «Ваша борьба обломала зуб англичанам и поднимает мир против Трумэна»⁴⁰.

23 мая Захариадис принял Сталин. Беседа в присутствии В.М. Молотова и А.А. Жданова продолжалась полтора часа⁴¹. Точное содержание разговора неизвестно, но имеющиеся свидетельства не оставляют сомнений, что советский вождь пообещал материальную и дипломатическую помощь греческим коммунистам. Как вспоминал Н.С. Хрущев, Сталин после войны пытался «прошупать» капиталистический мир штыком. Одной из таких акций стала помочь КПГ⁴². Советская помощь начала поступать бойцам ДАГ в августе 1947 г. Эти поставки были секретными, грекам передавалось оружие и материалы только иностранного производства.

Одобрение Сталиным курса КПГ на эскалацию гражданской войны повлекло за собой и ужесточение советской позиции по греческой проблеме на дипломатическом уровне. Представители СССР в ООН теперь занимали бескомпромиссную позицию. Новая фаза борьбы по вопросу о Греции в Совете Безопасности началась 27 июня обсуждением доклада Комиссии по расследованию⁴³. Заседания Совета проходили в напряженной атмосфере непримиримой конфронтации. Представители СССР и Польши сделали диаметрально противоположные остальным членам комиссии выводы. Если 8 членов из 11 (французский представитель воздержался при голосовании) в целом подтвердили обвинения греческого правительства и пришли к заключению, что Югославия, Албания и Болгария поддерживают партизанское движение в Греции, то советская делегация заявила, что эти нелепые обвинения подтверждены лишь лживыми показаниями свидетелей, «набранных из разных фашистских и уголовных элементов». Гражданская война в Греции, заявлял советский представитель А.А. Громыко, имеет внутренние причины, а в провоцировании пограничных инцидентов он обвинял само греческое правительство. Вмешательство северных соседей Греции, по его утверж-

дению, — это миф: «Интервенцию в кустах не спрячешь». США и СССР внесли проекты резолюций, противоположные по содержанию. В итоге Совет Безопасности оказался в патовой ситуации. Против американского проекта резолюции проголосовали СССР (имеющий право вето) и Польша (голосование состоялось 29 июля). Советский проект 4 августа поддержали только Москва и Варшава, все остальные члены Совета голосовали против. Попытки найти компромиссное решение греческого вопроса ни к чему не привели⁴⁴. Западная пресса развернула кампанию критики « злоупотребления» правом вето Советским Союзом. Газеты пестрели заголовками «Россия накладывает вето на план сохранения мира на Балканах», «Красное вето вызывает кризис в Организации Объединенных Наций по балканскому вопросу». Американский журнал «Тайм» назвал Громуко «неандертальцем с правом вето»⁴⁵.

После пяти советских вето Совету не оставалось ничего другого как снять греческий вопрос с повестки дня. Американцы, твердо настроенные вовлечь ООН в решение греческого вопроса, решили передать его в Генеральную Ассамблею, где у СССР не было права вето.

21 октября 1947 г. Генеральная Ассамблея на 100-м заседании 40 голосами «за» при 6 «против» и 11 воздержавшихся приняла резолюцию 109 (II) «Угроза политической независимости и территориальной целостности Греции», которая предусматривала создание специального комитета ООН по Балканам (UNSCOB). СССР и Польша отказались в нем участвовать, однако за ними в комитете были закреплены места⁴⁶. UNSCOB действовал в Греции с октября 1947 г. по декабрь 1951 г. СССР счел UNSCOB незаконным органом, созданным под давлением американцев «простым механическим большинством» Генеральной Ассамблеи в нарушение принципа единодушия великих держав и вопреки положению Устава ООН о невмешательстве во внутренние дела суверенных государств.

24 декабря 1947 г. радиостанция ДАГ сообщила об образовании на территории Свободной Греции Временного народно-демократического правительства во главе с ко-

мандующим ДАГ, членом Политбюро ЦК КПГ Маркосом Вафьядисом («генералом Маркосом»). Вопреки надеждам руководства КПГ, Советский Союз не проявил готовности признать правительство Маркоса и рекомендовал странам Восточной Европы также воздержаться от признания⁴⁷. Осторожный И.В. Сталин явно не торопился с признанием правительства Свободной Греции, считая решение о его создании преждевременным.

Продолжая помочь греческим партизанам, Москва предпринимала по дипломатическим каналам некоторые шаги к поиску возможного варианта компромиссного урегулирования конфликта. В конце июня 1948 г. временный поверенный в делах СССР Н.П. Чернышев обратился к Цалдарису с предложением начать секретные переговоры с целью прекращения гражданской войны. Тот проинформировал американцев о зондаже советского поверенного. Госдепартамент считал, что предложение Чернышева не должно быть категорически отклонено, несмотря на сомнения относительно истинных советских побуждений⁴⁸. Однако дальнейшие контакты Чернышева и Цалдариса не состоялись. Предложение временного поверенного было попыткой зондажа с целью выяснить позицию греческих властей по возможному компромиссному решению конфликта. Однако надежды на компромисс были уже призрачными, ибо США и Великобритания в это время ориентировались на военное разрешение греческого кризиса.

К 1949 г. в Москве стало очевидно, что без масштабной помощи СССР, которую было бы невозможно скрыть, борьба ДАГ является бесперспективной. Кремль же ни в коем случае не был готов к эскалации вооруженного конфликта в Греции и его распространению на весь Балканский полуостров. На фоне поражений Демократической армии И.В. Сталин пришел к решению о свертывании партизанского движения. В апреле Н. Захариадис был вызван в Москву. 16 апреля состоялась его непродолжительная встреча с И.В. Сталиным. Запись беседы не опубликована, но известно, что лидеру греческих коммунистов было дано указание сворачивать вооруженную

борьбу и сообщено о скором закрытии греческой границы с Албанией и Болгарией⁴⁹.

Москва предприняла попытку дипломатическими методами добиться «почетного мира» для КПГ. В мае в Нью-Йорке заместитель министра иностранных дел А. А. Громыко вел переговоры с государственным министром по иностранным делам, руководителем британской делегации на Генеральной Ассамблее ООН Г. Макнилом и помощником госсекретаря США по делам международных организаций Д. Раском. СССР выдвинул план урегулирования греческого кризиса, который включал всеобщую амнистию, проведение парламентских выборов с участием коммунистов, создание международной комиссии для контроля границ Греции с северными соседями (с обязательным советским участием)⁵⁰. 14 мая Раск и Макнил сообщили, что США и Великобритания считают невозможным решать греческие проблемы без участия правительства Греции и главную проблему по-прежнему видят в помощи повстанцам со стороны пограничных государств. Раск отметил, что американцы были бы рады прекращению военных действий в Греции, однако внутриполитические вопросы относятся к компетенции греческих властей. США в свою очередь хотели бы, чтобы Москва использовала свое влияние для прекращения помощи повстанцам со стороны северных соседей Греции⁵¹. Таким образом, фактически советские предложения были отвергнуты США и Великобританией. Западная пресса восприняла советские предложения как подозрительный проект, нечто вроде троянского коня, модернизированного в духе XX в., имеющего цель взять греческую крепость мирными средствами через возобновление участия коммунистов в политической жизни страны⁵².

В сложившейся ситуации Москве оставалось только обнародовать собственные предложения по урегулированию греческого конфликта. 20 мая они были опубликованы в газетах «Правда» и «Известия»⁵³. В ответном заявлении для прессы Госдепартамент подчеркнул, что подходящей площадкой для обсуждения греческого вопроса является ООН. Внутренние вопросы (амнистия,

выборы) должны решаться законным правительством Греции⁵⁴. Американский посол в Греции Г. Грейди предположил, что «мирное наступление» Москвы вызвано отчасти быстрым ухудшением в военном отношении положения коммунистических партизан⁵⁵.

Кремль не могла устроить такая позиция западных держав, и он попытался развить пропагандистское наступление. 30 мая газета «Правда» опубликовала передовую статью «Греческая проблема может и должна быть решена». Позиция Вашингтона и Лондона была названа «непоследовательной и противоречивой», ведущей к дальнейшему затягиванию «кровавой гражданской войны»⁵⁶. Газета «Этникос Кирикс» охарактеризовала эту публикацию как «крик отчаяния из Москвы. „Правда“ ищет спасительный круг для бандитов, потерпевших крушение»⁵⁷. Запоздалая попытка руководства СССР решить греческую проблему дипломатическими методами полностью провалилась.

В августе 1949 г. греческие коммунисты потерпели поражение в гражданской войне. Лидер КПГ вновь отправился в СССР для решения вопроса о будущем бойцов ДАГ и согласования новой политики КПГ. Встреча Захариадиса с И.В. Сталиным состоялась на озере Рица в Абхазии, где отдыхал советский вождь. По итогам переговоров к 16 сентября был подготовлен так называемый «московский документ», или «документ, составленный у озера Рица»⁵⁸. На его основе 19 сентября Политбюро ЦК ВКП (б) приняло специальное постановление, в котором была дана оценка положения в Греции и формулировались новые задачи для КПГ⁵⁹. 23 сентября было принято Постановление ЦК ВКП(б) «Вопросы компартии Греции», в соответствии с которым Советский Союз согласился принять на жительство 12 тысяч греческих политэмигрантов⁶⁰.

Нет никаких свидетельств того, что СССР после 1949 г. вынашивал планы нападения на Грецию или возобновления гражданской войны. Наоборот, Москва стремилась «сдерживать» революционные порывы руководства КПГ и не давать Западу новых поводов для обвинений Алба-

нии и Болгарии во вмешательстве во внутренние дела Греции. Так, в декабре КПГ поставила перед болгарскими коммунистами вопрос об организации подготовки греческих партизан на территории Болгарии. «Товарищ Филиппов» (И. В. Сталин) сообщил болгарскому руководству, что «если греки хотят готовить партизан, то это следует делать где-нибудь подальше от Болгарии — например, в Польше или Румынии»⁶¹.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что Греция для СССР не являлась значимым «полем битвы» зарождающейся холодной войны. Причины греческой гражданской войны имели внутренний характер. Кремль готов был признавать Грецию частью западной сферы интересов, что было зафиксировано еще в «процентном соглашении» У. Черчилля и И. В. Сталина в октябре 1944 г. На фоне ухудшения советско-американских отношений, поверив утверждениям Захариадиса о широчайшей поддержке КПГ греческим народом, Сталин согласился «прощупать» штыком позиции Запада в Греции. Однако греческая политика СССР и в 1947–1949 гг. оставалась осторожной, советского лидера терзали сомнения в возможности победы коммунистов в Греции. Кремль также явно не хотел дальнейшей интернационализации конфликта по образцу гражданской войны в Испании.

После поражения коммунистов Советский Союз лишился рычагов воздействия на ситуацию в Греции. Советско-греческие отношения оставались фактически замороженными вплоть до 1953 г. Только после смерти И. В. Сталина были восстановлены отношения двух стран на уровне послов и впервые после Второй мировой войны было подписано советско-греческое соглашение о товарообороте и платежах.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Stavrakis P.J. Moscow and Greek Communism, 1944–1949. Ithaca. L., 1989.
- ² Улунян Ар. А. Балканы: горячий мир холодной войны. Греция и Турция между Западом и Востоком. 1945–1960 гг. М., 2001.
- ³ Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Документы: В 2-х т. Т. 1: 1944–1948. М., 1999. С. 31; Печатнов В. О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: Документальные очерки. М., 2006. С. 253;

- Pechatnov V.O. The Big Three after World War II: New Documents on Soviet Thinking about Post War Relations with the United States and Great Britain // Cold War International History Project. Working Paper. № 13. Wash., 1995. Р. 12.*
- ⁴ Калинин А.А. Советско-британские переговоры о разделе сфер влияния в Европе в 1944 г. // Вопросы истории. 2009. № 9. С. 19–36.
- ⁵ Close D.H. The Origins of the Greek Civil War. L.; N.Y., 1995. P. 145.
- ⁶ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 06. Оп. 7. П. 2. Д. 29. Л. 29.
- ⁷ Churchill: the Struggle for Survival, 1940–1945. Taken from the Diaries of Lord Moran. Boston, 1966. P. 232–233; Xydis S.G. Greece and the Yalta Declaration // American Slavic and East European Review. Vol. 20. No. 1 (Feb., 1961). P. 8–9.
- ⁸ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 3. Д. 24. Л. 138–139.
- ⁹ Там же. Оп. 7. П. 3. Д. 39. Л. 1.
- ¹⁰ Sfikas Th.D. The British Labour Government and the Greek Civil War 1945–1949. Keele (Staffordshire), 1994. P. 77; Кирјазовски Р. Македонското национално прашање и граѓанска војна во Грција. Скопје, 1998. С. 83–84.
- ¹¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 31. Д. 435. Л. 6.
- ¹² Правда. 1945. 16 мая. С. 2; Известия. 1945. 16 мая. С. 2.
- ¹³ L. MacVeagh to Secretary of State. Political Developments in Greece: May 15 — June 1, 1945. Athens. June 1, 1945. U. S. National Archive and Records Administration, College Park, Maryland, USA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1945–1949. Box 7022. 868.00/6-145. P. 12–15.
- ¹⁴ British Documents on Foreign Affairs: Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print. Part III, From 1940 through 1945. Series F, Europe. Vol. 26. Italy and South-Eastern Europe, July 1945 — December 1945. [Bethesda, Md.], 1998. P. 75.
- ¹⁵ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 21. Д. 229. Л. 1–4.
- ¹⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 99. Л. 150.
- ¹⁷ АВП РФ. Ф. 084. Оп. 34. П. 139. Д. 8. Л. 24–25, 61–62, 89–90; Д. 9. Л. 52.
- ¹⁸ Там же. Д. 8. Л. 10.
- ¹⁹ См.: Правда. 1946. 1 апр. С. 4; 3 апр. С. 4; 8 апр. С. 4.
- ²⁰ АВП РФ. Ф. 84. Оп. 29. П. 26. Д. 17. Л. 89–90.
- ²¹ Там же. Ф. 084. Оп. 34. П. 139. Д. 9. Л. 32–38.
- ²² Государственный архив РФ (далее — ГАРФ). Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 5257. Л. 12; Wittner L. American Intervention in Greece, 1943–1949. N.Y., 1982. P. 57.
- ²³ British Documents on Foreign Affairs: Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print. Part IV, From 1946 through 1950. Series F, Europe 1946. Vol. 6. South-Eastern Europe, July 1946 — December 1946. [Bethesda, Md.], 2000. P. 36.
- ²⁴ АВП РФ. Ф. 56-6. Оп. 9. П. 84. Д. 33. Л. 168.
- ²⁵ Там же. Ф. 084. Оп. 34. П. 139. Д. 9. Л. 151–152.
- ²⁶ Там же. Ф. 56-6. Оп. 10. П. 216. Д. 200. Л. 6-7, 17; ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 5257. Л. 371.
- ²⁷ Правда. 1946. 2 сент. С. 4.
- ²⁸ Калинин А.А. Советский Союз и гражданская война в Греции (1946–1949 гг.) // Российская история. 2016. № 6. С. 116.

- ²⁹ Заседания Совета Безопасности ООН в 1946 г. и принятые на них решения. Документ S/PV.87. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/PV.87>; Документ S/RES/15(1946). URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/15%281946%29>.
- ³⁰ Даскалов Г. България и Гърция: от разрыв към помирение 1944–1964. София, 2004. С. 156–157.
- ³¹ См. подробнее: Гайдук И. В. В лабиринтах холодной войны: СССР и США в ООН. 1945–1965 гг. М., 2012. С. 123–124.
- ³² Правда. 1947. 22 октября. С. 2–3.
- ³³ АВП РФ. Ф. 84. Оп. 30. П. 30. Д. 22. Л. 46–47; Д. 23. Л. 130–132.
- ³⁴ Там же. Ф. 56-б. Оп. 10. П. 216. Д. 200. Л. 17, 19; Ф. 06. Оп. 9. П. 50. Д. 742. Л. 5; Правда. 1947. 6 апр. С. 2.
- ³⁵ АВП РФ. Ф. 56-б. Оп. 10. П. 216. Д. 200. Л. 59.
- ³⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1502. Л. 87.
- ³⁷ АВП РФ. Ф. 84. Оп. 30. П. 30. Д. 24. Л. 111–119; Правда. 1947. 15 августа. С. 4.
- ³⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1078. Л. 71–80.
- ³⁹ Там же. Ф. 77. Оп. 3. Д. 90. Л. 1–13; Ф. 17. Оп. 128. Д. 1019. Л. 33–35.
- ⁴⁰ Там же. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1019. Л. 36.
- ⁴¹ На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.). Справочник. М., 2008. С. 486.
- ⁴² Хрущев Н. С. Время. Люди. Власть: Воспоминания в 4-х кн. Кн. 4. М., 1999. С. 433.
- ⁴³ Доклад Комиссии по расследованию греческих пограничных инцидентов, представленный Совету Безопасности. Т. 1. Документ S/360. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/360>.
- ⁴⁴ АВП РФ. Ф. 434. Оп. 2. П. 6. Д. 42. Л. 56–63; документ S/PV.147. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/PV.147>; документ S/PV.153. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/PV.153>; документ S/PV.170. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/PV.170>; документ S/PV.174. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/PV.174>; Организация Объединенных Наций. Генеральная Ассамблея. Официальный отчет второй сессии. Дополнение № 2 (A/366). Доклад Совета Безопасности Генеральной Ассамблеи за период с 16 июля 1946 г. по 15 июля 1947 г. Лейк Соксесс (Нью-Йорк), 1947. С. 32–46.
- ⁴⁵ ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 6512. Л. 13–16; Time. 1947. Aug. 18.
- ⁴⁶ Документ A/RES/109 (II). URL: [http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/109\(II\)](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/109(II)).
- ⁴⁷ Советский фактор в Восточной Европе. Т. 1. С. 533; Восточная Европа в документах российских архивов, 1944–1953 гг.: В 2-х тт. Т. I: 1944–1948 гг. М.; Новосибирск, 1997. С. 760, 762; Εμφύλιος πόλεμος: Εγγραφα από τα γιούκοσλαβικά και τα Βουλγαρικά αρχεία. Θεσσαλονίκη, 2006. Σ. 241.
- ⁴⁸ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers (далее — FRUS). 1948. Vol. 4. P. 115–118; Σφήκας Θ. Δ. Πόλεμος και Ειρήνη στη στρατηγική του ΚΚΕ, 1945–1949. Αθήνα, 2001. Σ. 19.
- ⁴⁹ На приеме у Сталина. С. 520–521; Кирязовски Р. Македонското национално прашање... С. 159.
- ⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1186. Л. 122.
- ⁵¹ FRUS. 1949. Vol. 6. P. 320–321; Κόντης Β. Η αγγλοαμερικανική πολιτική και το ελληνικό πρόβλημα, 1945–1949. Θεσσαλονίκη, 1984. Σ. 384–385.

- ⁵² ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 9923. Л. 103–106, 112–113; Д. 9454. Л. 99–100, 104.
- ⁵³ АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 336. П. 337. Д. 1. Л. 652–653; Правда. 1949. 20 мая. С. 2; Известия. 1949. 20 мая. С. 2.
- ⁵⁴ Frontier Violations: Basic Issue in Greek Situation // Department of State Bulletin. Vol. XX. No. 517. May 29, 1949. P. 696–697.
- ⁵⁵ АВП РФ. Ф. 566. Оп. 16. П. 396. Д. 131. Л. 27–28.
- ⁵⁶ Правда. 1949. 30 мая. С. 1.
- ⁵⁷ ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 9923. Л. 89.
- ⁵⁸ Кирјазовски Р. Македонското национално прашање... С. 164, 260.
- ⁵⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 41. Л. 8, 119–120.
- ⁶⁰ Там же. Л. 10–12, 134–135.
- ⁶¹ Централен държавен архив (Република България). Ф. 1Б. Оп. 7. А. е. 1436.

**Татьяна Васильевна НИКИТИНА,
к.и.н., доцент МГУ им. М.В. Ломоносова**

Российско-греческие связи в 70-е годы XX в. (по материалам Архива внешней политики Российской Федерации)

Тема российско-греческих связей в 70-е годы XX в. остается актуальной по двум причинам; первая заключается в том, что, сравнивая эти связи с более ранними периодами, важно проследить динамику отношений двух стран, а вторая причина научного плана — целый пласт дипломатических документов оставался до настоящего времени вне поля зрения историков.

Если по взаимоотношениям Греции с дореволюционной Россией много работ, то с Советской Россией их гораздо меньше, особенно в зарубежной историографии. Объясняется это в первую очередь недостаточностью источников, а подчас и определенной ангажированностью.

Тем не менее с момента установления дипломатических отношений, то есть с 1924 г., на протяжении всего XX в. связи между странами никогда не прерывались, даже во время пребывания у власти в Греции военного режима «черных полковников». Правда, это были в основном экономические отношения. Так, в январе 1970 г. во время встречи в Афинах торгпреда СССР Гурова Е.П. с генеральным секретарем министерства торговли Папандиосом обсуждался вопрос о расширении товарооборота между двумя странами. В правительственной газете сообщалось о том, что был подписан протокол между Грецией и СССР о снижении на 50% таможенных пошлин на товары, импортируемые из Советского Союза¹.

А в ноябре 1972 г. все греческие газеты подчеркивали значение греко-советской договоренности о строительстве

Советским Союзом ТЭЦ в районе с. Филиппи (р-н Македонии). В это же время в Афины прибыла советская делегация для ведения переговоров об установлении воздушного сообщения между Афинами и Москвой².

Но одновременно с этим сам военный режим неоднократно подвергался критике; так министр иностранных дел СССР А.А. Громыко в беседе с министром иностранных дел Италии Моро предложил провести в Риме совещание с участием представителей всех демократических сил Европы для обсуждения вопроса об угрозе фашизма в Европе, сославшись при этом на пример Греции³. Однако итальянцы ответили, что в своих отношениях с Восточной коалицией они придерживались линии НАТО⁴.

Существенные изменения в отношениях двух государств произошли после падения военного режима, с приходом к власти в 1974 году правительства К. Караманлиса. К. Караманлис — известный греческий политик, основатель и лидер правоцентристской партии «Новая демократия», трижды занимал пост премьер-министра (1955–1963; 1974–1977; 1977–1980) и дважды Президента Греческой Республики (1980–1985; 1990–1995). Именно с его премьерством связана реставрация демократии после военного режима в Греции. Приступая к восстановлению демократии в Греции, Караманлис заявил и о приоритетах во внешней политике. Основными направлениями во внешней политике оставались американо-греческие отношения, греко-турецкое противостояние и интеграция в европейское сообщество. Ухудшение греко-турецких отношений в связи с проблемой Кипра, а также континентального шельфа, который оказался богат нефтяными ресурсами, заставляли К. Караманлиса активизировать европейское направление во внешней политике. В 1974 г. администрация К. Караманлиса приняла решение о временном выходе Греции из НАТО и об упразднении на ее территории некоторых американских баз.

10 февраля 1975 г. в греческом парламенте состоялось обсуждение внешней политики правительства К. Караманлиса. Позиция правительства в целом получила одобрение парламента. Первым важным направлением

внешней политики Караманлиса была интеграция с Западом, а именно с ЕЭС. Этот курс был взят еще в 60-е годы, в период его первой администрации. Вторым важным направлением было налаживание взаимоотношений с Турцией. Это было связано в первую очередь с кипрской проблемой. Правительство заявило о неизменности позиции Греции в кипрском вопросе, а также об отсутствии какого-либо давления на нее в связи с этой проблемой. Для привлечения внимания мировой общественности в Афинах открылся Международный симпозиум по Кипру. В его работе приняли участие 49 представителей различных стран из области литературы, науки, печати⁵.

Правительство Караманлиса неоднократно подчеркивало, что Греция политически, географически и идеологически принадлежит Западу, но во внешней политике готово сотрудничать со всеми странами мира. Несмотря на то, что отношения с СССР не были включены в перечень приоритетных направлений внешней политики, контакты между двумя странами становятся регулярными. 9 апреля 1975 г. в Афинах начал свою работу Общеевропейский конгресс молодежи по Кипру. Помимо греческих и кипрских молодежных организаций в работе конгресса приняли участие делегации молодежных организаций из 13 стран Европы, в том числе из СССР и других социалистических стран представители семи молодежных организаций⁶. С этого времени начинаются активные контакты с Советским Союзом. В мае 1975 г. в рамках празднования 30-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне в афинском кинотеатре «Орфес» состоялся просмотр советского кинофильма «Последний штурм» («Освобождение»), а в Салониках и на о. Крит сотрудники советских учреждений в Греции возложили венки к могилам русских воинов⁷.

Уже в декабре 1975 г. на заседании кабинета министров К. Караманлис отметил наметившийся прогресс в деле полного присоединения Греции к ЕЭС, а также подчеркнул успех греческой стороны при обсуждении кипрского вопроса на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, обратив внимание на продолжающуюся неуступчивость

Турции в деле урегулирования греко-турецких разногласий. На этом же заседании премьер отметил, что следует закрыть вопрос «чистки» госаппарата после военного режима с тем, чтобы сконцентрировать внимание на критических национальных проблемах и созидательной деятельности⁸. Под национальными проблемами Карапанлис в первую очередь подразумевал кипрскую проблему.

В марте 1976 г. послом СССР в Греции был назначен И.И. Удальцов, который находился на этом посту до сентября 1979 г. И.И. Удальцов — историк-славист, выпускник МГУ, был директором Института славяноведения АН СССР с 1959 по 1962 г., прекрасный дипломат. Именно в период его пребывания во главе советского посольства стали частыми взаимоотношения Греции с Советским Союзом во всех областях.

В своем интервью афинскому журналу «Атенз Ньюс» Удальцов изложил советскую позицию в кипрском вопросе, а также по греко-турецким разногласиям в Эгейском море. Советский Союз выступал за независимость Кипра на основе территориальной целостности и неприкосновенности. Достигнуть же этого следовало путем мирных переговоров в интересах народа острова⁹. Позиция СССР о мирном решении конфликтных вопросов была поддержана в Греции.

Оба государства, и Советский Союз, и Греция, проявили солидарность в таком важном вопросе, как борьба за мир. По приглашению Греческого комитета за международную разрядку и мир в апреле 1976 г. Грецию посетила делегация Советского комитета защиты мира во главе с заместителем председателя комитета академиком В.В. Ковановым. В отеле «Эсперия Палласс» делегация устроила пресс-конференцию для представителей греческой печати¹⁰. 18 мая 1976 г. в Афинах открылась сессия Всемирного Совета мира. В ее работе приняли участие около 150 представителей из 60 национальных и международных организаций. Советскую делегацию возглавил академик Е.К. Федоров.

Постепенно стали налаживаться политические связи государств; установились контакты греческого пар-

ламента и Верховного Совета СССР. 31 мая 1976 г. из Москвы вернулась делегация греческого парламента, где она находилась по приглашению Верховного Совета СССР¹¹. Становятся регулярными отношения между Греческой и Русской православными церквями; 11 июня 1976 г. по приглашению Патриарха Русской православной церкви в Москву с официальным визитом прибыл Архиепископ Афинский Серафим¹². А в октябре 1979 г. делегация Русской православной церкви (31 человек) во главе с митрополитом Алексием участвовала в заседаниях Президиума совещательного комитета и VIII Генеральной Ассамблеи конференции европейских церквей на о. Крит¹³. Так было положено начало гуманитарным контактам двух народов.

4 сентября 1976 г. в Салониках открылась торгово-промышленная ярмарка, на которой после 11-летнего перерыва был представлен СССР национальным павильоном, одним из крупнейших на ярмарке. Выступая на открытии выставки, К. Караманлис еще раз подтвердил неизменность внешнеполитического «проевропейского» курса правительства, направленного на объединение со «свободной Европой»¹⁴.

Однако уже месяц спустя начались политические контакты с Москвой на уровне правительства. 6–11 октября 1976 г. в Советском Союзе впервые с официальным визитом по приглашению министерства культуры СССР находился министр культуры и наук Греции Трипанис. По возвращении в Афины он охарактеризовал встречи и беседы, которые имел в Москве, как очень интересные и полезные. По мнению Трипаниса, культурные отношения между Грецией и Советским Союзом уже заметно продвинулись вперед и имеют хорошую перспективу на будущее.

Уже в ноябре 1976 г. в надежде на плодотворную перспективу культурных отношений, МИД Греции прислал меморандум советскому посольству, в котором указал, что муниципалитет г. Арта заинтересован в получении работ его уроженцев Максима Грека и правоведа Петроса Манегаса. Работы Максима Грека были впервые

изданы Казанской духовной академией, работы Петра Манегаса — в Петербурге в 1820–1830-е годы. Кроме того, о деятельности П. Манегаса были изданы работы Л.А. Кассу «Византийское право в Бессарабии» (Москва, 1907) и др. Греки просили прислать хотя бы копии этих работ¹⁵. После запроса в Государственной библиотеке СССР советское посольство ответило, что, поскольку книги, интересующие муниципалитет, являются библиографической редкостью, то можно приобрести микрофильмы этих изданий через «Международную книгу», партнером которой в Греции являлась фирма «Планитис». Либо по линии международного книгообмена Государственная библиотека могла бы выслать микрофильмы в обмен на интересующих библиотеку изданий, по запросу, например, Института балканских исследований в г. Салоники¹⁶.

Неоднократно обсуждая вопросы двустороннего сотрудничества между Грецией и СССР, министр иностранных дел Греции Бициос и И.И. Удальцов после одной из таких бесед сделали совместное заявление для прессы. Обе стороны от имени своих правительств выразили желание способствовать дальнейшему развитию греко-советских отношений на взаимовыгодной основе. Также была достигнута договоренность о продолжении переговоров с целью скорейшего подписания долгосрочного торгового и культурного соглашения, а также консульской конвенции¹⁷. Все это происходило в условиях критики оппозиционной партией правительенного курса в Греции. 24 апреля 1977 г. лидер партии ПАСОК А. Папандреу в своем выступлении привлек внимание правительства к неблагоприятной обстановке, складывающейся в Эгейском море и Восточном Средиземноморье в целом «в результате действий американского империализма и противоборства двух сверхдержав». Папандреу обвинил СССР в поддержке «экспансионистских планов Турции»¹⁸.

Однако, несмотря на критику со стороны оппозиции, в ноябре 1977 г. Караманлис вновь победил на выборах и было сформировано новое правительство. В этом правительстве министерство иностранных дел возглавил Панайотис Папалигурас. В ответ на поздравления А.А. Гро-

мыко по случаю своего назначения на пост министра иностранных дел П. Папалигурас в телеграмме выразил надежду, «что отношения между Советским Союзом и Грецией будут развиваться в духе дружбы, способствуя тем самым поддержанию мира и безопасности в Европе¹⁹. Главным направлением во внешнеполитическом курсе правительства К. Карапанлиса оставался европеизм. На это указывали и предвыборные лозунги Новой Демократии в 1977 г.: «Греция – Европа – Карапанлис».

Тем не менее связи между Грецией и Советским Союзом в отдельных областях в это время расширялись.

Торговое судоходство было одним из основных сфер российско-греческих отношений. Традиционным для России было фрахтование греческих судов. Еще в декабре 1975 г. министр торгового флота Греции А. Пападонгонас посетил СССР с официальным визитом. После ведения переговоров с первым заместителем Председателя Совета Министров СССР К.Т. Мазуровым и министром морского флота СССР Т.Б. Гуженко было подписано соглашение между правительствами СССР и Греции о торговом судоходстве, которое тогда же былоratифицировано греческим парламентом²⁰. В начале декабря 1976 г. состоялся официальный визит в Грецию Т.Б. Гуженко. В первый же день он был принят К. Карапанлисом, а затем вел переговоры с министром торгового флота Пападонгонасом. Речь шла о претворении в жизнь греческого торгового соглашения о торговом судоходстве, подписанном в 1975 г., и о дальнейшем сотрудничестве стран в этой области. Советский министр посетил ряд портов и промышленных объектов Греции. В совместном заявлении для печати подчеркивалось, что обе стороны выразили удовлетворение успешным развитием греко-советского сотрудничества в этой области и указали на необходимость создания смешанной комиссии по торговому судоходству²¹. В сентябре 1979 г. между «Судоимпорт» и фирмой «Неорион–Судоверфи» острова Сирос был подписан протокол о ремонте на о. Сирос советских торговых кораблей и вспомогательных судов ВМФ СССР. Подписание этого документа вызвало недовольство и опасения в США до такой

степени, что на следующий день представитель греческого правительства был вынужден выступить с разъяснением в отношении советско-греческого протокола о ремонте судов на о. Сирос. Он подчеркнул, что эта сделка носит чисто коммерческий характер и не означает предоставления ВМФ СССР базы или портовых льгот в Греции²². Уже в октябре 1979 г. на о. Сирос зашел для ремонта первый советский корабль-танкер ВМФ СССР «Койда». В это же время состоялся визит добром воли греческих военных кораблей в г. Одессу и советских — в г. Пирей²³. Взаимодействие двух стран на море имеет свою давнюю традицию, которая была продолжена и в 70-е годы.

В феврале 1975 г. три советских судна — «Джордано Бруно», «Сузdalь» и «Малахов Курган» — приняли участие в спасении греческих моряков во время крушения судов «Авра I» и «Скай Рокет». МИД Греции выразил благодарность капитанам А. Корнееву, А. Пономаренко и В. Можаеву, высоко оценив чувства альтруизма и гуманности, которые советские моряки проявили во время спасения²⁴. В октябре 1977 г. корабль Военно-морского флота СССР был приглашен для участия в праздновании 150-й годовщины морского сражения при Наварино (20.10.1827), отмечая тем самым важную роль России в освобождении Греции²⁵.

После обмена делегациями и ведения переговоров в апреле 1977 г. было подписано советско-греческое долгосрочное торговое соглашение, которое должно было вступить в силу с 1 января 1978 г.²⁶ Это соглашение способствовало и развитию торгового судоходства. Однако если оценивать в целом, то торговые отношения с Советским Союзом развивались не так интенсивно, как ожидалось.

Главным направлением в политике правительства оставалась Европа. 1 сентября 1977 г. в своем обращении по случаю открытия 42-й Международной торговой ярмарки в Салониках К. Карапанлис подчеркнул, что Греция стремится вступить в ЕЭС по идеологическим и политическим мотивам. Она хотела бы, чтобы все ее соседи поняли, что только посредством искреннего сотрудничества и честного диалога они могут решить все возникаю-

щие разногласия. Сейчас же Греция оказалась в таком положении, что, не встречая должного понимания, она вынуждена предпринимать меры по укреплению своей обороноспособности²⁷. Так К. Караманлис оправдывал свои шаги в отношении сотрудничества с СССР.

В начале 70-х годов шли активные переговоры о научно-техническом сотрудничестве двух стран. В июне 1977 г. в Афинах было подписано 3-летнее соглашение о научно-техническом сотрудничестве между СССР и Грецией, а через год в соответствии с этим соглашением был составлен проект Программы научно-технического сотрудничества на 1979–1980 гг. Эта Программа включала взаимодействие в области энергетики, геологии, архитектуры, гражданского строительства, сельского хозяйства²⁸.

В 1978 г. по приглашению советского правительства впервые в истории греко-советских отношений состоялся официальный визит министра иностранных дел Греции Г. Раллиса в Советский Союз. Во время пребывания Раллиса в Москве 6 сентября 1978 г. между СССР и Грецией было подписано соглашение о научно-техническом и культурном сотрудничестве. Первое заседание греко-советской комиссии по научно-техническому сотрудничеству состоялось в Москве в ноябре 1978 г. Греческую делегацию возглавлял доктор Георгиос Аргиропулос — глава Агентства исследований в области науки и техники министерства координации. Была принята программа обмена учеными между Грецией и Советским Союзом на период 1979–1980 гг.²⁹. В соответствии с договоренностями в Грецию приехали советские специалисты для работы по монтажу энергооборудования ТЭС «Кардия». Так как специалисты приехали в Грецию с семьями, то в г. Козани советское посольство открыло с ноября 1979 г. начальную школу на 35 человек³⁰. Соглашение о научно-техническом сотрудничестве вступило в силу весной 1979 г.

Большие перемены произошли в области гуманитарных наук. В мае 1979 г. в Салониках в международном симпозиуме по изучению византийско-славянских сборников принимала участие доктор филологических наук Л.П. Жуковская. В октябре 1979 г. в Москве и Ленин-

граде по линии АН СССР находились президент Международной ассоциации по изучению стран Юго-Восточной Европы, профессор П. Зепос, Генеральный секретарь Афинской академии, профессор И. Теодоракопулос, сотрудник Института балканских исследований С. Пападопулос³¹. Именно с этого момента установились контакты между греческими и советскими учеными в области гуманитарных наук.

Следует отметить, что культурные контакты Греции и СССР начались раньше заключения соглашения о сотрудничестве в этой сфере. Уже в марте 1975 г. в одном из афинских кинотеатров открылась Неделя советского кино. В это же время в г. Яннина открылась выставка советской книги³². 5 марта 1976 г. в Культурном центре Афин открылась выставка «Советская молодежь», организованная в соответствии с соглашением, заключенным между КМО СССР и молодежными организациями Греции³³. В сентябре 1976 г. в Афинах с большим успехом проходили гастроли Государственного академического симфонического оркестра СССР, а в октябре — гастроли МХАТ, сначала в Салониках, затем в Афинах. В прессе высоко оценили творчество советских актеров. В ноябре 1976 г. в Салониках состоялось открытие большой выставки произведений живописи и скульптуры из музеев РСФСР³⁴. В январе 1978 г. министр культуры и наук Плитас заявил, что греческое правительство намерено направить для демонстрации в ряде зарубежных стран выставки «Образ человека в Греции». Первым городом, где планировалось провести эту выставку, должна стать Москва³⁵. При подготовке проведения Дней Греции в СССР выяснилось, что невозможно везти передвижную художественную выставку салоникского этнографического музея в Советский Союз, так как не было культурного соглашения между странами³⁶.

Проект культурного соглашения обсуждался еще во время визита министра иностранных дел Греции Г. Раллиса в Москву в сентябре 1978 г. Во время визита Раллиса посетил, кроме Москвы, Ленинград и Киев, вел переговоры со многими министрами, в том числе с министром

культуры СССР П.Н. Демичевым. По итогам переговоров было опубликовано советско-греческое коммюнике, в котором сообщалось о подписании 6 сентября 1978 г. между правительствами Греции и СССР, кроме научно-технического, и культурного соглашения. Вообще результаты визита Г. Раллиса до такой степени взбудоражили США, что 12 сентября 1978 г. министр национальной обороны Греции Аверов был вынужден опубликовать заявление, опровергающее сообщения прессы об изменении политики Греции в отношении НАТО после визита в СССР министра иностранных дел Греции³⁷.

Уже в марте 1979 г. начальник Историко-дипломатического управления МИД СССР С.Л. Тихвинский находился в Греции для установления прямых контактов с представителями греческих архивных служб и проведения с ними переговоров о налаживании сотрудничества. Тогда же в СССР была проведена Неделя греческих фильмов, а в апреле того же года в Советском Союзе с успехом прошли гастроли Государственного Театра Северной Греции³⁸. В мае в Грецию прибыла советская делегация во главе с заведующим отдела культурных связей МИД СССР В.Я. Ерофеевым для переговоров по вопросам культурного сотрудничества и согласования программ культурных обменов. Программа была парафирована В.Я. Ерофеевым и начальником департамента культурных связей МИД Греции Д. Петру³⁹. 23 августа 1979 г. в Афинах Послом СССР и Генеральным секретарем МИД Греции была подписана советско-греческая программа культурного сотрудничества на два года⁴⁰. Тогда же в Афинском фестивале искусств участвовала труппа балета ГАБТ СССР, гастролировал пианист С. Рихтер, а в сентябре — ансамбль народных танцев под руководством И. Моисеева⁴¹.

Еще один вопрос, который требовал своего разрешения, был вопрос о Консультской конвенции. Он начал обсуждаться в январе 1978 г., во время пребывания в Москве греческой делегации во главе со специальным юридическим советником МИД Греции К. Икономидисом. В марте 1978 г. в Афинах был парафиран текст

Консультской конвенции между СССР и Грецией, с советской стороны — начальником Консульского Управления МИД СССР В.И. Юхиным, с греческой — К. Икономидисом⁴². Консультская конвенция была подписана в Москве во время визита министра иностранных дел Греции Г. Раллиса в сентябре 1979 г.⁴³.

В октябре 1979 г. в советско-греческих отношениях произошло знаменательное событие: впервые Советский Союз посетил премьер-министр Греции К. Караманлис. Это совпало с другим важным для Греции событием. Осуществилась главная цель администрации Караманлиса — Греция была принята в «Общий рынок» на правах полноправного члена (договор был ратифицирован в 1981 г.). Во время пребывания греческого премьера в СССР между А.Н. Косыгиным и К. Караманлисом были подписаны декларация и соглашения об экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве двух стран⁴⁴. Тесное советско-греческое взаимодействие явилось противовесом давлению США и НАТО на Грецию. Начиная с визита Караманлиса российско-греческие отношения приобрели поступательное развитие.

Еще одно знаменательное событие произошло в это время в Греции. После 11 лет перерыва возобновилась деятельность греко-советского Общества дружбы. 5 июня 1975 г. в печати был опубликован состав административного совета греко-советского Общества дружбы. Его председателем был избран известный греческий поэт Яннис Рицос. В совет общества вошли представители общественности и основных политических направлений. 1 июля 1975 г. в афинском кинотеатре «Алкионис» состоялось торжественное собрание, посвященное возобновлению греко-советского Общества дружбы. Перед присутствующими выступил председатель общества Я. Рицос⁴⁵. Общество создало свои отделения в городах Патры, Гераклион, Пирей, Салоники, Ларисса, Ханья, Афины⁴⁶.

В дипломатических документах сообщалось об активной деятельности общества и его переписке с советским Обществом дружбы. Так ГСО проводило работу по организации кампании протеста греческой общественности

против производства нейтронного оружия в США. В издаваемом обществом журнале «Греко-советская хроника» осуждались американские планы производства нейтронной бомбы. В феврале 1978 г. ГСО Пирея организовало кинофестиваль советских военных фильмов. В кинотеатре «Синеак» демонстрировались фильмы: «Фронт без флангов», «Единственная», «Весна на Одере». Открыл фестиваль председатель ГСО Пирея Кирьякакос, подчеркнувший ведущую роль СССР в разгроме гитлеровского фашизма. Фильмы с титрами на греческом языке просмотрело около 2500 человек, в основном молодежь⁴⁷. ГСО совместно с советским Обществом дружбы проводили Дни СССР в Греции и выставки советской книги, отмечали круглые даты русских писателей-классиков — А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого. При отделениях общества работали курсы русского языка. Осенью 1978 г. в помещении ГСО Салоник открылась выставка фотографий советского корреспондента А.С. Гаранина «Греция — глазами советского фотокорреспондента». Выставку посетило более 2 тыс. человек. Как сообщали греческие газеты, выставка «стала событием в культурной жизни города». А.С. Гаранин готовил также выставку о традиционных греко-русских и греко-советских связях. Он снимал в музеях, Институте Македонских исследований в Салониках, на Афоне⁴⁸. 8 июня 1979 г. на торжественной церемонии в Посольстве СССР в Греции посол СССР в Греции И.И. Удалцов вручил орден Дружбы народов председателю греко-советского Общества дружбы Яннису Рицосу. Я. Рицос был награжден Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1979 г. за активную деятельность по развитию и укреплению дружественных связей между греческим и советским народами⁴⁹.

Дружественные связи между двумя народами имели давнюю традицию. Известно, что после гражданской войны в Греции многие греческие семьи нашли убежище в Советском Союзе. В октябре 1979 г. в Афинах проводилась международная конференция по проблеме репатриации греческих политических беженцев, которые после гражданской войны в течение 30 лет проживали в соц-

странах. Приглашение на конференцию было послано и в СССР с мотивировкой, что «его присутствие принесет большую помощь нашим усилиям положить конец этой драме наших патриотов и их семей, когда-то обвиненных по греческим законам». Письмо подписали президент комитета по организации международной конференции Димитриос Хондрокукас (депутат ПАСОК) и секретарь Ставрос Папахристу⁵⁰.

Подводя итог советско-греческим отношениям в 70-е годы, необходимо отметить, что заметное расширение связей между двумя странами в самых разных областях стало возможно по ряду причин. В первую очередь — это изменение внутриполитической ситуации в Греции. Восстановление демократии в стране привело к более тесным контактам с Советским Союзом в гуманитарной сфере. Временный выход Греции из НАТО (1974), конфликт с Турцией по проблеме Кипра и Средиземноморского шельфа также повлиял на формирование внешнеполитических приоритетов. Пока не было удовлетворено многолетнее стремление Греции в Европейское сообщество, правительство К. Караманлиса, устанавливая контакты с Советским Союзом, демонстрировало свою свободу выбора, что было заметно утрачено после вступления Греции в Европейское сообщество.

Казалось бы, события недавнего времени, свидетелями которых многие из нас были, известны из газет и других СМИ. Однако в дипломатических документах мы видим людей, которые стоят за этими событиями. Большую роль в улучшении отношений между Грецией и СССР сыграл советский посол в Греции И.И. Удальцов. Изучая его деятельность, видно, что, приехав в Грецию, он активно наносил визиты, встречался почти со всеми министрами, налаживая контакты не только в экономике, но и в области культуры. Именно благодаря его усилиям был совершен прорыв в гуманитарной сфере.

Примечательно, что правительственные круги Греции, идя на контакт с Советским Союзом, все время поясняли и оправдывали свои действия, чтобы быть правильно понятыми на Западе, потому что главным направлением

внешней политики Греции оставалась Европа. Это было кредо К. Караманлиса в 60-е годы XX в., это оставалось главным и в 70-е годы. И тем не менее именно с этого времени российско-греческие отношения стали развиваться поступательно.

Что же касается связей и контактов общественности двух стран, то они начались гораздо раньше заключения официальных соглашений. И в этом проявилась тяга двух народов к сотрудничеству и взаимопроникновению культур.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 167. Оп. 37. П. 51. Д. 5. Л. 3.
- ² Там же. Оп. 39. П. 53. Д. 5. Л. 55.
- ³ Врадини. 20.11.1970 г.
- ⁴ Элефтерос Козмос. 13.11.1970 г.
- ⁵ АВП РФ. Ф. 167. Оп. 42. П. 57. Д. 4. Л. 6, 10.
- ⁶ Там же. Л. 15.
- ⁷ Там же. Л. 20–21.
- ⁸ Там же. Л. 38.
- ⁹ Там же. Оп. 43. П. 59. Д. 4. Л. 22.
- ¹⁰ Там же. Л. 11–12.
- ¹¹ Там же. Л. 16.
- ¹² Там же. Л. 17.
- ¹³ Там же. Оп. 46. П. 65. Д. 5. Л. 8.
- ¹⁴ Там же. Оп. 43. П. 59. Д. 4. Л. 26.
- ¹⁵ Там же. Д. 2. Л. 37–38.
- ¹⁶ Там же. Оп. 44. П. 61. Д. 1. Л. 39.
- ¹⁷ Там же. Оп. 43. П. 59. Д. 4. Л. 33, 37.
- ¹⁸ Там же. Оп. 44. П. 61. Д. 4. Л. 22.
- ¹⁹ Там же. Д. 6. Л. 37.
- ²⁰ Там же. Оп. 42. П. 57. Д. 4. Л. 39.
- ²¹ Там же. Оп. 44. П. 61. Д. 4. Л. 1.
- ²² Там же. Оп. 46. П. 65. Д. 5. Л. 2.
- ²³ Там же. Л. 7, 10.
- ²⁴ Там же. Оп. 42. П. 57. Д. 2. Л. 14–15.
- ²⁵ Там же. Оп. 44. П. 61. Д. 2. Л. 70.
- ²⁶ Там же. Д. 4. Л. 23.
- ²⁷ Там же. Л. 33.
- ²⁸ Там же. Оп. 45. П. 63. Д. 1. Л. 15, 22.
- ²⁹ Там же. Д. 2. Л. 71, 78.
- ³⁰ Там же. Оп. 46. П. 65. Д. 3. Л. 16.
- ³¹ Там же. Д. 5. Л. 6, 7.
- ³² АВП РФ. Ф. 167. Оп. 42. П. 57. Д. 4. Л. 10, 12.

- ³³ Там же. Оп. 43. П. 59. Д. 4. Л. 8.
- ³⁴ Там же. Л. 26, 35, 42.
- ³⁵ Там же. Оп. 45. П. 63. Д. 3. Л. 5.
- ³⁶ Там же. Д. 6. Л. 17.
- ³⁷ Там же. Д. 3. Л. 21.
- ³⁸ Там же. Оп. 46. П. 65. Д. 5. Л. 4.
- ³⁹ Там же. Л. 1.
- ⁴⁰ Там же. Л. 3.
- ⁴¹ Там же. Л. 10, 11.
- ⁴² Там же. Оп. 45. П. 63. Д. 3. Л. 10.
- ⁴³ Там же. Оп. 46. П. 65. Д. 5. Л. 10.
- ⁴⁴ Там же. Л. 2.
- ⁴⁵ Там же. Оп. 42. П. 57. Д. 4. Л. 23, 26.
- ⁴⁶ Там же. Оп. 45. П. 63. Д. 6. Л. 8.
- ⁴⁷ Там же. Л. 14.
- ⁴⁸ Там же. Л. 39.
- ⁴⁹ Там же. Оп. 46. П. 65. Д. 5. Л. 74.
- ⁵⁰ Там же. Д. 6. Л. 29.

**Юрий Дмитриевич КВАШНИН,
к.и.н., зав. сектором ИМЭМО РАН**

Проблемы и перспективы экономических отношений России и Греции

Ухудшение отношений России с Европейским союзом, связанное с текущим кризисом на Украине и другими международно-политическими противоречиями, продемонстрировало, насколько высока зависимость экономических связей между РФ и ЕС от международно-политических обстоятельств. Однако политизация экономических отношений — явление не новое. Анализ взаимодействия России и отдельных стран Евросоюза показывает, что политические императивы неоднократно становились важным фактором, сдерживающим двустороннее экономическое сотрудничество. Яркий тому пример — экономические связи между Россией и Грецией, которые, как показал опыт последнего десятилетия, оказались особенно подвержены колебаниям политической конъюнктуры.

В конце 2000-х — начале 2010-х гг. на смену длительному подъему в российско-греческих отношениях, обусловленному разработкой совместных проектов в области энергетики, углублением военно-технического сотрудничества, а также общностью позиций по актуальным международным проблемам¹, пришло время «глубокой заморозки»². В первой половине текущего десятилетия экономические связи между Россией и Грецией оказались под давлением негативных факторов, как политических (прозападная направленность внешней политики Греции в период правления Г. Папандреу), так и экономических (последствия мирового финансового кризиса 2008–2009 гг.). Сильным ударом стала также приостанов-

ка совместных энергетических проектов, а именно — отказ от строительства российско-болгаро-греческого нефтепровода Бургас—Александруполис, который должен был обеспечить доставку российской нефти на Балканы по дну Черного моря, а также «Южного потока». В середине 2010-х гг. новыми вызовами стали санкционное противостояние России и ЕС и рецессия в российской экономике, спровоцировавшая падение спроса на греческие товары и услуги. В то же время ввиду взаимной заинтересованности предприятий обеих стран в более тесных связях российско-греческие экономические отношения продолжают развиваться, хотя и не столь быстрыми темпами, как предполагалось в докризисный период. В данной статье мы остановимся на успехах и провалах, достигнутых результатах и нереализованных возможностях на трех главных направлениях сотрудничества, к которым относятся товарная торговля, туристический обмен и взаимные инвестиции.

Российский экспорт в Грецию: преобладание сырьевых товаров

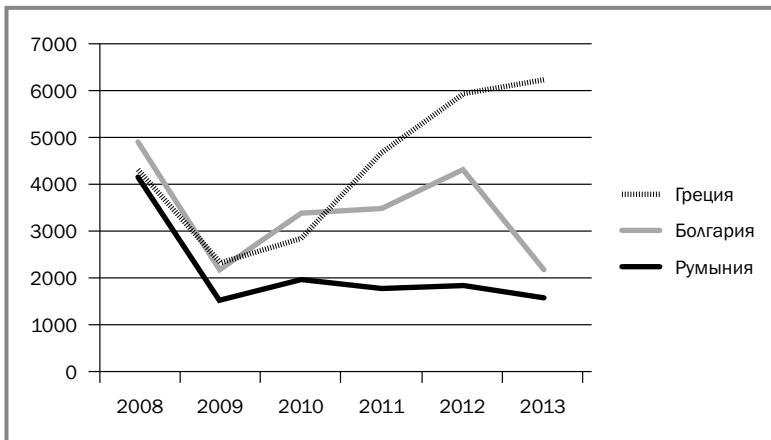
Среди стран Балканского полуострова Греция остается одним из главных внешнеторговых партнеров России в Юго-Восточной Европе, по общему товарообороту опережая другие балканские страны, но существенно уступая Турции.

Особенностью российско-греческой торговли является существенное преобладание экспорта над импортом, связанное с высоким спросом Греции на российские энергоносители. После двукратного спада в 2009 г. началось быстрое восстановление, а затем и рост экспорта российских товаров в Грецию по сравнению с докризисным периодом, который продолжался до 2013 г. включительно (см. график 1).

По стоимостным объемам товарных поставок в Грецию Россия в отдельные годы занимала первое место, обгоняя таких важных внешнеторговых партнеров, как Италия и Германия. По данным Всемирного банка на 2013 г., 14,37% всех поставляемых в Грецию товаров приходи-

лось на Россию, однако к 2015 г. этот показатель упал до 8,09 %³, главным образом вследствие снижения цен на энергоносители.

График 1.

Российский товарный экспорт в Грецию в сравнении с другими балканскими странами, 2008–2013 гг., млн долл. США (источник: Росстат)

Российский экспорт в Грецию имеет отчетливо выраженный сырьевой характер: в 2014 г. 92,8% поставок приходилось на минеральное топливо, нефть и продукты их перегонки, 3,1% — на алюминий и изделия из него и оставшиеся 4,1% — на злаки, удобрения, бумагу и картон, пластмассы, древесину и прочие товарные номенклатуры⁴. Из России ввозится порядка 65% потребляемого в Греции газа и 70% нефти. При этом основной прирост в первой половине 2010-х гг. обеспечивался именно за счет нефти, так как значительная ее часть перерабатывалась на греческих НПЗ и в виде топлива продавалась другим странам ЕС⁵.

Возможности для расширения российских газовых поставок в Грецию весьма ограничены: из-за экономической рецессии спрос на голубое топливо в этой стране не растет. Кроме того, на переговорах с российской стороной греческие власти неоднократно ставили вопрос об уменьшении цен на газ, которые были, с их точки зрения, за-

вышены. Так, в 2014 г. между Газпромом и греческой распределительной компанией DEPA был подписан выгодный для Греции договор о предоставлении 15-процентной скидки до 2016 г. с возможностью пролонгации. Если раньше цена составляла 477 долл. за 1 куб. м, то после его подписания — чуть менее 400 долл.

Помимо того, греческие власти, обеспокоенные соображениями энергетической безопасности, стремятся к диверсификации газового импорта. Еще в 1999 г. был построен регазификационный терминал на острове Ревитусса вблизи Афин, куда поступает СПГ из Алжира. В 2007 г. было завершено строительство газопровода Турция—Греция, по которому страна стала закупать газ у турецкой компании BOTAS, которая в свою очередь покупает его у России, Ирана, Азербайджана и других стран. Несмотря на то что с точки зрения ценовых предложений поставки из России остаются наиболее выгодными, целесообразность поиска альтернатив Газпрому в Греции мало ком ставится под сомнение, особенно после двух российско-украинских газовых конфликтов (2005–2006 гг. и 2008–2009 гг.) и событий 2014–2015 гг., создавших угрозу приостановки газового снабжения.

В настоящее время Греция продолжает курс на диверсификацию газового импорта, лоббируя наряду с другими странами строительство Восточно-Средиземноморского газопровода (по доставке израильского и кипрского газа), интерконнектора Турция—Греция—Италия и Трансадриатического трубопровода (ТАР), который планируется подключить к Трансанатолийскому газопроводу в рамках Южного газового коридора. Очевидно, что перспективы каждого из этих проектов неоднозначны, однако последний из них имеет достаточно высокие шансы на успех. Строительство пролегающего через Грецию участка началось 17 мая 2016 г. и, по предварительным оценкам, к концу 2019 г. этот газопровод мощностью 10 млрд куб. м в год (с возможностью расширения до 20 млрд куб. м) будет введен в эксплуатацию⁶. Важно отметить, что в будущем данный проект может быть сопряжен с уже упомянутыми поставками СПГ из Алжира. В частности, крупная гре-

ческая корпорация Copelouzos Group вынашивает идею строительства регазификационного терминала в Александруполисе, расположенному на пути следования ТАР.

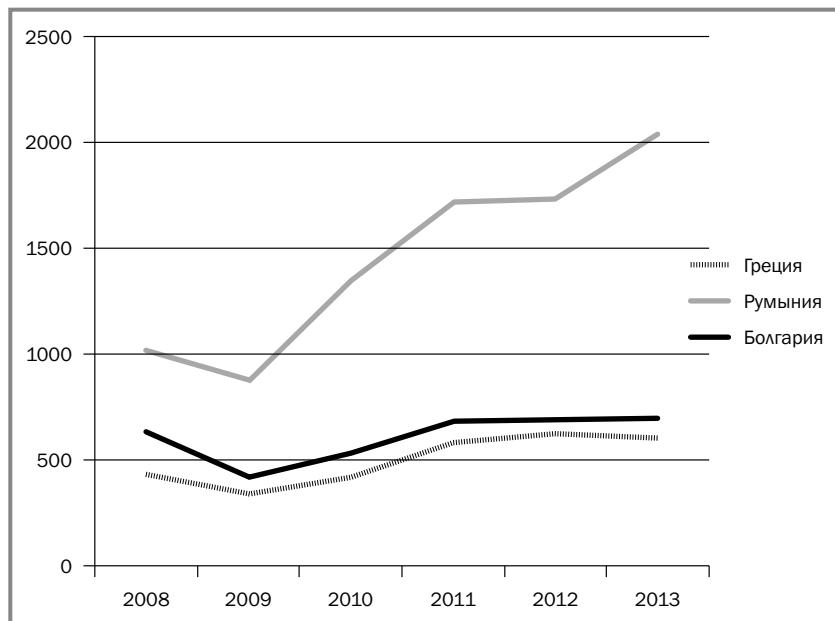
Сравнивая отраслевую структуру российского экспорта в Грецию в настоящее время с докризисным периодом, приходится констатировать, что она стала менее диверсифицированной. И связано это не только с возросшей долей экспорта энергоносителей, но и с тем, что Россия перестала поставлять в Грецию вооружение (кроме запчастей к уже закупленной технике). В качестве официальной причины этого называется тяжелое финансовое положение Греции, но рядом экспертов отмечается⁷, что отказ от закупки российской техники объяснялся общим охлаждением российско-греческих отношений в 2009 г. после отставки правоконсервативного правительства К. Караманлиса. Попытка восстановления взаимодействия в этой области была предпринята в конце 2013 г., когда после визита министра обороны РФ С. Шойгу в Афины между двумя странами было подписано соглашение о ВТС⁸. Однако никаких новых контрактов на поставку российского вооружения за этим не последовало, и с учетом ухудшения отношений России и ЕС в 2014 г. будущее ВТС между Россией и Грецией остается неопределенным.

Импорт греческих товаров и туристический обмен

Импорт греческих товаров в Россию в начале 2010-х гг. демонстрировал положительную динамику, хотя по стоимостным объемам уступал импорту из других стран региона (см. график 2). С 2011 по 2013 г. он увеличился почти вдвое — с 342 млн до 611 млн долл. Расширилась и номенклатура греческих товаров. По данным на 2014 г., Греция ввозила в Россию фрукты и орехи (31% импорта), котлы, оборудование и механические устройства (8,9%), фармацевтическую продукцию (6,5%), продукты переработки овощей, фруктов, орехов или прочих частей растений (6%), а также пластмассы, табак, меховые изделия и многие другие товары. Таким образом, несмотря на не-

большую величину, греческий импорт является достаточно диверсифицированным, что его в выгодную сторону отличает от российского экспорта в Грецию.

График 2.

*Импорт товаров из Греции в сравнении
с другими балканскими странами, 2008–2013 гг.,
млн долл. США (источник: Росстат)*

В то же время основной прирост импорта достигался за счет продовольственных товаров, доля которых за тот же период возросла почти втрое. В условиях стагнации европейской экономики греческие экспортёры стремились к освоению новых, в первую очередь развивающихся, рынков, к которым относится Россия. Как на государственном уровне, так и на уровне общественных организаций Греция проводит активную политику по продвижению собственной продукции за рубеж. В немалой степени наращиванию поставок из Греции способствовала кампания «Покупай греческое», в которой активную роль сыграли представители многочисленной греческой диаспоры.

Складывающийся дефицит баланса взаимной торговли товарами Греция в значительной мере компенсирует за счет денежных поступлений от российских туристов, приезжающих в Грецию. Если в 2008 г. (накануне кризиса) количество туристических поездок из России в Грецию составило 309 тыс., то в 2013 г. оно превысило 1350 тыс.⁹, при этом российские туристы в среднем за поездку тратили 989 евро, то есть общая сумма, оставленная ими в этой стране, достигла 1285 млн евро, или 1770 млн долл. (по курсу на конец 2013 г.). Таким образом, всего за пять лет туристический поток возрос в четыре раза. По количеству въезжавших на территорию Греции туристов Россия заняла третье место, уступив только Германии и Великобритании, что во многом связано с целенаправленной политикой греческих властей по привлечению туристов из РФ. В частности, были открыты новые визовые центры, уменьшены сроки рассмотрения заявлений на получение виз, стали выдаваться визы по прибытию в том случае, если въезд осуществляется на один из греческих островов с территории Турции. Немаловажно и то, что греческие власти последовательно выступают за введение безвизового режима между Россией и ЕС.

Однако в 2014 г. и в торговле, и в сфере туристического обмена вновь возобладали негативные тенденции. Греческие экспортеры продуктов питания подпали под российское продовольственное эмбарго, введенное в ответ на санкции со стороны ЕС. Следствием этого стало сокращение греческого импорта на 18,8% в 2014 г.¹⁰ и еще на 54% в 2015 г.¹¹, что означало фактический откат на уровень середины 2000-х гг. Очевидно, что столь значительный спад нельзя объяснить исключительно продуктовым эмбарго. Свою роль сыграло также снижение покупательной способности россиян, для которых греческие товары, среди которых высок удельный вес продукции премиального сегмента, стали не по карману. Этой же причиной объясняется сокращение потока российских туристов в Грецию: в 2015 г. в эту страну приехали всего 0,5 млн граждан РФ, то есть на 63% меньше, чем двумя годами ранее. В 2016 г. количество туристов из России вновь воз-

росло (по предварительным оценкам, до 900 тыс.¹²), что, однако, было связано с ситуативными факторами — временным закрытием для россиян турецкого и египетского направлений (часть туристов переориентировалась на Грецию), а также с рекламной кампанией, приуроченной к «перекрестному году».

Греция оказалась в числе стран ЕС, в наибольшей степени пострадавших от сворачивания экономических связей с Россией. Учитывая, что привлечение иностранного капитала и выход на новые внешние рынки являются для Греции едва ли не единственной возможностью преодолеть многолетнюю рецессию, вопрос об отношениях с Россией стоит здесь достаточно остро. В целом солидаризируясь с общей позицией ЕС, находившейся у власти до конца 2014 г. правительство А. Самараса тем не менее неоднократно выражало сомнения в целесообразности санкционного давления на Россию, утверждая, что санкции — это «обоюдоострое оружие»¹³. О контрпродуктивности санкций и риске перерастания напряженности в отношениях России и ЕС в новую холодную войну заявлял также действующий премьер-министр Греции А. Ципрас¹⁴.

В последние два года властями обеих стран предпринимаются попытки придать экономическим отношениям новый импульс. Серьезными шагами в этом направлении стали подписание соглашения между «Роснефтью» и Hellenic Petroleum о поставках нефтепродуктов в Грецию, разработка «дорожной карты» сотрудничества в агропромышленном комплексе, предусматривающей рост товарооборота по тем категориям, которые не подпадают под продуктовое эмбарго, проведение российско-греческого бизнес-форума с участием представителей ведущих компаний двух стран¹⁵. Следует, однако, учитывать, что активизация политического диалога и идущие сверху экономические инициативы являются важным, но не главным условием выхода двусторонней торговли (как товарами, так и услугами) на докризисный уровень. Устойчивая динамика торговых связей вряд ли будет возможна без изменения общеевропейского контекста российско-греческих отношений, а также без улучшения макроэкономических показателей в обеих странах.

Проблемы взаимных капиталовложений

Инвестиционное сотрудничество остается наиболее сложным и противоречивым аспектом российско-греческих экономических связей. Являясь третьей по размеру ВВП страной Балканского полуострова по объему привлеченных прямых капиталовложений из России, Греция занимает лишь пятое место, уступая Турции, Болгарии, Сербии и Черногории (см. табл.). По данным на начало 2016 г., накопленные российские прямые инвестиции в Греции составили 610 млн долл., то есть снизились по сравнению с пиковым 2010 г. на 18%. Греческие инвестиции в России, согласно статистике Банка России¹⁶, хотя и имеют тенденцию к росту, насчитывают всего 86 млн долл. Следует, однако, иметь в виду, что крупнейшие инвестиции греческих компаний поступали в Россию через офшоры (в первую очередь через Кипр), поэтому их реальный объем отличается от официальных данных в большую сторону (то же самое относится и к российским ПИИ в Греции).

Таблица

*Накопленные ПИИ из России (участие в капитале)
в отдельных странах Балканского полуострова,
млн долл. США (источник: ЦБ РФ)*

	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Турция	2623	1951	3002	5085	5251	6047	5973
Болгария	1577	1873	2422	2793	2782	3049	3016
Сербия	304	341	882	1116	1166	1053	802
Черногория	1333	890	911	1047	1162	1264	1251
Греция	471	742	491	538	550	644	610

Несмотря на то что объем взаимных капиталовложений невелик, инвестиционное сотрудничество между двумя странами имеет давнюю историю, которая свидетельствует о значительном интересе российских предприятий к ведению бизнеса в Греции, а греческих — в России. При этом интересно отметить, что инициатива в разви-

тии инвестиционных проектов принадлежала греческой стороне. В начале 1990-х гг. многие греческие банки, предприятия пищевой промышленности, строительные и телекоммуникационные фирмы, а также компании, занимающиеся туризмом и гостиничным бизнесом, приступили к освоению новых развивающихся рынков, в том числе российского¹⁷. В 2000-е гг. в Россию пришли греческий строительный холдинг Michaniki и текстильная компания Togas. Также греческими предпринимателями было открыто несколько туристических фирм, специализирующихся на отправке российских туристов в Грецию.

Что касается российского капитала, то его проникновение в греческую экономику началось значительно позже — уже в середине 2000-х гг. Исключением является совместное предприятие «Прометей Газ» (с равным долевым участием «Газпром экспорта» и инвестиционной компании Copelouzos Group), созданное еще в 1991 г. для налаживания поставок российских энергоносителей на греческий рынок и строительства необходимой энергетической инфраструктуры. В 2004 г. на пике российско-греческого сотрудничества в военно-технической сфере было создано СП «Рособоронсервис-Хеллас», российским учредителем которого стал «Рособоронэкспорт». Основным направлением работы этой компании стало послегарантийное обслуживание ранее поставленной в Грецию военной техники российского производства.

Крупнейшей на сегодняшний день инвестиционной сделкой в Греции с участием российского капитала стала покупка в 2006 г. концерном «Ситроникс» (входит в АФК «Система») 51% акций компании Intracom Telecom — одного из ведущих в стране производителей телекоммуникационного оборудования и информационных систем. Стоимость актива составила 120 млн евро, однако помимо этого «Ситроникс» принял на себя обязательства по выплате многомиллионных долгов греческой компании. По мнению экспертов, целью покупки Intracom Telecom стал выход на рынки Восточной Европы, Ближнего Востока и Северной Африки, куда компания поставляла ряд продуктов по широкополосному доступу в Интернет¹⁸, но

вследствие ряда рискованных капиталовложений (например, в Сирии) этот инвестиционный проект оказался малоуспешным. В 2012 г. «Ситроникс» снизил свое участие в уставном капитале греческого предприятия до 48%.

Помимо информационно-коммуникационных технологий российский бизнес проявлял интерес к греческим банковским активам — также с прицелом на дальнейшее завоевание европейских рынков финансовых услуг. Возможность открытия представительств в этой стране рассматривали многие российские банки, однако удалось это сделать только красноярскому банку «Кедр», который с 2007 г. функционирует в Греции в формате филиала.

После начала в 2008 г. мирового финансово-экономического кризиса инвестиционное сотрудничество между двумя странами пошло на спад. Во-первых, как у российских, так и у греческих компаний сократились экономические возможности для осуществления прямых капиталовложений. Известным исключением стал греческий малый бизнес: в связи с кризисом многие небольшие фирмы, занятые в сфере услуг (гостиничный и ресторанный бизнес, частные клиники и т.д.), столкнувшись с резким падением спроса в Греции, рассматривали возможность прихода на российский рынок, однако из-за сложностей ведения малого бизнеса в России, как правило, делали выбор в пользу других стран, например Болгарии и Сербии. Во-вторых, в Греции экономический кризис привел к обострению долговых проблем и вынудил правительство пойти на чрезвычайные меры по сокращению государственных расходов и увеличению налоговой нагрузки, что автоматически вело к сужению внутреннего рынка и падению инвестиционной привлекательности страны. В-третьих, свою негативную роль сыграло настороженное отношение греческого правительства к российскому капиталу, а основная часть российских ПИИ за рубежом приходится на долю ТНК: это крупные сделки, которые зачастую требуют согласования на политическом уровне.

Примечательно, что на рубеже 2000–2010-х гг. греческий бизнес проявлял большую активность на российском направлении, нежели российский — на греческом.

Из проектов с участием греческого капитала можно отметить победу греческого консорциума Helector S.A. — Aktor Concessions S.A. — Aktor S.A. в тендере на возведение завода по мусоропереработке в Санкт-Петербурге на условиях государственно-частного партнерства и участие холдинга Copelouzos Group в реконструкции санкт-петербургского аэропорта Пулково.

Новый импульс к развитию инвестиционного сотрудничества придали политическая стабилизация в Греции после создания в 2012 г. коалиционного правительства во главе с правоцентристской партией «Новая демократия» и объявленная за год до этого программа приватизации ряда крупнейших объектов государственной собственности, в том числе Государственной газовой компании Греции (DEPA), Организации железных дорог Греции (OSE) и никелевой компании Larco. В 2011 г. соответствующие переговоры велись между главой РЖД В. Якуниным и представителями OSE, в числе других возможных инвесторов назывался «Норникель». Но самыми привлекательными, с точки зрения российских ТНК, активами были газораспределительная компания DEPA и дочерний оператор газотранспортной сети DESFA, которые были выставлены на продажу вместе или по отдельности.

Согласно Третьему энергетическому пакету ЕС, поставщик сырья не может управлять газотранспортными активами, поэтому Газпром подал заявку только на газораспределительную компанию, но помимо него в конкурсе признала участие еще одна российская компания — нефтедобывающая группа «Синтез», заявившая о своих претензиях на оба предприятия. Покупка этих активов позволила бы российским энергетическим компаниям не только получить монопольный доступ к конечным потребителям греческого газа, но также избавиться от алжирских и турецких конкурентов за греческий газовый рынок. Однако в июне 2013 г. Газпром, считавшийся фаворитом конкурса, был вынужден отозвать заявку, так как «не получил достаточных гарантий, что финансовое положение компании DEPA не ухудшится к моменту завершения сделки»¹⁹. Фактически греческой стороной

были предложены заведомо неприемлемые условия приватизации, из чего напрашивается вывод, что российские инвестиции в газовую отрасль в Греции по-прежнему воспринимаются как нежелательные.

В греческом истеблишменте долгое время сохранялось настороженное отношение к российскому бизнесу, инвестиции в стратегические отрасли считаются нежелательными и создающими угрозу экономической безопасности страны. Неслучайно все инвестиционные сделки последних лет с участием российского капитала были связаны с его проникновением во второстепенные отрасли греческой экономики. Так, российский предприниматель греческого происхождения И. Саввиди в 2012 г. приобрел контрольный пакет акций салоникского футбольного клуба ПАОК, а в 2013 г. — местную табачную компанию SEKAP; важным направлением инвестирования российских предприятий и физических лиц остается недвижимость, чему способствует целенаправленная политика греческих властей²⁰.

Возможно, ситуацию удастся сдвинуть с мертвой точки благодаря улучшению российско-греческих отношений в 2015–2016 гг. (после прихода к власти администрации А. Ципраса). Прошедшие за эти два года переговоры показали, что у российского бизнеса по-прежнему сохраняется интерес к покупке и последующей модернизации греческих портов, аэропортов, железных дорог и других объектов транспортной инфраструктуры. Греция, занимающая выгодное географическое положение на перекрестке трех частей света, обладает большим транзитным потенциалом, значение которого в свете появления новых трансрегиональных проектов (например, китайской стратегии «Нового шелкового пути») будет лишь возрастать. И все же прорыва в развитии двусторонних инвестиционных связей ожидать не следует вследствие сохранения целого ряда негативных факторов, среди которых — сложности с привлечением российскими компаниями заемного капитала на покупку и модернизацию зарубежных активов, резко отрицательное отношение к присутствию российского бизнеса в важнейших отраслях

греческой экономики со стороны Европейской комиссии, а также сохраняющаяся экономическая и политическая неопределенность в самой Греции. Расширение греческих инвестиций в России также пока не просматривается, так как российский рынок в условиях стагнации становится все менее интересным для иностранных компаний.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее см.: Оленченко В., Квашнин Ю. Текущее состояние и возможные пути улучшения российско-греческих отношений. РСМД, 21.02.2014. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=3169#top (дата обращения: 25.09.2014).

² *Triantaphyllou D. Greece // EU — Russia Watch 2012. Tartu, 2012. P. 60–61.*

³ *Greece Import Partner Share (%). Russian Federation 2011–2015. URL: <http://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/GRC/StartYear/2011/EndYear/2015/TradeFlow/Import/Partner/RUS/Indicator/MPRT-PRTNR-SHR>* (дата обращения: 30.12.2016).

⁴ Экспортеры России. Единый информационный портал. Обзор торговых отношений России и Греции в 2014 г. URL: www.rusexporter.ru/research/country/detail/2401 (дата обращения: 30.12.2016).

⁵ Подробнее см.: Кузнецов А.В. Трансформация структуры внешней торговли Греции в результате экономического кризиса // Современная Греция в мировой экономике и политике. М., 2013. С. 37–40.

⁶ Work begins on Greek leg of Trans-Adriatic gas pipeline. Kathimerini, 17.05.2016. URL: www.ekathimerini.com/208720/article/ekathimerini/business/work-begins-on-greek-leg-of-trans-adriatic-gas-pipeline (дата обращения: 30.12.2016).

⁷ Например, представитель находившейся в то время в оппозиции партии «Новая демократия» С. Кедикоглу прямо заявил, что правительство Г. Папандреу «не хотело, чтобы в этой сфере с Россией продолжалось сотрудничество» (URL: <http://itar-tass.com/opinions/interviews/856>, дата обращения: 30.12.2016).

⁸ Россия и Греция подписали соглашение о военно-техническом сотрудничестве. Взгляд, 03.12.2013. URL: www.vz.ru/news/2013/12/3/662531.html (дата обращения: 30.12.2016).

⁹ Συνδεσμός Ελληνικών Τουριστικών Επιχειρήσεων. URL: <http://sete.gr/GR/TOURISMOS/Statistika/Katigories%20Statistikon/index.php?parentID=40> (дата обращения: 30.12.2016).

¹⁰ Россия — Греция: внешнеторговый оборот в 2014 году составил 4,17 млрд долларов. Greek.ru, 17.04.2015. URL: www.greek.ru/news/business_in_greece/russian_greek_trading_in_2014_reached_4point17_billion (дата обращения: 30.12.2016).

¹¹ Торговые отношения России и Греции в 2015 году. Россия — Греция 2016 (совместный проект МИА «Россия сегодня» и АНА МПА). URL: <http://russia-greece2016.ru/about> (дата обращения: 30.12.2016).

¹² Περισσότεροι από 900.000 Ρώσοι τουρίστες το 2016. News. gr, 12.12.2016. URL: www.news.gr/travel/ta-nea-toy-toyrismoy/article/291979/d1086107310881086-108710861078.html (дата обращения: 30.12.2016).

-
- ¹³ Venizelos Wants EU To Relent on Russia. Greek Reporter, 06.03.2014. URL: <http://greece.greekreporter.com/2014/03/06/venizelos-wants-eu-to-relent-on-russia> (дата обращения: 30.12.2016).
- ¹⁴ Alexis Tsipras in Moscow asks Europe to end sanctions against Russia. The Guardian, 08.04.2015. URL: www.theguardian.com/world/2015/apr/08/alexis-tsipras-in-moscow-asks-europe-to-end-sanctions-against-russia (дата обращения: 30.12.2016).
- ¹⁵ Вопреки санкциям. Россия — Греция 2016 (совместный проект МИА «Россия сегодня» и АНА МПА). URL: <http://russia-greece2016.ru/economics/20161229/1238434.html> (дата обращения: 30.12.2016).
- ¹⁶ Банк России. Статистика внешнего сектора. Прямые инвестиции в Российскую Федерацию. URL: www.cbr.ru/statistics/?PrtId=svs (дата обращения: 31.12.2016).
- ¹⁷ Подробнее см.: ЕС и Россия. От прямых капиталовложений к инвестиционному сотрудничеству. М.: Наука, 2008. С. 317–328.
- ¹⁸ «Система» завоевывает новые рынки. ComNews, 14.02.2006. URL: www.comnews.ru/print?nid=14849 (дата обращения: 31.12.2016).
- ¹⁹ Газпром отказался от конкурса на покупку греческой DEPA. Forbes, 10.06.2013. URL: www.forbes.ru/news/240428-gazprom-otkazalsya-ot-konkursa-na-pokupku-grecheskoi-depa (дата обращения: 31.12.2016).
- ²⁰ Например, в 2013 г. был принят закон № 4146 «Создание благоприятного климата для стратегических и частных инвестиций», согласно которому иностранные граждане, инвестировавшие более 250 тыс. евро, получают вид на жительство сроком на пять лет.

**Ксения Викторовна ВЛАСОВА,
к.и.н., доцент ВятГУ (Киров), ст.н.с. ИЕ РАН**

Греческая Республика перед вызовами современного миграционного кризиса в Европейском союзе

В последние десятилетия страны Южной Европы в силу имеющегося географического положения оказались своего рода «воротами» в Европейский союз, через которые хлынули неконтролируемые потоки нелегальных иммигрантов. Людской поток в Евросоюз резко увеличился после т.н. «арабской весны» и вспыхнувшей позднее гражданской войны в Сирии, когда ситуация стала и вовсе катастрофической, придав проблемам миграции беспрецедентный уровень сложности и масштабов. Именно с 2011 г. вопрос управления нелегальной миграцией на внешних границах Европейского союза встал, как никогда, остро.

Одним из приграничных государств Евросоюза, испытывающих на протяжении последнего времени прочность своей миграционной политики, является Греция. На сегодняшний день стало очевидно, что в стране была предпринята достаточно успешная попытка найти баланс между своими европейскими и международными юридическими и гуманитарными обязательствами, с одной стороны, и желанием самостоятельно управлять собственными сухопутными и морскими границами — с другой.

Необходимо отметить, что по сравнению с другими государствами — членами Европейского союза Греция является для иммигрантов не столь привлекательной страной. И чаще всего Греция служит местом отдыха для своих европейских соседей или перевалочным пунктом

для нелегальных иммигрантов на их дальнейшем пути в Западную и Северную Европу.

Что касается легально зарегистрированных мигрантов, проживающих собственно на территории Греции, то, согласно официальной статистике по переписи населения, в 2001 г. в совокупности население Греции насчитывало порядком 10,9 млн человек, из которых 761,8 тыс. составляли иностранцы; в 2011 г. — 10,8 млн и 911,9 тыс. соответственно. Среди иностранцев 199,1 тыс. человек (или 1,8% от общего числа) имели гражданство стран Евросоюза. Из этих иностранцев, постоянно проживающих в Греции, 8,3% составляли граждане Болгарии (75,9 тыс. человек), 5,1% — Румынии (46,5 тыс.), 1,7% — Великобритании (15,4 тыс.), 1,6% — Кипра (14,4 тыс.) и Польши (14,1 тыс.), 1,2% — Германии (10,8 тыс.). При этом чаще всего мигранты из Европейского союза (и по большей части мужчины) предпочитают жить в различных городах и городских округах, нежели в деревнях и сельской местности.

Однако главной проблемой Греции в миграционной сфере на сегодняшний день является не наличие легально зарегистрированных мигрантов, а тот факт, что это небольшое прибрежное государство с большим количеством островов и островков стало своеобразным перевалочным пунктом нелегальной иммиграции в Европу. Так, уже в 2012 г. около 75 % всех нелегальных мигрантов, задержанных в Шенгенской зоне, прибыло в Европейский союз из Греции, Болгарии и Кипра¹, и из общего числа случаев нелегальной миграции восемь из десяти приходилось на Грецию².

Однако далее ситуация только продолжала ухудшаться: к концу 2015 г. Греция уже заняла первое место среди всех государств — членов ЕС, через которое прибыло наибольшее количество нелегальных мигрантов³. В частности, по данным на начало осени 2016 г., общее количество нелегалов, прибывших в Грецию с января 2015 г. по сентябрь 2016 г., уже составило более 1 млн человек (для сравнения — в Италию прибыло 282 тыс.)⁴.

Тем не менее своим конечным пунктом пребывания многие нелегальные мигранты в итоге выбрали не Гре-

цию, а страны Центральной и Северной Европы (Германию, Австрию, Норвегию, Швецию) или Западной и Юго-Западной Европы (Великобританию, Францию, Испанию). Нелегальные мигранты прибыли в Грецию в основном через греко-албанскую, греко-турецкую, грекомакедонскую, греко-болгарскую границы, а также через острова (Лесбос, Самос, Хиос, Крит, Додеканес и др.)⁵.

Следует отметить, что нелегалы проникают на греческую территорию не только через сушу, но и морским путем, платя контрабандистам бешеные деньги за перевоз в суднах, где содержатся в поистине ужасающих условиях. Нередкими являются случаи, когда лодки от избыточного груза или во время бегства от прибрежного патруля переворачиваются и люди, оказавшиеся в ловушке внутри судна, тонут. Один такой инцидент происходит в среднем за 1–2 дня: в частности, за первое полугодие 2016 г. в Эгейском море уже погибло 386 человек⁶.

По национальному составу проникших в 2011–2016 гг. в Грецию нелегальных мигрантов «пятерку лидеров» заняли сирийцы, афганцы, иракцы, пакистанцы и бангладешцы⁷.

Необходимо заметить, что еще в 2007 г. большинство греков (55 %) считало, что присутствие легальных (!) иностранцев в стране в целом является положительным явлением и что наличие других национальностей в обществе может считаться благоприятным фактором (65 %). 88 % греков также полагали, что присутствие опять-таки легальных мигрантов необходимо в тех сферах деятельности, которые традиционно у них не котируются (строительство, сфера услуг, сельское хозяйство, уборка различных территорий, работы на дому и проч.)⁸.

В настоящее время ситуация кардинальным образом изменилась. Так, по данным опросов общественного мнения, к концу 2015 г. уже 53 % опрошенных греков в возрасте от 25 до 65 лет считают нелегальных иммигрантов угрозой своей национальной безопасности (38 % так не думают). При этом только 27 % от общего числа респондентов считают, что необходимо принять всех или большинство прибывающих в Грецию беженцев (против размещения выступают 44 % опрошенных)⁹.

Как показала статистика, с каждым годом количество нелегальных иммигрантов растет и соответственно увеличивается количество связанных с ними проблем. И в этой связи следует отметить, что в политическом плане в Греции было сделано два положительных вывода. Во-первых, была сформулирована более четкая национальная миграционная политика, а также в значительной мере усовершенствовано местное законодательство. Во-вторых, несмотря на противоречивые практические действия, греческая миграционная политика в большей степени стала соответствовать общим целям и задачам Европейского союза в данной области, поскольку она принималась в русле единой миграционной политики ЕС.

Что касается совершенствования греческого законодательства в миграционной сфере, то следует отметить, что планомерно и последовательно оно стало меняться уже с 1990-х гг. В общей сложности за последние двадцать пять лет для решения миграционных проблем правительством Греции было принято несколько важнейших законодательных инициатив. Среди них важнейшее место занимает закон 4251/2014 «Код миграции, социальная интеграция и другие положения», который на настоящий момент является основополагающим законодательным актом по миграционной проблематике в Греции и который резюмирует предыдущие законы, опираясь на современное состояние дел в миграционной сфере. Закон тщательным образом определяет основные права и обязанности граждан третьих стран, пребывающих на территории Греции, их категории, условия устройства на работу и получение греческого гражданства, систему штрафов в случае нарушения режима пребывания и прочие вопросы.

Греция, помимо совершенствования собственной законодательной базы, будучи членом Европейского союза, присоединилась к общеевропейским программам и инициативам, которые затрагивают миграционную политику. В частности, Греция в качестве страны-председателя еще в 1994 и 2003 гг. проделала большую работу по укреплению I Дублинской конвенции 1990 г. (с 2003 г. — Дублинский регламент ЕС), где указаны критерии и

механизмы, определяющие, какое государство — член Евросоюза должно рассматривать ходатайство об убежище. Однако вследствие участившихся нарушений обновленной II Дублинской конвенции и увеличения проигранного Греческим государством количества заявок Верховному комиссару ООН по делам беженцев¹⁰ Греция наряду с другими членами Евросоюза подписала новую редакцию Дублинской конвенции, которая вступила в силу в июле 2013 г. Данный документ установил более четкие и прозрачные «критерии и механизмы определения государства-члена, ответственного за рассмотрение ходатайства о предоставлении международной защиты, поданного в одном из государств-членов гражданином третьей страны или лица без гражданства»¹¹. Таким образом, III Дублинская конвенция пытается ограничить передвижения беженцев на их пути в Европу, а также воспрепятствовать предъявлению беженцами заявок на предоставление им убежища в стране пребывания.

В качестве двух дополнений к Дублинской конвенции, в которых участвует греческая сторона, также можно назвать программы «Евродак» (EURODAC) и «АИДА». Первая из них является общеевропейской базой данных отпечатков пальцев для идентификации лиц, ищущих убежища, и нелегальных нарушителей границ. Вторая программа — это общеевропейская база данных беженцев. Греция посильно вносит свою лепту в обе программы¹².

В качестве председателя Совета ЕС в первой половине 2014 г. Греция, помимо других вопросов, объявила миграционную политику и улучшение морского законодательства одним из важнейших приоритетов своего председательства¹³. Так, одной из ключевых целей греческого председательства являлось укрепление превентивных мер по отношению к третьим странам — государствам, которые поставляют нелегальных мигрантов, а также облегчение выдачи виз для дружественных стран (несмотря на непопулярность идеи, Греция перманентно предлагает облегчить визовый режим ЕС с Россией). Как известно, в области юстиции и внутренних дел срок действия «Стокгольмской программы 2010–2014» уже постеп-

пенно подходил к концу, поэтому председательствующая Греция в рамках деятельности министерства внутренних дел проводила тщательную работу по определению новых стратегических целей и установлению приоритетов ЕС в области юстиции и внутренних дел на период с 2014 по 2018 г.

Что касается вклада Греции по улучшению законо-дательства в морской сфере, то благодаря греческим усилиям на Брюссельском саммите по итогам председательства была принята новая «Морская концепция безопасности» Европейского союза¹⁴, где акцент был сделан на более качественном управлении морскими границами Евросоюза и повышении общего уровня безопасности установленных морских зон.

Греция также внесла существенный вклад в переговоры между Брюсселем и Анкарой, по итогам которых было подписано соглашение между Европейским союзом и Турецкой Республикой от 18 марта 2016 г. Главный лозунг достигнутых договоренностей звучит как «один за одного»: после 20 марта 2016 г. каждый нелегальный мигрант, пересекший греко-турецкую границу через греческие острова, будет возвращен в Турцию. При этом за каждого возвращенного из Греции в Турцию сирийца Европейский союз будет переселять на свою территорию одного сирийца из турецких лагерей беженцев. Эти перемещения должны происходить в течение двух лет (2015–2017 гг.). Со своей стороны ЕС также обещал выделить Анкаре дополнительные средства в размере € 3 млрд на реализацию достигнутых договоренностей. Кроме того, Брюсселем был спланирован график дополнительного переселения мигрантов из Греции и Италии как наиболее страдающих от наплыва мигрантов европейских стран в другие государства — члены ЕС. Согласно принятому плану, с марта по сентябрь из Греции было переселено 3493 человека¹⁵.

В общей сложности греческим правительством и неофициальными фондами при поддержке национального и общеевропейского бюджетов было построено около 60 различных лагерей беженцев. В настоящее время в них в расположены 59 669 человек¹⁶.

Таковы принятые греческим правительством национальные программы и изменения в законодательстве, а также выдвинутые или поддержанные Грецией инициативы на уровне Европейского союза.

Теперь следует отметить, сколько средств затратило греческое правительство за последние годы на реализацию своей миграционной политики. В период с 2008 по 2013 г. на предоставление убежища и управление миграционной политикой Греция израсходовала, по меньшей мере, € 500 млн¹⁷. Естественно, что для эффективного управления и решения миграционных проблем, помимо имеющихся национальных ресурсов, Греция совместно и весьма плодотворно сотрудничала с Европейской комиссией (рамочная программа SOLID), «Фронтекс» и в рамках подписанного соглашения с Норвегией, Лихтенштейном, Исландией (EEA Grants Framework).

Европейская комиссия с 2008 по 2013 г. включительно выделила Греции около € 200 млн из Фонда внутренних границ, € 130 млн из Фонда по возвращению и € 56 млн из Фонда по делам беженцев¹⁸.

Из фондов «Фронтекс» Греция получила приблизительно € 105 млн. Самым крупным проектом, который до сих пор реализуется и поддерживается «Фронтексом» и другими фондами, является проект «Посейдон» («Посейдон-суша» и «Посейдон-море»)¹⁹.

По соглашению, подписенному в 1994 г. с Норвегией, Лихтенштейном и Исландией при поддержке Европейской комиссии, Греция с 2009 по 2014 г. получила около € 69 млн, из которых € 21 млн был предоставлен для организации убежища в Греции и для содействия добровольному возвращению мигрантов²⁰.

В 2016 г. через различные фонды Еврокомиссия выделит Греции и другим пострадавшим от миграционного кризиса странам € 300 млн, а до 2018 г. — дополнительные € 700 млн²¹.

Греция пересмотрела принятый в 2009 г. «Национальный план действий»²² для того, чтобы можно было обеспечить доступ к международной защите всех нелегальных мигрантов, поступающих на территорию страны. Однако

на практике основной акцент был сделан на сдерживание и задержание нелегальных мигрантов, и большая часть финансирования была потрачена именно на это.

По греческому законодательству незаконный мигрант является уголовным преступником. Въезд, проживание и выезд из страны без необходимых юридических формальностей наказываются, по крайней мере, тремя месяцами лишения свободы и минимальным штрафом в размере € 1500 (Закон 4251/2014). Однако на практике прокуроры чаще всего воздерживаются от возбуждения уголовного дела в отношении нелегальных мигрантов, которые, в свою очередь, становятся субъектами административного судопроизводства и процедуры возврата.

Исходя из этого положения, с 2012 г. внутренние усиления Греции были в основном сосредоточены на двух главных направлениях: во-первых, на обустройстве греко-турецкой сухопутной границы, которая была до недавнего времени важнейшей линией проникновения нелегальных мигрантов на греческую территорию, и, во-вторых, на идентификации (а в идеале — на выдворении) всех незаконно проживающих мигрантов в стране. Эти установки были реализованы операциями «Aspida» и «Xenios Zues».

Идея постройки физического барьера вдоль 206-километровой сухопутной греко-турецкой границы, по аналогии с границей между США и Мексикой, впервые былазвучена еще в январе 2011 г. С одной стороны, Греция и Турция естественно разделены рекой Эврос, а с другой — между ними имеется 10-километровая полоса земли, через которую мигранты спокойно пересекают границу пешком, что делает ее, в свою очередь, наиболее вероятной точкой или линией проникновения в Грецию. Строительство хорошо оборудованного барьера с колючей проволокой провели с октября 2011 г. по декабрь 2012 г. Общая протяженность забора составила 12,5 км, а ориентировочная стоимость проекта — € 5,5 млн²³. Надо сказать, что обустройство почти семиметрового в высоту барьера оказалось довольно-таки эффективным и оправдывающим затраченные на него средства: если в 2012 г. через греко-турецкую границу в Грецию со стороны Тур-

ции проникло почти 35 тыс. человек самых разных национальностей, то в 2013 г. — 1109²⁴, в 2014 г. — 1903²⁵, 2015 г. — 4097²⁶, на июль 2016 г. — 1865²⁷.

За три месяца до завершения строительства пограничной стены на реке Эврос была запущена операция «Aspida» («Щит»), главной целью которой были контроль и сдерживание нелегальных мигрантов, что вылилось в круглосуточное полицейское патрулирование всего 206-километрового участка на греко-турецкой границе. «Щит» был запущен в августе 2012 г. и продлялся несколько раз. За полтора года работы (с самого начала до середины 2013 г.) программой было истрачено приблизительно € 24 млн²⁸. Для покрытия расходов по операции греческое правительство задействовало собственные и общеевропейские фонды: заработка плата сотрудников полиции выделялась из средств национального бюджета, а функциональные расходы (например, на перевоз грузовых автомобилей) были поделены совместно с Европейской комиссией.

Операция «Xenios Zeus» была запущена фактически одновременно с операцией «Щит» для осуществления аналогичного контроля, но теперь уже на территории самой Греции. В июле 2014 г. программа была включена в стандартные процедуры полиции и переименована в операцию «Тесей».

Эта операция состоит как бы из целой серии регулярных проверок, осуществляемых полицией в самых разных районах страны с высокой концентрацией нелегальных мигрантов, включая в том числе и обыск домов и улиц. В результате проверок каждый мигрант, оказавшийся в зоне операционной деятельности, мог быть остановлен и подвержен разного рода проверкам документов (сама процедура проверки могла занять несколько часов и зачастую проходить публично). При этом беженцы и легальные мигранты не были исключением. С августа 2012 г. по февраль 2013 г., когда полиция перестала публиковать статистические данные по данной операции, в общей сложности было проверено 84 792 иностранца, из которых только 4811 находились на территории Греции нелегально, т.е. почти 94% проверенных находились в стране на

законных основаниях²⁹. Неудивительно, что операция «Xenios Zeus» была подвергнута резкой критике не только со стороны греческого населения, но и Европейского совета по делам беженцев и ссыльных³⁰.

Всего же за прошедшие месяцы 2016 г. из Греции было выдворено 3446 албанцев, 1227 марокканцев, 504 афганца, 427 иранца, 185 бангладешцев и нелегальных мигрантов других национальностей³¹.

Нет сомнений в том, что за последние годы Греция предприняла немало весьма успешных и результативных усилий для решения проблем нелегальной иммиграции, которую все чаще стали называть поистине греческим национальным бедствием. Однако, на наш взгляд, самым существенным недостатком в подходе правительства Греции к миграционным проблемам является широта подхода со стороны руководства страны: зачастую принятые меры можно назвать экономически неэффективными, так как, с одной стороны, они создают ненужные расходы, а с другой — в стремлении использовать сразу несколько инструментальных подходов для максимальной отдачи довольно часто игнорируется сложность существующих современных миграционных потоков.

Таким образом, за последние двадцать пять лет Греция проделала большую и кропотливую работу по улучшению национального законодательства в миграционной области, стремясь соответствовать общим целям и задачам Европейского союза в данной сфере, чему в немалой степени способствовали начавшиеся в 2011 г. «арабская весна» и гражданская война в Сирийской Арабской Республике. Тем не менее в греческой миграционной политике до сих пор имеется ряд неразрешенных вопросов и проблем (например, периодически проводимые крупномасштабные полицейские рейды по проверке не только нелегальных, но и легально зарегистрированных мигрантов). Кроме того, продолжает настораживать с каждым днем усиливающаяся тенденция роста расистских и ксенофобских настроений в стране, что находит подтверждение в опросах общественно-го мнения. Однако, на наш взгляд, главной проблемой

миграционной политики Греции продолжает оставаться дефицит эффективных практических мероприятий по интегрированию мигрантов и возведение существенных преград на получение ими гражданства в долгосрочной перспективе, что, по сути, позволяет разрешить сиюминутные проблемы, а не обеспечить целостное видение будущего греческого общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Biannual Report on the Functioning of the Schengen Area, 1 November 2011 — 30 April 2012. P. 3 // URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2012:0230:FIN:EN:PDF>.

² Western Balkans. Annual Risk Analysis 2012. P. 18 // URL: http://frontex.europa.eu/assets/Publications/Risk_Analysis/WB_ARA_2012.pdf.

³ Eighth Report on the Functioning of the Schengen Area, 1 May — 10 December 2015. P. 3 // URL: http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/e-library/documents/policies/borders-and-visas/schengen/docs/eighth_biannual_report_on_the_functioning_of_the_schengen_area_en.pdf.

⁴ URL: <http://migration.iom.int/europe/>.

⁵ Συλληφθέντες μη νόμιμοι αλλοδαποί για παράμονη είσοδο και παραμονή, από Αστυνομικές και Λιμενικές Αρχές, ανά μεθόριο. 7 μηνο 2015 — 7 μηνο 2016 // URL: http://www.astynomia.gr/images/stories//2016/statistics16/allodapwn/7_statistics_all_2016_methorio.png.

⁶ URL: https://missingmigrants.iom.int/sites/default/files/Mediterranean_Update_30_August_2016.pdf.

⁷ Ελληνική αστυνομία. Στατιστικά στοιχεία παράμονης μετανάστευσης 2011–2016 // URL: http://www.astynomia.gr/index.php?option=ozo_content&lang=%27.%27&perform=view&id=55858&Itemid=1240&lang=-.

⁸ Στάσεις και αντιλήψεις της ελληνικής κοινωνίας απέναντι στους μετανάστες. Θεωρητικό πλαίσιο και ανάλυση αποτελεσμάτων της πανελλαδικής ποσοτικής έρευνας VPRC // URL: http://www.iom.gr/inst/iom/gallery/Events/MME%20&%20Stereotupa/Presentation_VPRC.pdf.

⁹ Πολιτικό Βαρόμετρο 151/12-2015. Στάσεις απέναντι στους πρόσφυγες // URL: http://www.publicissue.gr/wp-content/uploads/2015/12/var-151-dec-2015_ref.pdf.

¹⁰ См., например: UN High Commissioner for Refugees (UNHCR), UNHCR Intervention before the European Court of Human Rights in the Case of M.S.S. v. Belgium and Greece, June 2010 // URL: <http://www.refworld.org/cgi-bin/texis/vtx/rwmain?docid=4c19e7512>.

¹¹ Ibid. Article 1.

¹² Annual Report on the 2013 Activities of the Central Unit of Eurodac Pursuant to Article 24(1) of Regulation (EC) No 2725/2000 // URL: http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/what-we-do/policies/borders-and-visas/agency/docs/eulisa_report_eurodac_en.pdf; Annual Report 2013/2014 // URL: <http://www.asylumineurope.org/annual-report-20132014>.

¹³ Ατζέντα 2014 // URL: www.mfa.gr/images/docs/periferiaki_politiki/agenda_2014_gr.pdf.

- ¹⁴ European Union Maritime Security Strategy // URL: <http://register.consilium.europa.eu/doc/srv?l=EN&f=ST%2011205%202014%20INIT>.
- ¹⁵ International Organization for Migration. Compilation of Available Data and Information. Reporting Period 25 August — 6 September 2016. P. 9. // URL: <http://migration.iom.int/docs/WEEKLY%20Flows%20Compilation%20No24%207%20September%202016.pdf>.
- ¹⁶ Ibid. P. 15 — 17, 19.
- ¹⁷ Assessing the Cost-Effectiveness of Irregular Migration Control Policies in Greece. P. 18 // URL: <http://www.eliamep.gr/wp-content/uploads/2014/11/MIDAS-REPORT.pdf>.
- ¹⁸ URL: http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/financing/fundings/mapping-funds/countries/greece/index_en.htm.
- ¹⁹ FRONTEX — Κοινές Ευρωπαϊκές Επιχειρήσεις // URL: <http://www.mfa.gr/exoteriki-politiki/i-ellada-stin-ee/europaios-horos-dikaiosinis-eleutherias-kai-asfaleias.html?page=5>; FRONTEX. Archive of Operations // URL: <http://frontex.europa.eu/operations/archive-of-operations/?year=&type=&host=Greece>.
- ²⁰ Assessing the Cost-Effectiveness of Irregular Migration Control Policies in Greece. P. 24.
- ²¹ URL: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-16-1448_en.htm.
- ²² Greek Action Plan on Asylum and Migration Management, Executive Summary. Progress Report. January — May 2013 // URL: http://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2009_2014/documents/libe/dv/p4_progressreport/_p4_progressreport_en.pdf; Αντιμετώπιση — διαχείριση μετανάστευσης. Αναφέρομενη ανάπτυξη στη χώρα // URL: <http://www.hellenicparliament.gr/UserFiles/67715b2c-ec81-4f0c-ad6a-476a34d732bd/9011762.pdf>.
- ²³ Καθημερινή. 07.02.2012.
- ²⁴ Συλλήψεις μη νόμιμων μεταναστών στα Ελληνοτουρκικά χερσαία και θαλασσιά σύνορα. Σύγκριση 2012–2013 // URL: http://www.astynomia.gr/images/stories//2014/statistics14/2013_ethsio_all_5.JPG.
- ²⁵ Συλλήψεις μη νόμιμων μεταναστών στα Ελληνοτουρκικά χερσαία σύνορα, ανά μήνα, για τα έτη 2013–2014 // URL: http://www.astynomia.gr/images/stories//2014/statistics14/allod2014/statistics_all_2014_et_sunora_sugkrish2013.JPG.
- ²⁶ Συλληφθέντες μη νόμιμοι αλλοδαποί για παράμονη είσοδο και παραμονή, ανά μεθόριο, από Αστυνομικές και Λιμενικές Αρχές για το έτος 2015 // URL: http://www.astynomia.gr/images/stories//2015/statistics15/allodapwn/12_statistics_all_2015_methorio.png.
- ²⁷ Συλληφθέντες μη νόμιμοι αλλοδαποί για παράμονη είσοδο και παραμονή, από Αστυνομικές και Λιμενικές Αρχές, ανά μεθόριο. 7 μηνο 2015 — 7 μηνο 2016 // URL: http://www.astynomia.gr/images/stories//2016/statistics16/allodapwn/7_statistics_all_2016_methorio.png.
- ²⁸ Assessing the Cost-Effectiveness of Irregular Migration Control Policies in Greece. P. 28.
- ²⁹ Το Βήμα. 13.06.2013.
- ³⁰ Σμ., οπαριμερ: ECRE Weekly Bulletin. 7 February 2014 // URL: <http://ecre.org/component/downloads/downloads/849.html>.
- ³¹ Απελαθέντες αλλοδοποί ανά υπηκοότητα 7 μηνο 2016 // URL: http://www.astynomia.gr/images/stories//2016/statistics16/allodapwn/7_statistics_all_2016_apelaseis.png.

Для заметок

Научное издание

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

**1000 лет вместе:
ключевые моменты
истории
России и Греции**

Ответственный редактор
O. B. Соколовская

Компьютерная верстка
P. H. Морозов

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Институт славяноведения РАН
119991, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32-А, корп. «В»
Адрес электронной почты:
inslav@inslav.ru

Подписано в печать 12.03.2018. Формат 60×90^{1/16}.
Гарнитура Century Schoolbook. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Объем 27,5 печ. л.

Заказ № 20.

Тираж 500 экз.